

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 1 (43), 2016

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

ISSN 1857-2685

16001 >

9 771857 268004 >

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

2016, 1 (43)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2016, 1 (43)

Association “Rus” (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РУСИНЫ

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

заместитель главного редактора

кандидат филологических наук Д. Катунин (Россия)

кандидат исторических наук Н. Бабилунга (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина)

доктор исторических наук В. Зиновьев (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

доктор филологических наук З. Резанова (Россия)

доктор исторических наук Н. Руссов (Молдавия)

доктор филологических наук И. Силантьев (Россия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук Н. Тельнов (Молдавия)

доктор исторических наук А. Черкасов (Россия)

доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

R. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республикаанская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

International Historical Journal

RUSIN

Established in 2005

SCIENTIFIC PUBLICATION

Editorial Board:

Editor-in-Chief

PhD in History *Sergey Sulyak* (Moldova)

Deputy Editor-in-Chief

PhD in Philology *Dmitry Katunin* (Russia)

PhD in History *Nikolai Babilunga* (Moldova, Transnistria)

Doctor of History *Mikhail Guboglo* (Russia)

PhD in History *Yurij Danilets* (Ukraine)

Doctor of History *Vasiliy Zinovyev* (Russia)

Doctor of History *Alexander Maiorov* (Russia)

PhD in History *Vsevolod Merkulov* (Russia)

Doctor of Philology *Zoya Rezanova* (Russia)

Doctor of History *Nikolai Russev* (Moldova)

Doctor of Philology *Igor Silantev* (Russia)

PhD in History *Yeaceslav Sodol'* (Moldova, Transnistria)

PhD in History *Nicolai Telnov* (Moldova)

Doctor of History *Aleksandr Cherkasov* (Russia)

Doctor of History *Mykhaylo Chuchko* (Ukraine)

***Roman Shapka* (Canada)**

PhD in History *Petr Shornikov* (Moldova)

Doctor of Linguistics *Mikhajlo Fejsa* (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	7
Паскарь Е.Г., Герцен А.А.	
ТОПОНИМ МОЛДАВИЯ: ДРЕВНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ И НОВЫЕ ЭТИМОЛОГИИ	9
Семенов А.С., Булат В.В.	
ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИНАРО-КАРПАТСКОЙ ГАПЛОГРУППЫ	
12 В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ.....	36
Веселов Ф.Н.	
КАРПАТО-ДНЯЙСКИЕ ЗЕМЛИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ	
В ИСКУССТВЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ	46
Киселев М.В.	
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БАТЬЕВА НАШЕСТВИЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ И ПРИКАРПАТЬЕ	57
Чебаненко С.Б.	
ЮЖНАЯ РУСЬ И ПРИКАРПАТЬЕ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ) В ПЕРИОД	
МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	81
Суляк С.Г.	
РУСИНЫ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ В МОЛДАВСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ	
ДИПЛОМАТИКЕ (ОБЩИЙ ОБЗОР).....	95
Зиновьев В.П., Казаков В.В.	
ЖУРНАЛ «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК» О ПОЛОЖЕНИИ РУСИНОВ ГАЛИЦИИ В КОНЦЕ XIX –	
НАЧАЛЕ XX в.	120
Акимов Ю.Г., Минкова К.В.	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США В КОНЦЕ XIX в.	128
Данилец Ю.В.	
БОГОСЛОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА	
НА ЗАКАРПАТЬЕ (1910–1938 гг.).....	145
Фоминых С.Ф., Степнов А.О.	
НАРОДНОЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У СЛАВЯН В НЕСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ	
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»)	159
Дегтярев С.И.	
ЧИНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-УНИФИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ	
ИМПЕРИИ НА ЗЕМЛЯХ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ, КАВКАЗА, БЕССАРАБИИ (КОНЕЦ XVIII –	
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)	177
Трофимович В.В., Трофимович Л.В., Смирнов А.И.	
ХОЛМСКИЕ СОБЫТИЯ И ИХ ТРАГИЧЕСКИЕ ОТГОЛОСКИ НА ВОЛЫНИ И ГАЛИЧИНЕ	
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	196
Содоль В.А.	
ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПРИДНЕСТРОВСКИХ	
ПРИХОДОВ КИШИНЕВСКО-МОЛДАВСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – 50-е гг. ХХ в....	218
Шорников П.М.	
КАК БЫЛА ПРИНЯТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	229
Бабилунга Н.В.	
ВОЗРОЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РАЗВАЛИНАХ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ	240
Катунин Д.А.	
РУСИНСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
ВОЕВОДИНЫ. СТАТЬЯ 2.....	271
Грек И.Ф.	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. ХИЛЕНДАРСКОГО И М. ЧАКИРА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	285
Кичера В.В.	
ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ	
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКАРПАТЬЕ (ПРИМЕР БЕРЕГОВСКОЙ СИНАГОГИ)	308

CONTENTS

Editor's Page	7
<i>Paskary E.G., Herzen A.A.</i>	
THE TOPOONYM MOLDAVIA: ANCIENT RECOLLECTIONS AND NEW ETYMOLOGIES.....	9
<i>Semenov A.S., Bulat V.V.</i>	
THE POSSIBLE WAYS OF THE SPREAD OF DINARIC-CARPATIAN Y-DNA HAPLOGROUP I2 ACCORDING TO THE NEWEST PALEOGENETHIC DATA.....	36
<i>Veselov F.N.</i>	
CARPATHIAN AND DANUBE LANDS AND SOUTHERN SLAVS' INFLUENCE ON THE ART OF HANDWRITTEN BOOKS IN OLD RUSSIA.....	46
<i>Kiselev M.V.</i>	
THE CONTROVERSIAL ISSUES OF BATU'S INVASION ON THE SOUTHWEST RUS' AND PRYKARPATTYA.....	57
<i>Chebanenko S.B.</i>	
SOUTH RUS AND SUBCARPATHIA (SOUTH-WESTERN RUS) IN THE PERIOD OF MONGOL INVASION: PROBLEMS OF THE NEWEST HISTORIOGRAPHY	81
<i>Sulyak S.G.</i>	
RUSINS OF THE CARPAHTO-DNIESTROVIAN LANDS IN MEDIEVAL MOLDAVIAN DIPLOMACY (A GENERAL REVIEW).....	95
<i>Zinoviev V.P., Kazakov V.V.</i>	
MAGAZINE "SLAVIC CENTURY" ON THE SITUATION OF THE RUTHENIANS OF GALICIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.....	120
<i>Akimov Y.G., Minkova K.V.</i>	
SPECIFICITY OF FORMATION OF RUSYN DIASPORA IN THE UNITED STATES IN THE LATE XIX-th CENTURY	128
<i>Danilets Ju.V.</i>	
THEOLOGICAL EDUCATION ORTHODOX CLERGY IN TRANSCARPATHIA (1910–1938 YEARS).....	145
<i>Fominykh S.F., Stepnov A.O.</i>	
PUBLIC SCHOOL SLAVS IN THE NON-SLAVIC STATES IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (IN THE MAGAZINE "SLAVIC CENTURY").....	159
<i>Degtyarev S.I.</i>	
RANKS (CHINY) AS AN INSTRUMENT OF NATIONAL AND UNIFICATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LEFT-BANK UKRAINE, CAUCASUS AND BESSARABIA (THE END OF XVIII – THE FIRST HALF XIX CENTURIES).....	177
<i>Trofymovych V.V., Trofymovych L.V., Smyrnov A.I.</i>	
KHOLM EVENTS AND THEIR TRAGIC ECHO ON VOLHYNIA AND GALICIA DURING THE WORLD WAR II ...	196
<i>Sodol' V.A.</i>	
THE ETHNIC AND SOCIAL STRUCTURE OF THE TRANSNISTRIAN ORTHODOX CLERGY OF THE PARISHES OF THE KISHINEV-MOLDOVAN EPARCHY IN THE SECOND HALF OF THE 40'S ND 50'S OF THE 20TH CENTURY	218
<i>Shornikov P.M.</i>	
HOW THE STATE SYMBOLISM WAS ADOPTED IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA.....	229
<i>Babilunga N.V.</i>	
THE REBIRTH OF MOLDAVIAN STATEHOOD ON THE RUINS OF A GREAT STATE	240
<i>Katunin D.A.</i>	
THE RUSIN LANGUAGE AND LANGUAGES OF OTHER NATIONAL MINORITIES IN THE LEGISLATION OF VOJVODINA. ARTICLE 2	271
<i>Grek I.F.</i>	
THE ACTIVITY OF PAISIUS OF HILANDAR AND M. CHAKIR: COMMON AND SPECIFIC.....	285
<i>Kichera V.V.</i>	
PROBLEMS OF THE LEGAL EXISTENCE OF THE JEWISH COMMUNITY IN THE CONDITIONS OF SOVIET POWER IN TRANSCARPATHIA (EXAMPLE BY BEREGOVO SYNAGOGUE).....	308

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

В данном номере опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне («Четвертые чтения памяти И.А. Анцупова»), проведенной 23–24 октября 2015 г. в Кишиневе.

Конференция – дань памяти известному молдавскому историку Ивану Антоновичу Анцупову (1920–2004). И.А. Анцупов изучал этническую историю русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев Бессарабии.

Организаторами «Четвертых чтений памяти И.А. Анцупова» выступили Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет и Общественная ассоциация «Русь».

В конференции участвовал 21 исследователь из России, Украины и Молдавии. Было принято решение проводить «Чтения памяти И.А. Анцупова» ежегодно.

Первые «Чтения» – Международная научно-практическая конференция «Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова» – состоялись 23–24 ноября 2006 г. в Кишиневе. На конференции выступили более 40 ученых и руководителей этнокультурных организаций Молдавии, представивших свои исследования по истории, культуре и языку населения Карпато-Днестровских земель.

19–21 декабря 2007 г. прошла Международная конференция «Земля согласия: этнокультурные взаимодействия в Карпато-Днестровском регионе. Вторые чтения памяти И.А. Анцупова». Она была организована в Кишиневе, Тараклии и Бельцах. В первый день были проведены две дискуссии: «Молдаване в истории: прошлое и настоящее», «Русины в истории: прошлое и настоящее».

18–19 октября 2013 г. состоялась Международная конференция «Полиэтническая Молдавия. Третья чтения памяти И.А. Анцупова».

«Чтения памяти И.А. Анцупова» способствуют активизации изучения истории этнических меньшинств региона, а также русинов – коренного населения Карпато-Днестровских земель.

С.Г. Суляк,
главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

This issue contains the materials of the international scientific and practical conference "Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (Fourth Readings in Memory of I.A. Antsupov)", held in Kishinev in October 23–24, 2015.

This conference is a tribute to the famous Moldavian historian Ivan Antonovich Antsupov (1920–2004). I.A. Antsupov was a researcher of ethnic history of Russians, Ukrainians, Gagauzes, Bulgarians, Poles, Gypsies, Czechs and Germans in Bessarabia.

The organizers of the "Fourth Readings in Memory of I.A. Antsupov" were the Russian Centre of Science and Culture in the Republic of Moldova, International Historical Journal "Rusin", National Research Tomsk State University and the Association "Rus".

This conference involved 21 scholars from Russia, Ukraine, and Moldova. It was decided to hold "Readings in Memory of I.A. Antsupov" annually.

First "Readings", the international scientific and practical conference "Ethnocultural Diversity of Moldova. Readings in Memory of I.A. Antsupov" was held in November 23–24, 2006 in Kishinev. More than 40 scholars and leaders of ethnocultural organizations of Moldova participated in the conference, presenting their research on the history, culture and language of the population of the Carpathian-Dniester lands.

In December 19–21, 2007, the international conference "The Land of Harmony: Ethnocultural Cooperation in the Carpathian-Dniester Region. Second Readings in Memory of I.A. Antsupov" was held. It took place in Kishinev, Taraclia and Beltsy. Two discussions were held on the first day: "Moldavians in history: past and present", "Rusins in history: past and present".

In October 18–19, 2013, the international conference "Poly-Ethnic Moldova. Third Readings in Memory of I.A. Antsupov" was held.

"Readings in Memory of I.A. Antsupov" help to enhance the study of the history of ethnic minorities in the region, as well as of Rusins, the indigenous population of the Carpathian-Dniester lands.

*Sergey Sulyak,
Editor-in-Chief*

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/2

ТОПОНИМ МОЛДАВИЯ: ДРЕВНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ И НОВЫЕ ЭТИМОЛОГИИ

Е.Г. Паскарь¹, А.А. Герцен²

¹ Информационное агентство «Sputnik Молдова»

Республика Молдова, 2004, г. Кишинев, бул. Стефана Великого, 202

E-mail: moldavia.history@gmail.com

² Институт географии Российской академии наук

Россия, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., 29

E-mail: andrulea@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена одной из самых важных и интересных научных проблем молдавской истории, географии и лингвистики – топониму *Молдавия*. Рассматриваются история исследования вопроса в XVI–XX вв., современное представление и новые предлагаемые этимологии. Детально изучена география топонимов с основами *Молдав-* / *Молдов-*, широко распространенными в Центральной Европе. Выдвигаются три основные гипотезы и общие подходы к историко-географическим реконструкциям, позволяющие понять пути возникновения и распространения однокоренных географических названий. Констатируются широкая распространенность данной топонимической основы в Центральной Европе – от Альп до Причерноморья и в то же время ее четкая географическая приуроченность к Герцинско-Карпатско-Балканскому ареалу. Детально рассмотрены западный топонимический ареал и история упоминания топонимов, особое внимание удалено наиболее древним упоминаниям. Среди рассматриваемых «саксонской», «богемской» и «готской» гипотез предпочтение отдано последней.

Ключевые слова: Молдавия, Центральная Европа, топонимика, историческая география.

THE TOPOONYM MOLDAVIA: ANCIENT RECOLLECTIONS AND NEW ETYMOLOGIES

E.G. Paskary¹, A.A. Herzen²

¹ "Sputnik Moldova" News Agency

202 Stephen the Great Avenue, Kishinev, 2004, Republic of Moldova

E-mail: moldavia.history@gmail.com

² Russian Academy of Sciences of Institute of Geography

29 Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia

E-mail: andrulea@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to one of the most important and interesting scholarly questions of Moldavian history, geography and linguistics – the toponym Moldavia. The question regarding the research in the 16th–20th centuries. As well as the current presentation and new proposals regarding the etymology of the toponyms, which are widely spread throughout Central Europe, are reviewed. The geography of the toponyms derived from the root Moldav / Moldov is researched in detail. Three basic hypotheses and common approaches with regard to the historic-geographic reconstructions which allow for an understanding of the paths of the appearance and distribution of similar derivations of geographical names are proposed. The widespread distribution of the given toponymical base in Central Europe – from the Alps to the Black Sea region. At the same time its exact geographical coinciding with the Carpatho-Balkan areal is established. The western toponymical areal and history of the recollection of the toponyms are reviewed in detail. Special attention is given to the most ancient recollections. Together with the "Saxon" and "Bohemian" hypotheses, preference is given to the "Gothic"

Keywords: Moldavia, Central Europe, toponymy, historical geography.

Краткая история вопроса

Одной из самых важных и интересных научных проблем молдавской истории, географии и лингвистики на протяжении не менее пяти веков остается вопрос происхождения названия страны и народа – Молдавии и молдаван. Несмотря на исключительную значимость проблемы и длительную заинтересованность исследователей, ученым до сих пор не удалось разгадать эту топонимическую загадку и прийти к единому мнению.

Одним из первых, кто предпринял попытку обобщить сведения о топониме *Молдавия*, является вестфальский историк XVI в. И. Леунклавий. Он предположил, что слово *Молдавия* происходит от *Моридавия*, а также сообщил ряд весьма любопытных сведений:

Moridauia verum est Valachiae maioris, nunc vulgo Moldauiae nomen, nigra Dauorum, siue Daorum, siue Dacorum regio. Nec aliunde postea Carabogdaniae vocem a Turcis accepit. Iouij sententia, dictam Moldauiam a flumine Moldauo adserentis, petitio principij est. Nam unde tandem fluuius ipse nomen hoc tulit? Litterarum vero L&R permutatio, frequens est (Leunclavius 1591: 13).

Моридавия, вернее, *Валахия большая*, сейчас широко известна как *Молдавия*, *черная Давия*, или *Даоя*, или *часть Дакии*. Впоследствии названа турками *Карабогданией*. Иовий сообщает, что имя *Молдавия* происходит от названия реки *Молдауо*. В конечном счете, откуда река сама имела это взяла? Буквы, правда, *L* и *R* взаимозаменяемы, тождественны.

Эта историческая справка для многих европейских ученых оставалась актуальной вплоть до новейшего времени, однако не получила должного распространения в среде собственно молдавских, румынских и российских коллег. Тем временем она содержит весьма важную информацию и для современных исследователей. Во-первых, приводятся совокупность топонимов, представляющих название страны, их историко-географические взаимоотношения, распространение в среде европейской научной общественности: широко известная к концу XVI в. *Молдавия* фигурирует также как *Чёрная Давия (Даоя)*, ранее именовалась *Моридавия*, вернее, *Великая Валахия*, а позднее получила турецкое название *Карабогдания*. Таксономически регион воспринимается как составная часть *Дакии*. Во-вторых, Леунклавий приводит ссылку на другого исследователя – Иовия, для которого очевидно, что страна получила название от реки *Молдауо (Молдава)*, но задается справедливым вопросом о происхождении гидронима, признает филологическую допустимость чередования *л* и *р*. Отметим, что первая часть сообщения имеет большое значение для последующих выводов, а тезис Иовия и Леунклавия о том, что имя страны *Молдавии* происходит от названия реки *Молдава*, был принят большинством средневековых и последующих историков. Он, в принципе, не вызывает сомнений и у современных исследователей. Зато дискуссия по вопросу, сформулированному Леунклавием, в дальнейшем получила большое развитие, породив десятки разнообразных мнений.

Первый молдавский ученый-летописец Г. Уреке, включившийся в дискуссию в 40-х гг. XVII в., пытается по-своему ответить на непростой, но крайне важный для молдавской летописи вопрос Леунклавия:

Ши кэцяоа ку каре ау гонит фяра ачея ау крэпат, пре каре о ау ши кемат-о Молда, ярэ апей де пре нумеле кэцелий Молдий, й-ау зис Молда, сау куму-й зик уний, Молдова. Ажиждиря ши цэрий, дипре нумеле апей й-ау пус нумеле Молдова (Уреке 1647:60).

И собака, с которой гнали зверя того, утонула, которую звали *Молда*, а реку по имени собаки *Молды* назвали *Молда*, или, как говорят иные, *Молдова*. Таким образом, и стране по имени реки дали имя *Молдова*.

Несмотря на значительную популярность в широких кругах вплоть до наших дней, слабая правдоподобность анималистической версии и даже ее фантастичность в научной литературе стали общим местом. Неизвестно, заимствовал ли Уреке эти сведения у другого летописца или придумал сам. Вместе с тем нельзя не признать, что фантазия средневекового автора более чем простительна, если учесть как минимум то, что он мог быть первым, кто все-таки попытался решить сложную ономастическую задачу, а другим ученым на протяжении почти четырех столетий спустя это так и не удалось. Но еще более понятным становится решение Уреке, если учесть объективные факторы, стоявшие перед средневековым ученым, целью которого было создать целостное историческое произведение, посвященное родине и в первую очередь, конечно, ее правителям. Современнику феодального общества, защищавшему, разумеется, интересы класса, к которому принадлежал он сам (Уреке был не просто дворянином, а великим ворником Нижней Молдавии – правителем половины страны), не могло быть невыгодно представить вопрос заселения территорий и основания государства в нужном свете, в особенности если такой подход скрывал неудобные для правящей элиты исторические реалии. С учетом этих факторов и доказанной временем эффективности найденного решения вовсе не будет преувеличением признать находку великого летописца гениальной.

Тем не менее вопрос Леунклавия не оставлял в покое ни зарубежных, ни местных географов, историков, филологов, неудовлетворенных нереалистичными гипотезами и предлагавших собственные различные этимологии. Особое внимание к проблеме привлекли молдавские и румынские ученые в XIX в., в период становления новообразованного румынского государства, требовавшего новых идеологических подходов и переосмыслиния истории.

Знаменитый молдавский писатель К. Негруци в письме 1837 г. разделял представление одного из средневековых авторов, полагая, что

этимологию следует выводить из лат. *Mollis Dacia* или *Mollis-Davia* – названия страны, получившей от римлян «благодаря своей красоте» (Negruzi 1942: 326). Этой же этимологической формы придерживался А.М. Мариенеску, уточняя, что даки именовались *Daos* или *Davus*, т. е. *Davi*, а по причине того, что Дакия «нижняя» была более возделана, у румын сложилось *Mollis-Davia* > *Moldavia* (Marienescu 1872: 49–50). Д. Фрунзеску – автор «Топографического и статистического словаря Румынии» – предлагал модель *Malu-Davi* (где *malu* – слав. корень со значением «возвышенное место», а *davi*, согласно Страбону, – древнее название даков) с дальнейшей трансформацией в *Malu-Davia* и «через искажение» в *Moldavia* – *Moldava* – *Moldova* (Frunzescu 1872: 298).

Б.П. Хашдеу высказал предположение, что название происходит от готского *Mulda*, означавшее пыль, прах: *Moldahva* > *Moldova*, приводя аналогию славянского гидронима *Прахова* < прах, а также оборот Овидия в одном из стихотворений – *amnis pulverulentus – поток пыли*. Другое важное наблюдение Хашдеу в том, что гидронимы *Moldova* не встречаются нигде, кроме территории тевтонцев (Haşdeu 1875: 300). А.Д. Ксенопол и Д. Ончул соглашались с предположениями Хашдеу, выводя этимологию от готских слов *Mulde* (Хенопол 1889: 17), *Molda* либо германского *Molta* (Onciu 1904: 311–312) – в значении прах, так же приводя аналогию с названием реки *Прахова*.

Йордан придерживался мнения, что название *Moldova* – составное из двух слов: *Mold* – сокращенная форма существительного *Molid* (ель) и *Ova* – женский род суффикса -ов. По мнению автора, объяснением тому служит аргумент, что река протекает по лесистым местностям, а форма *Molidova* когда-то образовала прилагательное, которому предшествовало исчезнувшее впоследствии существительное. Падение *i* из *Molidova*, ставшей *Moldova*, произошло без каких-либо сложностей, ведь, хотя *i* ударная в *molid*, она потеряла акцент в деривате *Molidova* (Iordan, 1920: 274–276). А.Филиппиде с симпатией рассматривает линию *Molid* – *Molidova* – *Moldova*, замечая вместе с тем, что происхождение названия остается неясным (Philippide 1927: 724). Этимология Й. Иордана справедливо подвергнута критике Т. Бэлана, отмечающего, что форма *Molidova* не встречается ни в древних молдавских документах, ни в записках путешественников, ни в исследованиях средневековых авторов, и называющего ее изобретенной спекулятивно (Bălan 1973: 78).

Н. Йорга, придерживаясь в целом тезиса о тюркском происхождении названий молдавских рек, уточняет наличие славянской группы к западу от Сирета, в числе которой *Moldova*. Вместе с тем, полагает Йорга, суффиксы -ева и -ова могут содержать в основе память да-

кийских дав (Iorga 1936: 277). По мнению К.К. Джуреску, название *Молдова* «безусловно славянское» (Giurescu 1938: 250). Анализируя изменение версий Н.Йорги, Т.Бэлан полагал, что в случае дакийского происхождения топонима он должен быть составным из радикала *Mol* и суффикса *Dava*, трансформировавшегося впоследствии в *Dova* (Bălan 1973: 79).

Работу буковинского профессора Т.Бэлана «Имя Молдова», вышедшую в сборнике Исторического музея Сучавы в 1973 г., уже после смерти ученого, без сомнения, следует признать основополагающей по данной проблеме хотя бы в силу колossalного объема систематизированного материала. Однако, как отмечает молдавский историк В.Н.Стати, выводы Бэлана неутешительны: «Перед нами по-прежнему загадка. Знаем только, что имя Молдова – производное от Молда. Но последнему невозможно установить происхождение, объяснить значение» (Стати 2014: 7).

Сразу две фундаментальные работы, касающиеся вопросов происхождения названия Молдавия и этногенеза молдавского народа, вышли в свет в последнее время – статья профессора В.С.Гросула и соавтора настоящей статьи – Е.Г.Паскаря «Неизвестная Молдавия». Основательно развивая теорию иллирийского фактора в этногенезе молдаван, В.С. Гросул предлагает этимологию названия *Молдавия* от мессапского (диалект иллирийского) слова *молдахиас* – мягкий, нежный, сладкий, признавая вместе с тем, что «высказано множество предположений, ни одно из которых не является общепризнанным» (Гросул 2014: 11). Мы, безусловно, признаем недостаточное внимание современной науки к роли иллирийского компонента в этногенезе молдавского народа и поддерживаем необходимость ее полноценного анализа, при этом полагаем, что в вопросе этимологии топонима *Молдавия* пока рано ставить точку.

География топонимов

Топонимические исследования непременно основываются на комплексном научно-аналитическом подходе, охватывающем географические, исторические и лингвистические методы. Важнейшим подходом, обеспечивающим такой комплексный охват, служат картографический метод и, конечно, анализ географии изучаемых топонимов. В 2013 г. исследования авторов (Герцен, Паскарь 2013) позволили обнаружить и систематизировать около 80 топонимов с основами *Молдав-* (*Молдов-, Мулдав-, Молдов-, Младав-* и другие формы, лингвистически близкие и генетически родственные, выявляющие их историко-географическую близость). На сегодняшний день, благодаря

добавлению результатов глубокого анализа чрезвычайно обширного и важного источника (*Słownik geograficzny* 1880–1902), в мире обнаружено не менее 110 соответствующих топонимов, существующих ныне либо зафиксированных ранее.

Основная часть из них распространена в Центральной Европе – в треугольнике между Альпами, Балтийским и Чёрным морями.

На рис. 1 представлена специально подготовленная нами карта топонимов с основами *Молдав-*/ *Молдов-*, на которой мы видим весьма широкую распространённость данной топонимической основы и в то же время ее четкую географическую приуроченность к Балтийско-Герцинско-Карпатско-Балканскому ареалу (Герцен 2014: 20).

В Центральной Европе обнаруживается несколько групп местностей, где встречаются топонимы с основами на *Молдав-*/ *Молдов-*. Однокоренные топонимы образуют несколько кластеров, объединенных в четыре крупных региона – западный (охватывающий территории Германии, Чехии, Австрии, Словакии и Венгрии), центральный (Молдавию, юго-запад Украины, северо-восток Румынии) и южный (юг Румынии, восток Сербии, запад Болгарии) топонимические ареалы. Если в 2013–2014 гг. мы писали об отдаленном от общего центрально-европейского ареала названия небольшого поселения на северо-востоке Эстонии, то после того как был проанализирован «Географический словарь Королевства Польского и других славянских стран», мы можем говорить об обширном северном регионе (Польша, западные части Украины, Белоруссии, России и Восточная Эстония).

В общей сложности выявлено десять кластеров: Саксонский, Богемский, Словацко-Венгерский, Польский, Галицко-Волынский, Белорусский, Российско-Эстонский, собственно Молдавский, Валашский и Дунайско-Балканский. Топонимы в этих местностях образуют целые кусты (кластеры) похожих или идентичных названий (*Молдау*, *Молдава*, *Молдова* и т. п.), очевидно, приуроченных к бассейнам одноимённых рек, а также производному от этого имени этнониму (*молдовень*, *молдовенеск* и др.), распространённому в первую очередь в Карпато-Днестровском регионе и в меньшей степени в Трансильвании, Валахии, Южной Украине и России.

Картографический метод позволяет убедиться, что в основе кластеров лежит первичный гидроним – название реки, в бассейне которой образуется куст из других однокоренных топонимов, напрямую связанных с ним географически и исторически, эволюционно вторичных по отношению к нему. Анализ картографических данных не только подтверждает тезис Иовия и Леунклавия, но и доказывает единую модель образования для всех кластеров.

Рис. 1. Распространение топонимов с основами Молдав- / Молдов- в Центральной Европе (Герцен, Паскарь 2015).

Самый западный кластер – Саксонский. В непосредственной близости, к югу от него – Богемский. Значительно восточнее – Словако-Венгерский. Основу каждого из них составили одноименные реки – *Moldau (Moldava)*, *Moldava (Moldau, Vltava)* и *Moldava (Bodva)*.

Центральный регион наиболее крупный, хотя и включает только один собственно Молдавский кластер, образованный на основе бассейна реки *Молдова (Moldava)*, правом притоке Сирета. Связано это с формированием в бассейне устойчивого на протяжении веков политического центра – молдавского государства, распространившегося на окружающие территории Северо-Западного Причерноморья (в первую очередь его центра – Карпато-Днестровья) и вместе с этим распространившего собственное название, продуцировавшее довольно большой ряд вторичных топонимов. Тем не менее наиболее многочисленным по числу зафиксированных названий остается историческое ядро – собственно бассейн *Молдавы*.

Южный регион включает Валашский и Дунайско-Балканский кластеры. Первый объединяет в основном ряд дисперсно рассеянных ойконимов, вероятно, этнонимического генезиса, что связывает их с собственно Молдавским кластером.

Сложнее выявление обстоятельств появления и взаимосвязей в самом южном кластере – Дунайско-Балканском, где имеется несколько чрезвычайно интересных топонимов с основой *Молдов-*, притом, без сомнений, соответствующих историко-географическим закономерностям западного региона с четкой гидронимической привязкой в пределах конкретного бассейна.

Четыре кластера – Польский, Галицко-Волынский, Белорусский и Российско-Эстонский – объединяют крупнейший по площади северный регион, но топонимы в нем связаны с соответствующими гидронимами на его периферии. Центральная часть этого региона имеет линейную географическую структуру и, очевидно, представляет собой наследие миграционного периода топонимического развития ландшафтов и этнических групп.

Главные выводы, которые следуют из анализа карты, следующие: во-первых, все кластеры преимущественно приурочены к горно-долинным ландшафтам Центрально-Европейского региона, а во-вторых, в основе всех прочих топонимов лежит гидроним, прямо или косвенно служащий первоисточником для формирования соответствующего кластера. Подобные выводы еще раз подтверждают, что историко-географические реконструкции невозможны вне ландшафтного подхода (Герцен 2013: 228). Исторические сентенции, нивелирующие географический фактор, так и остаются гипотетичными и в конечном итоге несостоятельными (Герцен 2014: 21).

Другой важный вывод наводит на следующую мысль: популярная среди топонимистов гипотеза о том, что географические названия могут играть роль аутентичных и очень эффективных маркеров маршрутов миграций племен и иллюстрируют сквозь века наследие этих миграций, красноречиво подтверждается. Но вопрос остается – какие конкретно этнические группы должны быть идентифицированы с носителями этих специфических и загадочных топонимов?

Западный топонимический ареал и история топонимов

В 1586 г. в Кракове напечатана книга под названием «Pymander Mercurii Trismegisti Cum Commento Fratris Hannibal Rosseli Calabri, ordinis Minorum Regularis Observantiae, theologiae & Philosophiae, ad S. Bernardum Cracoviae Professoris. Liber V. de Elementis, & descriptione totius orbis». В главе «De regno Bohemiae» на странице 341 в комментариях Ганнибала Россели (Rosseli 1589: 341) приводится исключительно важное свидетельство о провинции *Молдавия* в 1086 г. в контексте правления первого чешского короля Вратислава. Вот что сообщает источник:

<p>Anno Christi 1086 apud Moguntiam in concilio Principum ab Imperatore Henrico, eius nominis quarto, Wratislaus rex declaratur: Moldauia, & Silesia prouincijs regno Bohemiae additis.</p>	<p>В 1086 году в Майнце, на Соборе вете князей императора Генриха IV, король Вратислав был про- возглашен царем, после того как <i>Молдавия</i> и Силезия были присоединены к Богемии.</p>
---	--

Упомянутые персонажи – Генрих IV (1056–1106), император Римской империи, и Вратислав II (1035 – 14 января 1092), король Чехии с 1086 г. Таким образом, в книге, напечатанной в 1586 г., впервые фиксируется название провинции *Молдавия*, присоединенной в 1086 г. чешским королем к Богемии. Это свидетельство о провинции *Молдавия*, присоединенной к Богемии, уникально. Ни в каком другом печатном источнике XV–XVI вв. не встречается. Факт существования провинции с названием *Молдавия* где-то рядом с Богемией тем более интересен, что название *Молдавия* в этом регионе не единственное. В самой Богемии, и это хорошо известно, зафиксированы и другие названия *Молдавия*. Свидетельство Г. Россели о провинции *Молдавия*, скорее всего, относится к какой-то прилегающей к Богемии территории, так же, как и Силезия. В каких точно координатах лежит провинция *Молдавия*, из источника, к сожалению, не ясно.

Ответ на вопрос о месторасположении *Молдавии*, о которой сообщает Г. Россели, вероятно, содержится в информации, которую при-

водит почтмейстер Миланского герцогства О. Кодонго. В своей книге «Nuovo itinerario delle Poste» он перечисляет названия провинций Германской империи (Алемании). Среди них упомянута *Молдавия* – после Лотарингии и перед Саксонией! Вероятно, *Молдавия*, о которой упоминает О. Кадонго, и есть та Молдавия, которую завоевал в 1086 г. будущий первый король Чехии Вратислав II (Codogno 1608: 114).

Доказательством существования провинции Молдавия, о которой упоминает Г. Россели, являются и некоторые карты Богемии, на которых зафиксирован округ Молдавия южнее Праги. Например, на карте «Estats de la Couronne de Boheme ou sont le Royaume de Boheme, le Duché de Silesie, les Marquisats de Moraviae, et Lusace. Subdivisés en leurs Principales Parties» французского картографа Гийома Сансиона, изданной в 1680 г., указан округ Молдавия (Cercle de Muldaw), западной границей которого является река Молдавия (Muldaw fl.). Округ Молдавия (Cercle de Muldaw) в Богемии также отмечен и на карте «Theatre de la Guerre en Baviere. Le Cercle de Franconie. Partie du Royaume de Boheme», изданной в 1744 г. компанией Иоганна Ковенса (рис. 2) и Корнелиса Мортье в Амстердаме.

Существуют и другие карты, где отмечена область Молдавия в Богемии (например, на карте «Bohemia» (1680 г.) Маттеуса Мериана отмечен Muldaw Krays (Merian 1640–1650). На карте «Il Regno di Bohemia» Джакомо Кантелли – Circolo di Muldaw (Cantelli 1691). На карте «Das Königreich Böhmen» Кристофа Вейгеля (Weigel 1701–1734) – Moldauer creis. На карте «Nova Totius Regni Bohemiae Tabula» (1712 г.) Маурициуса Фога (Vogt 1712) – Circulius Moldaviensis и др..

Важнейшими свидетельствами древнего происхождения топонима *Молдавия* в западном ареале являются названия рек на территории современных Чехии и Германии. Исток реки *Молдавия* (*Moldauia*) находится на территории современной Чехии в горном хребте Шумава (Богемский лес). Река пересекает западную часть Чехии с юга на север и впадает в реку Лаба (Эльба) в 20 км к северу от Праги.

Исток другой реки *Молдавский ручей* (*Moldavsky Potok*) также находится в Чехии (в 15 км к северо-западу от города Теплице). Река течет в северо-западном направлении в Германию (Саксонию). Часть территории современной земли Свободное государство Саксония с X в. по 1423 г. находилось в составе маркграфства Мейсен (средневековая Мисния). С 1423 г. маркграфство Мейсен стало частью курфюршества Саксония.

В Богемии и Саксонии издревле известны реки с названием *Мулда* / *Молда*: *Mulda* / *Molda* / *Muldaw* / *Moldauia* – современная Влтава (*Vltava*) в Чехии, *Moldavsky Potok* в Чехии, *Mulda* / *Mulde* – современная Фрайбергер Мулде (*Freiberger Mulde*) в Германии, *Molda* – современная

Мулде (*Mulde*) в Германии. Эти реки воспеты поэтами, зафиксированы в трудах историков, дипломатов, географов и других ученых XV–XVI вв.

Рис. 2. Округ Молдавия в Богемии (Covens 1744).

В современной Чехии река Молдавия ныне носит только одно название Влтава, хотя в немецком до сих пор передается как *Moldau*. Река Молдавия (Влтава) начинается при слиянии двух рек: Тёплой Молдавии (*Warmen Moldau / Tepla Vltava*) в Чешском лесу и Холодной Молдавии (*Kalten Moldau / Studena Vltava*) в Баварском лесу. В свою очередь речка Малая Молдавия / Влтавский ручей (*Kleine Moldau / Vltavský Potok*) и река Травяная Молдавия (*Grasige Moldau / Rasnice*) являются правыми притоками реки Тёплой Молдавии (*Warmen Moldau / Tepla Vltava*). На берегах Молдавии-Влтавы в Чехии стоит знаменитый город Прага.

Молдавский ручей (*Moldavsky Potok*) также берет свое начало в Чехии и течет в Германию, где река уже под именем Фрайбергер Мулде (*Freiberger Mulde*), устремляясь на северо-запад, сливается с рекой Цвиккауэр Мулде (*Zwickauer Mulde*). Опять Мулде, т.е. Молда. Объединяясь, обе реки образуют собственно реку Мулдев в 45 километрах от Лейпцига. Река Цвиккауэр Мулде берет свое начало рядом с городом Хаммербрюкке (Германия) в 10 километрах от границы Чехии. У истоков этой реки расположены город Мулденхаммер, местечко Мулденберг, а также озеро Тальшперре Мулденберг. В это озеро впадает река Роте Мулде. На берегах реки Фрайбергер Мулде расположен город Мулда (*Mulda*).

В атласе «*Thesaurus geographicus*» знаменитого фламандского издателя карт Абрахама Ортелиуса (1527–1598) в одной из карт в Богемии зафиксировано название реки *Multauia* или *Molda* (Паскарь 2014: 190). На карте Яна ван Дотихума река Молдавия в Богемии указана как *Molda*.

В «Хронике» Саксонского альманаха сообщается о событиях 1042 г.: «Король Генрих, желая отомстить за смерть своих славных

[мужей], из пределов Баварии с большим войском вступил на Вознесение св. Марии в Чехию. Пётр, король Венгрии, опять послал [чешскому] князю помочь против короля Генриха. В это самое время маркграф Экхард с архиепископом Майнца и прочими епископами и князьями вторглись туда с саксонским войском с другой стороны; разоряя эту страну пожаром и прочим опустошением, они на Рождество св. Марии разбили лагерь недалеко от города Праги, в нижней части этого города; на одном берегу реки *Moldava* [расположилось] войско короля, на другом – маркграф Экхард с саксами» (Саксон Анналист 2012: 343).

Итальянский историк Марко Гуаццо (1480–1556) сообщает о реке *Moldavia* в Праге: «Per mezo il primo cospetto della porta della citta di Praga hebbe il Re scontati i molti ambasciatori di diuersi... principe, & uniursita, con i Senatori, & consoli della noua & uecchia citta quai tutti riuerentemte tocandoli piedi in un bacino di oro le chiaui gli presantorono, & sino a mezo del ponte l'accompagnarono, qual sopra il flume *Moldauia* per il trauerso con uintiquattro ponte sua Maestra su ricontrata ne i consoli» (Guazzo 1544: 77).

О реке *Moldauia* в Богемии пишет эльзасский энциклопедист и гуманист Конрад Ликостенес (1518–1561): «Carolus IV Imp. & rex Boemie, in sines Bauarie, qua parte Vultauiia, siue *Moldauia* fluuius, qui Praga interfluit, ortum habet, misit libratores, qui locum idoneum per libellam inuenerunt, in quo Danubius cum Vultauiia comissus, omnes ex Italia & Germania aduectas merces Pragam transmittere posset» (Lykosthenes 1571: 2107).

Магистр Ордена проповедников (доминиканцев) Джордано из Саксонии (ок. 1190–1237) сообщает о путешествии святых братьев-проповедников. В одном из эпизодов рассказано о большой реке *Molda* в Саксонии, которую братья переплыли на лодке: «Un altra fiata parimente, passando io col mio Prouinciale, & con doi nostri compagni un assai gran fiume, che ci chiama *Molda*, & all hora era piu gonsio del solito, & essendo giunti al mezo, dou'era maggior la furia dell'acqua la barchetta nostra fu condotta dalla violenza del fiume, malgraldo di chi la gouernaua sotto un ponte dou era un gagliardisstmo corso d'acque...» (Giordano 1585: 154).

Немецкий поэт Петрус Лот (1528–1560) в стихотворении «*Bitterfeldt urbis etymon*» упоминает город Биттерфельд у реки *Molda* (Lotichius 1594: 284).

В стихах Пауль Шеде (1539–1602) пишет:

Moenia qua rapidus *Molda* Cycneos lavit.
...Flavius ubi liquido Cycneos flumine campos
Irrigat, & plenis *Molda* sufurrat aquis.

В стихотворении «Horus Musarum», посвященном императору Максимилиану, есть такие чудесные строчки:

Undas supinet *Muldaua* leniter
Piscosus, alto ducat & alveo
Nymphas, *Napeas*, *Naiades* qu:
Maximilianus enim *venit Rex* (Schede 1586: 64).

Вацлав Гаек из Либочан (?–1553) в «Богемской хронике» сообщает о реке *Muldaw* в 711 г. (Nagecii 1598: 7). В форме *Multauiā* река *Молдавия* в Богемии упоминается, например, у Энея Сильвия Пикколомини (Piccolomini 1532: 6) и Юстуса Ребера (1542–1607) (Reuber 1584: Index).

Пожалуй, самым интересным с исторической точки зрения является упоминание реки *Молдавия* у Яна Длугоша и Яна Дубравия. Дело в том, что река *Молдавия* упоминается польским историком Я. Длугошем в контексте заселения славянскими племенами под руководством братьев Чеха и Леха территории современной Чехии и Польши.

По сообщению Длугоша, братья Чех и Лех со своим народом вышли из Паннонии (из области Срем в современных Хорватии и Сербии). По свидетельству И. Зонары и Ф. Биондо, это переселение произошло в 600 г. (Orbini 1601: 26). Длугош пишет, что Чех пришел в Богемию и здесь, на реке *Молдавия*, основал город Прагу. Следовательно, река уже носила название *Молдавия* до прихода Чеха со своими людьми в Богемию. Тем более что по-чешски река *Молдавия* называется Влтава. В виду особой ценности сведений, приводимых Длугошем, будет уместным привести полностью эту часть его книги:

«Когда паннонские царства благодаря проживанию своих и чужих укрепились и в них были построены некоторые города и многочисленные поселения, сперва искра раздоров и ненависти, а затем грохот открытых войн и набегов, вспыхнув между внуками Иафета из-за границ земель, поселений и городов, не раз в происходивших битвах обагряли эту землю гражданской и братской кровью. Ибо они настолько умножились, что царства, которыми они владели, казались им тесными. И вот два сына Яна, внука Иафета, Лех и Чех, которым достались Сремская Далмация, Славония, Хорватия и Босния, стремясь избежать риска и опасностей нынешних и будущих столкновений, с равным и согласным желанием и намерением решили, оставив родную землю, искать и заселить новые места обитания. И в то время как прочие братья остались в Паннонии, они вместе со всеми поселенцами, челядью и имуществом, какие были в их власти, вышли из Славонии, Сербии, Хорватии, Боснии и из замка Псарый, расположенного на весьма высокой скале, которую омывает река

Гуй, разделяющая Славонию и Хорватию... выйдя, они устремились в соседние и ближайшие земли на запад (ибо знали, что восток был передан другим народам). Они прошли через область, которую омывают Морава, Эгра, Эльба, Молдава; заметив ее плодородную и орошающую водами и пастищами почву, не имеющую, однако, возделанной земли, а только голую пустошь, Чех, младший по рождению, посредством многочисленных просьб добился у Леха, старшего по рождению брата, чтобы она была оставлена ему в вечное и наследственное владение и удел. Ибо, когда они долгое время имели общую стоянку в тех местах, точнее, на горе, которая зовется на их языке Рип, расположенной между Эльбой, Молдавой и Эгрой, плодородие почвы, мягкость климата и многочисленные изгибы гор и долин настолько пленили и увлекли Чеха, одного из князей, а также его людей и челядь, что он, презрев и отказалвшись от прочего, решил довольствоваться для себя и потомства этим местом. Когда же его брат Лех, другой князь, снизошел к его просьбам, он заложил две столицы и основал два города: первый – на берегу реки Молдавы, который назвал на своем языке Прагой, а второй – по течению реки Моравы и назвал его Велеградом; разделив землю на поселения, он построил также множество сел и деревень, и вся земля, получив от него свое имя, и поныне зовется Чехией, хотя латинский язык, который не мог правильно выговорить славянское название, называет ее Богемией, потому что Бога (*Deus*) славяне на своем языке называют Богом. А та часть страны, которую омывает река Морава, от рощ и лесов, имеющих в себе множество зеленых равнин и травянистых дубрав, приобрела себе другое название, а именно Моравия. Богемия, как уверяют, имеет одинаковую длину и ширину, закругляясь наподобие короны; всю ее окружает лес, который древние называли Герцинским и о котором упоминали греческие и латинские авторы; его орошают реки, среди которых наиболее значимыми считаются Эльба, или Лаба (беря начало в горах, которые разделяют Чехию и Моравию, она протекает по центру провинции и образует границу между Польшей, или Европейской Сарматией, и Германией), а также Молдава. Молдава протекает возле столицы Праги, где через нее переброшен каменный мост, имеющий четырнадцать сводов; возле Брюно в нее впадает река Руда» (Dlugossi 1711: 7).

В другой версии истории переселения этих славянских народов в Богемию Ян Дубравий (1486–1553) сообщает, что сначала Чех и его брат Лех со своим народом прибыли в Саксонию, а оттуда переселились в Богемию:

«Отправились они тем путем, что ведет через Валерию, расположенную между Дунаем и Савой, которая в те времена находилась во

власти хорватов, в Верхнюю Паннонию, рядом с моравами. Направившись в Моравию и обнаружив, что она, равно как и большая часть Саксонии, находилась во власти славян, они осели там на некоторое время. Моравы же, узнав о причине их скитаний, научили их, как поступить. Они рассказали им, что недалеко оттуда лежит страна, называемая германцами Богемия, где упомянутые германцы одно время жили, но теперь она ими оставлена и обезлюддела, за исключением небольшого числа вандалов, их соплеменников, которые живут там порознь в своих лачугах. Эта страна, по их словам, могла бы подойти им для жительства. Чех охотно принял это предложение, тем более что находился в таком положении, что выбирать не приходилось. Вновь отправившись в путь, он мирно, никого не обижая, прошел через хребет Герцинских гор и спустился в Богемию. И куда бы он ни шел, убеждался он в справедливости того, что ему было сказано: что Богемия невозделана, пустынна, и хозяйничают в ней скорее стада овец и коров, чем люди, которых по сравнению с изобилием скота было крайне мало. Те люди, что им встречались, были прости, носили длинные волосы и занимались пастушеством. Поначалу, увидев людей Чеха, они испугались, но, узнав, что те одного с ними племени и пришли как друзья, стали их приветствовать, открыв свои объятия, и принесли им подарки, которые у них принято приносить друзьям, а именно молоко, сыр и мясо. Дали они им и проводника, чтобы тот провел их в Нижнюю Богемию. Дойдя до горы, возвышающейся между Эльбой и Влтавой (Молдавией), которую местные жители называют Ржип» (Orbini 1601: 48).

Обратим внимание, что Рудные горы в Саксонии и Богемии, Северо-Восточные Карпаты Трансильвании и Молдавии и далее на юг Карпато-Дунайский регион (Трансильвания и Трансальпина – Малая Валахия) – это единая горная система, связывающая молдо-влашскую топонимию. Огромная дуга от речного бассейна в районе городов Цвиккау – Райхенбах в Саксонии, где расположено несколько рек с названием *Mulda / Mulde* (*Молда*) и *Moldauia* (*Молдавия*) в Богемии вдоль всех Карпат (через Моравию, Силезию, Словакию), до Восточно-Карпатской Молдавии и Трансальпинской Валахии растянулась на более чем 1 000 км.

Ранее мы уже отмечали города *Mulda* (*Mulda*) на реке *Фрайбергер Мулде* (*Freiberger Mulde*) и *Мулденхаммер* (*Muldenhammer*) в Германии (Саксония). Также отметим на берегах реки *Mulde* населенные пункты *Мулденштайн* (*Muldenstein*) и *Мулденштаузее* (*Muldenstausee*).

В современной Чехии (Богемия) есть деревня под названием *Молдава* и местечко *Молдава в Красных горах*. Они расположены на берегах реки *Молдавский ручей*, между городами Теплице и Дрезденом,

рядом с немецким городком Хольцхау (земля Свободное государство Саксония). Населенный пункт *Молдава* (*Moldau*) обозначен на карте Тобиаса Майера (1723–1762) (Mayer 1748). Примечательно, что в Чехии есть несколько городов, в названии которых присутствует корень *Влах*: *Влахово Бржези*, *Влашим*, *Валашске Мезиржиче* (Богемия), *Валашске-Клобуки*, *Валашска Поланка* (Моравия) и т.д. Также известно, что восточная часть Чехии, которая носит историческое имя Моравия, называется *Моравской Валахией*. Кстати, валахи – это традиционные фольклорные персонажи в Чехии и Словакии, пастухи овец, популярные герои мультфильмов (Петуховский 2012).

В Словакии в Кошицком крае на берегах речки Будва лежит древний город *Молдава-над-Будвою* (под этим именем он известен с 1329 г., т. е. до образования Молдавского княжества в 1359 г.). В 1349 г. *Молдава-над-Будвою* стала королевским городом. Сейчас в этом городе проживает около 10 000 чел. Город издревле знаменит своими винными подвалами (*Moldava nad Bodvou*).

Обращает на себя внимание тот факт, что Чехию (в Богемии) и Германию (Саксония и Саксония-Анхальт) связывают гидронимы *Молдавия* (*Moldauia*–*Molda*–*Мулда*); Германию, Чехию и Словакию – ойконимы *Мулда*/*Мулден* (*Mulda* / *Mulden*), *Молдава* / *Молдава* (*Moldau* / *Moldava*); Чехию (в Моравии), Словакию и Польшу (в Силезии) связывают этнонимы *влах*, *влашский* и т.п. Все указанные страны (регионы) граничат между собой, являясь как бы единым ядром, в котором соседствуют вышеперечисленные топонимы.

Проблема Молдовлахии

Другой древнейший след названия страны *Молдавия* в форме *Молдовлахия* зафиксирован в болгарском документе XIII в.

В 1845 г. в Одессе вышла книга болгарского историка, просветителя и видного деятеля болгарского национального возрождения Василия Априлова (1789–1847) «Болгарские грамоты, собранные, переведенные на русский язык и объясненные Василием Априловым». В главе II этой книги приводится текст грамоты болгарского царя Асена. В этом документе указана дата, по которой, казалось бы, легко идентифицировать Асена. Приведем два фрагмента документа, где указаны имя болгарского царя и дата составления документа.

Фрагмент № 1

Благочестивый и христолюбивый царь Асень самодержец трнавски, и всієй въселяней, блгаромъ, и грьком, и преко молдовлахия и оугрьской зем-

Фрагмент № 2

Месяца февруаріи. 2 день. индиктон. 1. в лето. 6700. Іоанн Калиманъ въ Христа Бога верен, царь и самодержецъ

ли, и Будимаа, даже и до Битеа, и Богданому царству власть имущаа Асень (Априлов 1845: 35). въсієй въселенняй (Априлов 1845: 31).

Возможно, царь Асень в этом документе – это болгарский царь Иоанн Калоян (Добрый) из династии Асеней, правивший с 1197 по 1207 г., либо его старший брат Иван Асень I – болгарский царь, правивший с 1186 по 1196 г. В грамоте, найденной Априловым (как утверждает сам Априлов, им снята копия с этой грамоты) в Зографском монастыре на Афоне, указана дата – 6700 г. Таким образом, можно датировать эту грамоту либо 1196 г., если пользоваться болгарской эрой счета времени от «создания мира» (5504 г. до н. э.), либо 1191 г., если использовать в расчетах византийскую эру – 1 сентября 5509 г. до н. э.

Однако, судя по содержанию документа, выясняется, что царем Асенем, скрепившим грамоту своей красной подписью и поставившим на ней золотую печать, является Иоанн Асень II, правивший с 1218 по 1241 г. Об этом может свидетельствовать сам документ, в котором, в частности, сообщается:

«Я же благочестивый царь Асень, Божию помощью самодержец всеболгарский и греческий, повелеваю, чтобы монастырь святого Великомученика Христова Георгия на Афонской горе, Зограф имеющийся, соорудил башню, которую и назвать именем сына моего Михаила Михаиловскою башней, в чем сие мое царское приказание дано» (Априлов 1845: 34).

Дело в том, что одного из сыновей Иоанна Асения II звали Михаилом. Этот Михаил царствовал в Болгарии после смерти своего брата, поэтому автором вышеупоминаемого нами документа, вероятно, является Иоанн Асень II. К тому же ни у отца, ни у деда Иоанна Асения II сыновей с именем Михаил не было.

Грамота болгарского царя Асения (Иоанна Асения II), вероятно, древнейшее известное сегодня письменное свидетельство о Молдавии-стране. Таким образом, название Молдавия (в форме Молдовлахия) было известно в Болгарском царстве между 1186 и 1241 гг. Известие о соседней с Болгарией Молдовлахии говорит о том, что, во-первых, название Молдавия (вероятно, в Карпато-Днестровье) было известно уже в XII в., во-вторых, о том, что влахи жили и по соседству с Молдавией, и в самой Молдавии. О названии Молдавия Иоанн Асень II должен был хорошо знать, так как находился в вынужденной эмиграции в Галицкой Руси, где он пребывал около 10 лет. Вероятно, маршрут болгарского царя в Русь проходил по дорогам Молдавии. К сожалению, из документа болгарского царя не совсем ясна географическая локализация Молдовлахии. Можно лишь предполагать, что под землями

Молдавии подразумевались территории в верховьях Сирета, Прута и, возможно, Днестра. Широкой общественности о существовании Молдовлахии стало известно довольно поздно, благодаря исследованиям архивов Афонского монастыря господином Априловым. Эти сведения не отражены в печатных источниках XV–XVI вв.

Гипотезы и историко-географические реконструкции

Как мы выяснили, Германия (Саксония и Саксония-Анхальт) и Чехия (Богемия) изобилуют гидронимами *Mulda* – *Mulde* – *Molda* – *Muldaw* – *Moldauia*. Отметим, что в XV–XVI вв. реку в Богемии в латинской версии называли *Молдавия* (*Moldauia* или *Multauiia*), по-старогермански *Мулда* (*Mulda*), а также *Молда* (*Molda*), *Мулдай* (*Muldaw*), по-богемски (т. е. по-чешски) – Влтава (*Vltava*).

В современном немецком языке у слова *Mulde* (другая форма этого слова – *Mulda* – сохранилась в готском словаре) несколько значений, среди которых: лощина, впадина, углубление. Сuffix -ava-, безусловно, река (от готского -ava <-ahva – вода, река). Также обратим внимание, что старое немецкое слово *ai*, или *aie* определяет местность, окруженную водой, обильно орошающую реками. В немецком языке слово *aie* (в староверхненемецком произносится как *oiw[i]* а в средневерхненемецком – как *oiwe*) переводится как пойма, луг, долина. Объединив слова *mulde* (в значении лощина) и *aie*, получим *Mulda*, в переводе с немецкого – Молдавия, что означает край (земля) речных (пойменных) долин (лощин) (Паскарь 2014: 201).

В готском словаре Герхарда Кёблера сохранились слова *mulda* и *muldeins* (Köbler 2013). Согласно Кёблеру, готское слово *Mulda* имеет несколько схожих между собой значений. Одно из значений слова *Mulda* – «земля» (сравните древнегерманское *muldan* – земля, страна). Австрийский историк Хервиг Вольфрам пишет: «То, что фракийские готовы называли свою утраченную родину *Gutpiuda* («страна народа готов»), засвидетельствовано в начале V в. по более древнему источнику. Сходным понятием, вероятно, был и Ойум (*Oium*), «в (плодородных) долинах» (*Auen*), как восточные готовы называли свою страну» (Вольфрам 2003: 40). Здесь отметим предположение Х. Вольфрама о схожести названия страны *Ойум* со словом *Auen* («в (плодородных) долинах»). Обратим внимание, что в некоторых книгоиздательских источниках XV–XVI вв. слово *Ойум* (*Oium*) пишется в форме *Ouim* (на латинском языке) (Iornandes 1515). Такая форма написания очень близка старогерманскому слову *Aue*. Объединяя слова *mulda*

и *oium/ouim-aue*, получаем слово *muldaue*, что означает земля (край) плодородных долин, т. е. близко по смыслу, а в принципе равнозначно слову *Muldau* – край речных (пойменных) долин (лощин).

Укажем еще на один любопытный факт, который дополнительно подтверждает германский след в названии Молдавия. Изучая названия городов в европейских изданиях XV–XVII вв., мы обратили внимание на форму написания названий городов Сучава и Цвиккау в Германии. У Melchior Adam в книге «*Vitae Germanorum philosophorum*» название города Цвиккау – *Zuiccaua* (Adam 1615: 15.). У Андреаса Либавия в «*Singularia*» такая же форма написания названия города Цвиккау – *Zuiccaua* (Libavius 1601: 1028) и т. д. Но *Zuiccaua* – это также одна из форм написания города Сучава в средневековом Молдавском княжестве. Например, у А. Бухгольцера название города Сучава написано в форме *Zuicaviae* (Buchholzer 1612: 420).

Сравните фактическую идентичность *Zuicaviae* (Сучава) и *Zuiccaua* (Цвиккау). Поразителен и другой факт. Город Цвиккау расположен на берегах реки Молдавия. А город Сучава находится рядом с рекой Молдава и средневековым молдавским городом Молдодания. Кстати, в той же богемской Молдавии река *Sazava* или, как на картах И. Кригингера (Criginger 1568), Д. Кустоса (рис. 3), *Satzawa*, а у И. Рейффенстуэлла (Reiffenstuell 1701) и И.-А. Пфеффеля (Pfeffel 1739) – *Saczowa* (т. е. *Сазава/Сачава/Сачова/Сучава*), впадает в Молдавию (на картах XVI–XVIII вв. приводятся разные формы названия реки: *Multauia*, *Moldauia*, *Molda*, *Mulda*, *Mulda* и т. д.) (см. рис. 1).

Рис. 3. Река Satzawa на карте Д. Кустоса.

Обращает внимание связь в разных регионах пары топонимов Молдава–Сочава / Сучава, что, вероятно, не случайно и требует дальнейшего пристального изучения. Не уместно ли тут говорить о выявлении определенной ландшафтно-топонимической модели? Вероятность ее функционирования, видимо, находит свое подтверждение в закономерном отражении устойчивой картины исходной местности (прародины?) в процессе социально-ландшафтной адаптации мигрирующих сообществ.

Выяснив значение слова Молдавия, состоящее из двух старогерманских слов *mulda* и *au/aue*, объясним появление этого топонима в Карпато-Днестровье. На наш взгляд, существуют три гипотезы, которые проливают свет на обстоятельства появления топонима Молдавия в Карпато-Днестровье. Первая – «готская», вторая – «саксонская», третья – «богемская».

Рассмотрим «готскую» гипотезу. Слово Молдавия было дано Карпато-Днестровскому региону (или его значительной части) готами. Открытым остается вопрос: когда это произошло? Напрашиваются две версии. Согласно первой, готы зафиксировали названия Молдавий в Карпато-Днестровье и Центральной Европе еще до заселения Скандинавии, когда они только пришли в Центральную Европу с востока из страны своих божественных предков Великой Холодной Свитьод под руководством Одина. По второй версии, готы оставили названия Молдавий в Европе, когда переселились из Готии в Готисканзу (прибрежные территории от устья Вислы до Эльбы), а оттуда в Ойум. Молдавия (в бассейнах Сирета и Молдавы) была частью задунайской левобережной Дакии и страны Ойум (от Тисы до Днепра или до Дона), которую заселили готы и другие союзные им племена после исхода из мест прежнего проживания (Готисканзы). Столица готов, вероятно, находилась на территории современной Молдавии – в Старом Орхее. В древнем скандинавском эпосе Архейм был столицей готов. К готским топонимам на территории Молдавии относятся собственно название Молдавия, а также (предположительно) Орхей или, как на некоторых картах XVI–XVII вв., – Орге – *Orhe* на берегу Днестра (Архейм или Археймар), Яссы (мифологический Ассгард), Хотин (Готин / Отин / Один) и др. Также отметим, что в современной Норвегии – части древней Готии – сохранилось название города Молде. На сайте города сообщается: «Название города, нередко называемого городом роз и джаза, происходит, скорее всего, от одного из расположенных к северу подворий Молдар, что значит либо "плодородные почвы", либо "череп", что указывает на закругленные холмы окрестностей города. Самые жители называют свой город "Молле", в то время как установившимся стандартным вариантом является "Молде"».

Как видим, следы топонима *молде / молда / мулде* и т. п.rossыпью тянутся от современной Норвегии через Германию, Чехию, Польшу, Словакию до Молдавии и Румынии. Очевидно, что эти следы явно указывают на «готский путь» по Европе (Шатохина 2014).

Теперь рассмотрим «саксонскую» и «богемскую» версии появления топонима *Молдавия* в Карпато-Днестровье. Во времена завоевательных походов Карла Великого произошло первое известное переселение племен из Германии в Трансильванию, о котором упоминают историки эпохи Возрождения. Например, Эней Сильвий Пикколомини (1405–1464) сообщал, что одними из первых поселенцев в Трансильвании были тевтоны (т. е. немцы) из Саксонии (Piccolomini 1509: 90). По свидетельству Иоганна Богемского (1485–1533/1535), саксонцев в Трансильванию переселил Карл Великий (Boehme 1520: 46). От этих саксонцев могли получить свое название сначала река *Молда*, а потом и страна *Молдавия*.

Можно также предположить, что после завоевания королем Вратиславом провинций *Молдавии* и Силезии в 1086 г. проживавший в завоеванной Вратиславом богемской *Молдавии* этнос (или его часть) был вынужден оставить свою родину. Переbrавшись в предгорья Восточных Карпат (в бассейн Сирета и соседних рек) и осев на новых землях, переселенцы из богемской *Молдавии* назвали новую родину прежним именем – *Молдавией* (Паскарь 2014: 202–203).

Конечно, представленные историко-географические реконструкции и гипотезы появления топонима *Молдавия* в Карпато-Днестровье требуют тщательной проверки. В любом случае не вызывает никаких сомнений, что топонимы *Mulda, Moldae, Moldau, Moldaw, Molda, Moldauia* и т. д. в Карпато-Днестровье появились задолго до основания средневекового Молдавского княжества и содержат в себе древнегерманские корни. От названия речных долин получили впоследствии свое имя страна *Молдавия* и народ, мигрировавший в эти земли, – *молдавы*, или *молдаване*.

Не исключено, правда, что в основе изучаемых топонимов лежат еще более древние – общие индоевропейские корни.

ЛИТЕРАТУРА

Априлов 1845 - Априлов В. Болгарские грамоты, собранные, переведенные на русский язык и объясненные Василием Априловым. Одесса, 1845. С. 31, 34–35.

Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. М.: Ювента, 2003. 194 с.

Герцен 2013 - Герцен А.А. Историко-географические ландшафты Северо-Западного Причерноморья // Вопросы географии / Моск. отделение Рус-

ского геогр. общ.-ва. М., 1946. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М., 2013.

Герцен 2014 - Герцен А.А. И снова открытие Молдавии // Паскарь Е.Г. Неизвестная Молдавия. Одесса, 2014.

Герцен, Паскарь 2013 - Герцен А.А., Паскарь Е.Г. Распространение топонимов с основами *Молдав-* / *Молдов-* в Центральной Европе (карта, 2013) // Паскарь Е.Г. Неизвестная Молдавия. Одесса, 2014.

Гросул 2014 - Гросул В.Я. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, 2014. 194 с.

Саксон Анналист 2012 - Саксон Анналист. Хроника / Пер. с лат. и ком. И.В. Дьяконова, пред. И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2012. 712 с.

Паскарь 2014 - Паскарь Е.Г. Неизвестная Молдавия. Одесса, 2014.

Петуховский 2012 - Петуховский К. Рожнов под Радгоштем, Чехия. URL: <http://www.kirpet.ru/2012/04/rozhnov-pod-radgoshtem-chexiya> (дата обращения: 23.05.2015).

Стати 2014 - Стати В.Н. Открытие Молдавии // Паскарь Е.Г. Неизвестная Молдавия. Одесса, 2014.

Уреке 1647 - Уреке Г. Летописецул Цэрий Молдовей. Яшь, 1647.

Шатохина 2014 - Шатохина Е. Тайная история Молдавии. Не даки мы, не римляне, а кто же? // Аргументы и факты в Молдове. 2014. № 32. URL: <http://aif.md/tajnaya-istoriya-moldavii-ne-daki-my-ne-rimlyane-a-kto-zhe> (дата обращения: 25.05.2015).

Adam 1615 - Adam M. Vitae Germanorum philosophorum. 1615. 155 p.

Bălan 1973 - Bălan T. Numele Moldova – O istoriografie a problemei // Muzeul Suceava – Studii și materiale, Istorie. Suceava, 1973. Vol. III.

Boehme 1520 - Boehme J. Omnia Gentium Mores, Leges et Ritus. Augsburg, 1520. 46 p.

Buchholzer 1612 - Buchholzer A. Index chronologicus. Francofurt, 1612. 420 p.

Cantelli 1691 - Cantelli G. Il Regno di Bohemia. Roma, 1691.

Codogno 1608 - Codogno O. Nuovo itinerario delle Poste. Milan, 1608. 114 c.

Covens 1744 - Covens J. Theatre de la Guerre en Baviere. Le Cercle de Franconie. Partie du Royaume de Boheme. Amsterdam, 1744.

Criginger 1568 - Criginger J. Regni Bohemiae descriptio. Pragae, 1568.

Custos 1601–1650 - Custos D. Bohemia Mitt Angretzen Ländter. 1601–1650.

Frunzescu 1872 - Frunzescu D. Dicționarul topografic și statistic alu României. București, 1872.

Giordano 1585 - Giordano di Sassonia. Del viver de i frati: lib. IV. Roma, 1585. 154 p.

Giurescu 1938 - Giurescu C.C. Istoria românilor. București, 1938. Vol. I, ed. III.

Guazzo 1544 - Guazzo M. Historie di tutte le cose degni di memoria del mondo par terra. Venetia, 1544.

Hagecii 1598 - Hagecii V. Bohmische Chronica. Prag, 1598. 7 p.

Hașdeu 1875 - Hașdeu B.P. Istoria critică a românilor. București, 1875. Vol. I.

Iordan 1920 - Iordan I. Numele Moldovei // Viața Românească. Iași, 1920. An. XII, apr., nr. 2.

- Iorga 1936 - *Iorga N. Istoria românilor*. Bucureşti, 1936. Vol. II.
- Iornandes 1515 - *Iornandes. De rebus Gothorum*. 1515.
- Köbler 2013 - *Köbler G. Gotisches Wörterbuch*. 2013.
- Leunclavius 1591 - *Leunclavius J. Historiae Musulmanae Turcorum*. Francofurti, 1591. 19 p.
- Libavius 1601 - *Libavius A. Singularia*. Francofurti, 1601. 156 p.
- Lotichius 1594 - *Lotichius P. Petri Lotichii Secundi Opera omnia*. Lipsae, 1594. 284 p.
- Lykosthenes 1571 - *Lykosthenes K. Theatri humanae vitae*. Basel, 1571. 2107 p.
- Marienescu 1872 - *Marienescu At.M. Dania, Dacia // Familia (I. Vulcan)*. An. VIII. Pesta, 1872. Nr. 5.
- Mayer 1748 - *Mayer T. Regni Bohemiae, Dvc Silesiae, Marchionatvum Moraviae et Lusatiae Tabula generalis ex mensurationibus geodeticis Mulleri, Wielandii aliorumque ad normam observationum astronomicarum adaptis deprompta et designata/Carte des Etats de Boheme, avec le Souverain Dvce de Silesie*. Norimberga, 1748.
- Merian 1640–1650 - *Merian M. Bohemia*. Frankfurt am Main, 1640–1650.
- Moldava nad Bodvou - Moldava nad Bodvou. URL: <http://www.moldava.sk?id=349&lng=en> (дата обращения: 26.05.2015).
- Negruzzi 1942 - *Negruzzi C. Păcatele tineretilor*, ed. II (V. Ghiaioiu). Craiova, Scrisul românesc, 1942.
- Onciul 1904 - *Onciul D. Moldova // Diaconovich C. Enciclopedia română* Sibiu, 1898–1904. Vol. III.
- Orbini 1601 - *Orbini M. Regno de gli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni historia di don mavro orbini ravseo abbate militense*. Pesaro, 1601. P. 26, 48.
- Pfeffel 1739 - *Pfeffel J.-A. Regni Bohemiae Tabula*. Brugge, 1739.
- Philippide 1927 - *Philippide Al. Originea romanilor // Viaţa Românească*. Iaşi, 1927. Vol. II.
- Piccolomini 1509 - *Piccolomini E.S. Cosmographia*. 1509. 90 p.
- Piccolomini 1532 - *Piccolomini E.S. Historia Bohemica*. Coloniae, 1532. 6 p.
- Reiffenstuell 1701 - *Reiffenstuell I. Regni Bohemiae Tabula*. Wien, 1701.
- Reuber 1584 - *Reuber J. Veterum scriptorum, qui caesarum et imperatorum germanicorum*. Francoforti, 1584.
- Rosseli 1589 - *Rosseli H. Pymander Mercurii Trismegisti Cum Commento Fratris Hannibalis Rosseli Calabri, ordinis Minorum Regularis Observantiae, theologiae & Philosophiae, ad S. Bernardum. Cracoviae. Professoris. Liber V. de Elementis, & descriptione totius orbis*. Cracoviae, 1589. 341 p.
- Schede 1586 - *Schede P. Melissi Schediasmata poetica*. Lutetiae Parisorum, 1586. T. 2. 64 p.
- Słownik geograficzny 1880–1902 - *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa. 1880–1902.
- Vogt 1712 - *Vogt M. Nova Totius Regni Bohemiae*. Norimbergae, 1712.
- Weigel 1701–1734 - *Weigel Ch. Das Königreich Böhmen mit seinen abgetheilten Creissen*. Nürnberg, 1701–1734.

Xenopol 1889 - Xenopol A.D. Istoria românilor din Dacia Traiana. Iassi, 1888–1893. Vol. II.

REFERENCES

- Aprilov, V. (1845) *Bolgarskie gramoty, sobrannye, perevedennye na russkiy yazyk i ob"yasnennye Vasiliem Aprilovym* [Bulgarian letters, collected, translated into Russian and explained by Vasili Aprilov]. Odessa. pp. 31, 34–35.
- Wolfram, H. (2003) *Goty* [Goths]. Translated from German by B. Milovidov, M. Shchukin. Moscow: Yuventa.
- Herzen, A.A. (1946) *Istoriko-geograficheskie landshafty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Historical and geographical landscapes of Northwest Preachernomorya]. *Voprosy geografi. 136.*
- Herzen, A.A. (2014) I snova otkrytie Moldavii [Another discovery of Moldova]. In: Paskary, E.G. *Neizvestnaya Moldaviya* [The Unknown Moldova]. Odessa: BMB.
- Herzen, A.A. & Paskary, E.G. (2014) Rasprostranenie toponimov s osnovami Moldav-/ Moldov- v Tsentral'noy Evrope [The names with the stem Moldav-/ Moldov- in Central Europe]. In: Paskary, E.G. *Neizvestnaya Moldaviya* [The Unknown Moldova]. Odessa: BMB.
- Grosul, V.Ya. (2014) *Moldavskoe dvizhenie do i posle obrazovaniya Rumynii (1821–1866 gg.)* [Moldovan movement before and after the formation of Romania (1821–1866)]. Chisinau: [s.n.]
- Saxon Annales. (2012) *Khronika* [Chronicle]. Translated from Latin by I.V. D'yakonov. Moscow: Russkaya panorama.
- Paskary, E.G. (2014) *Neizvestnaya Moldaviya* [The Unknown Moldova]. Odessa: BMB.
- Petukhovskiy, K. (2012) *Rozhnov pod Radgoshtem, Chekhiya* [Rožnov pod Radhoštěm, Czech Republic]. [Online] Available from: <http://www.kirpet.ru/2012/04/rozhnov-pod-radgoshtem-chexiya> (Accessed: 23rd May 2015).
- Stati, V.N. (2014) Otkrytie Moldavii [The Discovery of Moldova]. In: Paskar, E.G. *Neizvestnaya Moldaviya* [The Unknown Moldova]. Odessa: BMB.
- Ureche, G. (1647) *Letopisetsul Tseriy Moldovey* [The Chronicles of the land of Moldavia]. Yash'.
- Shatokhina, E. (2014) Taynaya istoriya Moldavii. Ne daki my, ne rimlyane, a kto zhe? [The Secret History of Moldova. We are not Dacians, neither are we Romans, and who are we?]. *Argumenty i fakty v Moldove. 32.* [Online] Available from: <http://aif.md/tajnaya-istoriya-moldavii-ne-daki-my-ne-rimlyane-a-kto-zhe> (Accessed: 25th May 2015).
- Adam, M. (1615) *Vitae Germanorum philosophorum. Rosa.*
- Bălan, T. (1973) Numele Moldova – O istoriografie a problemei [The name of Moldova – Historiography of the Problem]. *Muzeul Suceava – Studii si materiale, Istorie. Suceava. III.*
- Boehme, J. (1520) *Omnium Gentium Mores, Leges et Ritus.* Augsburg: Sigism. Grimm.
- Buchholzer, A. (1612) *Index chronologicus.* Francofurt: Excudebat N. Hoffmannus.

- Cantelli, G. (1691) *Il Regno di Bohemia*. Roma.
- Codogno, O. (1608) *Nuovo itinerario delle Poste*. Milan: Ottavio Codogno.
- Covens,J. (1744) *Theatre de la Guerre en Baviere. Le Cercle de Franconie. Partie du Royaume de Boheme*. Amsterdam.
- Criginger, J. (1568) *Regni Bohemiae descriptio*. Pragae.
- Custos, D. (1601–1650) *Bohemia Mitt Angretzten Ländter* [Bohemia or the Kingdom of Bohemia with adjoining lands].
- Frunzescu,D.(1872) *Dicționarul topograficu și statistic alu României*. Bucharest.
- Giordano di Sassonia. (1585) *Del viver de i frati*: lib. IV. Roma.
- Giurescu, C.C. (1938) *Istoria românilor* [The Romanian History]. 3rd ed. Vol. 3. Bucharest, 1938. Vol. I, ed. III.
- Guazzo, M. (1544) *Historie di tutte le cose degni di memoria del mondo par terra* [History of all things worthy of memory of the world par earth]. Venice: Al segno della croce.
- Hagecii, V. (1598) *Bohmische Chronica* [The Bohemian Chronicle]. Prague.
- Hașdeu, B.P. (1875) *Istoria critică a românilor* [Critical History of Romanians]. Vol. 1. Bucharest: Curtii Pasagiul Român.
- Iordan,I.(1920) Numele Moldovei [The name of Moldova]. *Viața Românească*. XII(2).
- Iorga, N. (1936) *Istoria românilor* [The Romanian History]. Vol. 2. Bucharest.
- Iornandes. (1515) *De rebus Gothorum*.
- Köbler, G. (2013) *Gotisches Wörterbuch* [The Gothic Dictionary].
- Leunclavius, J. (1591) *Historiae Musulmanae Turcorum* [History of Muslim Turks]. Francofurti; Heredes Andreeae Wecheli.
- Libavius, A. (1601) *Singularia* [Particulars]. Francofurti.
- Lotichius, P. (1594) *Petri Lotichii Secundi Opera omnia*. Lipsae: Voegelinus.
- Lykosthenes, K. (1571) *Theatri humanae vitae* [Theatre of Human Life]. Basel: Froben.
- Marienescu, At.M. (1872) Dania, Davia, Dacia. *Familia (I. Vulcan)*. VIII(5).
- Mayer,T.(1748) *Regni Bohemiae, Dvc Silesiae, Marchionatvum Moraviae et Lvsatiae Tabula generalis ex mensurationalibus geodeticis Mulleri, Wielandii aliorumque ad normam observationum astronomicarum adaptatis deprompta et designata/Carte des Etats de Boheme, avec le Souverain Dvce de Silesie* [Map of the States of Bohemia, with the CVED Sovereign of Silesia]. Norimberga.
- Merian, M. (1640–1650) *Bohemia*. Frankfurt am Main.
- Moldava.sk. (n.d.) *Moldava nad Bodvou*. [Online] Available from: <http://www.moldava.sk/?id=349&lng=en> (Accessed: 26th May 2015).
- Negruzzi, C. (1942) *Păcatele tineretilor* [Sins of Youth]. 2nd ed. Craiova: Romanian Book Publishing House.
- Onciu,D.(1898–1904) Moldova. In: Diaconovich, C.(ed.) *Enciclopedia română* [The Romanian Encyclopedia]. Vol. 3. Sibiu: W. Krafft.
- Orbini,M. (1601) *Regno de gli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni historia di don mavro orbini ravseo abbate militense*. Pesaro.
- Pfeffel, J.-A. (1739) *Regni Bohemiae Tabula*. Brugge.
- Philippide, Al. (1927) Originea românilor. *Viața Românească*. II.
- Piccolomini, E.S. (1509) *Cosmographia*.

- Piccolomini, E.S. (1532) *Historia Bohemica. Coloniae.*
Reiffenstuell, I. (1701) *Regni Bohemiae Tabula.* Vienna.
Reuber, J. (1584) *Veterum scriptorum, qui caesarum et imperatorum germanicorum.* Francoforti: Apud hæredes Andreæ Wecheli.
Rosseli, H. (1589) *Pymander Mercurii Trismegisti Cum Commento Fratris Hannibal Rosseli Calabri, ordinis Minorum Regularis Observantiae, theologiae & Philosophiae, ad S. Bernardum. Cracoviae. Professoris. Liber V. de Elementis, & descriptione totius orbis. Cracoviae.*
Schede, P. (1586) *Melissi Schediasmata poetica.* Vol. 2. Lutetiae Parisorum.
Sulimierski, F., Chlebowski, B. & Walewski, W. (1880–1902) *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich* [Geographical Dictionary of the Polish Kingdom and other Slavic countries]. Warsaw: Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego.
Vogt, M. (1712) *Nova Totius Regni Bohemiae.* Norimbergae.
Weigel, Ch. (1701–1734) *Das Königreich Böhmen mit seinen abgetheilten Kreissen.* Nürnberg.
Xenopol, A.D. (1888–1893) *Istoria românilor din Dacia Traiana* [History of Romanians in Dacia Traiana]. Vol. 2. Iassi: Cartea Românească.

Паскаль Евгений Георгиевич – историк, журналист, продюсер информационного агентства и радио «Sputnik Молдова».

Paskary Evgeniy – News Agency «Sputnik Moldova» (Moldova).

E-mail: moldavia.history@gmail.com

Герцен Андрей Артёмович – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии Российской академии наук.

Herzen Andrey – Russian Academy of Sciences of Institute of Geography (Russia).

E-mail: nextsystems@mail.ru

УДК 975.174.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/3

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИНАРО-КАРПАТСКОЙ ГАПЛОГРУППЫ I2 В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЛЕОГЕНЕТИКИ

А.С. Семенов¹, В.В. Булат²

¹ Московский физико-технический институт

Россия, 141700, Московская область,

г. Долгопрудный, Институтский переулок, д. 9.

E-mail: semyonov1980@mail.ru

² Исследовательская группа «DeepDive», Россия

E-mail: buen_dia@mail.ru

Авторское резюме

Рассмотрены присутствие носителей Y-гаплогруппы I2 в ряде археологических культур Европы и Азии, неожиданная находка 2015 г. I2a2 в геноме представителя ямной культуры Предкавказья и возможные пути проникновения ее носителей в данный регион, а также судьба носителей гаплогруппы I2 в энеолитической Европе, когда их миграции уже маркированы развитием центров технологий металлообработки, в том числе Балкано-Карпатской металлургической провинции и ее связи с восточными регионами Евразии.

Ключевые слова: афанасьевская культура, Балкано-Карпатская металлургическая провинция, Балканы, гаплогруппа I2, неолитизация, чумурчекская культура, ямная культура.

THE POSSIBLE WAYS OF THE SPREAD OF DINARIC-CARPATIAN Y-DNA HAPLOGROUP I2 ACCORDING TO THE NEWEST PALEOGENETHIC DATA

A.S. Semenov¹, V.V. Bulat²

¹ Moscow Institute of Physics and Technology

9 Institutskiy Lane, Dolgoprudny, 141700,
Moscow Region, Russia

E-mail: semyonov1980@mail.ru

² Deep Dive Research Group, Russia

E-mail: semyonov1980@mail.ru

E-mail: buen_dia@mail.ru

Abstract

This work considers the presence of Y-DNA haplogroup I2 in several archaeological cultures of Europe and Asia, and the unexpected finding of this haplogroup in 2015 during sequencing the genome of a Bronze-Age man from Yamna culture. The core topic of the paper is the migration track of I2 bearers in eneolithic Europe when people's movements were connected with the spread of metallurgic technologies. The latter could be connecting the Balkan-Carpathian Metallurgic Province with more eastern parts of Eurasia.

Keywords: Afanasievo Culture, Balkan-Carpathian Metallurgic Province, Balkans, I2 haplogroup, neolithization, Chemurchek culture, Yamna culture.

Неожиданным событием в области палеогенетики стало обнаружение Y-гаплогруппы I2a2 в выборке генотипированных представителей ямной культуры из Предкавказского региона (Morten et al.: 168). Предыдущие результаты по ямной культуре показывали стойкое однообразие гаплотипов, а именно R1b1 (Haak и др. 2015). Гаплогруппа I2 является типичной для более западных регионов, прежде всего Карпат и Центральной Европы. Встает вопрос о том, как она могла попасть в регион ямной культуры и насколько далеко могло зайти ее распространение.

Гаплогруппа I2 представляет, по современным предположениям, прямых потомков палеолитических групп населения Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы: от Северной Испании до Карпат

и от Британских островов до Балкан. Она, вероятно, возникла не позже 15 000 лет до н.э. в Центральной или Юго-Восточной Европе или даже в Анатолии, поскольку представители корневой парагруппы I2* зафиксированы пока только в Турции, Армении и Грузии. Шесть крупнейших ветвей включают в себя: I2a1a (M26), I2a1b (M423), I2a2a (M223), I2a2b (L38), I2b (L416) and I2c (L596). Y-хромосомная гаплогруппа I2a была обнаружена у жившего примерно 4360–4490 лет назад представителя неолитической культуры Лендьель и у представителя культуры Кёрёш, жившего примерно 5650–5780 лет назад (Gamba et al.).

Эту палеогенетическую группу населения палеолита вполне можно считать последним во временных рамках ледникового периода крупным расселением в регионе Балкан и Дуная. В конце палеолита в регионе можно выделить культуры граветта и эпиграветта (История Европы 1989: 60; Берчу 2008: 21), но хотя носители граветтской культуры предположительно мигрировали в Европу с Ближнего Востока (Dalmeri et al. 2006: 510–529), они здесь появляются гораздо раньше интересующей нас даты XV тысячелетия до н.э. и вряд ли могут иметь отношение к формированию субклада I2. Гораздо интереснее другая миграция со стороны Кавказа и Крыма, которую румынский исследователь Д. Берчу именует «кашельцами» и которая достигла Железных Ворот на Дунае (пещера Бэиле-Херкулане) (Берчу 2008: 23). Этих пришельцев можно сопоставить с верхнепалеолитическими культурами Кавказа (в том числе имеретинской), но, поскольку миграция происходит уже на грани мезолита (Берчу 2008: 23), она слишком молода для маркировки появления на Балканах носителей гаплогруппы I2. Таким образом, сопоставление археологических данных с палеогенетическими в настоящий момент не может дать четкого ответа на вопрос о путях появления гаплогруппы I2 на Балканах. Однако бесспорным является факт, что в мезолите эта гаплогруппа уже определенно присутствовала в Европе, и для понимания причин присутствия I2 восточнее, в ареале ямной культуры, имеет смысл рассмотреть перемещения в неолитическую эпоху и более поздние времена, во всяком случае на уровне возможного предположения.

Современное понимание неолитизации Европы включает как представление о поэтапном расселении земледельческо-скотоводческих племен, преимущественно (традиционный взгляд) из Малой Азии и Средиземноморья (История Европы 1989: 72), так и более сложный процесс включения некоторых мезолитических присваивающих племен в переход к производящему хозяйству.

За пределами Балканского полуострова гаплогруппа I2 связана

с ареалом культур, возникших на базе кардиальной керамики (субклад I2a1b1 встречается в испанской культуре El-Troc) (Haak et al. 2015: 25). Кардиальная керамика – типичный ранненеолитический комплекс в Западном Средиземноморье, однако факт обнаружения I2 у мезолитических охотников Швеции и отдельных групп преднеолита Франции («*Haplogroup I2a lineages were also detected in Swedish hunter-gatherers 5,6 from 7–5 thousand years ago, a nearly Hungarian individual (~5,700 years cal BC) with a «hunter-gatherer» autosomal make up that belonged to a nearly farmer community, as well as later ~5,000 year old individuals from Treilles, France, while haplogroup I lineages were observed in two early Neolithic farmers from Hungary belonging to the early Neolithic Trans-Danubian Linear Pottery (LBKT) and Starcevo cultures. It thus appears that there was gene flow from male hunter-gatherers into the Early and Middle Neolithic farmers across Europe*» (Haak et al. 2015: 74)) говорит о куда более сложном распространении носителей субклада. Вероятно, какие-то группы балканского и палеоевропейского охотничьего населения могли постепенно отступать перед фронтом распространения неолитических племен и долгое время пребывать в пограничной между производящим и присваивающим хозяйством зоне.

Развитие культур кардиальной керамики и их производных на западе Европы приводит к распространению носителей гаплогруппы I2 в ряде культур Франции, в том числе в мегалитической культуре Treilles (Lacan et al.: 2). Также субклад I2a присутствует в итальянской культуре бронзового века Ремеделло (в этой культуре гаплогруппа I2 доминирует) (Morten и др.: 167) и в бронзовом веке современной Венгрии (Morten и др.: 167). Ныне же регион Балкан и Карпат остается очень высокой зоной концентрации этого гаплотипа.

Находка 2015 г. – обнаружение данной гаплогруппы в палеогенетике древнеямных племен (Morten и др.: 167) (более конкретно – субклад I2a2a1b1b2-S12195: <https://genetiker.wordpress.com>). Эта подгруппа является потомком гаплогруппы (I2a2a1b1b – L699, L703), распространенной именно в Центральной Европе и являющейся довольно близкой группой по отношению к динаро-балканскому субкладу I2, наиболее распространенному в Карпатском регионе. Поскольку даже предкавказский ареал лежит значительно восточнее Балкано-Карпатского региона, а ямная культура простирается и далее, вплоть до волго-уральских степей, данная находка кажется неожиданной. Более того, согласно той же работе, описанные ямники Предкавказского региона тесно связаны с афанасьевской культурой южносибирского энеолита (рис. 1).

Л.С. Клейн в своей работе прямо вывел афанасьевцев из репин-

ской культуры Подонья и Поднепровья IV тысячелетия до н.э. (калибровано), которая сыграла роль в формировании ямной: «Репинская культура интересна еще и тем, что из нее легко можно вывести не только ямную, но и афанасьевскую культуру Сибири (рис. 4–5), с ее оградками, закладками и остродонной, сплошь орнаментированной посудой (Грязнов 1999). Таким образом, афанасьевская культура генетически связана с ямной» (Клейн 2007: 73).

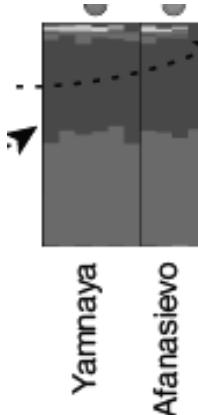

Рис. 1. Сходство генетической структуры генома ямников и афанасьевцев (Morten et al.: 167: 170) (разложение генома на компоненты различных типов).

Таким образом, европейский неолит и энеолит оказываются связанными с ямной культурой через миграцию хотя бы отдельных носителей 12. Возникает мысль, что такие же связи могут обнаружиться и у южносибирского круга культур. Идея о том, что племена европейского неолита – энеолита, в том числе родственные тем, что жили в Прикарпатье, могли быть связаны с населением бронзового века Сибири, была описана Игорем Коломийцевым, автором книги «Тайны Великой Скифии», на основании антропологических данных работ А.Г. Козинцева. И такие связи нашлись. Л.С. Клейн в своей статье описывает работы своего ученика А. Ковалева, который обнаружил в Джунгарии памятники, которые «как две капли воды похожи на чуть более ранние памятники Франции и Швейцарии – те же своеобразные мегалитические гробницы, те же статуи очень редкостного типа, та же керамика! И сами погребенные отнюдь не монголоиды, а отчетливые европеоиды. Перед нами случай разовой и дальней миграции на 6,5 тыс. км, что у нас долго считалось невозможным и нереальным» (рис. 2). По его мнению, «материнская» археологическая культура Франции, откуда произошла миграция

чемурческих групп в Центральную Азию, должна была говорить на прототохарском языке, поскольку этот язык принципиально далек от индоиранской ветви (иранская, индоарийская, дардская и нуристанская группы).

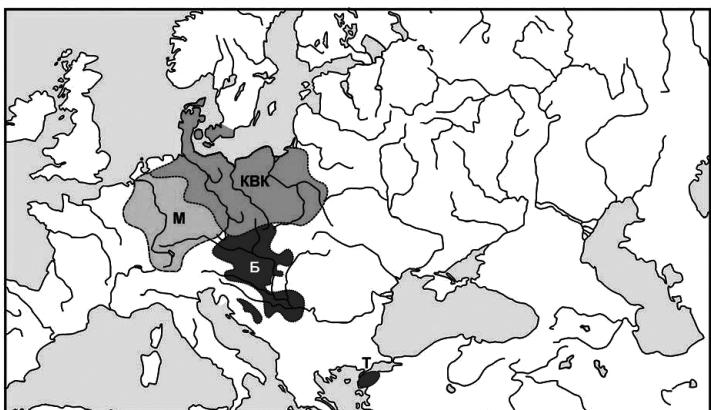

Рис. 2. КВК – культура воронковидных кубков, Б – баденская,
М – михельсбергская (Клейн 2014: 12–13).

Можно спорить даже о направлениях миграций (возможно, в состав двух рассматриваемых культур – чемурческой и мегалитической – входили и представители разных гаплогрупп, двигавшиеся друг навстречу другу), однако связь этих культур весьма правдоподобна. Учитывая, что гаплотип I2 был найден во французской мегалитической культуре Treilles и в ямной культуре, а последние исследования подтвердили родство ямной и афанасьевской на уровне геномов отдельных представителей, то можно ожидать и миграцию представителей I2 и в регион чемурческой культуры – на Алтай и в Тарим. Вполне вероятно, что носители европейского неолита мигрировали в зону сложения чемурческой культуры не из Франции, а из более восточного ареала, в частности балкано-карпатского.

Однако что могло лежать в основу такой миграции? Первое же предположение может быть сделано на основе изучения технологических миграций эпохи энеолита. Балкано-Карпатская металлургическая провинция (БКМП), занимающая также Северное Причерноморье и часть Среднего Поволжья (рис. 3), делится на два ареала – западный (более развитый) и восточный, при этом вырабатывающейся общности технологии мог соответствовать и обмен населением (хотя бы частичный). Западный район Балкано-Карпатской металлургической провинции является буквально эпицентром сосредоточения I2.

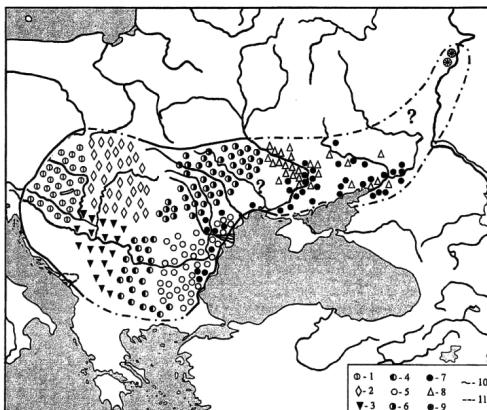

Рис. 3. Балкано-Карпатская металлургическая провинция эпохи энеолита (по Е.Н. Черных с дополнениями Н.В. Рындина; Рындиной, Дегтярева 2002) Схема расположения археологических памятников и очагов металлопроизводства: 1 – культура Лендейль; 2 – культура Тисаполгар-Бодрогкерестур; 3 – культура Винча Д; 4 – культура Криводол-Сэлкуца; 5 – культура Гумельница (очаг металлургии); 6 – культура Кукутени-Триполье (очаг металлообработки); 7 – памятники Новоданиловского типа (очаг металлообработки); 8 – культура Средний Стог II; 9 – Хвалынские могильники (очаг металлообработки); 10 – границы БМКП; 11 – предполагаемые границы (Сыволап 2001).

Следует отметить, что субклад I2, найденный у ямника, все же относится к центрально-европейским, и его можно отнести к непосредственно принадлежащим к БМКП (в отличие от периферийных по отношению к БМКП западноевропейских субкладов I2). Л.С. Клейн полагает, что «мегалитические проявления принесла с запада культура воронковидных кубков» (Клейн 2007: 96), но «возможно, первые пришельцы мегалитического облика появились на Украине еще раньше», причем они идут с Балкан и Трансильвании (Клейн 2007: 96). Таким образом, перемещение носителей I2 на Восток можно связать с перетоком населения с Запада в рамках формирующейся БМКП, вероятно, в ходе технологического обмена.

В эпоху энеолита несколько metallurgических провинций Европы и близлежащих территорий Азии – прежде всего Балкано-Карпатская, Северо-Кавказская, Гарино-Борская, Каргалинская и Кызыкульская на Урале – играли важную роль не только катализаторов развития целых больших зон, но и являлись источниками «элитарных», технологических миграций определенного числа специалистов (вероятно, сложение и функционирование такого рода metallurgических провинций

можно считать специфической чертой энеолита, который выглядит как выделение нескольких развитых энеолитических культур на фоне позднего неолита окружающих территорий). Вместе с технологиями и просто экспортом раннеметаллургических изделий (прежде всего из меди) в пределах металлургических провинций (а иногда и за их границами) распространяются и другие элементы археологических культур, а также генетические маркеры возможных, пусть даже малочисленных, миграций.

Таким образом, гипотезу о влиянии на ямную, афанасьевскую и чемурческую культуры населения Балкано-Карпатской металлургической провинции можно считать обоснованной и из соображений, не касающихся генетики (переток населения в рамках большой БМКП). Тогда как в ямной культуре гаплогруппа, соответствующая западному эпицентру БМКП, уже найдена. Границы древнеямной культурно-исторической общности, включавшей несколько достаточно разнородных по происхождению и развитию культур, простираются, как в настоящее время доказано, вплоть до Средней Волги (Сыволап 2001: 109). В этом случае вместе с обменом металлургическими технологиями в указанном направлении вполне могла распространяться и технология мегалитов с юга Европы. Далее, к западу – в ареале Трипольской культуры - субклад встречается значительно чаще. В итоге можно сделать предположение о проникновении субклада I2 в район ямной культуры в энеолитическую эпоху посредством технологических обменов в рамках «большой» Балкано-Карпатской металлургической провинции, откуда эта гаплогруппа могла распространяться и восточнее, в том числе за Урал.

ЛИТЕРАТУРА

- Берчу 2008 - Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М., 2008.
- История Европы 1989 - История Европы. Т. 1. М., 1989.
- Клейн 2007 - Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.
- Клейн 2014 - Клейн Л.С. Индоевропейская прародина // Троицкий вариант. 2014. № 160. URL: <http://trv-science.ru/2014/08/12/indoevropejjskaya-prarodina/comment-page-1> (дата обращения: 05.08.2015).
- Рындина, Дегтярева 2002 - Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век : учеб. пособие по курсу «Основы археологии». М., 2002.
- Сыволап 2001 - Сыволап М.П. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Dalmeri et al. 2006 - Dalmeri G. et al. Le site Épigravettien de l'Abri Dalm-

eri: aspects artistiques à la fin du Paléolithique supérieur Italie du nord // *L'Anthropologie*. 2006. Vol. 110. Iss. 4.

Gamba et al. - *Gamba C. et al.* Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory // *Nature Communications*. 5. Article number: 5257 doi:10.1038/ncomms6257

Haak et al. 2015 - *Haak W. et al.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Preprint. 2015.

Lacan et al. - *Lacan M. et al.* Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route. URL: <http://www.pnas.org/content/108/24/9788>. full (дата обращения: 05.08.2015).

Morten et al. - *Morten E.A. et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia. Article number: doi:10.1038/nature14507

REFERENCES

Berchu, D. (2008) *Daki. Drevniy narod Karpat i Dunaya* [Ancient People of Carpathians and Danube]. Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf.

Golubtsov, E.S. (ed.) (1989) *Istoriya Evropy* [History of Europe]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Kleyn, L.S. (2007) *Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoevropeyskikh narodov* [Ancient Migrations and the Genesis of Indo-European Peoples]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Kleyn, L.S. (2014) Indoevropeyskaya prarodina [Indo-European Ancestral Home]. *Troitskiy variant*. 160. [Online] Available from: <http://trv-science.ru/2014/08/12/indoevopejjskaya-prarodina/comment-page-1> (Accessed: 05th August 2015).

Ryndina, N.V. & Degtyareva, A.D. (2002) *Eneolit i bronzovyy vek* [The Aeneolite and the Bronze Age]. Moscow State University.

Syvolap, M.P. (2001) Kratkaya kharakteristika pamyatnikov yamnoy kul'tury Srednego Podneprov'ya [The Brief Characteristics of the Sites of Yamna Culture in Middle Dnieper]. In: Kolev, Yu.I. & Gorodtsov, V.A. (eds) *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [The Bronze Age of the Eastern Europe: the Characteristics, Chronology and Periodization of the Cultures]. Samara: NTTs.

Dalmeri, G. et al. (2006) Le site Épigravettien de l'Abri Dalmeri: aspects artistiques à la fin du Paléolithique supérieur Italie du nord [The Epigravettian Site of Abri Dalmeri and the Art of the Upper Paleolite of Northern Italy]. *L'Anthropologie*. 110(4).

Gamba, C. et al. (n.d.) Genome flux and stasis in a five millennium transect of European prehistory. *Nature Communications*. 5. DOI:10.1038/ncomms6257

Haak, W. et al. (2015) *Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe*. [Preprint].

Lacan, M. et al. (2011) Ancient DNA reveals male diffusion through the Neolithic Mediterranean route. *Proceedings of the National Academy of Sciences*

of the United States of America. 108(24). DOI: 10.1073/pnas.1100723108

Morten, E.A. et al. (2015) Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature.* 522(7555). DOI:10.1038/nature14507

Семенов Александр Сергеевич – эксперт Московского физико-технического института, БФК «Северный», кафедра инновационной фармацевтики и биотехнологии.

Semenov Alexander – the expert of the Moscow Institute of Physics and Technology, BioPharmCluster “Northern”, Department of Innovative Pharmaceuticals and Biotechnology (IPB).

E-mail: semyonov1980@mail.ru

Булат Владимир Владимирович – исследователь исследовательской группы «DeepDive».

Bulat Vladimir – Deep Dive Research Group.

E-mail: buen_dia@mail.ru

УДК 94(367):75.056

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/4

КАРПАТО-ДУНАЙСКИЕ ЗЕМЛИ И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИСКУССТВЕ РУКОПИСНОЙ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ф.Н. Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,

Университетская набережная, 7/9

E-mail: veselovfedor@gmail.com

Авторское резюме

Рассматриваются связи русского средневекового книжного искусства с искусством южнославянским, проникавшим на Русь из Болгарии, Сербии, Македонии через Валахию и Молдавию. Несмотря на влияние южнославянской литературы еще на заре русской книжности, в связи с принятием христианства, на отдельные эпизоды до монгольского завоевания, основной акцент делается на периоде, который начинается с конца XIV в. и связан с завоеванием османами территорий Византийской империи и Балканского полуострова, которое привело к эмиграции части представителей интеллектуальной и художественной элиты южных славян на север – в Молдавию, Валахию, Южную и Северную Русь. И не только творчество самих книжников и иконописцев, но и принесенные ими произведения активно воздействовали и на культуру книжного оформления, и на развитие новых жанров литературы вплоть до начала XVII в.

Ключевые слова: древнерусское искусство, южнославянское искусство, искусство рукописной книги.

CARPATHIAN AND DANUBE LANDS AND SOUTHERN SLAVS' INFLUENCE ON THE ART OF HANDWRITTEN BOOKS IN OLD RUSSIA

F.N. Veselov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Abstract

This article dedicated to the connections between Russian medieval art of bookmaking with the art of Southern Slavs, which infiltrated in Russia, coming from Serbia, Bulgaria, Macedonia, through Walachia and Moldavia. In spite of influence of Southern Slavs' literature even in the times of the Conversion of Russia, or some episodes before the Mongolian invasion, the author strikes on the period, taken place from the end of the 14th century. In this period Ottomans' conquest of the territories of the Byzantine Empire and Balkans led to the emigration of some part of intellectual and artistic elite to the north – to Moldavia, Walachia, Southern and Northern Russia. The author mentions that not only oeuvres of those scribes and artists, but even creations, they took with themselves, were affecting actively on the one hand on the culture of books' writing and illustrating, and on the other hand on the development of different literary genres.

Keywords: old Russian art, Southern Slavs' art, art of the handwritten books.

Без сомнения, художественные формы и художественный язык Византии оказали основное влияние на средневековое русское искусство и, в частности, искусство книжное (Попова 1972: 284–285). Если в период древнейшей истории русского государства передача форм искусства ромеев была связана с принятием Киевским княжеством восточного христианства византийского толка, влиянием на русские земли империи, находившейся в зените могущества, то в период XIV–XV вв., время усиления оправившейся от татарского нашествия Руси, влияние византийского искусства наоборот было связано с упадком империи. Во второй половине XIV в. в связи с бесконечными войнами, внутренними религиозными распрями, экономическими проблемами в Византии заметно сокращается объем затрат на церковное строительство, однако число мастеров по-прежнему

остается велико, что вызывает экспансию искусства за границу – в Западную Европу, на Балканы, Русь, где греческие мастера издавна пользовались авторитетом.

Однако, кроме непосредственно греческого, мы сталкиваемся и с южнославянским влиянием в русском искусстве. При этом данное влияние не является единичным – оно традиционно, однако в различные периоды было связано с разными регионами Руси. Так, еще в XIII в. в живописи Южной Руси, кроме отмечаемых часто связей с миром европейского искусства того времени – искусства Германии, мира крестоносцев, позднероманского искусства, прослеживается влияние как западных (Польши), так и южных славян (Македонии, Болгарии) (Попова 1972: 287–291). Показательны в этом смысле миниатюры и орнаментика Евангелия-апракоса Евфросинии Галицкой, созданного в Галицко-Волынской земле предположительно в начале XIII в. (Майоров 2011: 432–433), в которых соединяются византийские, македонские, южнославянские черты, при этом два последних влияния в большей степени относятся к монументальной живописи Балкан XII в. (Попова 1972: 305–306).

Печальные события на Балканах конца XIV ст. – период османского завоевания – нашли свое отражение и в книжном искусстве южных славян. С одной стороны, борьба православных государств с общим врагом вела к определенному культурному единению на основе византийской христианской цивилизации, славянско-византийскому культурному единству, оформленвшемуся в период XIV в. (Дуйчев 1998: 143). С другой стороны, благодаря бежавшим от азиатских захватчиков в конце XIV – XV вв. книжникам, переписчикам и художникам-миниатюристам южнославянское влияние в литературе и изобразительном искусстве распространялось на север, за Дунай, через Молдавию и Валахию, на Русь (Шульгина 1974: 240–241).

В Сербии, Молдавии, Валахии, а также Южной Руси византийско-болгарское книжное влияние было связано с представителем известного византийско-болгарского рода Цамблаков книжником, писателем, учеником Феодосия Тырновского, видным деятелем православной церкви Григорием Цамблаком. После захвата турками Тырново в 1393 г. Григорию пришлось скитаться в поисках убежища сначала в Сербии, где он был избран настоятелем Дечанского монастыря между 1402 и 1405 гг. Здесь он занимался литературным творчеством. Григорием было создано житие св. Стефана III Сербского, добавка к житию св. Параскевы Пятницы, посвященная перенесению ее мощей, панегирики митрополиту Киприану и Феодосию Тырновскому. Впоследствии Григорию пришлось попросить убежища сначала

в Валахии, затем в Молдавии, в конце концов, в Южной Руси, где он и умер в Киеве (Дуйчев 1998: 144–145). Будучи прекрасно образован в Болгарии, византийских монастырях и Константинополе, он смог привнести в южнославянскую и южнорусскую книжность влияние как болгарской литературы до османского завоевания, так и византийского книжного искусства.

Непосредственно на территории Северной и Северо-Восточной Руси южнославянское влияние связано с утверждением на митрополичьей кафедре сначала Киевской и Литовской, а затем Киевский и всея Руси Киприана, сверстника константинопольского патриарха Евфимия, ученика преподобного Феодосия Тырновского. Киприану, согласно утверждению И. Дуйчева, также происходившему из рода Цамблаков¹, как и Григорию, пришлось долго странствовать, спасаясь от турецкого завоевания родной страны. Впрочем, благодаря сначала его обучению, а затем долгому пребыванию во время странствий и в Константинополе, и около десяти лет на святой горе Афон, частым поездкам в Студийский монастырь до назначения на Киевскую кафедру, он стал наиболее заметным проводником современного ему византийского и болгарского книжного искусства на Руси конца XIV – начала XV в. Киприан сам, уединяясь для «книжного писания» (Татищев 1784: 424) в подмосковном митрополичьем селе Троицкое-Голенищево, активно занимался перепиской книги и распространением списков с этих рукописей, кроме того, там же под руководством митрополита переписывала книги целая артель писцов (Вздорнов 1980: 64).

Несколько ранее, в 1380-е гг., – сложный период для Русской митрополии, во время вынужденной поездки Киприана в Константинополь вместе с посольством для разбора дела митрополита Пимена его сопровождает игумен Серпуховского Высоцкого монастыря Афанасий. И поселяются они в Студийском монастыре – месте, известном своей библиотекой, где Киприан занимается книжной деятельностью по переводу византийских творений на славянский язык. Значимым представляется то, что после этой поездки в Высоцком монастыре появляется знаменитый деисусный чин, выполненный по заказу Афанасия (Пузко 2014: 240). Кроме икон, настоятель, будучи учеником идейного вдохновителя русского духовного возрождения – преподобного Сергия, отправил на Русь² и сборник поучений и житий святых православной церкви, переписанных специально для библиотеки Высоцкого монастыря (Прохоров 1988: 80).

Кроме того, и сам митрополит привез с собой на Русь переведенные им святоотеческие произведения. В частности, известен экземпляр

«Лествицы» Иоанна Синайского, принадлежавший Киприану. Эта рукопись может служить замечательным примером распространения южнославянского влияния не только в Москве. Г.И. Вздорнов отмечает бумажную копию с нее, созданную в Твери в 1402 г., для чего оригинал туда специально привозился. Несмотря на то, что отсутствует полное совпадение декоративных элементов, заставки, инициалы, изображение лествицы списка исполнены в характерном «балканском» стиле оригинала. И это лишь единичный пример среди остальных книжных произведений Твери первых двух десятилетий XV в., так или иначе воспринявших южнославянский стиль (Вздорнов 1980: 59).

Связана была деятельность митрополита Киприана и с русским летописанием конца XIV в. – его стараниями, а после его смерти стараниями архимандрита Кремлевского Спасского монастыря Игната была составлена «Летопись русская от начала земли Руссия вся по ряду» (Татищев 1784: 424). А именно Спасский монастырь в первый век своего существования (основан он был в 1330 г. при великом князе Иоанне Калите) играл особую роль в истории русского летописания, недаром первый архимандрит его – Иоанн – был «сказателем книгам» (Тихомиров 1957: 187–188).

За полвека до прибытия на Московскую кафедру митрополита Киприана, в 1344–1345 гг., в Болгарии для сына царя Иоанна-Александра царевича Иоанна-Асения создается иллюстрированный список среднеболгарского перевода стихотворной «Хроники» Константина Манассии, византийского автора XII в. (Дуйчев 1973: 272). Несмотря на то, что, кроме данной рукописи, существуют еще два иллюминированных кодекса, содержащих полностью или частично текст «Хроники» Константина Манассии, из иллюстраций в них содержатся только входные миниатюры, изображающие автора и несколько незначительных маргинальных рисунков на полях – воин, лучник, собаки, загоняющие оленей (Spatharakis 1976: 158–165). Таким образом, хранящийся в Ватикане болгарский список – единственный полноценный лицевой экземпляр «Хроники». Списки перевода данного произведения, вполне вероятно, вывезенные из Болгарии, в частности из Тырново, бежавшими от осман книжными людьми, сыграли чрезвычайно важную роль в развитии исторического произведения в Молдавии, Румынии и на Руси (Лихачёв 1988: 5–6).

Тем большее значение приобретает тот факт, что именно список Ватиканского лицевого кодекса среднеболгарского перевода «Хроники» стал основой для «Русского хронографа» 1512 г. (Салмина 1979). Косвенно это подтверждается не только тщательной сверкой текстов списков кодекса и текстом «Русского хронографа», но и тем, что в Иосифо-Волоколамском монастыре, в котором предположи-

тельно создавался «Русский хронограф», согласно описям 1545 и 1573 гг. хранились по крайней мере два списка «Хроники Манассии» (Салмина 1988: 59). Кроме того, известно несколько иллюминированных рукописей того же монастыря периода XVI в., в заставках которых использовались черты южнославянских стилей (Шульгина 1974: 261–263). Они вполне могли быть навеяны хранившимися в монастырской библиотеке рукописями, связанными в Балканами.

В свою очередь «Русский хронограф» редакции 1512 г., основой которого стала «Хроника», послужил одним из источников части глобальной исторической энциклопедии своего времени – «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного (Морозов 1990).

При этом особо стоит подчеркнуть, что большое влияние на русское историческое повествование оказала система образов и стиль «Хроники». Использованные русскими книжниками литературность, акцент на дидактику, который начинает брать верх над сухим изложением погодных фактов, приводят к тому, что и «Русский хронограф» 1512 г., и основанная частью на нем «Никоновская летопись» начала XVI в. превращаются в распространенное историческое и дидактическое повествование, теряя при этом свою традиционную структуру (Морозов 1990: 249). И в дальнейшем уже не столько обработанный текст, сколько именно стилистические приемы «Хроники» используются авторами повестей и историй XVI–XVII вв.

Необходимо также отметить, что период активных связей Руси с южнославянским книжным искусством XIV–XV вв. частью совпадает с влиянием византийских палеологовских художественных форм, проявившимся в произведениях русских мастеров начиная с ювелирных изделий (Стерлигова 2000: 170–171) и заканчивая книжной миниатюрой (Попова 1980: 20–24). В XIV в. этот процесс был связан и с деятельностью митрополита Феогноста Московского, архиепископа Василия Новгородского, и с активным влиянием религиозной паламитской культуры исихазма, ярче всего проявившейся в подвижничестве св. Сергия Радонежского (Попова 1980: 20–24, 212–213). Несмотря на то, что данное влияние было кратким и не имело ни прямых продолжений, ни предшественников, его значение в истории русского искусства очень велико (Попова 1980: 20–24). Греческое влияние дало мощный импульс, который прослеживался в новгородском искусстве еще долгое время. Однако наравне с византийскими мастера данной школы XIV–XV вв. используют и южнорусские образцы (Попова 2003: 290–291). И позднее, уже в эпоху Ивана Грозного, именно через новгородское искусство, произведения которого во множестве вывозились в Москву в середине XVI в., при митрополите Макарии, вновь приобретает актуальность

художественно-иконографический опыт искусства Балкан. Вместе с тем новгородские памятники не только вывозятся, но и активно копируются в Москве, становятся образцами для миниатюр рукописей и икон (Попов 1973). Написанная предположительно митрополитом Афанасием икона «Благословенно воинство...» («Церковь воинствующая») имеет иконографию, сходную с иконографией «Выезда царя Константина во главе святого воинства за победу христианства» и встречающуюся в росписях церквей XV в. Святых Константина и Елены в Охриде в Македонии и Святого Креста в селе Пэтрэуци в Румынии. Надо сказать, что черты данной иконографии – войско святых либо ангелов с оружием, под стягами, на конях и под предводительством архангела Михаила – встречаются и на некоторых батальных иллюстрациях «Лицевого свода», посвященных победам русских святых князей: в «Сказании о Мамаевом побоище» (Второй Остремановский том. Л. 95)³ и в «Житии Александра Невского» (Лаптевский том. Л. 938 об.).⁴ Данное влияние можно связать и с общей тенденцией русской книжной миниатюры XVI в. к большей внешней выразительности (Попова 2003: 302), совпадающей с развитием многоплановости и многосюжетности в рамках одной иллюстрации, усложнением «прочтения» миниатюры. Недаром период XVI – и далее начала XVII в. называется временем наивысшего развития лицевых рукописей, расцвета книжной иллюстрации (Юферева 2013: 29).

Таким образом, рассмотрение истории древнерусского книжного искусства невозможно без учета его связей с искусством южнославянским. Связи эти традиционны и берут свои корни еще в период формирования русской книжной традиции в эпоху Кирилла и Мефодия, расцвет же их приходится на период конца XIV – начала XV в., когда многие представители богословской, художественной, литературной элиты через Карпатский регион, Дунай, южнославянские земли попадают на территорию Московской и Новгородской Руси. Деятели церкви, книжники с Балкан не только сами занимались творением и перепиской книг, но и приносили с собой на русскую почву либо привозили в качестве даров (Пятницкий 1995) произведения, которые меняли литературные традиции, создавали новые типы исторических повествований, новые течения в иконописи, книжной иллюстрации и книжном оформлении. Это тем более становится важно в период формирования идеологии Москвы как «Третьего Рима», последнего сохранившего верность православному вероучению свободного государства, в становлении собственного искусства которого находят отражение черты покоренных османами Византии и южнославянских стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. Дуйчев безапелляционно принимает версию о происхождении Киприана и Григория из одного византийско-болгарского рода Цамблаков, основываясь на фразе из панегирика митрополиту Киприану, составленного Григорием около 1409 г.: «Брат бяше нашему отцю» (Дуйчев 1998: 144–145).

2. Сам он остался в Студийском монастыре, приняв обет молчания, и деятельность его там иногда отождествляется с фигурой Афанасия Руцина.

3. Отсылка дается по изданию: Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века / Под ред. Д.С. Лихачева. Л.: Аврора, 1984.

4. Отсылка дается по изданию: Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Л.: Аврора, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

Spatharakis 1976 - *Spatharakis I. The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts*. Leiden, 1976. 287 р.

Вздорнов 1980 - *Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в.* М.: Искусство, 1980. 552 с.

Дуйчев - Дуйчев И.С. К изучению миниатюр Манассиевой летописи // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., 1973. С. 272 – 280.

Дуйчев - Дуйчев И. Византия и Славянският свят. София, 1998. 416 с.

Житие 1990 - Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого летописного свода XVI века. Л.: Аврора, 1990. 86 с.

Лихачёв 1988 - *Лихачёв Д.С. Введение // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии*. София, 1988. С. 5–10.

Майоров 2011 - *Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа*. СПб., 2011. 800 с.

Морозов 1990 - *Морозов В.В. От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду // Труды отдела Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР*. Л., 1990. Т. 44. С. 246–268.

Повесть 1984 - Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI века / Под ред. Д.С. Лихачёва. Л.: Аврора, 1984. 303 с.

Попов 1973 - *Попов Г.В. Три памятника южнославянской живописи XIV в. и их русские копии середины XVI в. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа*. М., 1973. С. 352–364.

Попова 1972 - *Попова О.С. Галицко-Волынские миниатюры раннего XIII века // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси*. М., 1972. С. 283–317.

Попова 2003 - Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М., 2003. 334 с.

Попова 1980 - Попова О.С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV в. М., 1980. 254 с.

Прохоров 1988 - Прохоров Г.М. Афанасий Высоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 79–81.

Пуцко 2014 - Пуцко В.Г. Византийский фактор в русской иконописи времен преподобного Сергия // Преподобный Сергий, «родом ростовец...». Ростов, 2014. С. 234–244.

Пятницкий 1995 - Пятницкий Ю.А. Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 229–241.

Салмина 1979 - Салмина М.А. Хроника Константина Манассии как источник Русского Хронографа // Труды отдела Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1979. Т. 33. С. 279–287.

Салмина 1988 - Салмина М.А. Хроника Константина Манассии на Руси // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии. София, 1988. С. 59–64.

Стерлигова 2000 - Стерлигова И.А. Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV веков. М., 2000. 261 с.

Татищев 1784 - Татищев В.Н. История Российской. СПб., 1784. Т. V. 545 с.

Тихомиров 1957 - Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. 292 с.

Шульгина 1974 - Шульгина Э.В. Балканский орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1974. Сб. 2. С. 240–264.

Юферева - Юферева Н.Э. Древнерусский иллюстратор житий святых. Нетекстовая текстология. М., 2013. 350 с.

REFERENCES

Spatharakis, I. (1976) *The Portrait in Byzantine illuminated manuscripts*. Leiden: E.J. Brill.

Vzdornov, G.I. (1980) *Iskusstvo knigi v Drevney Rusi. Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoy Rusi XII – nachala XV v.* [Art of books in Old Russia. Manuscripts of the North-East Russia of the 12th – early 15th centuries]. Moscow: Iskusstvo.

Duychev, I.S. (1973) K izucheniyu miniatyur Manassievoj letopisi [On the miniatures of the Manassia Chronicle]. In: Grashchenkov, V.N. (ed.) *Vizantiya. Yuzhnnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa* [Byzantium, Southern Slavs and Old Russia. Western Europe]. Moscow: Nauka. pp. 272–280.

Duychev, I. (1998) *Vizantiya i Slavyanskiyat svyat* [Byzantium and Slavonic world]. Sofia: Anubis.

Anon. (1990) *Zhitie Aleksandra Nevskogo. Tekst i miniatyury Litsevogo letopisnogo svoda XVI veka* [The life of Alexander Nevsky. Text and miniatures of the Illustrated Chronicle of the 16th century]. Leningrad: Avrora.

- Likhachev, D.S. (1988) *Vvedenie [Introduction]*. In: *Srednebulgarskiy perevod Khroniки Konstantina Manassii [Middle Bulgarian translation of the Constantine Manassia Chronicle]*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 5-10.
- Maiorov, A.V. (2011) *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa [Rus, Byzantium and Western Europe]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Morozov, V.V. (1990) *Ot Nikonovskoy letopisi k Litsevomu letopisnomu svodu [From the Nikon Chronicle to the Illuminated Chronicles compilation]*. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) AN SSSR*. 44. pp. 246-268.
- Likhachev, D.S. (ed.) (1984) *Povest' o Kulikovskoy bitve. Tekst i miniatyury Litsevogo svoda XVI veka [The Tale of the Kulikov Battle. Text and miniatures of the Illustrated Chronicle of the 16th century]*. Leningrad: Avrora.
- Popov, G.V. (1973) *Tri pamyatnika yuzhno-slavyanskoy zhivopisi XIV v. i ikh russkie kopii serediny XVI v. [Three monuments of the southern Slavs painting of the 14th century and their Russian copies of the 16th century]*. In: Grashchenkov, V.N. (ed.) *Vizantiya. Yuzhnye slavyane i Drevnyaya Rus'. Zapadnaya Evropa [Byzantium, Southern Slavs and Old Russia. Western Europe]*. Moscow: Nauka. pp. 352-364.
- Popova, O.S. (1972) *Galitsko-Volynskie miniatyury rannego XIII veka [Galician-Volhinian miniatures of the early 13th century]*. In: Lazarev, V.N., Wagner, G.K., Il'in, M.A. & Podobedova, O.I. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura domongol'skoy Rusi [Old Russian art. Art of the Premongolian Rus]*. Moscow: Nauka. pp. 283-317.
- Popova, O.S. (2003) *Vizantiyskie i drevnerusskie miniatyury [Byzantium and Old Russian miniatures]*. Moscow: Indrik.
- Popova, O.S. (1980) *Iskusstvo Novgoroda i Moskvy pervoy poloviny XIV v. [The Art of Novgorod and Moscow of the early 14th century]*. Moscow: Iskusstvo.
- Prokhorov, G.M. (1988) *Afanasiy Vysotskiy [Afanasiy Vysockiy]*. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Old Rus scribes' and booklore's vocabulary]*. Vol. 2(1). Leningrad: Nauka. pp. 79-81.
- Putsko, V.G. (2014) *Vizantiyskiy faktor v russkoy ikonopisi vremen prepodobnogo Sergiya [The Byzantium factor in Russian icon painting of the times of Sergius]*. In: Sazonov, S.V. (ed.) *Prepodobnyy Sergiy, "rodom rostovets..." [Saint Sergius, "From Rostov..."]*. Rostov. pp. 234-244.
- Pyatnitskiy, Yu.A. (1995) *Odin iz putey proniknoveniya pamyatnikov balkanskogo iskusstva v Rossiyu [One of the ways to transfer Balkan art monuments into Russia]*. In: Komech, A.I. & Ètingof, O.E. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus' [Old Russian art. Balkan. Rus']*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 229-241.
- Salmina, M.A. (1979) *Khronica Konstantina Manassii kak istochnik Russkogo Khronografa [Constantine Manassia's Chronicle as a source for Russian chronograph]*. *Trudy otdela Drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) AN SSSR*. 33. pp. 279-287.
- Salmina, M.A. (1988) *Khronica Konstantina Manassii na Rusi [Constantine Manassia's Chronicle in Russia]*. In: *Srednebulgarskiy perevod Khroniки Konstantina Manassii [Middle Bulgarian translation of the Constantine Manassia Chronicle]*.

Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. pp. 59-64.

Sterligova, I.A. (2000) *Dragotsenny ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vekov* [Precious drapery of Old Russian icons of the 11th – 14th centuries]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Tatishchev, V.N. (1784) *Istoriya Rossiyskaya* [History of Russia]. Vol. 5. St. Petersburg.

Tikhomirov, M.N. (1957) *Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vv.* [Mediaeval Moscow in the 14th – 15th centuries]. Moscow: Moscow State University.

Shulgina, E.V. (1974) Balkanskiy ornament [The Balkan ornament]. In: Podobedova, O.I. & Popov, G.V. (eds) *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga* [Old Russian art. The handwritten book]. Moscow: Nauka. pp. 240-264.

Yufereva, N.E. (2013) *Drevnerusskiy illyustrator zhitiy svyatyykh. Netekstovaya tekstologiya* [The Old Russian illustrator of Hagiographies. Non-textual textology]. Moscow: Orthodox St. Tikhon Humanitarian University.

Веселов Фёдор Никитович – аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, ассистент кафедры музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Veselov Fedor –Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: veselovfedor@gmail.com

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/5

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БАТЫЕВА НАШЕСТВИЯ НА ЮЖНУЮ РУСЬ И ПРИКАРПАТЬЕ

М.В. Киселев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Авторское резюме

Задача данной статьи – рассмотреть, как трактуются и исследуются в современной историографии основные спорные моменты, связанные с монголо-татарским вторжением конца 1230-х – начала 1240-х гг. в Южную и Юго-Западную Русь. В истории монгольского завоевания Киева, Галича, Владимира-Волынского и других городов есть немало «белых пятен» и нерешенных проблем, таких, как датировка осады Киева в 1240 г., вопрос о количестве взятых городах в Галицко-Волынской земле в 1241 г., о захвате самих городов Галича и Владимира. Также поднимаются вопросы о взаимоотношениях Даниила Галицкого с черниговскими князьями и знатными татарами в период, непосредственно предшествовавший нашествию. Краткий обзор исторической литературы последнего десятилетия показывает большую работу, проделанную для решения указанных проблем. В совокупности же друг с другом, а также главным образом с данными источников новейшие выводы представляют весьма интересную картину.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Галицко-Волынская Русь, монгольское завоевание, осада Киева, Батый, русско-монгольские отношения, взятие Галича, взятие Владимира-Волынского.

THE CONTROVERSIAL ISSUES OF BATU'S INVASION ON THE SOUTHWEST RUS' AND PRYKARPATYYA

M.V. Kiselev

Saint Petersburg State University.
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: fasthedgehog@bk.ru

Abstract

The aim of this article is to observe how disputable moments concerning the Mongol-Tatar invasion in the Southern and the South-Western Rus' in the end on 1230s – beginning of 1240s are treated and examined in contemporary historiography. There are many ‘white spots’ and unsolved problems in history of the Mongolian conquest of Kiev, Galich, Vladimir-Volynski such as questions of date of the Kievan siege of 1240, of number of the captured cities in the Galician-Volhynian land in 1241, of capture of Galich and Vladimir cities themselves. Also an issues of relationships between Daniel of Galicia and the princes of Chernigov and between him and the noble Tatars in the period directly preceded the invasion are brought up. The brief survey of the historical writing shows that the work at solution of those problems was huge. Comparing the newest conclusions with each other and, mainly, with the information from sources, we can see a very interesting picture.

Keywords: Daniel of Galicia, Galician-Volhynian Rus', Mongolian invasion, Siege of Kiev, Batu, Russian-Mongolian relationships, capture of Galich, capture of Vladimir-Volynski.

Изучая правление Даниила Галицкого, исследователи не могли не затронуть и его отношения с монголами. Начиная с Н.М. Карамзина (Карамзин 2002: 496), речь шла исключительно об антиордынском характере внешней политики Даниила. Об этом писали С.М. Соловьев (Соловьев 1988: 170), А.Е. Пресняков (Пресняков 1988: 63), И.П. Крипякевич (Крипякевич 1984: 99), Н.Ф. Котляр (Котляр 2005: 22, 26) и др. Рассуждая таким образом, исследователи ссылались на тексты источников: свидетельство летописи, где сказано, что Даниил отказывался принимать корону, пока папа не окажет ему помощь в борьбе с татарами (ПСРЛ 2: 191), а также письма папы Иннокентия IV Даниилу, в которых папа просит Даниила Галицкого уведомлять рыцарей Тевтонского ордена о надвигающейся монгольской угрозе

(Акты 1841: 68) и призывает христиан Богемии, Моравии, Сербии и Померании проповедовать крестовый поход против монголов (Акты 1841: 78).

В современной исторической науке трактовка ордынской политики Даниила Галицкого не столь однозначна. Как верно отмечает Е.Е. Иванова, «сообщения источников можно интерпретировать и несколько иначе» (Иванова 2013: 38). В последние годы вышло несколько работ отечественных и зарубежных исследователей по истории Галицко-Волынской Руси. Среди них есть как монографии (Майоров 2011; Nagirnyj 2011; Dąbrowski 2012; Войтович, Александрович 2013), так и множество статей, в том числе по некоторым спорным вопросам монголо-татарского нашествия: это статьи А.В. Майорова (см.: Майоров 2012а; Майоров 2012б; Майоров 2013а; Майоров 2013б; Майоров 2015а), М.Димника (Димник 2014), а также уже цитированная выше статья Е.Е. Ивановой (Иванова 2013) и ряд других.

Осада Киева

В 1240 г. войска Батыя осадили Киев (ПСРЛ 2: 264 об. – 265) и взяли его 6 декабря, «на Николин день» (ПСРЛ 1: 177). Впрочем, дата взятия монголами Киева тоже спорна: Ипатьевская летопись, писавшаяся в Галицко-Волынской Руси, не дает дат осады Киева. О взятии города «на Николин день» сообщает Лаврентьевская летопись. Но с датировкой осады Киева (конкретно – с датой его взятия) не все так просто. Наибольшее распространение получила именно версия Лаврентьевской летописи о взятии города «на Николин день» (6 декабря). Однако есть свидетельства других источников, которые указывают на иную дату.

Существует версия, согласно которой город был взят за девять дней. Эта версия базируется на свидетельствах из двух источников: во-первых, летописи Рашид ад-Дина, в которой упоминается следующее: «Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г.х. [1239 г. н.э.], когда Гююк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана [Угедея], возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкеркан» (Рашид ад-Дин 1941: 37). Под «черными шапками» стоит понимать черных клобуков – тюркское население Киевской Руси, проживавшее южнее Киева. Соответственно, есть возможность предположить, что «большой город русских Манкеркан» рядом с землей черных клобуков – это и есть Киев.

Стоит отметить, что рассказ о взятии Киева-Манкеркана-Маграмана в девять дней весьма аналогично сочетается с другими свидетельствами Ра-

шид ад-Дина, например о взятии Владимира («города Юргия Великого» у ад-Дина) в восемь дней и Переяславля («Переславля» у ад-Дина) в пять дней (Рашид ад-Дин 1941: 37). За такой же срок был взят город Макар, под которым И.Н. Березин предлагает понимать Москву (Березин 1855: 97).

Говоря об осаде Киева, нельзя не упомянуть «Летопись Авраамки» – свод, составленный во второй половине XV в., имеющий, скорее всего, новгородское или псковское происхождение (Летопись Авраамки 1889: 5). Несмотря на более позднее происхождение относительно Лаврентьевского и Ипатьевского сводов, свод Авраамки основан на более ранних источниках: здесь есть сведения, в том числе из «Толковой Палеи», из хроники Амартола, из разных Новгородских летописей (Супрасльского и Кирилло-Белозерского списков, Новгородской IV летописи). На это указывают делавшие предисловие к тексту летописи А.Ф. Бычков и К.Н. Бестужев-Рюмин (Летопись Авраамки 1889: 5–6). Указанная летопись датирует осаду Киева 5 сентября – 19 ноября 1240 г. (Летопись Авраамки 1889: 35).

На противоречивые данные источников указывал Г.Ю. Ивакин (Ивакин 1996: 46–47). Он приводит важное свидетельство из «Владимирского летописца», где о взятии Киева сказано: «месяца декабря в 6 день» (ПСРЛ 30: 90), что можно трактовать двояко – и как указание на конкретную дату (6 декабря), и как указание на срок, в который был взят в город («в 6 день» = «за 6 дней»). Относительно датировки, происходящей из «Летописи Авраамки», исследователь отмечает, что указанный в ней день взятия Киева (19 ноября) действительно выпал на понедельник (Ивакин 1996: 47), как и было отмечено у летописца. По мнению Ивакина, это указывает на то, что приписка про понедельник – это не фантазия летописца и не ошибка, а известие, попавшее в летопись из другого письменного источника (Ивакин 1996: 47).

Подробно свидетельства «Летописи Авраамки» исследовал В.И. Ставиский (причем ранее, чем Г.И. Ивакин и другие современные исследователи – работа Стависского вышла в 1990 г.) (Ставиский 1990: 282–290). Он прямо говорит о том, что известия о дате падения Киева из «Летописи Авраамки», которая восходит к общему протографу с Супрасльской и Псковской первой, являются истинными и более древними. Ставиский говорит о том, что эти известия были записаны в митрополичьем «Летописце», список которого попал в Новгород вместе с митрополитом в 1251 г. Этот список, вошедший в состав свода (так называемой Новгородской первой летописи особой редакции), использовался при составлении в XV в. псковского летописного свода, ставшего источником для «Летописи Авраамки» (Ставиский 1990: 290).

Эта точка зрения представляется нам наиболее убедительной. В одной из прошлых работ мы, касаясь вопроса об авторстве Галицко-Волынской летописи, упоминали имя Кирилла (Киселев 2015: 40–43), печатника и митрополита. Мы соглашались с выводами А.Н. Ужанкова (Ужанков 2009: 356), который указывал на то, что Кирилл является автором первой редакции Галицко-Волынской летописи (вернее, ее первой части – «Летописца Даниила Галицкого»). Этот факт можно соотнести с утверждением В.И. Стависского (чья работа вышла раньше книги А.Н. Ужанкова), который пишет, что южнорусский свод, ставший источником дополнительного новгородского свода (который в свою очередь послужил основой для «Летописи Авраамки»), был составлен по инициативе митрополита Кирилла, прибывшего около 1250 г. в Новгород (Ставиский 1990: 288–289). Таким образом, можно сказать, что в «особый» новгородский свод, а оттуда в псковское летописание и в «Летопись Авраамки» дата попала непосредственно под влиянием галицкого летописца Кирилла. Это служит дополнительным аргументом в пользу достоверности даты из «Летописи Авраамки». Почему же в других летописях указана другая дата?

Отвечая на этот вопрос, можно согласиться с рассуждениями В.И. Стависского. Очевидно, что составитель велиокняжеского свода 1263 г., написанного в интересах Александра Невского, не мог не знать о летописце митрополита, который пользовался особым содействием князя Александра Невского. Однако, по предположению В.И. Стависского, летописец ростовский не был заинтересован в тщательном описании киевской осады (нелестного эпизода для ростовской княгини Марии Михайловны, дочери Михаила Черниговского, долгое время претендовавшего на Киев). Поэтому летописец ограничился лишь указанием на взятие Киева «на память святого мученика Варлаама» – 19 ноября (Ставиский 1990: 289). Дальнейшее изменение даты – это результат «трансформации» – неверной трактовки даты «памяти святого Варлаама» как 22 сентября, так как этот день также выпадает на память мученика Варлаама, а также местночтимого (но более почитаемого) на северо-востоке Руси святого Николая Святоши (Ставиский 1990: 289–290). После этого летописная формула меняется с «памяти святого мученика Варлаама» на день памяти «отца нашего Николы» (все так же без указания конкретной даты). Позднейшие летописцы связали день памяти «отца нашего Николы» с днем памяти одного из самых почитаемых общерусских святых – Николая Чудотворца, так в летопись попала запись про «Николин день» 6 декабря. Ситуации с ошибками и неточностями при переносе информации из более ранних сводов в более поздние нечасты. Мы не будем перечислять их и подробно на этом останавливаться,

лишь отослав интересующихся к работам выдающихся историков летописания: А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, О.В. Творогова, упомянутым работам А.Н. Ужанкова, В.И. Стависского и др. В данном случае также имела место подмена «дня памяти святого», вызванная отсутствием конкретной даты в «Летописце» 1263 г. Конкретная и более верная дата осталась в «Летописи Авраамки», куда она опосредованно попала из «Летописца» митрополита Кирилла, который до 1246–1247 гг. вел летописец Даниила Галицкого. И эта дата – 19 ноября. Почему же эта дата не попала в «родную» для Кирилла Галицко-Волынскую летопись? На этот вопрос мы постараемся ответить чуть позже.

До сих пор, несмотря на выводы, сделанные в результате источниковедческих исследований, многие историки продолжают придерживаться общепринятой даты (Nagirnyj 2011: 217; Dąbrowski 2012: 217; Почекаев 2006; Войтович, Александрович 2013: 114; Димник 2014: 20); впрочем, есть сторонники и у версии, что осада Киева продолжалась значительно меньше (Котляр 2005: 21; Ставиский 1990: 290), Д.Г. Хрусталев признает как основную именно датировку из «Летописи Авраамки» (Хрусталев 2008: 179), И.П. Крипякевич, например, ограничивается констатацией факта, что Киев был взят в декабре 1240 г. (Крипякевич 1984: 95), а А.Ю. Карпов приводит различные версии датировок осады Киева, но не отдает предпочтение ни одной из них (Карпов 2011: 69).

Известия Галицко-Волынской летописи о падении Киева рассматривает в своей работе А.П. Толочко (Толочко 2014: 101–118). Исследуя летописный текст, Толочко приходит к ряду интересных выводов. Во-первых, к тому, что этот текст был записан не очевидцем событий (как считалось ранее), а «профессиональным» летописцем-писателем не ранее начала 1260-х гг. (Толочко 2014: 103–104). На это указывают, в частности, слова летописца о том, что Гуюк «вратисѧ оувъдавъ смѣть кановоу и бысъ каномъ» (ПСРЛ 2: 177). Гуюк стал ханом в 1246 г., что говорит о невозможности летописца писать об этом в 1240 г. Кроме того, как отмечает Толочко, в летописном рассказе о «сглядении града» Киева Менгу (Мунке) преемник Гуюка назвал того «Менгуканом» (ПСРЛ 2: 177), хотя ханом Менгу стал уже после смерти Гуюка, в 1251 г. (Толочко 2014: 103).

Также А.П. Толочко подробно разбирает сам рассказ о взятии Киева и находит в нем множество заимствований и отсылок к известным на Руси византийским историческим произведениям. В частности, исследователь указывает на «Иудейскую войну» Иосифа Флавия и «Хронику» Георгия Амартола (Толочко 2014: 104). Толочко сравнивает между собой тексты древних хроник и русской летописи, приходя к

выводу, что летописец копировал целые эпизоды. Среди прочего, это был эпизод об осмотре Киева Менгу, который перекликается с эпизодом об осмотре Иерусалима Помпеем. Историк отмечает сходство между описанием городской структуры Иерусалима Флавием и Киева галицким летописцем. Как и у Флавия, у которого последним оплотом защитников Иерусалима стал храм, в летописи осажденные киевляне в конце концов собираются в Десятинной церкви (Толочко 2014: 107). Летописное описание войск Батыя сходно с описанием войск Антиоха при осаде Иерусалима из «Хроники» Амартола. По словам А.П. Толочко, Амартол в свою очередь цитировал эпизод о взятии Иерусалима Навуходоносором из Книги пророка Иезекииля, а эта цитата в итоге и стала основой для летописного рассказа о взятии Киева (Толочко 2014: 108).

В конце концов, А.П. Толочко приходит к неутешительному выводу: текст летописи, практически полностью скопированный или перефразированный из источников, не имеющих отношения к монгольскому захвату Киева, никакой ценности для суждения о прошлом не имеет и для исторической реконструкции не пригоден (Толочко 2014: 115).

Сказав об этом, мы попытаемся ответить на вопрос, поставленный чуть выше: почему же печатник / митрополит Кирилл не указал конкретную дату в Галицко-Волынской летописи и зачем ему понадобилось выстраивать рассказ на заимствованиях?

Стоит сказать, что Галицко-Волынская летопись – ее хронология, текст и стилистические особенности – рассматривались многими авторами, в том числе М.С. Грушевским, Н.Ф. Котляром, А.Н. Ужанковым и др. Н.Ф. Котляр пишет, что на значительные особенности летописи обращал внимание еще Н.М. Карамзин (Котляр 2006: 36). Не ставя перед собой задачу осветить дискуссию по поводу проблем, связанных с текстом летописи, мы согласимся с утверждением о том, что Галицко-Волынская летопись противостоит традиционному летописному тексту (Котляр 2006: 54), являясь не привычной для нас погодной летописью, а набором исторических повестей, характерных для письменной традиции Юго-Западной Руси. Особенно характерно это проявляется в первой части летописи – так называемом «Летописце Даниила Галицкого». Именно первая часть изобилует хронологическими неточностями: неточно дано, например, вождение Мстислава Мстиславича в Галиче (Майоров 2001: 442), а также такие значительные для истории Южной Руси события, как битва на Калке и битва под Ярославом, где достигло «высшей точки... полководческое искусство Даниила» (Котляр 2006: 49).

Если согласиться с тезисом о том, что Галицко-Волынская летопись представляет собой набор повестей, и сопоставить его с тезисами

о Кирилле как авторе «Летописца Даниила Галицкого», и о том, что перед нами творчество «профессионального писателя» (тезис А.П. Толочко, который, впрочем, считает, что первая редакция Галицко-Волынского свода была составлена только в начале 1260-х гг., с чем мы не согласны), можно попытаться ответить на поставленный вопрос. Летописцу было просто не нужно датировать события: он составлял не погодные статьи, он писал историческое произведение – повесть. У этой повести была совершенно иная цель, такая же, как и у позднейшей литературы, – затронуть человеческие чувства, показать нелегкую и героическую историю народа.

Говоря об этом, стоит сказать о топосах – понятии, введенном Аристотелем, обозначающим «общие места» – общезначимые утверждения или темы. Проблему топосов в литературе, философии и культурологии рассматривали и рассматривают немало ученых, в том числе Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, Е.Л. Конявская, В.Ю. Прокофьева. В современном литературоведении есть две точки зрения на понятие «топос»: 1) это «общее место», набор устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальной литературы (Прокофьева 2004: 89); 2) значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым (Прокофьева 2004: 89). В первом случае понятие «топос» охватывает общие проблемы и сюжеты национальной литературы, устойчивые речевые формулы. В состав топики включаются эмоциональный настрой произведения, нравственно-философские проблемы и «вечные темы». По словам Е.В. Хализева, топосы – это «структуры универсальные, надвременные, статичные» (Хализев 2002: 246).

Проблемами топосов и образа автора в древнерусской литературе занималась Е.Л. Конявская, которая отмечала, что понятие представляется из себя «расплывчатый и неопределенный феномен» (Конявская 2000: 7). Исследуя агиографические произведения Нестора, Конявская пришла к выводу о том, что их адресатом является монастырская братия, а целью – дать образец для подражания (Конявская 2000: 35), а также о том, что Нестор осознавал, что пишет и для будущих поколений тоже (Конявская 2000: 36).

Нам представляется возможным применить данную теорию к историческим повестям автора Галицко-Волынской летописи. Перечисленные А.П. Толочко парофразы и заимствования – это топосы. Очевидно, что цель их использования автором – это создание красочного художественного произведения, демонстрация героических поступков жителей Киева, но также многочисленные отсылки к библейским сюжетам и сказаниям. Описанное сражение, таким образом,

представляется столкновением в каком-то роде с адскими силами. Для этого используются, например, топос «скрипа телег» (вероятно, в христианской символике «скрип», «скрежет» и др. резкие неприятные звуки ассоциировались с чем-то нечистым, потусторонним – для сравнения о «плачте и скрежете зубовном» см. Мф. 22:13). Комментируя летописный текст о вале и рве, А.П. Толочко называет их «символами обреченности» (Толочко 2014: 109–110) и говорит о них как об одной из главных повторяющихся тем в пророчествах Иезекииля.

Один из самых ярких топосов летописца – это Десятинная церковь, падением которой завершилось взятие Киева. А.П. Толочко указывает на то, что в Галицко-Волынской летописи есть еще два эпизода, когда церковь превращалась в оборонительное сооружение (Толочко 2014: 113), а также несколько эпизодов сражения на «комарах» храмов у Иосифа Флавия (Толочко 2014: 114), делая вывод о том, что летописец неверно понял слово «комары» как церковные своды, а не пристройки к храмовому комплексу (балконы, портики), увидев в обрушении «комаров» обрушение церкви (Толочко 2014: 114–115).

Впрочем, нужно вернуться к изначальным целям и задачам исторического повествования галицкого летописца, а также характерным проблемам топики. Сам Толочко говорит о том, что летописец копирует не слепо и не из одного источника, а собирает элементы своего повествования из разных знакомых ему текстов, причем подбирает наиболее красочные сцены (огромная вражеская сила, «пороки», сражение на стенах и гибель людей под сводами церкви).

Падение Десятинной церкви в данном случае можно интерпретировать как «падение» человеческой веры (многие исследователи отмечали падение киевлян духом), невозможность и неспособность сопротивлению силам «поганых», что в конечном итоге отражает настроение летописца – тяжесть, печаль, скорбь. В таком контексте летописец, создав картину обреченности и безысходности, все-таки оставляет «луч надежды», завершая повествование словами о сохранении жизни воеводе киевскому Дмитру «мужества ради его» (ПСРЛ 2: 178). Таким образом, автор показывает, что не все еще потеряно – тем более очень важно, что жизнь была сохранена именно воеводе; можно предположить, что в этом есть определенный смысл – если воевода жив, значит, он сможет еще возглавить отряд и оказать сопротивление победившему неприятелю. А.П. Толочко отмечает также определенный параллелизм в описанной судьбе Дмитра и самого древнего автора Иосифа Флавия, который был «воеводой» в «Истории», но был пощажен римлянами из-за «храбрости и мудрости» и затем примкнул к бывшим противникам (Толочко 2014: 108).

Судьба Киева, несмотря на все летописные противоречия относительно датировки и обстоятельств его осады, была незавидна. Это признают современные исследователи. А.П. Толочко говорит, что Киев «был разорен дотла» (Толочко 2014: 118), о находках археологов пишет А.Ю. Карпов, который отмечает «сожженные дома и ремесленные мастерские, разрушенные храмы... человеческие скелеты под толстым слоем пожарища», а также то, что от 50-тысячного населения города уцелело не более двух тысяч человек (Карпов 2011: 72).

Монголы в Юго-Западной Руси

После захвата Киева монголо-татарские войска вторглись в земли Даниила Галицкого. При этом Р.Ю. Почекаев утверждает, что речь идет не о едином походе: «*Никакого единого похода на этот раз не было: была серия отдельных рейдов как в северные, так и в южные области Руси*» (Почекаев: 2006).

В русских летописях свидетельства о разорении русских земель Батыем выделяются в отдельную летописную повесть – так называемую «Повесть о нашествии Батыя». Об этом пишут, например, Н.Ф. Котляр (Котляр 2005: 44–47) и А.В. Майоров, который указывает на то, что «Повесть» представлена в трех летописных вариантах: в Ипатьевском (Южная Русь), Лаврентьевском (Северо-Восточная Русь) и Новгородском (Северо-Западная Русь) (Майоров 2013b: 6). Кроме того, особо выделяются Софийская первая и Новгородская четвертая летописи, в которых, по словам Г.М. Прохорова, содержится сводный рассказ, соединяющий выборочно три вышеуказанных варианта (Прохоров 1987: 364).

После взятия Киева монголы начали опустошение Волынской и Галицкой земель. По свидетельству Ипатьевской летописи, «...приде к горо^д Колодажну и постави порока ві и не може разбить стньни и начать перемолъвливати люди whи же послушавше злого свьта его передашася и сами избити быша и приде Каменцю Изяславлю взять а видивъ же Кремѧнъць и градъ Даниловъ...» (ПСРЛ 2: 178). Летописец называет несколько городов, взятых монголами: Колодяжен, Каменец, Изяславль, Кременец и Данилов. Об этом писали И. Крипякевич (Крипякевич 1984: 95–95), Д. Домбровский (Dąbrowski 2012: 218), М. Димник (Димник 2014: 21), Д. Хрусталев (Хрусталев 2008: 188), осаду Каменца и Данилова упоминали Н. Котляр (Котляр 2005: 21), Л. Войтович (Войтович, Александрович 2013: 114), В. Нагорный (Nagirnyj 2011: 217). А.Ю. Карпов и вовсе пишет, что указанные пять городов «принадлежали к числу новых городов, построенных Даниилом - князем Даниилом Галицким

в 30-е гг. XIII в. «по последнему слову европейского фортификационного искусства» (Карпов 2011: 73).

Однако А.В. Майоров вслед за Е.И. Осадчим (Осадчий 2011: 78–90) указал на несоответствие двух летописных свидетельств: приведенного выше отрывка из Ипатьевской летописи и отрывка из Софийской первой летописи, где Кременец был назван «градом Даниловым» (Майоров 2012: 60). Летописи Новгородско-Софийской группы выделяют не пять городов, стоявших на пути Батыя, а только три: Колодяжен, Каменец и Кременец, в доказательство чего приводит различные летописные свидетельства (ПСРЛ 6: 302; ПСРЛ 4: 227; ПСРЛ 35: 27, 44; ПСРЛ 25: 131). Данные всех этих летописей позволяют сделать вывод о том, что топонимы «Изяславль» и «Данилов», упоминаемые Ипатьевской летописью, нельзя считать названиями отдельных городов, а лишь указаниями на принадлежность: таким образом, мы имеем дело с Каменцем Изяславовым (т. е. городом Изяслава) и Кременцом Даниловым (т. е. городом Даниила).

К такому выводу пришли еще историки XIX в.: Н.М. Карамзин (Карамзин 2002: 12), С.М. Соловьев (Соловьев 1988: 140–141) и Н.П. Дашкович (Дашкович 1873: 72), но позднейшие историки приняли версию о пяти взятых Батыем городках. А.В. Майоров связывает это с археологическими открытиями уже советского периода (в частности, открытиями П.А. Раппопорта), в результате которых на территории современного села Даниловка (Тернопольская область Украины) были обнаружены остатки поселения XIII в. (Майоров 2012: 62). Это позволило некоторым исследователям сделать вывод о том, что на месте Даниловки в эпоху монголо-татарских завоеваний существовал город Данилов – тот самый, упоминаемый в летописи. Но нам представляется более обоснованной версия о трех городах, основанная на летописях Новгородско-Софийской группы.

Разбирая свидетельства Рашид ад-Дина, касающиеся завоевания русских земель, А.В. Майоров пишет об эпизоде взятия города «Учогула Улодмура», оказавшего монголам сопротивление (Майоров 2015b: 169). Майоров говорит о трудностях идентификации «Учогула Улодмура». И.Н. Березин, например, считал, что под этим названием следует понимать «Владимирскую [Владимира-Волынскую. – М.К.] область» (Березин 1855: 102). И если, как отмечает Майоров, слово «Улодмур» действительно фонетически можно уподобить «Владимиру», то с идентификацией «Учогула» возникают серьезные проблемы – на Волыни нет городов со сходным названием (Майоров 2015b: 170).

Эту странность А.В. Майоров объясняет тем, что в тюркских языках есть выражение «уч огул», что означает «три сына» (Майоров 2015b: 170–171). Согласно предположению исследователя, речь в свидетель-

стве Рашид ад-Дина идет не о прямом названии города («Улодмур» = «Владимир»), а об указании на правителя данного города, для сравнения: в случае со взятием Владимира-на-Клязьме – столного города Северо-Восточной Руси – Рашид ад-Дин называет его городом «Юргия Великого» (Рашид ад-Дин: 39), указывая, таким образом, имя правителя, а не название города (Майоров 2015b: 173). После этого Майоров делает еще одно предположение, что под «Улодмуром» имеется в виду киевский князь Владимир Рюрикович, а под «Учогулом» – три его сына, а речь у Рашид ад-Дина идет о завоевании принадлежавших им городов (Майоров 2015b: 175). Одного из этих сыновей ученый идентифицирует с Ростиславом Владимировичем, упоминаемым русскими летописями. Эти выводы А.В. Майорова выглядят весьма убедительными, хотя весьма трудно решить еще одну поставленную им задачу – определить, в каком городе правил упомянутый Ростислав. Майоров делает предположение о том, что этим городом мог быть Колодяжен, но это остается лишь предположением. Также исследователь отмечает, что «город трех сыновей» Владимира, возможно, стоит искать где-то среди безымянных городищ на границе Киевской и Волынской земель, прекративших существование в середине XIII в. (Майоров 2015b: 177).

Если Колодяжен и Каменец Батыю покорились, то Кременец не был взят. Летописец объясняет это тем, что Батый увидел, что город невозможно взять («видивъ же Кременъць и градъ Данилов æко не возможно приæти ему и ѿиде ѿ нихъ») (ПСРЛ 2: 178). М.Димник пишет: «Трудно поверить, что укрепления двух маленьких городков [Димник придерживается версии о том, что Кременец и Данилов – два разных города. – М.К.] помешали хану начать атаку» (Димник 2014: 21). С позицией Димника можно согласиться – действительно, причина того, что Батый не взял Кременец, была в другом.

Даниил Галицкий и монголы накануне вторжения

Стоит упомянуть о событиях, произошедших чуть раньше описываемых нами, а именно о взаимоотношениях Даниила Галицкого с татарами, которые предшествовали вторжению войск Батыя в Южную Русь. Ряд исследователей отмечали факт (или, по крайней мере, возможность) того, что Даниил совершил поездку в Орду либо встречался с представителями монголо-татарской знати еще до 1245 г., когда галицкий князь отправился в ставку Батыя за ярлыком на княжение. Среди этих исследователей М.С. Грушевский (Грушевский 1993: 66), В.Т. Пашуто (Пашуто 1950: 236), Я.Р. Дашкевич (Дашкевич

2006: 47), Н.Ф. Котляр (Котляр 2008: 280), В. Нагорный (Nagirnyj 2011: 231–232) и другие.

Однако все перечисленные исследователи высказывали разные мнения по вопросу отношений с Ордой Даниила Галицкого. М.С. Грушевский предполагал, что до поездки в Орду к Бытюю Даниил мог встретиться с темником Мауци (Могучим), В.Т. Пашуто не входил в детальное рассмотрение вопроса о времени и обстоятельствах встречи, а Я. Дашкевич и В. Нагорный говорили, что Батый сам искал встречи с Даниилом. М. Бартницкий даже предполагал, что до 1244 г. Даниил Романович мог совершить поездку в Монголию, чтобы заручиться поддержкой ханского правительства (Bartnicki 2005: 108–109).

Большинство упомянутых исследователей принимали во внимание текст венгерского источника, а именно жалованной грамоты короля Венгрии Белы IV, которая была адресована Николаю, сыну Обичка из Зюд (Грамота Белы IV: 100–102). Первым из отечественных исследователей внимание на нее обратил М.С. Грушевский. В данной грамоте идет речь о пожаловании Николаю, сыну Обичка из Зюд, земли Коаржег (ныне – село Коляре в Словакии) (Грамота Белы IV: 100). Пожалован Николай был за дипломатическую службу и выполнение миссий в Венеции, Болгарии и на Руси. Во время пребывания на Руси Николай встретился с Даниилом Галицким, который «повидал принца Тартар» («...duce Daniela, qui Tartarorum principe visitato...») (Грамота Белы IV: 101).

Именно это свидетельство и заинтересовало исследователей Галицко-Волынской Руси. Грамота Белы IV датирована 22 апреля 1244 г., что ставило историков перед фактом Даниил Галицкий встречался с кем-то из татарской знати еще до своей поездки в Орду в 1245 г. Впрочем, сама грамота была предметом дискуссий. Мы не будем вдаваться в подробности этих дискуссий, лишь отметим главный спорный момент, на который указывали все исследователи этого документа – грамота имеет необычную интитуляцию «[Б]ела, милостью Божией король, первородный [сын] короля Венгрии» («[B]ela, dei gracia rex primogenitus regis Hungarie»), в то время как в большинстве других грамот титул совершенно иной: «Бела, милостью Божией король Венгрии, Далмации, Хорватии, Рамы, Сербии, Галиции, Лодомерии и Комании» («Bela, dei gracia Vngarie, Dalmacie, Croacie, Rame, Servie, Gallicie, Lodomerie, Comanieque rex» – Грамота Белы IV: № 121–122, 124, 126, 128–129 и пр.). Кроме того, в тексте грамоты, данной Николаю, сказано, что грамота дана «в год воплощения Господня тысяча двести сорок четвертый, десятые календы мая, нашего королевства двадцатый». Однако общепринятой датой коронации Белы IV является 14 октября 1235 г. (Cronicci Hungarici: 467), таким

образом 22 апреля 1244 г. приходится не на двадцатый, а на девятый год правления Белы.

Указанные несостыковки по-разному объяснялись и разрешались исследователями. Кто-то считал, что ошибка исключительно в датировке и грамоту надо датировать 1254 г., т. е. двадцатым годом правления Белы (Wertner 1893: 380), кто-то – что грамота должна быть датирована 1246 г., а встреча Даниила с «принцем Тартар» относится к 1245 г. (Senga 1987: 590; Фонт 2002: 97). Высказывались и более радикальные точки зрения: например, Я. Карабоньи и И. Сентпетери называли грамоту фальсификацией (Karácsonyi 1902: 228). Современный польский исследователь Д. Домбровский также скептически отнесся к подлинности упомянутого документа, но все же согласился с тем, что встреча Даниила с неким монгольским правителем ранее весны 1244 г. могла состояться (Dąbrowski 2007: 168–169).

Недавно было предпринято несколько попыток анализа грамоты Белы IV Николаю, сыну Обичка из Зюд (1244 г.) российскими и украинскими исследователями. По словам А.В. Майорова, единственное на сегодня комплексное источниковедческое исследование текста грамоты принадлежит М.М. Волощку (Майоров 2013а: 56). Сам А.В. Майоров также посвятил исследование данной грамоте и факту встречи Даниила с «принцем Тартар» (Майоров 2013а: 53–77), в которой попытался объяснить спорные вопросы, связанные с датировкой грамоты. Сославшись на документы папской канцелярии (два послания Гонория III от 22 февраля 1224 г.), а также на ряд венгерских документов 1223 г., исследователь показал, что уже к этому времени (1223–1224) относится титулование Белы «королем» (имеется в виду «младшим королем» – соправителем своего отца) и «первородным [сыном] короля Венгрии», а также признание этих титулов папой римским (Майоров 2013а: 59–60). Доводы А.В. Майорова выглядят весьма убедительными и дают возможность объяснить, почему 1244 г. назван в исследуемой грамоте «годом нашего правления двадцатым». Впрочем, повторимся, что не ставим перед собой цель осветить дискуссию по поводу этой грамоты, развернувшуюся в исторической науке.

Если предположить, что грамота подлинная и встреча Николая с Даниилом, а следовательно, и Даниила с «принцем Тартар» действительно состоялась, то произойти это должно было до 1244 г. Опять же согласимся с доводами А.В. Майорова, который показывает, что эта встреча должна была состояться еще до 1240 г., а именно в 1239 г., так как в это время был подписан венгерско-болгарский договор о союзе, а Болгирию, судя по тексту грамоты, Николай посещает уже после миссии на Русь (Майоров 2013а: 67–71). Кроме того, до весны

1246 г. Романовичи и король Бела фактически находились в состоянии войны, начало которой было положено оскорбительными действиями Белы во время визита к нему Даниила в 1240 г. (Майоров 2013а: 65). Текст летописи позволяет так думать: в летописной статье от 6751 (1243) г. говорится о браке между противником Даниила князем Ростиславом Михайловичем и Анной, дочерью Белы IV (ПСРЛ 2: 267 об.). Получается, что в 1240 г. Бела в грубой форме отказывается выдать свою dochь за Льва Даниловича, сына Даниила, а через пару лет выдает другую dochь за Ростислава – главного противника Даниила на Руси. К 1244 г. конфликт был еще не улажен, о чем говорит тот факт, что венгерские войска поддерживали войска Ростислава Михайловича в битве под Ярославом в 1245 г. (ПСРЛ 2: 183). Следовательно, визит венгерского дипломата на Русь вряд ли состоялся бы между 1240 и 1244 (год выдачи грамоты) гг.

Главный вывод, который можно сделать из этого: Даниил встретился с кем-то из монголо-татарских правителей до своей поездки в Орду в 1245 г. Необходимо упомянуть еще одно летописное свидетельство, датированное в Галицко-Волынской летописи 6751 (1243) г. (Майоров датирует эти события весной 1242 г.). Летописец говорит, что в это время Батый «искнал встречи» с Даниилом и отправил к нему послов – богатырей Манмана и Балая (ПСРЛ 2: 180). Я.Р. Дашкевич связывал это посольство с упомянутой в грамоте 1244 г. встречей с «принцем Тартар» (Дашкевич 2006: 47). А если принимать точку зрения А.В. Майорова о том, что встреча с «принцем Тартар» состоялась ранее 1240 г., к чему мы склоняемся, то получается, что в 1242–1243 гг. состоялась еще одна встреча с монголами, но на этот раз не Даниил ездил к правителью, а Батый сам «искнал встречи» и направил посольство. То есть ко времени поездки в 1245 г. между Даниилом и Батыем, а также между Даниилом и «принцем Тартар» (коим, по данным русских летописей, был Менгу (Мунке)) (ПСРЛ 6: 299–301; ПСРЛ 4: 221–222) уже был наложен контакт. Более подробно А.В. Майоров разбирает «договор» между Даниилом Галицким и монголами в двух других работах: «Повесть о нашествии Батыя на Южную Русь в Ипатьевской летописи. Часть 1» (Майоров 2012б) и ««Двойные известия» Галицко-Волынской летописи» (Майоров 2013б).

Все это имеет в виду А.В. Майоров, говоря, что Даниил Романович покинул свою землю накануне монгольского вторжения, «верный своим обязательствам перед татарами» (Майоров 2015а: 12). Вероятно, между Батыем и Даниилом существовал договор. Об этом говорит и М.Димник (Димник 2014: 21), обосновывая данным договором факт того, что Батый не взял Кременец. По предположению исследователя, этим же можно объяснить взятия Колодяжена (город принадлежал

Киевскому княжеству) и Каменца Изяславова (город принадлежал Изяславу, союзнику Михаила Черниговского) (Димник 2014: 21).

Взятие монголами Владимира и Галича

И Майоров (Майоров 2015а: 12–13), и Димник (Димник 2014: 22) обращают внимание на весьма странное летописное изложение событий, непосредственно связанных с вторжением монголов в Юго-Западную Русь. Взятию главных городов летописец посвящает всего две строчки: «*И приде к Володимроу и вза и копьемъ и изби и не щада тако же и гра^д Галичъ иныи гра^д многы»* (ПСРЛ 2: 178). Для сравнения: Лаврентьевский летописец дает четыре листа описания осады и взятия татарами только одного Владимира (ПСРЛ 1: 160–162), не говоря уже о других городах; есть описание разорения Рязани (ПСРЛ 1: 159 об.), Москвы (ПСРЛ 1: 160) и т. д. Оба исследователя говорят о том, что такое скучное описание – безусловно, работа летописца, который решил «не навредить репутации своего князя» (Майоров 2015а: 13), а также «выгородить Дмитрия», киевского воеводу, который «не осуждается за сговор с врагом», так как действовал в интересах Даниила (Димник 2014: 22). При этом М. Димник утверждает, что Даниил «просчитался», поверив, что Батый будет соблюдать условия «договора 1239 года», думая, что Волынь и Галичина вне опасности и покинув землю накануне нашествия (Димник 2014: 22), что привело к тому, о чем свидетельствует летописец, рассказывая о возвращении князя из Польши назад: «*Не бъ бо на Володимъръ не всталъ живыи*» (ПСРЛ 2: 179).

Впрочем, А.В. Майоров трактует летописные события иначе. Он говорит о распространенном в исторической науке мнении об ожесточенной битве за город и страшных казнях, которым были подвергнуты владимирцы после его взятия (Каргалов 1967: 127; Хрусталев 2008: 189; Карпов 2011: 105). А.В. Майоров говорит, что множество тел с пробитыми головами, обнаруженные во Владимире, едва ли можно считать доказательством ожесточенного сопротивления горожан: в подтверждение этого он приводит ссылки на работы нескольких современных исследователей, которые показывают, что пробитые «волынские черепа» свидетельствуют лишь о популярном в те времена методе борьбы с «упырями», при котором покойникам вбивали гвозди в черепа (Майоров 2015а: 17).

Кроме того, археологические исследования не выявили в Галиче и во Владимире-Волынском следов тотальных разрушений (Майоров 2015а: 18), таких, какие были в других крупных городах (в источниках отмечаются значительные разрушения в Киеве, Владимире, Черниго-

ве – см., напр., ПСРЛ 1: 160–162, Карпини 1957: 47). Таким образом, А.В. Майоров не находит следов серьезных разрушений и массовой гибели населения ни во Владимире, ни в Галиче (Майоров 2015а: 19), а сам эпизод взятия Галича называет «заурядным событием» (Майоров 2015а: 18).

Впрочем, не стоит недооценивать степень разорения Галицко-Волынской земли после монгольского нашествия. Это отмечает и Майоров, говоря, что «середина XIII в. стала трагическим рубежом в истории» Галича, после чего начался период упадка города (Майоров 2015а: 19), а также всей Галицко-Волынской земли, что отмечали В. Нагорный (Nagirnyj 2011: 178), Д. Домбровский (Dąbrowski 2012: 219), Л. Войтович (Войтович, Александрович 2013: 115) и др. Несмотря на возможно существовавший «договор» или упоминаемые А.В. Майоровым «обязательства» в отношениях Даниила и татар, Галицко-Волынская Русь не избежала серьезного разгрома, после которого ее расцвет на некоторое время сменился тяжелым упадком – экономическим, политическим и культурным.

После рассмотрения некоторых спорных моментов, связанных с монгольским вторжением в Южную Русь, и их освещения в историографии, можно констатировать, что современные историки сделали несколько важных, значительных шагов в работе с дискуссионными и до сих пор слабо освещенными проблемами. Привлекая материал русских и европейских источников, а также работы предшественников, исследователи последнего десятилетия берутся как за комплексные исследования (как, например, Майоров, Домбровский, Войтович, Нагорный), так и за всестороннее изучение конкретных проблем, связанных с межкняжескими отношениями на Руси, а также отношениями южнорусских князей с монголо-татарами и странами Европы.

Впрочем, стоит отметить, что до сих пор остаются проблемы нерешенные. В первую очередь невозможность (на текущий момент) их решения связана с отсутствием в источниках сведений, необходимых для их анализа и оценки. Кроме того, остаются спорные вопросы, во взглядах на которые исследователи не могут сойтись. Например, А.В. Майоров указывает на проблему идентификации князя Ярослава, о взятии которым в 1239 г. Каменца сообщает летопись. Майоров предполагает, что Ярославом был луцкий князь Ярослав Ингваревич (в этом исследователь следует за М.С. Грушевским (Грушевский 1901: 28)), а в северо-восточную летопись сообщение попало из-за путаницы между Ярославом Ингваревичем Луцким и великим князем Владимирским Ярославом Всеялововичем, которого большинство исследователей идентифицировали ранее с Ярославом (см. напр.: Горский 2004: 186–187; Карпов 2011: 306). Казалось бы,

версия о луцком Ярославе логичнее, так как в условиях разорения после монгольского нашествия у Ярослава Всеволодовича не было ни одной причины направляться с северо-востока в юго-западные волынские земли и захватывать небольшой городок. В то же время у луцкого князя Ярослава Ингваревича, княжившего гораздо ближе к Каменцу, возможности для этого были. Тем не менее А.А. Горский назвал версию о Ярославе Луцком «невероятной» (Горский 2004: 186–187). Разрешение всех этих исторических проблем – задача современных и последующих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Акты 1841 - Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Спб., 1841. Т. 1: Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 год.

Березин 1855 - Березин И.Н. Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Ч. LXXXVII.

Войтович, Александрович 2013 - Войтович Л., Александрович В. Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

Грамота Бельы IV - Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae / Ed. R. Margina. Bratislavae, 1987. Т. 2.

Горский 2004 - Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Грушевский 1901 - Грушевський М. С. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41.

Грушевский 1993 - Грушевський М.С. Історія України – Руси. Київ, 1993. Т. 3.

Дашкевич 1873 - Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873.

Дашкевич 2006 - Дашкевич Я. Данило Романович і єпископ Петро в освітленні караїмського джерела // Дашкевич Я. Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. Львів, 2006. С. 35–62.

Димник 2014 - Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С. 17–35.

Ивакин 1996 - Ивакин Г.Ю. Историчний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. (историко-топографічні нариси). Киев, 1996.

Иванова 2013 - Иванова Е.Е. К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.

Карамзин 2002 - Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. Т. 4.

Каргалов 1967 - Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.

Карпини 1957 - Иоанн де Плано Карпини. История Монголов / введ., пер.

- и прим. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.
- Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011.
- Киселев 2015 - *Киселев М.В.* Австрий «узел» во внешней политике Даниила Галицкого // Руслан. 2015. № 1. С. 25–50.
- Конявская 2000 - *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.
- Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская Русь второй половины XII–XIII в. // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Котляр 2006 - *Котляр Н.Ф.* О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 36–54.
- Котляр 2008 - *Котляр Н.Ф.* Даниил, князь Галицкий. СПб., Киев, 2008.
- Кропякевич 1984 - *Кроп'якевич І.П.* Гальцько-Волинське князівство. Київ, 1984.
- Летопись Авраамки 1889 - Полное собрание русских летописей. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889.
- Майоров 2001 - *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001.
- Майоров 2011 - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011.
- Майоров 2012a - *Майоров А.В.* Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Руслан. 2012. № 4. С. 56–72.
- Майоров 2012b - *Майоров А.В.* «Король Руси» в битве на Лейте // Руслан. 2012. № 3. С. 54–77.
- Майоров 2013a - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Руслан. 2013. № 1. С. 53–77.
- Майоров 2013b - *Майоров А.В.* Последний рубеж западного похода Батыя в Карпато-Дунайские земли // Руслан. 2013. № 2. С. 6–18.
- Майоров 2015a - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Руслан. 2015. № 1. С. 11–24.
- Майоров 2015b - *Майоров А.В.* Завоевание Батыем Южной Руси: к интерпретации одного известия Рашид ад-Дина // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1. С. 169–181.
- Осадчий 2011 - *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 Іпатіївського літопису // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X.
- Пашуто 1950 - *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Почекаев 2006 - *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006 // Большая онлайн библиотека e-Reading. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1034127/Poche-kaev_Batyy.html (дата обращения: 02.02.2016).
- Пресняков 1988 - *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М., 1988.
- Прокофьева 2004 - *Прокофьева В.Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 87–94.

- Прохоров 1987 - Прохоров Г.М. Повесть о нашествии Батыя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1.
- ПСРЛ 1 - Полное собрание русских летописей. Л., 1927. Т. I.
- ПСРЛ 2 - Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. II.
- ПСРЛ 4 - Полное собрание русских летописей. Л., 1929. Т. IV, ч. 1: Новгородская четвертая летопись.
- ПСРЛ 6 - Полное собрание русских летописей. Т. VI: Софийские летописи. СПб., 1853.
- ПСРЛ 25 - Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XXV.
- ПСРЛ 30 - Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. XXX.
- ПСРЛ 35 - Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. XXXV.
- Рашид ад-Дин 1941 - Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. М.; Л., 1941.
- Соловьев 1988 - Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. 2, т. 3.
- Ставиский 1990 - Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева 1240 г. по русским летописям // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 282–290.
- Толочко 2014 - Толочко А.П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. Cambridge, 2014. Vol. 22. Nr. 2. P. 101–118.
- Ужанков 2009 - Ужанков А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Фонт 2002 - Фонт М. Венрь на Руси в XI–XIII вв. // Збірник праць на пошану М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 89–98.
- Хализев 2002 - Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М.: Высш. шк., 2002.
- Хрусталев 2008 - Хрусталев Д.Г. Русь от нашествия до «ига» (30–40-е гг. XIII в.). СПб., 2008.
- Bartnicki 2005 - Bartnicki M. Polityka zagraniczna ksiecia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005.
- Cronici Hungarici - Domanovszky A. (ed.). Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // E. Szentpetery (ed.). Scriptores rerum hungaricarum, tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum. Budapestini, 1937. V. 1.
- Dąbrowski 2007 - Dąbrowski D. Stosunki polityczne miedzy krolem Wejjier Bela. IV, niektórymi ksiazetami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250 // Polska w kreju polityki, kultury i gospodarki europej skiej. Bydgoszcz, 2007.
- Dąbrowski 2012 - Dąbrowski D. Krol Rusi Daniel. Biodrafia polityczna (ok. 1201–1264). Krakow, 2012.
- Karácsonyi 1902 - Karácsonyi J. A hamis, hibáskeltü és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig. Budapest, 1902. Nr. 87.
- Nagirnyj 2011 - Nagirnyj W. Polityka zagranichna księstw ziem halickiej I wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264. Kraków, 2011.
- Senga 1987 - Senga T. Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett «tatárlevele» // Századok, 1987. Efv. 121. Sz. 4.
- Wertner 1893 - Wertner M. Die Regierung Bela des IV nach urkundlichen Quellen bearbeitet // Ungarische Revue. Budapest, 1893. Bd. 13.

REFERENCES

- Turgenev, A.I. (ed.) (1841) *Akty istoricheskie, otnosyashchiesya k istorii Rossii, izvlechennye iz ino-strannykh arkhivov i bibliotek A.I. Turgenevym* [The historical acts, related to the history of Russia, extracted from foreign archives and libraries by A.I. Turgenev]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Berezin, I.N. (1855) *Nashestvie Batyya na Rossiyu* [Batu's invasion in Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. LXXXVII.
- Voytovich, L. & Aleksandrovich, V. (2013) *Korol' Danilo Romanovich* [The king Daniel Romanovich]. Bila Tserkva: Pshonkivs'kiy.
- Marsina, R. (ed.) (1987) *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Vol. 2. Bratislavae: Obzor.
- Gorskiy, A.A. (2004) *Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva* [Rus. From the Slavonic settling to the Muscovite stardom]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Grushev'skiy, M.S. (1901) *Khronologiya podiy Galits'ko-Volins'koi litopisi* [The chronology of actions in the Galician-Volhynian chronicle]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 41.
- Grushev'skiy, M.S. (1993) *Istoriya Ukrainsi – Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
- Dashkevich, N.P. (1873) *Knyazhenie Daniila Galitskogo po russkim i inostrannym istochnikam* [The reign of Daniel of Galicia according to the foreign sources]. Kiev: Universitetskaya tipografiya.
- Dashkevich, Ya. (2006) *Postati: Narisi pro diyachiv istorii, politiki, kul'turi* [Persons: Essays about figures of history, politics and culture]. Lviv: Ukrainian National Academy of Sciences. pp. 35-62.
- Dimnik, M. (2014) Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: The Struggle for Galicia in 1239–1245. *Rusin*. 1. pp. 17-35. (In Russian).
- IVakin, G.Yu. (1996) *Istorichniy rozvitok Kieva XIII – seredini XVI st. (istoriko-topografichni narisi)* [Historical development of Kiev in the 13th – middle 16th centuries (Historical-topographical essays)]. Kiev.
- Ivanova, E.E. (2013) K voprosu ob ordynskoy politike knyazya Daniila Romanovicha Galitskogo [To the question of the hordian policy of the prince Daniel Romanovich of Galicia]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2(52). pp. 37-48.
- Karamzin, N.M. (2002) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [The history of the Russian State]. Vol. 4. Moscow.
- Kargalov, V.V. (1967) *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [Foreign-policy factors of feudal Russia development. Feudal Russia and nomads]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Carpine, G di P. (1957) *Istoriya Mongolov* [The History of Mongols]. Translated by A.I. Malein. Moscow.
- Karpov, A.Yu. (2011) *Batty* [Batu]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Kiselev, M.V. (2015) Austrian “knot” in foreign policy of Daniel of Galicia. *Rusin*. 1. pp. 25-50. (In Russian).

Konyavskaya, E.L. (2000) *Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhniaka (XI – середина XV в.)* [Author's self-consciousness of the ancient Russian scribe (the 11th – middle 15th centuries]. Moscow: Litres.

Kotlyar, N.F. (2005) Galitsko-Volynskaya Rus' vtoroy poloviny XII–XIII v. [Galician-Volhynian Rus in the late 12th – 13th centuries]. In: Kotlyar, N.F. & Plakhonin, A.G. (eds) *Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentariy. Issledovanie* [The Galician-Volhynian Chronicle. Text. Commentary. Research]. St. Petersburg: Aleteyya.

Kotlyar, N.F. (2006) O vozmozhnoy prirode netraditsionnosti struktury i formy Galitsko-Volynskoy letopisi [About possible nature of non-traditional structure and form of Galician-Volhynian Chronicle]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages.* 2(24). pp. 36-54.

Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz' Galitskiy* [Daniel, Prince of Galicia]. St. Petersburg; Kyiv: Aleteyya.

Kripyakevich, I.P. (1984) *Gal'ts'ko-Volins'ke knyazivstvo* [Galician-Volhynian principality]. Kiiv: Naukova dumka.

Anon. (1889) *Letopis' Avraamki* [The Chronicle of Avraamka]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. Vol. 16. St. Petersburg.

Maiorov, A.V. (2001) *Galitsko-Volynskaya Rus'* [Galician-Volhynian Rus]. St. Petersburg: Universiteteskaya kniga.

Maiorov, A.V. (2011) *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: iz istorii vneshe-politicheskikh i kul'turnykh svyazey XII–XIII vv.* [Rus, Byzantium and Western Europe. On history of international and cultural relations in the 12th – 13th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Maiorov, A.V. (2012a) Mongol-Tatars in the Galicia-Volyn Rus. *Rusin.* 4. pp. 56-72. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2012b) "King of Russia" in the Battle of Leitha. *Rusin.* 3. pp. 54-77. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2013a) Daniel of Galicia and the "Prince Tartar" before Batu's invasion to the Southern Rus. *Rusin.* 1. pp. 53-77 (In Russian).

Maiorov, A.V. (2013b) The last frontier of the Batu's raid to the Carpathian-Danube lands. *Rusin.* 2. pp. 6-18. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2015a) The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: controversial and unresolved issues. *Rusin.* 1. pp. 11-24. DOI: 10.17223/18572685/39/2

Maiorov, A.V. (2015b) Batu Khan's conquest of Southern Rus: To the interpretation of one news by Rashid Al-Din. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 1. pp. 169-181. (In Russian).

Osadchiy, E. (2011) Shche raz pro problemu istorichnykh nazv volins'kikh mist, zgadannikh u statti 1240 Ipatiivs'kogo litopisu [Once again about the names of the Volhynian cities mentioned in Article 1240 of the Hypatian Chronicle]. *Ruthenica.* 10. pp. 78-90

Pashuto, V.T. (1950) *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [The essays on the history of Galician-Volhynian Rus]. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Pochekaev, R.Yu. (2006) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu. Khan, who has never been a khan]. [Online] Available from: <http://www.e-reading.by/bookreader>.

- [php/1034127/Poche-kaev_-_Batyy.html](http://1034127/Poche-kaev_-_Batyy.html) (Accessed: 2nd February 2016).
- Presnyakov, A.E. (1920) *Obrazovanie Velikorusskogo gosudarstva* [The formation of Great Russian State]. Moscow: 9th State Typography.
- Prokofeva, V.Yu. (2004) Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomenii: lokusy i topozy [Category of space in the artistic aspect: Loci and topoi]. *Vestnik OGU – Vestnik of Orenburg State University*. 11. pp. 87-94.
- Prokhorov, G.M. (1987) *Povest' o nashestvii Batyya* [The tale about Batu's invasion]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The glossary of scribes and books of Ancient Rus]. Issue 1. Leningrad: Nauka.
- Karskiy, I.F. (ed.) (1927) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. Vol. 1. Leningrad.
- Shakhmatov, A.A. (ed.) (1908) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. Vol. 2. St. Petersburg.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. (1929) Vol. 4(1). Leningrad.
- Koshelev, A.I. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. (1853) Vol. 6. St. Petersburg: E. Pratz.
- Tikhomirov, M.N. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. (2004) Vol. 25. Moscow: YASK.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. (1980) Vol. 30. Moscow: Nauka.
- Ulashchik, N.N. (ed.) (1980) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronocles]. Vol. 35. Moscow: Nauka.
- Tizengauzen, V.G., Romaskevich, A.A. & Volin, S.L. (eds) (1941) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [The collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
- Soloviev, S.M. (1988) *Sochineniya: V 18 kn.* [Works: In 18 vols]. Vol. 2(3). Moscow.
- Staviskiy, V.I. (1990) *O dvukh datakh shturma Kieva 1240 g. po russkim letopisyam* [About two dates of the Kievan attack of 1240 by Russian sources]. *TODRL*. 43. pp. 282-290.
- Tolochko, A.P. (2014) *Vzyatie Kieva mongolami: istochniki letopisnogo opisaniya* [Mongolian capture of Kiev: Sources of the Chronicle's tale]. *Palaeo-slavica*. 22(2). pp. 101-118.
- Uzhankov, A.N. (2009) *Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIII vekov* [The problems of historiography and textual study of Old Russian memorials of the 11th – 13th centuries]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
- Font, M. (2002) *Vengry na Rusi v XI–XIII vv.* [Hungarians in Russia in the 11th–13th centuries]. In: Smoliy, V. (ed.) *Zbirnik prats' na poshanu M.F. Kotlyara z nagodi yogo 70-richchya* [Collection of works devoted to the 70th anniversary of M.F. Kotlyar]. Kyiv: [s.n.]. pp. 89-98.
- Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vyschaya shkola.
- Khrustalev, D.G. (2008) *Rus' ot nashestviya do "iga" (30–40-e gg. XIII v.)* [Rus from invasion to yoke (1230–1240s)]. SPb., 2008.

Bartnicki, M. (2005) *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264* [International politics of Prince Daniel of Galicia in 1217–1264]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Domanovszky, A. (ed.). (1937) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. In: Szentpetery, E. (ed.). *Scriptores rerum hungaricarum, tempore ducum regumque stirpis arpadianae gestarum*. Vol. 1. Budapestini.

Dąbrowski, D. (2007) Stosunki polityczne miedzy królem Wejjier Bela. IV, niektórymi ksiażetami polskimi i Romanowiczami w latach 1242–1250 [Relations between the Romanids and king Bela IV of Hungary and some princes of Poland in years 1242–1250]. In: Zyglewski, Z. (ed.) *Polska w kręgu polityki, kultury i gospodarki europejskiej* [Poland in the circle of politics, culture and the European economy]. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.

Dąbrowski, D. (2012) *Krol Rusi Daniel. Biografia polityczna (ok. 1201–1264)* [Daniel, the King of Rus. The political biography (ca. 1201–1264)]. Krakow: Avalon.

Karácsonyi, J. (1902) *A hamis, hibáskeletű és keltezetlen oklevelek jegyzéke 1400-ig* [List of false documents and floating dated statutes before 1400]. Issue 87. Budapest.

Nagirnyj, W. (2011) *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199)–1264* [International politics of Galician and Volhynian lands in 1198 (1199)–1205]. Kraków: Polska akademia umiejętności.

Senga, T. (1987) Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett “tatár-levele” [The foreign policy of Bela and the “Tatar-letter” of Pope Innocent IV]. *Századok*. 121(4).

Wertner, M. (1893) Die Regierung Bela des IV nach urkundlichen Quellen bearbeitet [The reign of Bela IV by the edited documental sources]. *Ungarische Revue*. 13.

Киселев Максим Викторович – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Kiselev Maxim – post-graduate student of Institute of history of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: fasthedgehog@bk.ru

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/6

ЮЖНАЯ РУСЬ И ПРИКАРПАТЬЕ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ) В ПЕРИОД МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Scopus Author ID 56401858700

ResearcherID M-8987-2013

<http://orcid.org/0000-0002-7695-5482>

SPIN-код: 5782-9634

Авторское резюме

В последние годы наблюдается оживление исследовательского интереса к периоду монгольского нашествия на Русь. В новейших исследованиях, затрагивающих проблему монгольского нашествия на земли Южной и Юго-Западной Руси, специалистами формулируются новые проблемы, базирующиеся преимущественно на привлечении малоиспользованных в контексте данной проблематики источников, а также проводится ревизия устоявшихся взглядов на основе новых данных. Истории Южной и Юго-Западной Руси периода монголо-татарского завоевания посвящена серия статей А.В. Майорова. Во многом по-новому раскрываются отношения южно-русских князей и завоевателей: они строились не столько на конфронтации, сколько на договорной основе. Уточняются направление и пределы монголо-татарских ударов, датировка событий, количество и местонахождение городов, подвергшихся разорению, раскрываются обстоятельства их взятия. Выводы исследователя основываются на широком привлечении данных западных источников наряду с тщательным источникovedческим анализом летописных данных.

Ключевые слова: историография, монголы, Русь, монгольское нашествие, Южная Русь, Юго-Западная Русь, Прикарпатье.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 5.38.265.2015).

SOUTH RUS AND SUBCARPATHIA (SOUTH-WESTERN RUS) IN THE PERIOD OF MONGOL INVASION: PROBLEMS OF THE NEWEST HISTORIOGRAPHY*

S.B. Chebanenko

Saint Petersburg state university,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

A revival of interest towards the Mongol invasion could be mentioned in the last years. In the latest researches, concerning problem of the invasion on the Southern and South-Western Rus lands, on the one hand, specialists state new theses, based on sources, which were not used still in the context of this problematics, on the other hand, scholars inspecting hardened beliefs, basing on new sources. Series of articles written by A.V. Mayorov, are dedicated to history of the Southern and South-Western Rus of the Mongol invasion period. Re-examined relations between south Russian princes and invaders. Ascertained directions and geographical limits of mongol drives, dates, number and position of taken towns, specifics of their assaults. Conclusions of the scholar are based on wide usage of western sources and detailed analyses of Russian Chronicles.

Keywords: historiography, mongols, Rus, Mongol invasion, South Rus, South-Western Rus, Subcarpathia.

В последние годы наблюдается оживление исследовательского интереса к периоду монгольского нашествия на Русь и установления ига, появилось заметное количество публикаций по данной проблематике. Вышли исследования о наследии Чингисхана и Чингизидов (Крадин, Скрынникова 2006; Султанов 2006; Степи Европы 2008; История татар 2009), несколько монографических работ о жизни, политической и военной деятельности Батыя (Почекаев 2007; Чойсамба 2008; Карпов 2011), труды, посвященные армии монголов периода завоевания Руси (Храпачевский 2005; Храпачевский 2011) и «русско-монгольской войне» 1237–1241 гг. (Сусенков 2006), вос-

* The work was supported by the St. Petersburg State University, the project 5.38.265.2015.

приятию монголо-татар глазами русских книжников (Рудаков 2014), нашествию и установлению ига в Северо-Восточной Руси (Кривошеев 2015), монгольскому нашествию на Русь в целом (Хрусталев 2004; Хрусталев 2013). В исследованиях истории Золотой Орды уделяется внимание и периоду её зарождения (например: Мыськов 2003). Выходят издания справочного и обзорного характера (Селезнев 2010; Почекаев 2010; Почекаев 2012). Процесс завоевания Киева, Волыни и Галичина нашел отражение в исследованиях, посвященных Даниилу Галицкому и Галицко-Волынской земле (Котляр 2008; Войтович 2011), а также в подробных комментариях к Галицко-Волынской летописи (Котляр 2005). Различным аспектам истории Южной и Юго-Западной Руси периода монголо-татарского завоевания посвящена серия новейших статей А.В. Майорова. Эта тема затрагивается и в ряде других исследований.

Исследованиям истории Южной Руси и Прикарпатья в период монгольского нашествия уделяется в последние годы пристальное внимание на страницах журнала «Русин», авторы которого предлагают довольно интересные гипотезы, существенно корректирующие наши представления об истории региона в этот период.

Событиям, связанным с завоеванием монголами Южной и Юго-Западной Руси (Прикарпатья), как правило, уделяется меньше внимания, нежели нашествию на Северо-Восточную Русь. Нашествие на эти земли рассматривается нередко как «незначительные операции» (Синор 2008: 368), готовящие походы на страны Центральной и Южной Европы. Многие наблюдения особенностей завоевания Северо-Восточной Руси и подготовки к нему переносятся на события, связанные с завоеванием Южной и Юго-Западной Руси. Несмотря на справедливость во многом подобных оценок, нельзя не признать, что завоевание этих земель было если и промежуточным, то самостоятельным эпизодом в планах агрессоров и имело свои особенности.

Среди исследований новейшего времени, специально посвященных проблеме монгольского завоевания и детально рассматривающих историю Южной и Юго-Западной Руси, отметим работы Д.Г. Хрусталева и А.В. Майорова. В публикациях Д.Г. Хрусталева подробно рассмотрены события внутри- и внешнеполитической истории, военный аспект событий. Работы этого автора уже хорошо известны читателю: последняя его монография «Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.)» является переработанным и существенно дополненным переизданием книги 2004 г. «Русь: от нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII в.».

В серии статей А.В. Майорова, появившихся в течение последних нескольких лет и обращенных к различным аспектам истории

Южной Руси и Прикарпатья периода монгольского завоевания, автор обращается как к традиционным сюжетам, так и к довольно малоизученным эпизодам. Остановимся на его работах несколько подробнее, учитывая иные точки зрения на узловые вопросы проблемы.

Относительно численности монгольских войск, участвовавших в завоеваниях русских земель в 1240–1241 гг., обычно по умолчанию принимаются цифры, выведенные для сил, участвовавших в походе на Северо-Восточную Русь. Немногие исследователи проводят расчеты, принимая во внимание потери агрессора в русских и других землях, а также мобилизационные ресурсы монголов (Храпачевский 2011: 228–233; Хрусталев 2013: 221–222). Здесь же отметим, что и другая проблема, активно обсуждаемая на примере событий в Северо-Восточной Руси в литературе, фактически остается без решения – потери завоевателей в Южной Руси и Прикарпатье.

Главной целью похода на запад А.В. Майоров, основываясь на донесении венгерского монаха-миссионера Юлиана, называет за-воевание Венгрии, а Русь была лишь «промежуточным звеном» в их планах (Майоров 2013d: 29–31). В 1239 – начале 1240 г. отдельные отряды монголов наносят удары по южным русским землям – Переяславлю и Чернигову, проведена разведка Киева. Особое внимание А.В. Майоров уделяет черниговским и киевским событиям, которые, по его мнению, имели важнейшее значение для дальнейшего развития ситуации в Южной и Юго-Западной Руси.

Обращаясь к проблеме «двойных» известий Ипатьевской летописи (Майоров 2013e; Майоров 2014), исследователь приводит дополнительные аргументы в пользу того, что информация об особенностях осады Чернигова (владение городом, а не неудачная осада, использование необычайно мощных осадных орудий) и заключении мира после взятия города относится не к временам внутрирусской усобицы 1235 г., а к осени 1239 г. И речь идет о взятии Чернигова монголами и заключении ими после этого мира с русскими князьями – Мстиславом Глебовичем, Владимиром Рюриковичем и Даниилом Романовичем, что и отражено в новгородских известиях под 1239 г. – в Софийской первой летописи и Новгородской четвертой летописи (Майоров 2013c: 85–86). Ряд исследователей придерживается иного мнения, полагая, что такой союз князей не мог иметь места или речь идет о 1235 г. (Хрусталев 2004: 171; Котляр 2005: 305, прим. 14; Карпов 2011: 305, прим. 14). Однако направление завоевания черниговских пригородов (по Ипатьевской летописи) – с востока на запад – указывает на то, что враг пришел с востока и им могли быть только монголы. С другой стороны, объединение упомянутых русских князей в качестве

стороны переговоров с иноземными врагами осенью 1239 г. более чем возможно (Майоров 2009; Майоров 2012а: 49–70).

Усиливают аргументы исследователя и данные жалованной грамоты венгерского короля Белы IV Николаю, сыну Обичка из Зюд, где, как и в летописях новгородско-софийской группы, сохранивших первоначальный текст «Повести о нашествии Батыя» южнорусской версии (Майоров 2012а; Майоров 2012б), упоминается о встрече под Киевом русского князя с предводителем татар, произошедшей вскоре после захвата и разорения татарами Чернигова, т.е. осенью 1239 г. (Майоров 2013а; Майоров 2013с: 85–86).

Появление войск Менгу осенью 1239 г. под Киевом имело, по мнению большинства авторов, прежде всего разведывательный характер (Майоров 2012а: 85). Относительно сообщений ряда источников об убийстве княжившим тогда в Киеве Михаилом Всеволодовичем Черниговским монгольских послов полагаем: более аргументированным является мнение, что эта деталь появляется в тексте «Жития Михаила Черниговского» на одном из этапов его эволюции. Появление эпизода об убийстве монгольских послов было связано с началом прославления князя как мученика за веру (Горский 2006: 146–147; Милютенко 2010: 183–185; Майоров 2012а: 81–85). Но некоторые из современных авторов доверяют этой подробности (Почекаев 2007: 132–134), а другие упоминают о ней с большой долей сомнения (Хрусталев 2013: 209, 214). Бегство Михаила из города А.В. Майоров объясняет подчинением князя требованиям монголов, которые назначили Киев одному из своих новых союзников – Владимиру Рюриковичу (киевскому князю из смоленских Ростиславичей), а после его внезапной смерти – Даниилу Романовичу (Майоров 2012а: 86). Этим объясняется и краткое пребывание на киевском столе смоленского князя Ростислава Мстиславича, рассматривавшего Киев как часть наследства умершего Владимира Рюриковича, что, однако, успешно оспорил Даниил Романович, получив на то разрешение татар по договору, заключенному с ними осенью 1239 г. (Майоров 2012а: 87–93).

Таким образом, устанавливается важнейшее обстоятельство, связанное с завоеванием монголами Южной и Юго-Западной Руси, – заключение завоевателями договора с сильнейшими князьями этого региона (также поступил чуть позже и император Фридрих II) (Майоров 2015б; Майоров 2015д). Это объясняет хорошо известную странность поведения некоторых из них, а именно пребывание Даниила Романовича вне Руси во время разорения Галицко-Волынских земель и бегство Михаила Всеволодовича из Киева.

Предметом острой полемики между Д.Г. Хрусталевым и А.В. Майоровым стал давно обсуждаемый в литературе вопрос о том, какой

именно Ярослав захватил в Каменце, а впоследствии возвратил из плена благодаря хлопотам Даниила Романовича жену Михаила Всеялововича Черниговского: владимиро-сузdalский князь Ярослав Всеяловович (Хрусталев 2004: 161, прим. 1; Хрусталев 2013: 311–213, 351–352; Карпов 2011: 89, 306) или волынский Ярослав Ингваревич (Майоров 2012b: 43–50; Майоров 2012c: 56–60).

Подробности взятия Киева войсками Батыя вызывают множество вопросов: даты событий, перечень монгольских военачальников, личность лидера обороны – тысяцкого Дмитрия и др. А.В. Майоров соглашается с существующим мнением (см., напр., замечания Н.Ф. Котляра (Котляр 2005: 254)), что при выяснении датировок опираться на сведения русских летописей нельзя: в первоначальном тексте «Повести о нашествии Батыя» не было календарных увязок осады и взятия Киева, они появились не ранее XIV–XV вв. Более надежными являются данные Рашид ад-Дина (историограф Хулагуидского ильханата, пользовавшийся не дошедшими до нас монгольскими сочинениями и историческими документами): взятие Киева состоялось осенью 1239 г. В таком случае снимаются возражения ряда исследователей о невозможности участия в осаде Киева Менгу и Гуюка, упомянутых Ипатьевской летописью, которые весной 1240 г. (это одна из предполагаемых датировок осады города) находились в Монголии. Кроме того, «Сокровенное сказание монголов» и китайская официальная история династии Юань подтверждают участие Гуюка и Менгу во взятии Киева. Отметим, что на вопросе о личности Дмитрия, которого называют то галицким, то киевским боярином (Хрусталев 2013: 223, 355, прим. 742), автор подробно не останавливается (Майоров 2012b: 97–97, 101).

После взятия Киева завоеватели направились в земли Юго-Западной Руси. Согласно сообщению Рашид-ад-Дина, ими были взяты «все города Уладмура». По мнению новейших исследователей, это города Юго-Западной Руси, а город Учогул Уладмур, который выдержал трехдневную осаду, считают или Галичем (Толочко 2003: 145; Котляр 2005: 257), или Владимиром-Волынским (Хрусталев 2013: 227–228; Почекаев 2007: 134–135; Измайлова 2009: 160; Карпов 2011: 308, прим. 18). А.В. Майоров предлагает свое принципиально отличающееся толкование этого эпизода. Поскольку эти города были взяты сразу после падения Киева, то они должны располагаться в Киевской земле. Название «Уладмур» нужно связывать с Владимиром Рюриковичем, недолго занимавшим Киев и ведшим переговоры с царевичем Менгу, но вскоре умершим; сыновья же его, вероятно, еще оставались в Киевской земле. Городом Учогул Уладмур, оказавшим сопротивление, автор осторожно предлагает считать Колодяжин,

действительно, согласно русским летописям, упорно защищавшийся (Майоров 2015с).

Относительно количества и наименования городов, подвергшихся нападению монголов после Киева, существуют разногласия, вызванные расхождениями в текстах Ипатьевской летописи и летописей новгородско-софийской группы. Большинство новейших исследователей считает, что речь идет о пяти городах (Хрусталев 2004: 199; Почекаев 2007: 134–135; Карпов 2011: 104). А.В. Майоров присоединяется к мнению (см., напр., работу Е. Осадчего (Осадчий 2011)), что их было три – Колодяжин, Каменец Изяславль и Кременец Данилов. Предикаты Изяславль и Данилов указывают на принадлежность городов тем или иным князьям и не являются самостоятельными топонимами (Майоров 2012б: 57–60; Майоров 2012с: 60–62).

Исследователь не останавливается здесь на вопросе о причинах успехов или неудач монголов в овладении этими городами (хотя обстоятельствам овладения монголами некоторых других городов Юго-Западной Руси он посвятил отдельное исследование) (Майоров 2015а).

Другие ученые, обратившиеся к этой проблеме, указывают на высокое качество каменных укреплений по образцу европейских (Котляр 2005: 255; Храпачевский 2011: 130–134), а также на недостаточность сил монгольских отрядов, действовавших на второстепенном направлении (Хрусталев 2013: 227).

Хорошо известно то обстоятельство, что земли и города Галицко-Волынской земли были завоеваны монголо-татарами относительно легко. Это обстоятельство в значительной степени обусловливает и историографическую ситуацию, когда основное внимание приковывают к себе драматичные события в Северо-Восточной и Южной Руси. Пожалуй, главной причиной отсутствия сопротивления было отсутствие военного руководства – галицко-волынские князья покинули перед нападением врага свои владения. Как было сказано выше, А.В. Майоров полагает, что сделано это было по договоренности с монголами (Майоров 2015с), что расходится с общераспространенным мнением о том, что Даниил Галицкий отправился в Европу сколачивать антимонгольскую коалицию.

У нас нет столь ярких и подробных описаний взятия монголо-татарами городов Волыни и Галиции, какие дошли до нас относительно осад и штурмов городов Северо-Восточной и Южной Руси, но имеющиеся у нас, признаться, довольно скучные данные позволяют сделать некоторые наблюдения о характере действий завоевателей. А.В. Майоров подчеркивает, что здесь основной их тактикой была тактика облавы, не предусматривавшая значительного сопротивления

со стороны местного населения (Майоров 2015с). Если же на пути монголов встречались города, то они поступали так же, как и в других странах: гарантией сохранения жизни их жителей была немедленная сдача; если они оказывали сопротивление, но потом сдавались, то его жители за стенами города подвергались истреблению. Исключение могло касаться мужчин, которых забирали в хашар, вспомогательные войска, бросавшиеся на самые опасные участки (вопрос о пополнении монгольских сил, в том числе и за счет жителей Руси, специально рассмотрел Р.П.Храпачевский) (Храпачевский 2011: 228–233, 236). По мнению А.В. Майорова, так было при овладении волынским городом Берестье, сопротивлявшимся, но сдавшимся врагу. Схожее развитие ситуации, скорее всего, имело место во Владимире-Волынском, но были ли штурм города, сказать затруднительно. Вряд ли можно говорить о штурме и уничтожении населения Галича – следов массовых разрушений и гибели населения археологически не выявлено, хотя город пришел в запустение (Майоров 2015а). Отметим, что автор не одинок во мнении, что не все останки, относящиеся к середине XIII в. (в том числе указывающие на насильственную смерть), нужно связывать с последствиями монгольского нашествия (Ивакин 2003; Хрусталев 2013: 335, прим. 739). В отношении ряда городов Юго-Западной Руси можно полагать, что их население было убито или взято в хашар.

После разорения Юго-Западной Руси завоеватели последовали в Европу. Слова Ипатьевской летописи о «воевании» татар «до Володавы и по озерамъ» под 6751 (1243) г. понимаются большинством современных исследователей как свидетельство о еще одном нападении монголо-татар на Волынь, состоявшемся в 1242 или 1243 гг. и закончившемся разорением земель вокруг Холма и Люблина – до Влодавы (ныне – город Влодава Люблинского воеводства Польши, на территории которого обнаружены следы древнерусского городища) (Івакін 2000: 583; Головко 2004: 6; Почекаев 2007: 198; Nagirnyj 2011: 231; Войтович 2011: 303–304; Карпов 2011: 142).

А.В. Майоров обращает внимание на обстоятельство, указанное ещё А.А. Шахматовым (Шахматов 1900: 161), что эта фраза отделена от основного текста позднейшей вставкой, которая посвящена поездке Даниила Романовича в Венгрию и его деятельности по установлению своей власти при возвращении в разоренные татарами земли. Соответственно, фраза о «воевании» татар «до Володавы и по озерамъ» относится к событиям европейского похода монголов. Возможно, полагает автор, под Володавой составитель «Повести о нашествии Батыя» имел в виду Влтаву – одну из наиболее крупных рек Центральной Европы. Влтава протекает по территории Чехии, в верхнем и среднем течении связана с большим количеством озер и

других водоемов. Известно, что во время Западного похода монголотатарские войска достигли чешских земель (Майоров 2012b: 69–74; Майоров 2012c: 62–68; Майоров 2013b).

Отметим, что свои построения исследователь строит в значительной степени на реконструкции текста «Повесть о нашествии Батыя». Автор обращает внимание на вставки в первоначальный текст, факты перемещения листов в оригинале Галицко-Волынской летописи, породившие удвоение известий в ряде летописных статей, и на другие важные для истории текста обстоятельства.

По мнению А.В. Майорова, «Повесть о нашествии Батыя» была самостоятельным произведением, носившим общерусский характер и лишь позднее включенным в состав летописей, не имела хронологических привязок, что и обуславливает сложности датировки событий. К составлению повести так или иначе были причастны черниговский епископ Перфирий и киевский тысяцкий Дмитрий, бывшие очевидцами важнейших событий. Более ранняя южнорусская версия повести сложилась не ранее конца 1251 г. (Майоров 2012a; Майоров 2012b; Майоров 2013b).

В целом можно констатировать, что, несмотря на неизбежную дискуссионность многих гипотез, исследования А.В. Майорова значительно расширяют наши представления об истории Южной Руси и Прикарпатья периода монгольского завоевания. Достигнуто это в немалой степени за счет привлечения малоизвестных исследователям источников, ранее не использовавшихся (или малоиспользовавшихся) для изучения данной проблематики, – прежде всего западного происхождения и тщательного анализа летописных данных.

ЛИТЕРАТУРА

Горский 2006 - Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 138–154.

Ивакин 2003 - Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003. С. 59–65.

Измайлова 2009 - Измайлова И. Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг.// История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Рухият, 2009. С. 133–161.

История татар 2009 - История татар с древнейших времен. Казань, 2009. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.). Казань: Рухият, 2009. 1047 с.

Карпов 2011 - Карпов А.Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347 с.

Котляр 2005 - Котляр Н.Ф. Комментарии // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследования. СПб.: Алетейя, 2005. 421 с.

Котляр 2008 - Котляр Н.Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. СПб.; Киев: Алетейя, Птах, 2008. 312 с.

Крадин, Скрынникова 2006 - Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.

Кривошеев 2015 - Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 452 с.

Майоров 2009 - Майоров А.В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2009. Т. 60. С. 311–326.

Майоров 2012a - Майоров А.В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // Rossica antiqua. 2012. № 1. С. 33–94.

Майоров 2012b - Майоров А.В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Ч. 2 // Rossica antiqua. 2012. № 2. С. 43–113.

Майоров 2012c - Майоров А.В. Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси // Русин. 2012. № 4. С. 56–72.

Майоров 2013a - Майоров А.В. Даниил Галицкий и «Принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. 2013. № 1. С. 53–77.

Майоров 2013b - Майоров А.В. Последний рубеж Западного похода Батыя и Карпато-Дунайские земли // Русин. 2013. № 2. С. 6–18.

Майоров 2013c - Майоров А.В. Грамота венгерского короля Белы IV о контактах Даниила Галицкого с татарами накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 85–86.

Майоров 2013d - Майоров А.В. Монголо-татары и князья Северо-Восточной Руси // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 3. С. 28–36.

Майоров 2013e - Майоров А.В. «Двойные» известия Галицко-Волынской летописи // Русская литература. 2013. № 3. С. 87–99.

Майоров 2014 - Майоров А.В. Даниил Галицкий и тамплиеры // Русин. 2014. № 1. С. 36–51.

Майоров 2015a - Майоров А.В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1. С. 11–24.

Майоров 2015b - Майоров А.В. Завершающий этап Западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия (1) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1. С. 68–94.

Майоров 2015c - Майоров А.В. Завоевание Батыем Южной Руси: к интерпретации одного известия Рашид ад-Дина // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 1 (17). С. 169–181.

Майоров 2015d - Майоров А.В. Монголы на Западе: тайная дипломатия императора Фридриха II // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 16–45.

Милютенко 2010 - Милютенко Н.И. Новгородская I летопись младшего извода и общерусский летописный свод начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. СПб., 2010. С. 166–222.

Мыськов 2003 - Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2003. 178 с.

Почекаев 2007 - Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: Аст;

СПб.: Евразия, 2007. 350 с.

Почекаев 2010 - *Почекаев Р.Ю.* Ханы Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 383 с.

Почекаев 2012 - *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 453 с.

Рудаков 2014 - *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М.: Квадрига, 2014. 265 с.

Селезнев 2010 - *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков: Справочник. М.: Квадрига, 2010. 221 с.

Синор 2008 - *Синор Д.* Монголы на Западе // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6: Золотоордынское время: Сборник научных работ. Донецк: Донецк. национал. ун-т. 2008. С. 363–384.

Степи Европы 2008 - Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 6: Золотоордынское время: Сборник научных работ. Донецк: Донецк. национал. ун-т, 2008. 512 с.

Султанов 2006 - *Султанов Т.И.* Чингизхан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 446 с.

Сушенков 2006 - *Сушенков Ю.И.* Русско-монгольская война 1237–1241 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 110 с.

Толочко 2003 - *Толочко П.П.* Кочевые народы и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 159 с.

Храпачевский 2005 - *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: Аст, 2005. 557 с.

Храпачевский 2011 - *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.

Хрусталев 2004 - *Хрусталев Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2004. 312 с.

Хрусталев 2013 - *Хрусталев Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2013. 416 с.

Чойсамба 2008 - *Чойсамба Ч.* Завоевательные походы Бату-хана. М.: Идея-Пресс, 2008. 168 с.

Шахматов 1900 - *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 161.

Войтович 2011 - *Войтович Л.В.* Галицько-Волинські єтюди. Біла Церква, 2011. 480 с.

Головко 2004 - *Головко О.Б.* Держава Романовичів та Золота Орда (40–50-ті рр. XIII ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 6. С. 3–16; 38–155.

Івакін 2000 - *Івакін Г.Ю.* Монгольська навала на Русь // Давня історія України: У 3 т. / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ, 2000. Т. III. С. 583.

Осадчий 2011 - *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису // Ruthenica. Київ, 2011. Т. X. С. 78–90.

Nagirnyj 2011 - *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. 362 s.

REFERENCES

- Gorsky, A.A. (2006) Gibel' Mikhaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh knyazey s Ordoy [Death of Mikhail of Chernigov in the context of first contacts of Russian princes with the Horde]. In: Gorsky, A.A. (ed.) *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. Issue 4. Moscow: Indrik. pp. 138-154.
- Ivakin, G.Y. (2003) Istoricheskoe razvitiye Yuzhnoy Rusi i Batyovo nashestvie [Historical development of the Southern Rus and Batu invasion]. In: Makarov, N.A., Chernetsov, A.V., Koval', V. Yu. & Kuzina, I.N. (eds) *Rus' v XIII v.: Drevnosti temnogo vremeni* [Rus in the 13th century: Ancients of the Dark Times]. Moscow: Nauka. pp. 59-65.
- Izmaylov, I. (2009) Pokhody v Vostochnuyu Evropu 1223-1240 gg. [Trips to Eastern Europe in 1223-1240]. In: Usmanov, M.A. & Khakimov, R.S. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of Tartars from the Ancient Times]. Vol. 3. Kazan: Rukhiyat. pp. 133-161
- Usmanov, M.A. & Khakimov, R.S. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of Tartars from the Ancient Times]. Kazan: Rukhiyat.
- Karpov, A.Y. (2011) *Batty* [Batu]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Kotlyar, N.F. (2005) Kommentarii [Comments]. In: Kotlyar, N.F. (ed.) *Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentarii. Issledovaniya* [Galicia-Volhnia Chronicle. Text. Comments. Research]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Kotlyar, N.F. (2008) *Daniil, knyaz' Galitskiy. dokumental'noe povestvovanie* [Daniel, Prince of Galicia. Documentary]. St. Petersburg; Kyiv: Aleteyya.
- Kradin, N.N. & Skrinnikova, T.D. (2006) *Imperiya Chingis-khana* [Genghis Khan's Empire]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Krivosheev, Y.V. (2015) *Rus' i mongoly: Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoy Rusi XII-XIII vv.* [Rus and Mongols: Research on history of North-Eastern Rus of the 12th-13th centuries]. St. Petersburg: Academy of Culture Research.
- Maiorov, A.V. (2009) Letopisnye izvestiya ob oborone Chernigova ot mongolotatar v 1239 g. (Iz kommentariya k Galitsko-Volynskoy letopisi) [Chronicles about the defense of Chernigov from the Mongols in 1239 (From comments to the Galicia-Volhnia Chronicle)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 60. St. Petersburg: Nauka. pp. 311-326.
- Maiorov, A.V. (2012a) Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi. Chast' pervaya [The Tale of the Invasion of Batu in the Ipatiev Chronicle. Part One]. *Rossica antiqua*. 1. pp. 33-94.
- Maiorov, A.V. (2012b) Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi. Chast' vtoraya [The Tale of the Invasion of Batu in the Ipatiev Chronicle. Part Two]. *Rossica antiqua*. 2. pp. 43-113.
- Maiorov, A.V. (2012c) Mongol-Tatars in the Galicia-Volyn Rus. *Rusin.* 4. pp. 56-72.
- Maiorov, A.V. (2013a) Daniil Galitskiy i "Prints tartar" nakanune nashestviya Batyya na Yuzhnuyu Rus' [Daniil Galitsky and "Prince Tartar" on the eve of the invasion of Batu to Southern Rus]. *Rusin.* 1. pp. 53-77.
- Maiorov, A.V. (2013b) Posledniy rubezh Zapadnogo pokhoda Batyya i Karpato-Dunayskie zemli [The final frontier of the Western campaign of Batu and the

Carpathian-Danubian lands]. *Rusin.* 2. pp. 6-18.

Maiorov, A.V. (2013c) Gramota vengerskogo korоля Bely IV o kontaktakh Daniila Galitskogo s tatarami nakanune nashestviya Batyya na Yuzhnuyu Rus' [The Charter of Hungarian king Bela IV about contacts of Daniel of Galicia with Tartars before the Mongolian invasion on Rus]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki - Old Russia. The Questions of Middle Ages.* 3(53). pp. 85-86.

Maiorov, A.V. (2013d) Mongol-Tatars and the Princes of North-Eastern Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorija i filologija – Bulletin of Udmurt University. History and Philology.* 3. pp. 28-36. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2013e) "Dvoynye" izvestiya Galitsko-Volynskoy letopisi ["Double" news of the Galicia-Volhinia Chronicle]. *Russkaya literatura.* 3. pp. 87-99.

Maiorov, A.V. (2014) Daniil Galitsky and the Templars. *Rusin.* 1. pp. 36-51. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2015a) The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: Controversial and unresolved issues. *Rusin.* 1. pp. 11-24 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/2

Maiorov, A.V. (2015b) The final stage of Mongol invasion of Europe: A military force and secret diplomacy (1). *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review.* 1. pp. 68-94. (In Russian).

Maiorov, A.V. (2015c) Zavoevanie Batyem Yuzhnoy Rusi: k interpretatsii odnogo izvestiya Rashid ad-Dina [Batu Khan's conquest of Southern Rus: to the interpretation of one the news by Rashid al-Din]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 1 (17). pp. 169-181.

Maiorov, A.V. (2015d) Mongoly na Zapade: taynaya diplomatiya imperatora Fridrikha II [Mongols in the West: secret diplomacy of emperor Fridrich II]. *Voprosy istorii.* 1. pp. 16-45.

Milyutenko, N.I. (2010) Novgorodskaya I letopis' mladshego izvoda i obshcherusskiy letopisnyy svod nachala XV v. [Novgorod 1st chronicle of the minor recension and Russian chronicle compilation of the early the 15th c.]. In: Novikov, O.L. (ed.) *Letopisi i khroniki. Novye issledovaniya. 2009–2010* [Annals and chronicles. New studies. 2009–2010]. St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. pp. 183-185.

Miskov, E.P. (2003) *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1236-1313 gg.)* [Political history of the Golden Horde (1236-1313)]. Volgograd: Volgograd State University.

Pochekaev, R.Y. (2007) *Batty. Khan, kotoryy ne byl khanom Batu* [Baty. Khan, who was not a Khan]. Moscow; St. Petersburg: Ast Moskva, Evraziya.

Pochekaev, R.Y. (2010) *Khany Zolotoy Ordy* [Khans of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.

Pochekaev, R.Y. (2012) *Tsari ordynskie. Biografi khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [Tsars of the Horde. Biographies of Khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.

Rudakov, V.N. (2014) *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII-XV v.* [Mongols as viewed by Russian scribes of the middle of the 13th – 14th centuries]. Moscow: Kvadriga.

Seleznev, Y.V. (2010) *Russko-ordynskie konflikty XIII-XV vekov* [Russian-Horde conflicts of the 13th – 15th centuries]. Moscow: Kvadriga.

Sinor, D. (2008) Mongoly na Zapade [Mongols in the West]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European heaths in the Middle Ages]. Vol. 6. Donetsk: Donetsk National University. pp. 363-384.

Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European heaths in the Middle Ages]. Vol. 6. Donetsk: Donetsk National University.

Sultanov, T.I. (2006) *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and Chingisids. Destiny and power]. Moscow: AST.

Susenkov, Y.I. (2006) *Russko-mongol'skaya voyna 1237-1241 gg.* [Russian-Mongol war 1237-1241]. Tomsk: Tomsk State University.

Tolochko, P.P. (2003) *Kochevye narody i Kievskaya Rus'* [Nomadic peoples and Kievan Rus]. St. Petersburg: Aleteyya.

Chrapachevsky, R.P. (2005) *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow: AST.

Chrapachevsky, R.P. (2011) *Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi* [The Army of Mongols during the Rus invasion]. Moscow: Kvadriga.

Khrustalev, D.G. (2004) *Rus': ot nashestviya do "iga" 30-40 gg. XIII v.* [Rus: From the invasion till the "Yoke" 1230-1240]. St. Petersburg: Evraziya.

Khrustalev, D.G. (2013) *Rus'i mongol'skoe nashestvie (20-50-e gg. XIII v.)* [Rus and Mongol invasion (1220-1250)]. St. Petersburg: Evraziya.

Choysamba, Ch. (2008) *Zavoeatel'nye pokhody Batu-khana* [Invasions of Batu Khan]. Moscow: Ideya-Press.

Shakhmatov, A.A. (1900) *Obshcherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov* [Russian Chronicle compilations of the 14th and 15th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 332(11). pp. 80-161.

Voytovitch, L.V. (2011) *Galits'-ko-Volins'ki etyudi* [Galicia-Volhinia Studies]. Bila Tserkov: Pshonkiv's'kyj O.V.

Golovko, O.B. (2004) Romanovichi State and the Golden Horde (1240-1250). *Ukrain's'kyj istorichnyj zhurnal – Ukrainian Historical Journal*. 6. pp. 38-155.

Ivakin, G.Y. (2000) *Mongol's'ka navala na Rus'* [Mongol invasion in Rus]. In: Tolochko, P.P. (ed.) *Davnya istoriya Ukrayini: U 3 t.* [The ancient history of Ukraine: In 3 vols]. Vol. 3. Kyiv: Lybid.

Osadchiy, E. (2011) Shche raz pro problemu istorichnikh nazv volins'kikh mist, zgadanikh u statti 1240 r. Ipatiiv's'kogo litopisu [Once more about historical names of places in Volhinia in the paragraph of 1240 of the Ipatiev Chronicle]. *Ruthenica*. 10. pp. 78-90.

Nagirnyj, W. (2011) *Polityka zagraniczna księstw ziemi Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264* [Foreign policy of Galicia and Volhinia principalities in 1198(1199)-1264]. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.

Чебаненко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Chebanenko S.B. – Ph.D in History, senior lecturer, department of Museology in Saint Petersburg state university (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

УДК 94(438+477)"1918/1920"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/43/7

РУСИНЫ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ В МОЛДАВСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДИПЛОМАТИКЕ (ОБЩИЙ ОБЗОР)*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru
Scopus Author ID: 55359315000
Researcher ID: D-6981-2014
<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>
SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Письменные источники имеют важное значение для изучения средневековой Молдавии. Многочисленный актовый материал в XIV-XVII вв. писался на западнорусском (южнорусском) языке, языке местного русинского населения. На рубеже XVI-XVII вв. в молдавское делопроизводство начинает постепенно вводиться молдавский язык. В этот период появляются документы, начало и конец которых написаны на славянском языке, остальное - на молдавском (кириллице).

Структура, языковые особенности, лексический состав, титулы господаря и феодальной верхушки, сведения по топонимии, антропонимии и т. д., содержащиеся в актовом материале, представляют интерес для дальнейшего изучения.

Русинское влияние заметно во всей молдавской дипломатике XIV-XVII вв.: в различных господарских грамотах (жалованных, дарственных, подтверждительных, иммunitетных, судных, охранных) и других документах господарской администрации, межевых грамотах, свидетельских и судных записях.

Оно видно в некоторых зафиксированных обычаях волошской общины, сходных с нормами «Русской правды» (например, «гнать след»), в наименовании глав общин.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Во главе сельской общины в XIV-XV вв. стоял представитель местной знати, которого называли князь, ватаман или жуде.

Славянские названия имеют типы городских и сельских поселений.

В средневековой молдавской дипломатике постоянно упоминаются славянские имена и прозвища, в том числе и представителей феодальной верхушки.

Среди топонимов, перечисляющихся в грамотах XIV-XV вв., с русинскими суффиксами *-овцы* (*-евцы*), *-инцы* (*-енцы*) - 12,5%. Всего же славянских топонимов с славянским суффиксами в этот период - 24,5%.

Встречаются также (правда, в меньшей степени) топонимы и гидронимы с корнем *рус.*

Ключевые слова: Молдавия, Молдавское княжество, грамота, акт, западнорусский язык, русинское влияние, русин, топонимы, антропонимы.

RUSINS OF THE CARPATHO-DNIESTROVIAN LANDS IN MEDIEVAL MOLDAVIAN DIPLOMACY (A GENERAL REVIEW)*

S.G. Sulyak

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

Written sources have a significant meaning in the study of medieval Moldavia. Numerous amounts of material of the Acts of the 14th-17th centuries was written in the West Russian (South Russian) language. During the 16th-17th centuries the Moldavian language began to slowly be introduced into the affairs of the state. During this period documents appeared, the beginning and end of which were written in Slavonic while the rest was in Cyrillic Moldavian.

The structure, linguistic peculiarities, lexicon, titles of the ruling prince and feudal high-ranking officials, information about toponyms, anthroponyms, etc. contained in the material of the Acts present an interest into further study.

Rusin influence is noticed in all of the Moldavian diplomacy of the 14th-17th centuries: in various written documents (grievances, grants, confirmations, immunity, legal,

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

protection) and other administrative documents. It is evident in several other customary records of the Valach community which are equivalent with norms of the "Russian Truth" (for example "to track") and in the naming of the heads of the community.

At the head of the village community in the 14th-15th centuries a representative of the local nobility was called prince, vatamanor zhude. Urban and village settlements had Slavic names.

In medieval Moldavian diplomacy, Slavic names and surnames including those of the feudal lords are seen as a constant occurrence.

Of the toponyms mentioned in the documents of the 14th-15th centuries 12.5% are with the Rusin suffix *-ovtsy* (*-evtsy*), *-intsy* (*-entsy*). During this period, 24.5% are Slavic toponyms. It is also true that to a lesser degree there are also toponyms and hydronyms with the root *rus*.

Keywords: Moldavia, Moldavian, Rusin Principality, Written Document (gramota), Act, West Russian, Rusin influence, Rusyn, Rusin, Ruthenian, toponyms, anthroponyms.

Русинское влияние прослеживается во всей молдавской дипломатии XIV-XVII вв.: в различных господарских грамотах (жалованных, дарственных, подтверждительных, иммунитетных, судных, охранных) и других документах господарской администрации, межевых грамотах, свидетельских и судных записях (первая сохранившаяся грамота датируется 1384 г.) (МЭФ 1: V; МЭФ 2: 16). Средневековые молдавские грамоты и акты писались на западнорусском (южно-русском) языке (Венелин 1840: I; Кочубинский 1903: 396; Яцимирский 1906: 188; Яцимирский 1910: 155; Jabłonowski 1878: III; Jireček 1893: 85-86; Katužniacki 1878: 195-198; Bogdan 1908: 369-372; Rosetti 1932: 1-2, 16; Panaitescu 1991: 117; Petrașcu, Bezviconi 1945: 19; Bogdan 1946: 6-7; Сергеевский 1959: 68; Петрович 1963: 12; Раевский 1988: 232-244; Стати 2009: 72; Семчинський 2000: 746; Русанівський 2004: 197; Русанівський 2001: 47-48; Огієнко 2001: 70; Гумецкая 1971: 35). На рубеже XVI-XVII вв. в молдавское дело-производство начинает постепенно вводиться молдавский язык. В этот период появляются документы, начало и конец которых написаны на славянском языке, остальное - на молдавском (кириллице). (МЭФ 1: XII; МЭФ 3: 59-60, 189-190, 194, 203, 212, 114).

Учитывая, что примеров в молдавской дипломатии содержится немало, мы здесь, как и в дальнейшем, будем указывать только несколько ссылок.

В документах господарской канцелярии отражены социально-экономические отношения, приведены данные по топонимии и антропонимии и т. д. Они являются важным источником для изучения не только истории средневекового молдавского государства, но и

его культуры, этнического состава, языка делопроизводства, стиля официальных документов и т. д.

Начало разработки молдавской средневековой дипломатики было положено в первой половине XIX в. выходцем из Угорской Руси русином Ю. Венелиным (Венелин 1840). В дальнейшем письменные документы молдавской господарской канцелярии издавались в многочисленных сборниках и журналах в России, Австро-Венгрии, Румынии. Продолжались издания в СССР (Молдавии и Украине), Румынской Народной Республике, в современных Румынии и Молдове.

В данном материале были использованы молдавская дипломатика, изданная В.А. Уляницким в 1887 г. (Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв. М., 1887), три тома продолжающейся серии, выпускаемой Институтом истории Румынской академии «*Documenta Romaniae historica. A: Moldova*» (*Documenta Romaniae historica. A: Moldova*: Vol. 1. (1384-1448), Bucureşti, 1976; Vol. 2. (1449-1486), Bucureşti, 1976; Vol. 3. (1487-1504), Bucureşti, 1980), сборники Института истории Академии наук Молдовы «Молдавия эпохи феодализма = *Moldova în epoca feudalismului*» (Vol. 1-3. Кишинэу, 1961, 1978, 1982). В этих изданиях приведены оригинальные тексты документов.

Основное внимание уделено русинскому влиянию в области права, названию титулов первого лица и феодальной верхушки. Меньше – влиянию в топонимике и антропонимике. Эти вопросы будут раскрыты в последующих материалах.

В работе приводится молдавская и румынская историография, изданная до конца XX в. (периода распада социалистического блока и СССР).

Основная масса населения Молдавского княжества жила в средние века по т. н. волошскому праву, для холопов действовало *татарское* или *холопское* право. Выяснить характерные для волошской общины особенности, как отмечал Н.А. Мохов, сложно, т. к. их первоначальный общественный уклад испытал значительное влияние соседних народов (Мохов 1964: 105). Официально русинов не отделяли от основной массы свободного населения. Иногда в дипломатике встречается «рус» в виде подписи в грамоте: *иеромонах Иларион рус* (1397 г.) (DRHA 1: 7) или при упоминании владельца поля *Рус Тадор* (русский Федор, 1432 г.) (DRHA 1:157). Поэтому в молдавской дипломатике этнонимы *рус*, *русин* встречаются редко. Этнонимы *рус* (МЭФ 1: 141-143), *русин* (МЭФ 2: 374-375; МЭФ 3: 113) в грамотах использовались для обозначения жителей Галицкой Руси, присоединенной к тому времени к Польше (выходцев из Ляшской земли) среди друз-

гих народностей, которых господарь разрешает землевладельцам приглашать и освобождает на какой-то срок от налогов.

Однако в официальных документах постоянно упоминаются славянские (в т. ч. характерные для русинов) имена и прозвища: Иванчик, Иванка, Панас, бояре Петр Худич, Юрчик, Дума Браевич, Фома Верещак, Богуш, Пашка Нестекович, Крыстя Чорный, Мануил Щербич, Богдан (1443 г.) (DRHA 1: 322-323), Настя, Стецко (DRHA 2: 249), Гряка, дочка Русова, Журж Котец (DRHA 2: 262), Андрушка, Иванка, Софийка (DRHA 3: 167), Андрушко (DRHA 3: 470), Софийка, Андрейка, Иванко (DRHA 3: 170), Анушка (DRHA 3: 245), Марушка (производное от имени Мария (Словарь 1: 578)) (DRHA 3: 170, 180, 188, 189, 190, 217, 229, 245) и т. д.

Волошское право сложилось в то время, когда крестьяне были лично свободны, жили сельской общиной, которая отстаивала их права, сообща владели землей. Территория общин имела границы - *хотар*. В самых ранних документах Молдавии о них говорится как о существовавших издревле (Мохов 1964: 103) (см., напр.: села со *оусеми своими старыми хотарми* (1403, 1407, 1409, 1411 гг.)) (DRHA 1: 24, 30, 35, 41).

Во главе сельской общины в XIV-XV вв. стоял представитель местной знати, которого называли *князь*, *ватаман* или *жуде*.

Титул *князь* у волохов употреблялся для обозначения наследственного сельского старосты (см. грамоты 1414, 1428, 1429, 1432, 1437 гг.) (DRHA 1: 51, 52, 109; 111, 119, 134, 159, 246). Он существовал и на территории Болгарии и Сербии, где было распространено волошское право (Мохов 1978: 73), а также в волошских общинах в Галичине.

Причем «своих» *князей* отличали от настоящих (см. 1401 г.: *великого князя Витовта*; 1403 г.: *князь Федор* (из рода Острожских); 1421 г.: *великого князя Александра*, «ниако Витовта», *княгини Римгалие*, *бывшио жонъ нашои*, т. е. молдавского господаря Александра Доброго (DRHA 1: 21, 26, 69); *князь литовский Юрг Кориатович, воевода, господарь земли Молдавской* (DRHA 1: 416)).

Ближе к концу первой половины XV в. местные *князья* начинают упоминаться в прошедшем времени (см. грамоту 1438 г. во времена правления Ильи I, (DRHA 2: 260), 1471 г. во времена правления Стефана Великого: «на има на села Полъны, где были *кназове Бѣлошь и Данчоул(ъ)*» (DRHA 2: 256), то же 1488 г. (DRHA 3: 77), вероятно, переписанное с прошлых грамот; в 1502 г. перечисляются села, где был *князь Иван* и *ватаман Якоб* (DRHA 3: 471)).

Ватаман тоже встречается с первых грамот (см. грамоты 1415, 1423, 1428, 1429, 1446, 1438, 1444, 1445, 1446 гг.) (DRHA 1: 59, 80,

119, 134, 136, 254, 322, 350, 360, 373, 377). Ближе к концу первой половины XV в. титул начинает упоминаться уже в прошедшем времени (см. 1436 г.: «где был Прокоп и Василе ватаман» (DRHA 1: 218); 1443 г.: «где был Андрюю ватаман» (DRHA 1: 340)).

Слово *ватаман* в русском языке означало предводитель *вата-ги*, как отмечал И. Срезневский, употребляется в 1264 г. в грамоте великого князя Андрея Александровича («ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ваттаманъ Ондреи Критцкыи») (ААЭ 1: 1; Срезневский 1: 231). В. Даль среди значений этого слова указывал: «в малорос. и в новорос. крае отаманом зовут сельского старшину, выборного, старосту, также старшего пастуха или чабана, большака рыболовной ватаги и пр.» (Даль 1: 24).

Фамилия *Ватаман* (и производные от этого слова) довольно распространена в Республике Молдова. По данным на начало 2011 г., фамилию *Ватаман* носило 1207 чел., *Ватаманчук* – 1039 чел., *Ватаману* – 124 чел., *Вэтэману* – 137, *Ватаманица* – 47 чел., *Вэтэмэнеску* – 16 чел., *Атаман* – 248 чел., *Атаманенко* – 235 чел., *Атаманюк* – 223 чел., *Атаманчук* – 94 чел., *Атаманов* – 22 чел. (Фамилии).

Термин *жуде* в грамотах появляется с начала XV в. (см. грамоты 1425, 1433, 1434, 1435, 1443, 1446, 1447, 1448 гг. и т. д.) (DRHA1: 86, 173, 182, 187, 199, 340, 373, 385, 397). И как в случаях с *князьями* и *ватаманами* уже в конце первой половины XV в. начинают упоминаться в прошедшем времени (см. грамоту 1436 г.: «жудежии, где есть Барб Стан», «где есть Михаило Колич» (DRHA1: 231), а в 1439 г.: «обе жудечии, и где был Михаило Колич, и на Стрымбе, где был Барб Стан» (DRHA 1: 276)).

Долгое время в волошской общине сохранялись нормы, близкие к «Русской правде» (Костэкл 1958; Мохов 1964: 110-111; Мохов 1978: 75). В молдавских иммунитетных граматах отражен институт гонения следа. Обычай гнать след (гонять след злодейский - обязанность коллективно ловить «воров» и «разбойников» (см., напр., иммунитетную грамоту господаря Стефана III монастырю Молдавица на село Борхинешти (1458) (МЭФ 2: 148)). Этот и другие обычаи, характерные для «Русской правды», долго сохранялись и в волошских общинах Галичины (Шандра 2009: 81-83).

В. Костэкл указывала на общность терминологии с терминологией древнерусских текстов. Это термины, выражющие идею права: *правда, закон, кривда*; обозначение различных видов преступлений: *голова, разбой, свада, татьба*; названия различных социальных категорий: *люди, челядь, смерды, холопы, дворяне, соседи*; относящиеся к общественному устройству: *работа, служба, дружина, жеребий, посад, двор, товар, торг, урядник* и т. д. (Костэкл 1958: 74).

Общность терминологии, касающаяся убийства, тождественна и терминологии, относящейся к наказанию за него (*штраф*). За убитого (за голову) взыскивался штраф *глоба* (от *голова*), уплачивавшийся, как правило, скотом. Убийство называлось *душегубство*. Позднее (в XV в.) в Молдавском и Валашском княжествах штраф станет называться *душегубиной* (Костэкл 1958: 80-82).

Институт гонения следа, правда с иной терминологией, существовал в Молдавии до XVI-XVII вв. (Костэкл 1958: 85-86). Долгое время *слид гнали* и в волошских общинах Галицкой Руси (Греков 1952: 288-289; Шандра 2009: 82-83).

За убийство полагался штраф – *душегубина* (Мохов 1964: 141; Мохов 1978: 75-76; DRHA 1: 387; DRHA 2: 80) – *вира* в «Русской правде». Н.Н. Мохов ссылается на грамоту от 1473 г. о примирении двух боярских семейств, враждовавших из-за убийства (Мохов 1964: 111; Мохов 1978: 76). Дочь убийцы в присутствии епископов и бояр великих и малых «заплатила» сыну убитого: «*дала емоу едно село свое на Серета*» в качестве компенсации (DRHA 2: 292).

Сборщик судебного штрафа за некоторые уголовные преступления, в т.ч. и *душегубины*, назывался *душегубинар* (МЭФ 1: 216; МЭФ 2: 371).

Хотя терминология этого обычая со временем исчезла, институт гонения следа сохранялся на протяжении XVI-XVII вв. (Костэкл 1958: 85). Как отмечал А.А. Зимин, институт *сочения* (гонения) следа оказался устойчив и на Руси, просуществовав до XVII в. (Зимин 1999: 251).

Продолжительное время сохранялись обычай *волочение дивкоу* (умыкания девушек), коллективная ответственность всех членов общины за совершенное на ее территории *душегубство* и за другие уголовные преступления (Bogdan 1913а: 95; Грекул 1961: 331).

В грамоте Стефана Великого от 13 марта 1466 г. (DRHA 2: 189) читаем:

И такожде, ии паркалабове шт(ъ) Немцъ, а ии старости шт(ъ) тою волости, а ии глобеници их(ъ), а ии припашаре, ии ислонухаре, а ии сландогонци, а ии за тадбѣ, ии за душегубство, а ии за днікуг волоченїю, а ии за которою дѣло, ии за великое дѣло ии за малое, никто их(ъ) да не смѣют(ъ) их(ъ) соудити, лише сам(ъ) митрополит(ъ) ии его оурѣднинци. І кому сам(ъ) митрополит(ъ) не имет(ъ) право учинити, а тот(ъ) имает(ъ) исправком(ъ) пред(ъ) наими о гсем(ъ) исправити сѣ, а иного соудцѣ над(ъ) собою да не имают(ъ).

Древнерусское (русинское) влияние прослеживается и в названии титула правителя: *воевода, господин, господарь, дедич*. Вначале в молдавско-польской дипломатике правитель Молдавского княжества именовался как *воевода Земли Молдавской* (Уляницкий 1887: 8), *воевода Молдавский* (Уляницкий 1887: 13, 15). Примерно с 1407 г.

Александр I Добрый (1400-1432) начинает называться воевода, господарь Земли Молдавской (Уляницкий 1887: 16, 21, 26, 34). Так же его именует и польский король (Уляницкий 1887: 21). В феодальных актах: сначала *самодержавный господин, воевода* (DRHA 1: 3, 4, 5), а с 1398 г. Юга Безногий называет себя *воевода, господарь Земли Молдавской* (DRHA 1: 10). Эту традицию продолжили последующие господари. Александр I в 1400 г. в актах сначала обозначает себя как *воевода, господин Земли Молдавской* (DRHA 1: 13, 16), а с 1401 г. – *воевода, господарь Земли Молдавской* (DRHA 1: 18, 21; МЭФ 2: 27, 30, 32, 37). В некоторых грамотах его имя записано на южно-русский манер – *Олександро, Олександр* (DRHA 1: 3, 4, 5, 21).

А. Градовский, изучавший историю русского государственного права, писал: «Отличительное свойство монархической власти состоит в том, что она действует в силу собственного своего права, ни от кого не заимствованного. Поэтому монархи пишутся "Божиего милостью", для указания, что они в своих правах не зависят ни от кого на земле». Он же отметил, что русский императорский титул начинается словами «Божиего милостью» (Градовский 1875:156). По мнению А. Градовского, *самодержавный* означает, что правитель «не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве, т. е. что каждый акт его воли получает обязательную силу независимо от согласия другого установления» (Градовский 1875: 2).

Роман (1393) и его брат, претендент на престол Ивашко (1400) в переписке с польским королем, добиваясь его поддержки, имеют себя: первый, помимо воевода Молдавский, как дѣдичъ оусей землѣ Волошьскої отъ плонины аже до брегу моря иже (Уляницкий 1887: 6-7), второй – как дѣдич земли Валаской (Уляницкий 1887: 11). Дѣдич на русском языке - наследник по деду, наследственный владетель (Даль 1: 454; Срезневский 1: 782-783; Этимологический словарь 1977: 226).

Также *дедич* (дедич русский) упоминается в титуле польского короля при обращении его к молдавским воеводам (Уляницкий 1887: 36, 39), в присяжных грамотах молдавских господарей Стефана II и Ильи I (королеви полскому, литовскому князю наивишему, дѣдичу роускому и инымъ многимъ землямъ господарю) (Уляницкий 1887: 42-43, 56) и бояр (кролеви полскому и такожъ дѣдичноу рускихъ земль и наивыше князу литовскому) (Уляницкий 1887: 41).

Это написание имеет сходство с описываемым А. Градовским обычаем русских царей употреблять средний тутул в сношениях с татарскими ханами и иными восточными князьями. Они зачастую писались сокращенно, но не как во внутренних документах. Воз-

никла средняя форма титула: «Божиєю милостию, великий государь, царь и великий князь, NN, всея Великия, Малая и Белая России самодержец, и земель восточных и западных и северных отчич, и дедич, и наследник, и государь, и обладатель» (Градовский 1875: 162).

Часто встречается в молдавских грамотах слово жупан, которое, вероятно, обозначает не просто боярина, а правителя территории, представителя княжеской фамилии. Ю. Венелин указывал, что в Валахии (как, впрочем, и в Молдавии. – С.С.) он был высшим разрядом бояр (Венелин 1840: 82). Он проводит аналогию с ишпан (как считал Ю. Венелин, «исковерканное жупан» (Венелин 1840: 41-42)) - представитель венгерского короля, в чьих руках концентрировалась судебно-административная власть на территории комитата (жупы). Жупа у западных и южных славян – округ, а жупан – князь, старейшина (Срезневский 1: 883-884). Это слово древнеиранского происхождения (*asurpan*) и означает великий господин, вельможа (Майоров 2006: 95). О влиянии иранских племен скифов и сарматов на предков русинов (антов и выделившихся из них тиверцев, уличей и хорватов) см. статью «Предки русинов и кочевники: вопросы этно-культурного взаимодействия» (Суляк 2014).

С начала правления Александра I Доброго (1400-1432) до 1408 г. его соправителем был брат Богдан. В грамотах писалось: «Милостию божиєю, мы, Ио Александр воевода, господин Земли Молдавской, и брат господства ми, жоупан Богдан» (1400, 1407 гг.) (DRHA 1: 13, 16, 30). В 1401 г.: «Милостию божию, мы, Ио Александро (во второй грамоте – Олександро) воевода, господин Земли Молдавской, ис братом моим жоупаном Богданом» либо просто «ис братом моим Богданом» (DRHA 1: 18, 21).

В грамотах отца Александра – Романа есть упоминания «жюпана Юги Жюржевича», «жюпана Стецькова» (принятая на Юго-Западной Руси народная форма имени Стефан. См. грамоты 1392 г. (DRHA 1: 3), 1393 г.: «жюпана (пана) Стефана» (DRHA 1: 5), 1397 г. – «жюпана Станко» (DRHA 1: 7)). Митрополит Молдо-Влахийский Иосиф называет жупаном в 1407 г. Петра Оурекле (DRHA 1: 29). В 1414 г. Александр Добрый при перечислении бояр девятерых называет жупанами, а не панами (DRHA 1: 52). В других грамотах, в т. ч. и в 1414 г., жупан встречается реже: в 1414 г. – один раз (Петр Оурекле, к примеру, уже назван паном) (DRHA 1: 54), в грамоте под 1422 г. – шесть человек (DRHA 1: 75). В 1432 г. в грамоте воеводы Ильи I: «вера сыну господство ми, Романа, и вера брата господства ми, жюпана Богдана» (DRHA 1: 157). В последующих грамотах он прекращает так именовать Богдана (1432 г.) (DRHA 1: 158, 159), в 1433 г. опять называет (DRHA 1: 163). В 1433 г. он именует жупаном своего брата

Стецка (Стефана) (DRHA 1: 166, 168). Далее слово *жупан* встречается реже (1443 г.: *жупан Симон логофет* (DRHA 1: 339), 1448 г. – *жупан Илие логофет* (DRHA 1: 396). К примеру, с 1449 по 1486 г. титул *жупан* упоминается в семи грамотах из 256: в четырех – *жупан Михаил логофет* (1449, 1453, 1454 гг.), *жупан Добрул логофет* (1462 г.) – они писали документ и ставили на нем печать. В грамоте Стефана Великого («*Иоанн Стефан воевода*») 1466 г. 15 раз употребляется *жупан* в отношении бояр «и големыхъ, и малехъ» и писавшего и заверявшего документ *жупана, логофета Ивана Добрула*. Последний раз в 1484 г. – *жупан Тэутул логофет*, который писал и заверял документ (DRHA 2: 3, 40, 48, 54, 153, 191–192, 392).

Далее, начиная с 1484 г., тот же Тэутул упоминается как «*пан Тэутул, логофет*» (DRHA 2: 394, 397, 399, 400, 402, 404).

Титул *бояре* (иногда – *болери*) употребляется уже в первых славяно-молдавских грамотах с 1392 г. (DRHA 1: 3, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 16, 18, 19, 21). В перечисленном слово *боляре* вместо *бояре* встречается всего два раза (DRHA 1: 12, 16). С 1401 г. пишется фраза: «*оусехъ бояр молдавскихъ, и великихъ, и малыхъ*» вместо «*оусехъ бояр молдавскихъ*» (DRHA 1: 19, 21, 24, 31, 33, 35, 37).

По И. Срезневскому, *боярин, болярин* – «член высшего сословия». Причем «выговор этого слова с я, а не с ля можно считать чисто русским». В Древней Руси *бояре* были главными старшинами членами княжеской дружины и членами княжеской думы (Срезневский 1: 160). Это слово встречается уже в «Повести временных лет». (См. договор Олега с греками (912 г.): «*иже послани ѿ Слуга великаго кназа Рускаго . и ѿ всѣхъ иже суть подъ рукою его . свѣтлыыхъ боаръ*» (ПСРЛ 2: 23–24)). В «Галицко-Волынском летописном своде», помимо слова *бояре*, приводится выражение «*велиции боаре*» (см. под 1208 г.) (ПСРЛ 2: 724).

Еще Ю. Венелин обратил внимание, что в молдавских грамотах больше употребляется слово *боярин*, тогда как в валашских – *болярин* (Венелин 1840: 174).

По-русски звучат и должности бояр: *стольник, дворник* (упоминаются с 1393 г.) (DRHA 1: 6, 11, 14, 16, 19, 31, 35), *чашник* (с 1401 г.) (DRHA 1: 19, 35, 39, 41, 46, 54) (он же *стольник*, позже – *пахарник*), *постельник* (с 1407 г.) (DRHA 1: 31, 33, 35, 39, 40, 41), *витез* (служильный боярин) (с 1392 г.) (DRHA 1: 3, 11, 14, 16, 26) и т. д.

Стольник – дворцовая должность и чин в Древней Руси (Срезневский 3: 519). (См., напр., в Ипатьевской летописи (Галицко-Волынский летописный свод) под 1240 г.: «*Даниль же оувѣдавъ . посла Єкова столника своего*» (ПСРЛ 2: 789)).

Постельник – спальник, следящий за спальней (Срезневский 2:

1261). (См., к примеру под 1460 г. в Софийской второй летописи: «*Быс(ть) же отрокъ постълникъ*» (ПСРЛ 6: 132)).

Упоминание должности *посадник* среди бояр появляется в молдавских документах (1421 г.): *Лацко посадник* (DRHA 1: 69) и далее в 1436, 1444, 1445 гг. и т. д. (DRHA 1: 209, 352, 364).

В Древней Руси *посадник* – назначенный князем правитель города и относящейся к нему области (Срезневский 2: 1228). (См., напр., в «Повести временных лет» под 977 г.: «*АЕрополкъ посади посадни-къ свои въ Новѣгородѣ . и бѣ володѣѧ единъ въ Руси*» (ПСРЛ 2: 63)).

В становлении титулов феодальной верхушки прослеживается некоторая аналогия с Московской Русью. В Древней Руси общественное положение многих древнейших чинов двора было невысоким, полагал В.И. Сергеевич. Тиуны редко сохраняли свободу, по общему правилу они становились холопами. Могли быть несвободные и в составе *отроков*, *конюхов*, *ловчих*. По мере усиления княжеской власти и особенно увеличения земельных владений состав московского двора меняется. Среди придворных чинов больше начинают встречаться дети боярские и бояре. В XVI и особенно в XVII в. «лучшие люди» московского государства добиваются уже чести поступить в придворный штат московских государей в качестве их *спальников*, *стольников*, *чашиков*, *крайчих* (*кравчих*) и т. д. (Сергеевич 1902: 392). Количество придворных чинов увеличивается с ростом числа подданных, к этим придворным чинам причислялись и боярские: *дворецкий*, *конюшний*, *кравчий*, *оружейничий*, *казначай*, *постельничий*, *ясельничий*, *сокольничий*, *ловчий*, *чашик* (Успенский 1818: 277-289).

Употребляется в титулах приближенных и *витязь* при перечислении бояр (в русском языке: «*храбрый и удатливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь*» (см. у Даля (Даль 1: 184)). Это титул, известный с XIV в. (см. грамоты 1392, 1400, 1403, 1428 гг. и т. д.) (DRHA 1: 3, 16, 26, 103), давался в Молдавии и Валахии за храбрость в бою, господарь награждал витязя землей или недвижимостью. Витязями были избранные всадники со своими людьми. Как и на Западе, они выдвигались из отличившихся воинов или служилых людей (Лесса 1937: 573-574). Н. Мохов считал, что речь идет о военных отрядах цинутов, состоявших из витязей (*ветежи* или *ватажи*), они оставались свободными крестьянами, не зависящими от власти отдельных феодалов. За военную службу господарь освобождал их от некоторых повинностей. Витязи положили начало низшему боярству (Мохов 1964: 138).

В румынском и молдавском языках это слово имеет значения «*отважный, доблестный, храбрый, храбрец*» (Дикционар 1987: 834).

Этимология слова неясна, хотя оно присутствует во всех славянских языках (Этимологический словарь 1968: 111). В свое время М. Фасмер проанализировал различные версии происхождения данного слова, в т. ч. из прусского, германского, древнеисландского и т. д. Однако это не объясняет, на наш взгляд, присутствие этого слова в славянских языках: укр. *вітязь*, др.-русск. *витязь*, болг. *вітез*, серб.-хорв. *вітез*, сербск.-церк.-слав. *витязь*, словенск. *vitez*, чешск. *vítěz*, словацк. *vítaz*, польск. *zwyciężyć* («победить»), в.-луж. *wičaz* («герой», «крестьянин, арендатор»). Также ученый обратил внимание на то, что слово *viteaz* в восточнороманских языках заимствовано у славян (Фасмер 1: 322-323).

Х. Шустер-Шевц считал, что это слово славянского происхождения и в древности означало «крестьянский помощный воин с лошадью, который во время военных походов или при защите территории своего племени добровольно поддерживал главу племени». За это он получал определенные материальные льготы (распределение земли, военные трофеи, освобождение от податей). В древнерусском значении слова витязь оказывает услуги на лошади и выполняет поручения в рамках феодальной администрации. Когда у славян формируется система дружин, витязь начинает выполнять военные задания по поручению князя. Поэтому сильнее начинают выступать семантические оттенки слова: *воин, герой, рыцарь*. Это значение со временем стало доминировать во многих славянских языках (Шустер-Шевц 1986: 233).

С тем, что данное слово - славянского происхождения, согласны молдавские и румынские ученые (Скуорт дикционар 77; Evseev 2009: 321).

От Галицкой Руси появились термины *окол* (округ), которое встречается в первых грамотах (см. грамоты 1392, 1393, 1430-1431 гг.) (DRHA 1: 3, 5, 145), *город, волость* (небольшая сельская территория, подчиненная городу (от слова *володѣти*)), *урядник* (чиновник), *мыто* (пошлина), *мытник* (таможенник) (МЭФ 3: 166, 304), *очина, вотчина* (DRHA 1: 34, 53, 61, 103) и т. д.

При перечислении бояр встречается немало славянских и славянанизированных имен и прозвищ. Во времена правления воеводы Романа в грамоте 1393 г.: *Станислав Еловский, Драгой, Юрий, Влад, Бырлич* (DRHA 1: 5-6). Немало их и среди бояр времен Александра Доброго (см., к примеру, в грамоте 1421 г.: *Михаило Дорогунский (Дорохойский), Гринко, Драгуш, Вилча, Мудричка, Нестяк, Стан Бырлич, брат его Оана, Опришак, Лацико Боц, брат его Миклоуш, Иваныш, Прочельник, Чурба, Иван Дедко, Штефан Стравич, брат его Журже, Унклят и брат его Татомир, Миклоуш, Богдан, Яким Калиянович, Го-*

раец, брат его Станислав, Брличка, Драгомир Вранич, Ходко, брат его Лева, Борис Головваты, Борис Браевич, Данчлу Жулич, Строишор Дружа, Станислав Илишев, Боб Опришак, Лашко, Гудич (DRHA 1: 69):

† Мы, Иледандръ воевода, господарь Земли Молдавскон, и, тиже, мы, Илешъ воевода, съи нъ Иледандра воеводы, господаря Земли Молдавскон, и мы, бояре господара нашего Иледандра воеводы: пан(ъ) Миханло Дорогунскын, пан(ъ) Басинъ дворникъ, пан(ъ) Гринко, пан(ъ) Негра, пан(ъ) Драгушъ), пан(ъ) Журжъ, пан(ъ) Бинача, пан(ъ) Шандро, пан(ъ) Младничка, пан(ъ) Илешъ), пан(ъ) Попша, пан(ъ) Нестяжъ), пан(ъ) Динъ), пан(ъ) Исан, пан(ъ) Стан(ъ) пан(ъ) Стан(ъ) Еръличъ) и брат(ъ) его, Бана, пан(ъ) Кръстъ), пан(ъ) Шприншакъ), пан(ъ) Дамакушъ), пан(ъ) Лашко Боцъ) и брат(ъ) его, Миклоушъ, пан(ъ) Иванышъ), пан(ъ) Нанъ) Бана, пан(ъ) Прочелникъ), пан(ъ) Булагъ), пан(ъ) Чурба, пан(ъ) Иванъ) Дѣтко, пан(ъ) Бана Порка, пан(ъ) Корлатъ), пан(ъ) Шефанъ) Стравничъ) и брат(ъ) его, Журжъ, пан(ъ) Оункалета и брат(ъ) его, Татомиръ), пан(ъ) Миклоушъ), пан(ъ) Богданъ), пан(ъ) Акимъ) Каліновичъ), пан(ъ) Гораецъ и брат(ъ) его, Станиславъ), пан(ъ) Еръличка, пан(ъ) Драгомиръ) Ераничъ), пан(ъ) Ходко и брат(ъ) его, Лева, пан(ъ) Борнеъ) Голшваты, пан(ъ) Борнъ) съ(ъ) Ерлевичъ), пан(ъ) Данчулъ) Жуличъ), пан(ъ) Стронишоръ) Дружа, Станиславы Илишевъ, Бобъ) Шприншакъ), Лашко посадникъ), Гудничъ), Думитръ Баденичъ), оусн, велнди и малн.

То же в грамоте 1429 г.: *Михаил, Купич, Драгош, Оприш, Иван Дедко, Чурба, Ходко* (7 из 17 упоминаемых) (DRHA 1: 139-140).

В дипломатике встречается большое количество названий сельских местностей Молдавии. П. Бирней было картографировано 1122 села первой половины XV в. (Бирня 1969: 96). Между Карпатами и Прутом располагалось 937 (83,5%), в Прuto-Днестровском междуречье насчитывалось всего 16,5%, из них большинство было на севере междуречья и в центральных лесо-холмистых районах. В XV - начале XVI в. в Молдавии насчитывалось свыше 1700 сел, нанесено на карту было примерно 66% (Советов 1972: 214, 293).

Анализируя топонимику средневековых Молдавии и Валахии, Э. Петрович сделал вывод, что славянские топонимы Молдавии - только от одного пласта славянского населения (восточных славян, русинов), для которых в т.ч. характерно и полногласие. Валахии присуща южнославянская топонимия (Петрович 1963: 9, 11-12). Поэтому, к примеру, в официальной канцелярии употреблялось наименование *город*, в отличие от Валахии (*град*).

В грамотах для обозначения сельских местностей применяли определенные слова: *село, приселок, кут, прикуток* (Бирня 1969: 39).

Как отмечал П.В. Советов, каждое село представляло собой самостоятельную сельскую общинную организацию, имело свой собственный *хотар* (установленные границы, т. е. земельные уголья, включенные в сельскую между данного поселения (МЭФ 2: 18)). В него входили *ватра* (первоначальный очаг села, его застроенная

часть (Бырня 1969: 41)), пашни, леса, сенокосы, водоемы, сады, пасеки, мельницы и т. д. Хотар каждого села отделялся межевыми знаками от хотаров соседних сел (Советов 1972: 28).

Отдельная сельская местность в молдавских документах называлась *село* (Полевой 1985: 12) (см., напр., жалованную грамоту господаря Александра своему слуге от 1422 г.: «А хотарь тому селу да буде(т) по стары(м) хотару(м), куда от въка живвали» (МЭФ 2: 45)). Слово это встречается и в южнославянских языках, и в венгерском. Ю. Венелин считал, что оно одного происхождения со словом *хутор* (Венелин 1840: 62-63). Слова *село* и *хотар* упоминаются в первых сохранившихся грамотах (с 1392 г.) (DRHA 1: 3; 5, 6, 7, 9, 11, 14 и т. д.).

В Древней Руси X-XIII вв. под селом подразумевались все сельские места, поселения и поселки с усадьбами крупных землевладельцев и поселения крестьян (Лемтюгова 1983: 6; Полевой 1985: 12). Упоминается в «Повести временных лет», впервые встречается в договоре князя Олега с греками (907): «да запрѣтить кназъ людемъ своимъ . приходящимъ Руси здѣ . да не творатъ пакости . в селѣхъ и въ странѣ нашей» (ПСРЛ 2: 22; Срезневский 3: 327). Слово первоначально имело значение «жилище, жилье» (Срезневский 3: 326), позже – «обстроенное и заселенное крестьянами место, в коем есть церковь» (Даль 4: 156). В Юго-Западной Руси селом называли любое жилье, поселение сельского типа (Полевой 1985: 12).

Слово *хотар* (*хотарь*) сохранилось в современных русинских говорах. *Хитар* в том же значении *межа, граница* - на Буковине (Словник 2005: 611), *хитар* (*готар*, *хитар*, *хітарь*, *хотар*) – граница, межа между двумя селами; конец села, гора на конце села; перевал - у гуцулов (Гуцульські говорки 1997: 201), *готар*(*б*) (граница чиму́ – с чем =граничный / готарный из чим) – граница - в Закарпатье (Російсько-русинський словник 2012: 202).

В лемковском говоре *хотар*, *-таря* имеет несколько схожее значение: часть села, дом; почвы, пастбища, лес либо дорогу через поля (Пиртей 2001: 419).

В румынском и молдавском языках *hotar* означает граница, рубеж, межа, конец, предел (Румынско-русский словарь 1954: 389; Дикционар 1987: 515).

Селищем в молдавских грамотах называлось пустующее село (DRHA 1: 57, 67, 73, 99, 134, 150, 176 и т. д.; DRHA 2: 24, 79, 82, 125, 129, 147 и т. д.; МЭФ 1: 1, 43, 58, 59, 66, 67, и т. д.; МЭФ 2: 5, 15, 22, 29, 30, 31, 41 и т. д.). Это слово употребляется и русско-литовских грамотах (Грамоты 1868: 5, 20, 24-28, 34-35, 42, 161-163). Как, впрочем, и постоянно слово *село* (Грамоты 1868)

Слово *слободзие* в грамотах означало слободу (МЭФ 1: 304, 306).

Также типы сельских поселений назывались *кут*, *прикуток*, *приселок*.

Как отмечал Р. Росетти, в грамотах нет различия между терминами *жудечие*, *кут* и *часть села* - это синонимы (Rosetti 1907: 49). П. Бырня считал, что речь идет не просто о частях села, а о неделимых территориальных единицах, часто имевших свои собственные наименования, отличные от названия села (в 1431 г.: Степанов кут, Диаковци, оба кута (DRHA 1: 152), в 1468 г.: кутул Хуецении (DRHA 2: 225); в 1480 г.: село на имя Симиничании, вышний кут (DRHA 2: 345), в хотаре которого они находились (Бырня 1969: 42)).

Термин *кут*, по его мнению, означал наименование типа поселения, а *жудечие* – название территории, на которой распространялась административная власть *жуде* (старейшины общинного поселка) (Бырня 1969: 44).

Как заметил П. Бырня, слово *кут* – восточнославянское (Бырня 1969: 40). Употребляется в церковном и монастырском уставе с 1193 г. В русских летописях упоминается с 1401 г. (Срезневский 1: 1383).

Около 24,5% названий населенных пунктов Молдавии XIV-XV вв. образованы со славянскими суффиксами, из них 12,5% - с русинскими *-овцы* (*-евцы*), *-инцы* (*-енцы*) (Полевой 1979: 103). В господарских грамотах зафиксировано 50 ойконимов и гидронимов с корнем *рус* (Стати, Суляк 2014: 75). В документах XV в. упомянуты 12 названий сел с корнем *рус* (Полевой 1979: 103).

Проанализировав данные сельской ойкономики XIV - середины XV в., Л. Полевой сделал вывод, что восточнославянское (русинское) население составляло в Молдавии в середине XIV в. 39,5%, в первой трети XV в. - 26,5% (Полевой 1979: 113). Разумеется, эти цифры весьма условны. В ряде материалов мы показывали, что населенные пункты Молдавии были полигетничными, а в молдавских по этническому составу сел русины проживали и в более поздние времена (Суляк 2013: 101-102; Суляк 2015: 103-108).

Молдавское княжество возникло на землях Галицкой Руси в результате волошско-русинской колонизации, первое время его православная церковь подчинялась Галицкой митрополии, его подданными было значительное количество русинов.

Все эти факторы оказали влияние на формирование институтов молдавского феодального общества, которые представляли собой синтез старой волошской общественной организации с древнерусскими формами, выбор официального языка княжества, а впоследствии - на духовную и материальную культуры молдаван.

ЛИТЕРАТУРА

ААЭ 1 - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836.

Бырня 1969 - *Бырня П.П.* Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев: Издательство ЦК КП Молдавии, 1969. 292 с.

Венелин 1840 - *Венелин Ю.И.* Влахи-болгарские, или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные на иждивении Имп. Рос. акад. Юрием Венелиным. СПб.: тип. Имп. Рос. акад., 1840. XVI, 361 с., 20 л. факс.

Градовский 1875 - *Градовский А.* Начала русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. М.: Типография М. Стасюлевича, 1875. 436 с.

Грамоты 1868 - Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 год / Под ред. В. Антоновича и К. Козловского. Киев: В университетской типографии, 1868. X + II + 166 с.

Греков 1952 - *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до конца XVII века. В 2-х т. Изд. 2, испр. и доп. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 532 с.

Грекул 1961 - *Грекул Ф.А.* Аграрные отношения в Молдавии в XV - первой половине XVII в. / Под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1961. 456 с.

Гумецкая 1971 - *Гумецкая Л.Л.* К вопросу о языке молдавских грамот XIV-XV вв. // Otázky dějin střední a východní Evropy / Hejl, František (editor). Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1971. Рр. 25-35.

Гуцульські говорки 1997 - Гуцульські говорки. Короткий словник. Відповід. ред. Я. Закревська. Львів: Інститут українознавства, 1997. 232 с.

Даль 1 - *Даль В.И.* Толковый словарь живаго Великорусского языка. Ч. 1. А-З. Общества любителей Российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете. М.: В типографии А. Семена, 1863. 629 с.

Даль 4 - *Даль В.И.* Толковый словарь живаго Великорусского языка. Ч. 4. Р-В. Общества любителей Российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете. М.: В типографии Т. Рис, 1866. 712 с.

Дикционар 1987- Дикционар молдовенеск-рус = Молдавско-русский словарь / Е. Ецко, Т. Урсу, Т. Челак. Кишинэу: Редакция принчипалэ а енчиклопедией Молдовенешть, 1987.

Зимин 1999 - *Зимин А.А.* Правда русская. М.: Древнехранилище, 1999. 422 с.

Костэкл 1958 - *Костэкл В.* Общность терминологии «Русской правды» и румынских средневековых памятников // Romanoslavica. Bucureşti, 1958. Т. I. С 73-87.

Кочубинский 1903 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства

народного просвещения. Часть CCCXXXVII. 1903. Июнь. С. 389-418.

Лемтюгова 1983 - Лемтюгова В.П. Формирование восточнославянской ойкономии в связи с развитием типов поселений. Минск: Наука и техника, 1983. 38 с.

Майоров 2006 - Майоров А.В. Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. - 209 с.

МЭФ 1 - Молдова ын епока феодализмулуй. Вол. I = Молдавия в эпоху феодализма. Т. I. Славяно-молдавские грамоты XV – первая четверть XVII вв. // Сост. П.В. Дмитриев, Д.М. Драгнев, Е.М. Руссов, П.В. Советов. Под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1961. 485 с.

МЭФ 2 - Молдова ын епока феодализмулуй. Вол. II = Молдавия в эпоху феодализма. Т. II. Славяно-молдавские грамоты XV-XVI вв. / Сост. Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.И. Светличная, П.В. Советов. Под ред. Л.В. Черепнина. Кишинев: Штиинца, 1978. 448 с.

МЭФ 3 - Молдова ын епока феодализмулуй. Вол. III = Молдавия в эпоху феодализма. Т. III. Славяно-молдавские грамоты. 1601-1640 / Сост. Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.И. Светличная, П.В. Советов. Под ред. В.П. Пашуто. Кишинев: Штиинца, 1982. 480 с.

Мохов 1964 - Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1964. 440 с.

Мохов 1978 - Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1978. 131 с.

Огієнко 2001 - Іван Огієнко (*Митрополит Іларіон*). Історія української літературної мови / Упоряд., авт. іст.-біогр. нарису та приміт. М. С. Тимошик. Київ: Наша культура і наука, 2001. 440 с., іл.

Петрович 1963 – Петрович Э. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // Romanoslavica. IX. Bucureşti, 1963. С. 5-12.

Пиртей 2001 - Пиртей П.С. Словник лемківської говірки. Матеріали для словника. Legnica-Wrocław, 2001. 460 с.

Полевой 1979 - Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 204 с.

Полевой 1985 - Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев: Штиинца, 1985. 222 с.

ПСРЛ 2 - ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: типография М.А. Александрова, 1908. 573 с.

ПСРЛ 6 - ПСРЛ. Том 6. Выпуск 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. I-VIII, 240 с.

Раевский 1988 - Раевский Н.Д. Контакtele романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу: Штиинца, 1988. 288 р.

Російсько-русинський словник 2012 - Російсько-русинський словник. У 2 т. 65000 слів / Склав І. Керча. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 1. 580 с.

Румынско-русский словарь 1954 - Румынско-русский словарь / Под ред. Б.А. Андрианова, Д.Е. Михальчи. Изд. 2, стереотипное. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. 976 с.

Русанівський 2001 - Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. Київ: Артек, 2001. 392 с.

Русанівський 2004 - Русанівський В.М. Західноруська писемна міова // Українська мова. Енциклопедія / Редкол. Русанівський В.М., Тараненко О.О., Зяблюк М.П. та ін. 2-ге вид., випр. і доп. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 2004. С. 197.

Семчинський - Семчинський С.В. Українсько-румунські мовні контакти // Українська мова. Енциклопедія / Редкол. Русанівський В.М., Тараненко О.О., Зяблюк М.П. та ін. 2-ге вид., випр. і доп. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 2004. С. 746-747.

Сергиевский 1959 - Сергиевский М.В. Молдаво-славянские этюды. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 212 с.

Сергеевич 1902 - Сергеевич В.И. Русские юридические древности. 2-е изд., с переменами и доп. Т. 1. ТERRITORIA и население. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. XII, 555 с.

Скурут дикционар 1978 - Скурут дикционар етимологік ал лимбий молдовенешть / Ред.: Н. Раевский, М. Габинский. Кишинэу: Редакция принципалэ а енциклопедией Советиче Молдовенешть, 1978. 680 р.

Словник 1 - Словник староукраїнської мови XIV-XV ст. У 2 т. / Укл.: Д.Г. Гринчишин, У.Я. Єдлінська, В.Л. Карпова, І.М. Керницький, Л.М. Полюга, Р.Й. Керста, М.Л. Худаш. Київ: Наукова думка, 1978. Т. 1: А - М / Ред. тому: Л.Л. Гумецька, І.М. Керницький. 630 с.

Словник 2005 - Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

Советов 1972 - Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Т. 1. Очерки истории землевладения в XV-XVIII вв.). Кишинев: Штиинца, 1972. 510 с.

Срезневский 1 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А - К. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук. 1893. IX, 1420 стб., 49 с.

Срезневский 2 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л - П. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1902. 15, [4] с., 1802 стб.

Срезневский 3 - Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р - ІА [йотированный юс малый] и дополнения. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1912. [4] с., 1684, 272 стб., 13 с.

Стати 2009 - Стати В.Н. За наш молдавский язык. Историческое, социолингвистическое исследование. Тирасполь: ГУИПП «Бендерская типография "Полиграфист"», 2009. 312 с.

Стати, Суляк 2014 - Стати В.Н., Суляк С.Г. Русины в молдавской историографии // Русин. 2014. № 1. С. 64-81

Суляк 2013 - Суляк С.Г. Полиэтничная Молдавия (по данным топонимики и антропонимики) // Русин. 2013. № 1. С. 95-105

Суляк 2014 – Суляк С.Г. Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия // Русин. 2014. № 4. С. 152–176.

Суляк 2015 – Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1. С. 95–115. DOI 10.17223/18572685/39/7

Уляницкий 1887 – Уляницкий В.А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV-XVI вв. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. VIII, 244 с.; 26.

Успенский 1818 - Успенский Г.П. Опыт повествования о древностях русских В 2 ч. Изд. 2, дополн. и умноженное. Харьков: в Университетской тип., 1818. Ч. 1. О обычаях россиян в частной жизни. XII, 145 с.; Ч. 2. О обычаях Россиян в гражданском их состоянии и правительстве [в 2 отд.]. Отд. 1. [2], 147-399 с.; Отд. 2. [2], 401-815 с.

Фамилии-Сайт «Moldovenii». Фамилии Республики Молдова. URL: <http://www.moLdovenii.md/ru/Library/documents/page/14> (дата обращения: 30.12.2015).

Фасмер 1 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В 4-х т. Т. 1. А-Д. М.: Прогресс, 1986. 574 с.

Шандра 2009 - Шандра Р. Здійснення судами волоського права судочинства у кримінальних справах (XIII–XVIII ст.) // Вісник Львівського університету. Серія юридична. 2009. Вип. 48. С. 77–87

Шустер-Шевц 1986 - Шустер-Шевц Х. Древнейший слой славянских социально-экономических и общественно-институциональных терминов и их судьба в сербо-лужицком языке // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 224-239.

Этимологический словарь 1968 - Этимологический словарь русского языка. Т. I. Выпуск 3. В / Под руководством и редакцией Н. М. Шансского. М.: Изд-во Московского университета, 1968. 284 с.

Этимологический словарь 1977 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 4 (*čaběniti *děl'a). М.: Наука, 1977. 236 с.

Яцимирский 1910-Яцимирский А.И. Язык славянских грамот молдавского происхождения // Статьи по славяноведению. Вып. 3 / Под ред. В.И. Ламанского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. С. 155-177.

Bogdan 1908 - Bogdan I. Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden // Jagić-festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, Weidmann, 1908. S. 369-377.

Bogdan 1946 - Bogdan D.P. Caracterul limbii textelor slavo-române. Bucureşti: [s.n.], 1946. 46 p.

DRHA 1 - Documenta Romaniae Historica: A. Moldova. Vol. 1. (1384-1448). Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1975. 605 p., il.

DRHA 2 – Documenta Romaniae Historica: A. Moldova. Vol. 2. (1449-1486). Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1976. 647 p., il.

DRHA 3 - Documenta Romaniae Historica: A. Moldova. Vol. 3. (1487-1504).

Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române, 1980. 686 p., il.

Evseev 2009 - Evseev I. Slavismele Româneşti. Bucureşti: Editura C.R.L.R., 2009. 446 p.

Jireček 1893 - Jireček C. Slavische Chroniken der Moldau Archiv für slavische philologie Archiv für slavische philologie. XV. Berlin, 1893. S. 81-91.

Jabłonowski 1878 - Jabłonowski A. Sprawy wołoskie za Jagiellonów: akta i listy. Źródła dziejowe. T.10. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1878. III, CLXIV. 163 s.

Kałužniacki 1878 - Kałužniacki E. Dokumenta Moldawskie i Multańskie z archiwum miasta Lwowa // Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacji śp. Aleksandra hr. Stadnickiego. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. T.7. Lwów, 1878. S. 195-252.

Lecca 1937-Lecca O.-G. Dicționar istoric, arheologic și geografic al României. Bucureşti: Editura Universul, 1937. 630 p.

Panaiteescu 1991 - Panaiteescu P.P. Istoria românilor. Chişinău: Logos, 1991. 272 p.

Petrașcu, Bezviconi 1945 – Petrașcu N.N., Bezviconi G.G. Relațiile ruso-române. Bucureşti: [s.n.]. 118 p.

Rosetti 1907 - Rosetti R. Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova. Vol. I. De la origini până la 1834. Bucureşti: Editura Librăriei Socec, 1907. 560 p.

Rosetti 1932 - Rosetti A. Limba română în secolul al XVI-lea. Bucureşti Cartea Românească, 1932. IX, 158 p.

REFERENCES

Russia. (1836) *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy Imperii* [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Typography of the Second Section of His Majesty's Own Chancellery.

Byryna, P.P. (1969) *Sel'skie poseleniya Moldavii XV–XVII vv.* [Villages in Moldova in the 15th – 17th centuries]. Chisinau: TsK KP Moldavii.

Venelin, Yu.I. (1840) *Vlakho-bolgarskie, ili Dako-slavyanskie gramoty, sobrannye i ob"yasnennye na izhdivenii Imp. Ros. akad. Yuriem Venelinym* [Vlaho-Bulgarian, or Daco-Slav letters collected and explained by Yu.I. Venelin]. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Russia.

Gradovsky, A. (1875) *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [The beginning of Russian public law]. Vol. 1. Moscow: Typography of M. Stasyulevich.

Antonovich, V. & Kozlovskiy, K. (ed.) (1868) *Gramoty velikikh knyazei litovskikh s 1390 po 1569 god* [Diplomas Grand Dukes of Lithuania from 1390 to 1569]. Kiev: The university typography.

Grekov, B.D. (1952) *Krest'yane na Rusi s drevneyshikh vremen do kontsa XVII veka* [Peasants in Russia from ancient times to the late 17th century]. In 2 vols. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Grekul, F.A. (1961) *Agrarnye otnosheniya v Moldavii v XV - pervoi polovine XVII*

- v. [Agrarian relations in Moldova in the XV - the first half of the XVII century]. Chisinau: Kartya Moldovenyaskie.
- Gumetskaya, L.L. (1971) *K voprosu o yazyke moldavskikh gramot XIV-XV vv. [On the language of Moldovan letters in the 14th – 15th centuries]*. In: Hejl, F. (ed.) *Otázky dějin střední a východní Evropy [Problems of the history of Central and Eastern Europe]*. Brno: Universita J.E. Purkyně. pp. 25-35.
- Zakrevs'ka, Ya. (ed.) (1997) *Gutsul's'ki govirki. Korotkiy slovnik [The Hutsul dialect. A short dictionary]*. Lviv: Institute of Ukrainian Studies.
- Dal, V.I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivago Velikoruskogo yazyka. Ch. 1. [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. Part 1]*. Moscow: A. Semen.
- Dal, V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivago Velikoruskogo yazyka. Ch. 4. [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. Part 4]*. Moscow: T. Ris.
- Etsko, E., Ursu, T. & Chelak, T. (1987) *Diktcionar moldovenesk-rus* [The Moldovan-Russian dictionary]. Chisinau: Redaktsiya Princhipale a Enchiklopediey Moldovenesht'.
- Zimin, A.A. (1999) *Pravda Russkaya* [The Russian Truth]. Moscow: Drevnekhralishche.
- Kostekel, V. (1958) *Obshchnost' terminologii "Russkoy Pravdy" i rumynskikh srednevekovykh pamyatnikov* [The affinity of terminology of "Russkaya Pravda" and Romanian medieval monuments]. *Romanoslavica. București*. I. pp. 73-87.
- Kochubinskiy, A.A. (1903) *Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly (bibliograficheskie zametki)* [Private Moldavian editions for Russian school (bibliographical notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCCXXXVII. pp. 389-418.
- Leptyugova, V.P. (1983) *Formirovanie vostochnoslavyanskoy oykonimii v svyazi s razvitiem tipov poseleniy* [The formation of East Slavic placenames in connection with the development of typical settlements]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Mayorov, A.V. (2006) *Velikaya Khorvatiya: Etnogenез i rannaya istoriya slavyan Prikarpatskogo regiona* [The Great Croatia: Ethnogenesis and Early History of Slavs in Subcarpathia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Cherepnin, L.V. (ed.) (1961) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. 1. Chisinau: Shtiintsa.
- Cherepnin, L.V. (ed.) (1978) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. 2. Chisinau: Shtiintsa.
- Pashuto, V.P. (ed.) (1982) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Vol. 3. Chisinau: Shtiintsa.
- Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma (Ot drevneyshikh vremen do nachala XIX v.)* [Moldova feudalism (From ancient times to the beginning of the 19th century)]. Chisinau: Kartya Moldovenyaskie, 1964. 440 s.
- Mokhov, N.A. (1978) *Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda* [Essays on the history of the formation of the Moldovan people]. Chisinau: Kartya Moldovenyaskie.
- Ohiyenko, I. (2001) *Istoriya ukrains'koj literaturnoї movi* [History of Ukrainian literary language]. Kyiv: Nasha kul'tura i nauka.

Petrovici, E. (1963) *Geograficheskoe raspredenie slavyanskikh toponimov na territorii Rumynii* [The geographical distribution of the Slavic place names in Romania]. *Romanoslavica*. IX. Bucuresti, 1963. pp. 5-12.

Pirtey, P.S. (2001) *Slovnik lemivs'koj govoriki. Materialy dlya slovniika* [The Dictionary of the Lemko dialect. Materials for the dictionary]. Legnica-Wrocław.

Full Collection of Russian Chronicles. (1908) *Ipat'evskaya letopis'* [Hypatian Chronicle]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

Full Collection of Russian Chronicles. (2001) *Sofiyskaya vtoraya letopis'* [Sofia Second Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.

Polevoy, L.L. (1975) K istoricheskoy demografii Moldavii XIV v. (Metod retrospektivnogo analiza aktovykh materialov) [By the historical demography of Moldavia in the 14th century (The method of retrospective analysis of official documents)]. In: Grosul, Ya.S. (ed.) *Karpato-Dunayskie zemli v Srednie veka* [Carpathian-Danubian lands in the Middle Ages]. Chisinau: Shtiitsa. pp. 70-93.

Polevoy, L.L. (1976) Dal'nejshee formirovanie feodal'nykh otnosheniy i vozniknovenie Moldavskogo knyazhestva [The further development of feudal relations and the emergence of the Moldavian principality]. In: Sovetov, P.V. (ed.) *Istoriya narodnogo khozyaystva Moldavskoy SSR (s drevneyshikh vremen do 1812 g.)* [The history of the economy of the Moldavian SSR (from ancient times to 1812)]. Chisinau: Shtiitsa. pp. 70-73.

Polevoy, L.L. (1979) *Ocherki istoricheskoy geografi Moldavii XIII-XV vv.* [Essays on historical geography of Moldova of the 13th – 15th centuries]. Chisinau: Shtiitsa.

Polevoy, L.L. (1985) *Rannefeodal'naya Moldaviya* [The Feudal Moldova]. Chisinau: Shtiitsa.

Raevskiy, N.D. (1988) *Kontaktele romanichilor reseriten' ku slaviy. Pe baze de date lingvistice*. Chisinau: Shtiitsa.

Kerch, I. (ed.) (2012) *Rosiy'sko-rusins'kiy slovnik. U 2 t.* [The Russian-Rusinian Dictionary. In 2 vols]. Vol. 1. Uzhgorod: PoliPrint.

Andrianov, B.A. & Mikhalcha, D.E. (1954) *Rumynsko-russkiy slovar'* [Romanian-Russian Dictionary]. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.

Rusanivskiy, V.M. (2001) *Istoriya ukrains'koj literaturnoi movi* [The History of the Ukrainian language]. Kiiv: Artek.

Rusanivs'kiy, V.M. (2004) Zakhidnorus'ka pisemna mova [Written West Ukrainian language]. In: Rusanivskiy, V.M., Taranenko, O.O. & Zyablyuk, M.P. et al. (eds) *Ukrains'ka mova. Entsiklopediya* [The Ukrainian language. Encyclopedia]. Kiiv: Ukrains'ka entsiklopediya. p. 197.

Semchinskiy, S.V. (2004) Ukrains'ko-rumuns'ki movni kohtakti [Ukrainian-Romanian language contacts]. In: Rusanivskiy, V.M., Taranenko, O.O. & Zyablyuk, M.P. et al. (eds) *Ukrains'ka mova. Entsiklopediya* [The Ukrainian language. Encyclopedia]. Kiiv: Ukrains'ka entsiklopediya. pp. 746-747.

Sergievskiy, M.V. (1959) *Moldavo-slavyanskie etyudy* [Moldova Slavic essays]. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Sergeevich, V.I. (1902) *Russkie yuridicheskie drevnosti* [Russian legal antiquities]. 2nd ed. Vol.1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

Raevskiy, N. & Gabinskiy, M. (1978) *Skrut diktsionar etimolojik al limbiy moldovenesht'* [Brief etymological dictionary of the Moldovan language]. Chisinau: Redaktsiya princhipale a enchiklopediey Sovetiche Moldovenesht'.

Gumetska, L.L. & Kernitskiy, I.M. (eds) (1978a) *Slovnik staroukraïns'koї movi XIV-XV st. U 2 t.* [The Old Ukrainian language dictionary in the 14th–15th centuries. In 2 vols]. Vol. 1. Kiїv: Naukova dumka.

Guyvanyuk, H.B. (2005) *Slovnik bukovins'kikh rovipok* [The Dictionary of Bukovinian dialects]. Chernivtsi: Ruta.

Sovetov, P.V. (1972) *Issledovaniya po istorii feodalizma v Moldavii* [Studies in the history of feudalism in Moldova]. Vol. 1. Chisinau: Shtiintsa.

Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the ancient Russian language in the written monuments]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Sreznevskiy, I.I. (1902) *Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the ancient Russian language in the written monuments]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the ancient Russian language in the written monuments]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Stati, V.N. (2009) *Za nash moldavskiy yazyk. Istoricheskoe, sotsiolingvisticheskoe issledovanie* [For our Moldovan language. Historic, sociolinguistic research]. Tiraspol': Poligrafist.

Stati, V.N., Sulyak, S.G. (2014) Rusins in Moldavian Historiography. *Rusin.* 1. pp. 64-81 (In Russian).

Sulyak, S.G. (2013) Multiethnic Moldavia (according to toponymic and anthroponymic information). *Rusin.* 1. pp. 95-105 (In Russian).

Sulyak, S.G. (2014) The ancestors of Rusyns and nomads: issues of ethno-cultural interaction. *Rusin.* 4. pp. 152-176 (In Russian).

Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th- beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin.* 1. pp. 95-115 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/7

Ulyanitskiy, V.A. (1887) *Materialy dlya istorii vzaimnykh otnosheniy Rossii, Pol'shi, Moldavii, Valakhii i Turtsii v XIV-XVI vv.* [Materials for the history of mutual relations between Russia and Poland, Moldavia, Wallachia and Turkey in the 14th–16th centuries]. Moscow: University Typography (M. Katkov).

Uspenskiy, G.P. (1818) *Opyt povestvovaniya o drevnostyakh russkikh V 2 ch.* [On narration about Russian antiquities. In 2 parts]. 2nd ed. Khar'kov: University Typography.

www.moLdovenii.md. (n.d.) *Sayt "Moldovenii". Familii Respublikи Moldova* [Website "Moldovenii". The names of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: <http://www.moLdovenii.md/ru/Library/documents/page/14> (Accessed: 30th December 2015).

Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the

Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Progress.

Shandra, R. (2009) Zdiisnennya sudami volos'kogo prava sudechinstva u kriminal'nikh spravakh (XIII–XVIII st.) [Making walnut courts law proceedings in criminal matters (XIII–XVIII century)]. *Visnyk of the Lviv University. Series Law.* Issue 48. pp. 77–87

Shuster-Shevts, Kh. (1984) Drevneyshiy sloy slavyanskikh sotsial'no-ekonomiceskikh i obshchestvenno-institutsional'nykh terminov i ikh sud'ba v serbo-luzhitskom yazyke [The oldest Slavic layer of socio-economic, social and institutional terms, and their fate in the Serbo-Luzhitsk language]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya 1984* [Etymology 1984]. Moscow: Nauka. pp. 224–239.

Shanskiy, N.M. (ed.) (1968) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.

Trubachev, O.N. (ed.) (1977) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of the Slavic Languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.

Yatsimirskiy, A.I. (1910) Yazyk slavyanskikh gramot moldavskogo proiskhozhdeniya [The Language of Slavic documents of Moldovan origin]. In: Lamanskiy, V.I. (ed.) *Stat'i po slavyanovedeniyu* [Articles on Slavic Studies]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 155–177.

Bogdan, I. (1908) Über die Sprache der ältesten moldauischen Urkunden [About the language of the oldest Moldovan documents]. In: *Jagić-festschrift. Zbornik u slavi Vatroslava Jagića*. Berlin: Weidmann. pp. 369–377.

Bogdan, D.P. (1946) *Caracterul limbii textelor slavo-române* [Romanian Slavic-language text character]. Bucureşti: [s.n.]

Romania. (1975) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 1. (1384–1448). Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.

Romania. (1975) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 2. (1449–1486). Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.

Romania. (1980) *Documenta Romaniae Historica: A. Moldova*. Vol. 3. (1487–1504). Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române.

Evseev, I. (2009) *Slavismele Româneşti*. Bucureşti: Editura C.R.L.R.

Jireček, C. (1893) Slavische Chroniken der Moldau Archiv für slavische Philologie [Slavic chronicles of Moldova Archive for Slavic philology Archive for Slavic philology]. *Archiv für slavische Philologie*. XV. pp. 81–91.

Jabłonowski, A. (1878) *Sprawy wołoskie za Jagiellonów: akta i listy. Źródła dziejowe*. Vol. 10. Warszawa: Gebethner i Wolff.

Kałużniacki, E. (1878) Dokumenta Moldawskie i Multańskie z archiwum miasta Lwowa. In: Stadnicki, A. (ed.) *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyriskiego we Lwowie w skutek fundacji. Wyd. staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego*. Lwów: [s.n.]. pp. 195–252.

Lecca, O-G. (1937) *Dicționar istoric, arheologic și geografic al României*. Bucureşti: Editura Universul, 1937.

- Panaitescu, P.P. (1991) *Istoria românilor* [The Romanian history]. Chișinău: Logos.
- Petrașcu, N.N. & Bezviconi, G.G. (1945) *Relațiile ruso-române* [The Russian-Romanian relations]. București: [s.n.].
- Rosetti, R. (1907) *Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova*. Vol. I. Dela origini pănă la 1834. București: Editura Librăriei Socec, 1907.
- Rosetti, Al. (1932) *Limba română în secolul al XVI-lea* [Romanian language in the sixteenth century]. București: Cartea Românească.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Кишинев, Молдавия).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association "Rus" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(477)"19/20"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/8

ЖУРНАЛ «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК» О ПОЛОЖЕНИИ РУСИНОВ ГАЛИЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

В.П. Зиновьев¹, В.В. Казаков²

Томский государственный университет
Россия 634050, Томск, проспект Ленина, 36.

¹ E-mail: vps@tsu.ru

² E-mail: prorektorsv@mail.ru

Авторское резюме

Трагедия русских в Галиции в связи с кризисом на Украине вновь привлекает внимание историков. Обнаруживаются новые источники по истории русинов. Малоизвестным источником по истории галицких русинов является журнал «Славянский век», издававшийся в Вене с 1900 по 1905 г. группой славянских интеллигентов во главе с русинским поэтом и публицистом Д.Н. Вергуном. Редакция журнала размещала на его страницах информацию о жизни славян, которые составляли 60 % населения империи. В 92 номерах журнала, вышедших с 1 июля 1900 г. по декабрь 1904 г., о проблемах русинского населения специально упоминается 103 раза в 76 номерах, в том числе о русинах Галиции – 68 раз. Материалы журнала свидетельствуют о том, что утрата русскими в Галиции своей этнической идентичности стала результатом целенаправленной политики властей Австро-Венгерской империи, польских и украинских националистов. Происходящее в современной Украине – также не случайное явление, а действие, готовившееся полтора столетия австрийскими, польскими, германскими, американскими властями. Журнал «Славянский век» – ценный источник по истории русинского народа и украинской идентичности.

Ключевые слова: Журнал «Славянский век», русины, Галиция, украинофилы, австрийские власти, полонизация.

* Работа выполнена при поддержке Фонда им. Д.И. Менделеева ТГУ.

MAGAZINE "SLAVIC CENTURY" ON THE SITUATION OF THE RUTHENIANS OF GALICIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES*

V.P. Zinoviev¹, V.V. Kazakov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: vps@tsu.ru

² E-mail: prorektorsv@mail.ru

Abstract

Nowadays a tragedy of Rusins (Rusyns, Ruthenians) in Galicia due to the crisis in Ukraine attracted the attention of historians. They discover new sources on the history of Rusins. The magazine "Slavic Century" is a little-known historical source for the history of the Galician Rusins. It's published in Vienna from 1900 till 1905. Slavic group of intellectuals headed by poet and essayist D.N. Vergunov. The editors covered the life of the Slavs, which accounted for 60 % of the population of the empire. In the 92 issues of the magazine from the 1 July 1900 until December 1904 the problems of the Rusinian population specifically mentioned 103 times in 76 issues of the magazine, in particular the Rusins of Galicia – 68 times. Materials of the journal suggests that the loss of Russian in Galicia their ethnic identity is the result of a deliberate policy of the authorities of the Austro-Hungarian Empire, the Polish and Ukrainian nationalists. The situation in a modern Ukraine is also not a random phenomenon, but the action prepares a half-century Austrian, Polish, German, American authorities. Magazine "Slavic Century" – a valuable source on the history of the Ruthenian people and the history of Ukrainian identity.

Keywords: Magazine "Slavic Century", Rusyn, Rusin, Ruthenian, Galicia, ukrainophiles, the Austrian authorities, polonization.

Этническая история русинов, долго замалчивавшаяся солидарной ответственностью за геноцид этой западной ветви русского народа Австрией и Польшей, сейчас вновь стала актуальной в связи с кризисом украинской идентичности и государственности. Так уже было в период мировых войн в XX в. Трагедия русских в Галиции вновь

* This research was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program.

привлекает внимание ученых, которые обнаружили, что она стала результатом целенаправленной политики властей Австро-Венгерской империи, польских и украинских националистов задолго до времен Талергофа и Терезина (Суляк 2009; Ищенко 2015). Открываются новые подробности этой политики, обнаруживаются новые источники. Таким малоизвестным историческим источником является журнал «Славянский век», издававшийся в Вене с 1900 по 1905 г. славянами империи Габсбургов и организованный группой интеллигентов во главе с русинским поэтом и публицистом Д.Н. Вергуном (Славянский век 1900–1904).

Редакция журнала размещала на его страницах информацию о жизни славян, которые составляли 60 % населения империи, при этом русских из них было 11 %, или 3 из 27 млн чел. (Словенец. 1904: 261). В 92 номерах журнала, вышедших с 1 июля 1900 г. по декабрь 1904 г., о проблемах русинского населения специально упоминается 103 раза в 76 номерах, в том числе о русинах Галиции – 68 раз (Фоминых, Зиновьев 2015: 83–94).

Основным содержанием статей и корреспонденций из Галиции было преследование русского языка, вытеснение его из делопроизводства, средств массовой информации, учебного процесса в школе и в единственном университете Галиции – Львовском. Другой важной темой было преследование православия как основы русской культуры. Особой темой было ознакомление читателей с жизнью русинов, эмигрировавших в Америку. Практически во всех корреспонденциях и статьях приводились многочисленные свидетельства о сознательной дискриминации властями, поляками, румынами русского православного населения в экономической, культурной и духовной сферах и о поддержке украинофилов. Русинские публицисты страстно обвиняли польских и украинских националистов в разжигании братоубийственной розни при прямой поддержке австрийских властей.

Владимир Щавинский посвятил австрийской политике разделения русского населения Галиции на украинцев и русинов специальное исследование, в котором отмечает, что сначала австрийцы постарались отделить русских Галиции от России, назвав их рутенами, а затем уже отделили от рутенов украино-русских. Поддержка украинофилов, по его мнению, обозначилась с 1860-х гг. Австрийские власти проводили политику полонизации Восточной Галиции, отдав в ней власть польским дворянам и еврейской буржуазии.

В. Щавинский писал: «Поляки и правительство, что в сущности сводится к одному, так как в Галиции имеется только одно польское правительство, поддерживают культурно-национальные и экономические стремления украинофилов потому, что малорусский

национальный сепаратизм входит в расчет их политики, направленной к созданию затруднений росту могущества русского народа в виде малорусского вопроса, который принимает более и более острый характер. Малорусскому вопросу отведено, без сомнения, важное место в неофициальной внешней политике Австро-Венгрии и Германии, и партия украинофилов является важным фактором этой политики» (Щавинский 1904: 324). Раскол русских в Галиции ослаблял их сопротивление полонизации и онемечиванию. Поддержка украинофилов австрийским правительством В. Щавинский проиллюстрировал данными о грамотности русского населения и о средствах просвещения, имевшихся у русских и украинофилов. В 1902 г. в Галиции было 7 315 тыс. чел. населения, в т. ч. 3 042 тыс. русских. Из 1 млн детей Галиции только 700 тыс. посещало школы, 42 % русских сел не имело школ и 67 % русского населения было неграмотно по сравнению с 52 % неграмотности остального населения. В средних школах на 14 254 ученика-поляка и 4 268 учеников-евреев приходилось только 3 810 русских. На 6 тыс. польских студентов было всего 800 студентов русских. При этом преимущество отдавалось украинским студентам: на 7 бурс с 250 русскими учениками приходилось 18 бурс с 700 украинскими. Русским было дозволено выпускать 11 газет и 2 журнала, украинцам – 25 газет. На русском языке было издано 17 книг, на украинском – 74 (Щавинский 1904: 324–334). Поддержка эта не удивительна, так как украинофилы устами депутата Львовского сейма Юлиана Романчука заявили 25 мая 1890 г., что «партия украинофилов, сознавая отдельность малорусского народа от великорусского, обязывается действовать заодно с поляками, служить австрийскому правительству и оставаться верной католической церкви и западной цивилизации» (Щавинский 1904: 325–326). В условиях давления со стороны австрийских властей, поляков и украинофилов русские в Галиции были обречены на утрату языка и культуры.

Главным врагом австрийских властей был русский литературный язык. В 1901 г. на 20 тыс. русского населения Львова действовала одна русская школа, городским служащим и рабочим было запрещено общаться между собой на русском языке. В Львовском университете попытка запретить писать и говорить на малороссийском наречии вызвала бунт русских студентов (Д.В. 1901: 108; Русский язык 1901: 90). «Русский литературный язык совсем не допускается в галицко-русских учебных заведениях. Изучение его происходит лишь частным образом, и, надо сказать, в преследовании учеников, учащихся русскому литературному языку, малорусская гимназия и малорусские учителя могут поспорить со своими польскими товарищами» (Русский язык 1901: 90).

Так, И.С. Свенцицкий в корреспонденции «Из Подьяремной Руси» писал об отношении украинских националистов к России: «"Распни, распни ее – и всех ее поклонников, приверженцев и последователей!" – снова возопили галицко-русские сепаратисты и поляки, ненавидящие все русское. "Великая Русь" – не Русь, "отляхов"; Киевщина, Украина – вот настоящая Русь! Нужно только собрать все украинско-русские земли в одно и тогда запануем без хлопа и пана!». Таково более или менее содержание вышедшего летом изданием украинофильской "Просвity" брошюры под названием "Русь-Украина и Московщина". Брошюра разослана в семи тысячах экземплярах галицко-русским крестьянам....». Далее он отмечает, что украинофильская газета «Руслан» прямо призывает к расправе над русинами: «Он из всех сил кричит: "Polizei!". Все люди, думающие по-русски, говорящие русским языком, употребляющее этимологическое правописание, все они враги, все они изменники. Они пишут на языке почти чисто русским и русским же правописанием, а государство признало только украинско-русский язык, оно ему и дало фонетическое правописание для того, чтобы резче отличить от ненавистного ему русского» (Свенцицкий 1901: 296–297).

Давление на русинов оказывалось во всех сферах жизни, а не только в образовании, в конфессиональной и культурной деятельности. С. Лабенский отмечал процесс разорения русских крестьян в Галиции польскими помещиками и евреями-ростовщиками, в то время как русская и украинская партии боролись между собой, а не за интересы русского населения, уезжающего в поисках лучшей доли в Америку (Лабенский 1902: 11). За 10 лет в Америку уехали, по сведениям корреспондента журнала «Славянский век», 300 тыс. русинов (Славянские вести. 1902: 699).

Тема вражды русской и украинской партий в Галиции в конце XIX – начале XX в. повторяется почти в каждом номере журнала «Славянский век». В статье «13-с崇尚ий юбилей славянских раздоров» автор А. Павлид вспомнил, что римский император Маврикий 13 веков назад писал о любви славян к иностранцам и о ненависти и зависти их к своим соплеменникам и отметил, что даже в Праге уехавшие из Львова «студенты-сепаратисты всюду заявляют о своей ненависти к товарищам галицко-русским студентам, именующим себя своим историческим и этнографическим именем русских». Далее он пишет, что Галицкая Русь – «колыбель русской силы, культуры, центр торговли и политических общений с западными славянами» и что «русские сепаратисты называют себя теперь «украинцами», забывая, что это название совсем неизвестно червонорусскому народу из Галиции, Буковины, Угророссии. «Украина» чисто географическое название,

встречающееся не только на окраинах бывшей триединой Польши, Литвы и Руси» (Павlid 1902). Действительно, Украина, Крайна не раз встречается на карте славянских земель.

Основной аудиторией антирусской пропаганды была молодежь, и это приносило свои плоды. 29 мая 1902 г., когда во Львове проходило собрание общества галицко-русской интеллигенции «Русская Рада», ученики украинской гимназии разбили стекла в Народном доме (Славянские вести 1902: 698).

Вместе с тем редакция «Славянского века» всегда призывала к единству и высказывала робкую надежду, что налаживающиеся связи украинофилов Галиции с настоящими малороссами России изменят их позицию в отношении русских. И. Свинцов писал по этому поводу, что «ознакомление наших "лжеукраинцев" с настоящими и с положением дел в Малороссии, экономически процветающей в сравнении с нашей "Голицией и Голодоморией" (И. Свинцов перефразировал официальное название Галиции – Королевство Галиции и Лодомерии), не может не отразиться на образе мыслей заблудших сынов Червонороссии» (Свинцов 1904: 54).

На основе материалов журнала «Славянский век» можно сделать вывод, что австрийские власти начали вести целенаправленную политику уничтожения русской культуры, языка и православной веры в Галиции не менее чем за 50 лет до распада империи, одновременно способствуя насаждению украинства. Ясна из материалов журнала также причина успеха этой политики именно в Галиции. Австрийская стратегия украинизации русских здесь опиралась на всемерную поддержку польской шляхты и униатской церкви, в отличие от Закарпатской области и Буковины, в которых венгры и румыны такой поддержки не оказывали и в которых русины дольше сохранили свою национальную идентичность. В Галиции же русская идентичность была выжжена дотла в течение XX в. Можно согласиться с автором статьи о прусском мифе Е. Приказчиковой, «что мифы, касающиеся негативного восприятия другого народа, обычно являются порождением официальной пропаганды и феномена заочной ненависти. Именно они препятствуют созданию атмосферы толерантности и примирения» (Приказчикова 2015: 190). Материалы журнала удивительно точно подтверждают этот вывод, так как галичане находились под прессом официальной антирусской пропаганды и были мало информированы о реальной жизни в России.

Материалы журнала также свидетельствуют о том, что происходящее в современной Украине – не случайное явление, а действие, готовившееся полтора столетия австрийскими, польскими, германскими, американскими властями. Упреки в сторону Российской империи,

элиты которой забыла самую западную часть русского народа, нередко проскальзывавшие на страницах журнала, могут быть обращены и к властям современной России, оказывающей недостаточно внимания соотечественникам за рубежом. Журнал «Славянский век» – ценный источник по истории русинского народа и украинской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

- Д.В. 1901 - Д.В. [Д. Вергун] Положение русских в Галиции // Славянский век. 1901. № 28. С. 107–109.
- Ищенко 2015 - Ищенко Р.В. Талергоф // Стратегия России. 2015. № 1 (133). С. 77–90.
- Лабенский 1902 - Лабенский С. Из Червоної Руси // Славянский век. 1902. № 49. С. 11.
- Павлид 1902 - Павлид А. 13-сотлетний юбилей славянских раздоров // Славянский век. 1902. № 39–40. С. 423–424.
- Приказчикова 2015 - Приказчикова Е. Политические и национально-культурные аспекты прусского мифа в контексте российско-германских отношений XX в. // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 172–198.
- Русский язык 1901 - Русский язык во Львовском университете // Славянский век. 1901. № 27. С. 89–90.
- Свенцицкий 1901 - Свенцицкий И.С. Из Подьяремной Руси // Славянский век. 1901. № 31. С. 296–297.
- Свинцов 1904 - Свинцов И. Из Подьяремной Руси // Славянский век. 1904. С. 50–54.
- Славянские вести 1902 - Славянские вести // Славянский век. 1902. № 48. С. 696–703.
- Славянский век 1900–1904 - Славянский век. Всеславянский орган. Вена. 1900–1904. № 1–92.
- Словенец 1904 - Словенец. Важность настоящей минуты для австрийских славян // Славянский век. 1904. № 81. С. 261.
- Суляк 2009 - Суляк С. Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2. С. 96–119.
- Фоминых, Зиновьев 2015 - Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1. С. 83–94.
- Щавинский 1904 - Щавинский В. Культурно-национальная жизнь Галицкой Руси // Славянский век. 1904. № 83. С. 324–334.

REFERENCES

- Vergun, D. (1901) Polozhenie russkikh v Galitsii [Russians in Galicia]. *Slavyanskiy vek*. 28. pp. 107-109.
- Ishchenko, R.V. (2015) Talerhof [Talerhof]. *Strategiya Rossii*. 1(133). pp. 77-90.

- Labenskiy, S. (1902) Iz Chervonoy Rusi [From Red Rus]. *Slavyanskiy vek.* 49. p. 11.
- Pavlid, A. (1902) 13-sotletniy yubiley slavyanskikh razdorov [The 13th anniversary of Slavic strife]. *Slavyanskiy vek.* 39–40. pp. 423–424.
- Prikazchikova, E. (2015) Politicheskie i natsional'no-kul'turnye aspekty prusskogo mifa v kontekste rossiysko-germanskikh otnosheniy XX v. [The political and national-cultural aspects of the Prussian myth in Russian-German relations in the context of the twentieth century]. *Quaestio Rossica.* 2. pp. 172–198. DOI: 10.15826/qr.2015.2.103
- Anon. (1901) Russkiyazyk vo Lvovskom universitete [The Russian language at Lviv University]. *Slavyanskiy vek.* 27. pp. 89–90.
- Sventsitskiy, I.S. (1901) Iz Pod'yaremnoy Rusi [From the under-Yoke Russia]. *Slavyanskiy vek.* 31. pp. 296–297.
- Svintsov, I. (1904) Iz Pod'yaremnoy Rusi [From the under-Yoke Russia]. *Slavyanskiy vek.* pp. 50–54.
- Anon. (1902) Slavyanskie vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek.* 48. pp. 696–703.
- Slavyanskiy vek. (1900–1904). 1–92.
- Slovenets. (1904) Vazhnost' nastoyashchey minuty dlya avstriyskikh slavyan [The importance of the moment for the Austrian Slavs]. *Slavyanskiy vek.* 81. p. 261.
- Sulyak, S. (2009) The Rusin and Ukrainian questions on the Eve of WWI. *Rusin.* 2. pp. 96–119 (In Russian).
- Fominykh, S.F. & Zinov'ev, V.P. (2015) The magazine "Slavyanskiy vek" as a source for the history of the Rusins. *Rusin.* 1. pp. 83–94 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/6
- Shchavinskiy, V. (1904) Kul'turno-natsional'naya zhizn' Galitskoy Rusi [Cultural and national life of Galician Rus]. *Slavyanskiy vek.* 83. pp. 324–334.

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия).

Zinov'yev Vasiliy – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Казаков Владимир Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры финансового права Томского государственного университета (Томск, Россия).

Kazakov Vladimir – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: prorektorsv@mail.ru

УДК 94(73)"19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/9

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США В КОНЦЕ XIX в.

Ю.Г. Акимов¹, К.В. Минкова²

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

¹E-mail: yga_sir@mail.ru

²E-mail: kristina_minkova@mail.ru

Авторское резюме

Первые эмигранты-русины появились в странах заднего полушария еще в 1860-е гг. В последующие несколько десятилетий отток населения из Закарпатья и Лемковщины за океан неуклонно усиливался. Тысячи измученных нищетой русинов покидали «Старый край» в поисках лучшей доли. Кто-то ехал в Канаду, кто-то – в экзотическую Бразилию, однако большая часть направлялась в Соединенные Штаты, где уже в 1890-е гг. образовалась достаточно крупная русинская диаспора.

В настоящей статье мы рассмотрим начальный этап формирования русинской диаспоры в США (пришедшийся на последние десятилетия XIX в.), проанализируем специфику данного процесса, выясним, чем именно и в какой степени русинская диаспора отличалась от других этнических диаспор, складывавшихся в то же время, в чем заключались ее сильные и слабые стороны. Данный сюжет представляет большой научно-практический интерес, учитывая ту весьма заметную роль, которую американская русинская диаспора сыграла в истории русинов в XX в.

Ключевые слова: русины, диасpora, иммиграция, униатство, религия, церковь.

SPECIFICITY OF FORMATION OF RUSYN DIASPORA IN THE UNITED STATES IN THE LATE XIX-th CENTURY

Y.G. Akimov¹, K.V. Minkova²

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

¹ E-mail: yga_sir@mail.ru

² E-mail: kristina_minkova@mail.ru

Abstract

First Rusin (Rusyn, Ruthenian) emigrants appeared in the Western Hemisphere in the 1860s. In the next few decades due to population outflow, Trans-Carpathian and Lemko migration overseas has steadily increased. Thousands of exhausted pauper Rusins leave «Old land» in search of a better life. Someone went to Canada, someone – to exotic Brazil, but most often they directed to the United States, where a rather big Rusin diaspora has formed by the 1890s. In this article we look at the initial stage of formation of Rusin diaspora in the United States (i.e. to the last decades of the XIX c.), analyze the specifics of the process, find out how and to what extent the Rusin diaspora was different from other ethnic diasporas of that period, what were its strengths and weaknesses. This subject is of great scientific and practical interest, given the very significant role the US Rusin diaspora played in Rusin history of the twentieth century.

Keywords: Rusin, Rusyn, Ruthenian, diaspora, immigration, Greek Catholicism, religion, Church.

Говоря о диаспоре, следует прежде всего определиться с тем, что мы будем понимать под этим термином. Как заметил ведущий российский исследователь диаспор В.И. Дятлов, сам термин «диаспора» практически всегда употребляется в научном обороте без пояснений, поскольку предполагается, что он имеет единственное широко известное значение, в то время как на деле «слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений» (Дятлов 1999: 8).

Если первоначально понятие «диаспора» («рассеяние») относилось исключительно к еврейскому народу, то сегодня диаспорой часто называют любую этническую и/или религиозную группу, проживающую вне ее исторической территории. Однако специалисты выступают против такого расширенного толкования данного термина. С точки

зрения Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой, «диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности» (курсив наш. – Ю.А., К.М.) (Тощенко, Чаптыкова 1996: 37).

Для того чтобы какое-либо сообщество иммигрантов стало диаспорой, оно, во-первых, должно обладать устойчивостью / стабильностью. Этим качеством русины в США, как мы увидим ниже, безусловно, обладали, несмотря на наличие в их среде серьезных разногласий и даже конфликтов по религиозным и политическим вопросам. Во-вторых, этому сообществу необходимы «социальные институты для развития и функционирования». Русины такие институты создали очень быстро. Все это позволило им, с одной стороны, сохраниться в качестве этнокультурной / этноконфессиональной группы и не раствориться полностью в американском «плавильном котле». С другой стороны, они смогли успешно адаптироваться к новым для них заокеанским условиям, поступательно развиваться и за короткий срок из кучки бедных, малообразованных и аполитичных иммигрантов превратиться в сплоченное сообщество, успешно отстаивавшее свои интересы и заставлявшее окружение с собой считаться.

Следует отметить, что русины были в известном смысле хорошо подготовлены к образованию устойчивой диаспоры. Исторически они проживали относительно компактно, но при этом постоянно контактировали с другими народами, никогда не имели собственной государственности и каких-либо светских национальных социально-политических институтов, на которые они могли бы рассчитывать. Среди них были сильны традиции взаимопомощи, выражавшиеся в первую очередь в создании разного рода братств, решавших как религиозные, так и вполне мирские задачи. Все это оказалось чрезвычайно востребованным в условиях Соединенных Штатов конца XIX в.

Важным фактором консолидации эмигрантского сообщества является его особое отношение и привязанность к исторической родине – реальной или трансформировавшейся в некий «идеальный образ». По замечанию В.И. Дятлова, это является как «моральной опорой» диаспоры, так и оправданием предпринимаемых ею усилий по «сохранению идентичности» (Дятлов 1999: 11). Все это также присутствовало у русинской диаспоры. Многие русины рассматривали свой отъезд за океан прежде всего как единственный способ оказания экономической помощи своей семье и родственникам, оставшимся в «Старом краю».

Как это ни парадоксально, для успешного формирования устойчивой диаспоры совершенно не требуется изоляции ее потенциальных членов от общества той страны, в которой они оказались, от ее языка, культуры, политики и т. п. Наоборот, подобная изоляция может препятствовать данному процессу. В качестве примера можно привести русскую послереволюционную иммиграцию во Франции (и в других европейских странах). Значительная часть русских эмигрантов первого поколения жила исключительно российскими интересами, противопоставляла себя окружающему обществу и не стремилась в него интегрироваться. Второе же поколение почти без следа растворилось в нем (остались лишь отдельные «реликты») и полностью «оффранцузилось». При этом происходил радикальный разрыв межпоколенческих внутрисемейных связей: родители жили малопонятными для детей категориями «прошлой» жизни в уже несуществующей стране, любовь и привязанность к которой они пытались передать детям, чего те были просто не в состоянии адекватно воспринять. Конечно, это было обусловлено спецификой русской эмиграции, носившей ярко выраженный политический характер, тогда как русинская эмиграция была обусловлена в первую очередь экономическими факторами. Это побуждало русинов стремиться к материальному успеху, для чего были необходимы одновременно и поддержание внутриобщинных связей, и адаптация к условиям принимающего общества, изучение языка и т. п. Соответственно это приводило к формированию «человека диаспоры», в котором ценности и обычаи новой родины удивительным образом уживались с приверженностью к традициям предков.

В последние десятилетия XIX в. приток иммигрантов в Соединенные Штаты резко возрос; в первом десятилетии XX в. он достиг своего пика, остававшегося непревзойденным вплоть до 1990-х гг. Это была так называемая Великая волна иммиграции, насчитывавшая в общей сложности около 25 млн человек. Большинство из них составляли выходцы из стран Южной, Центральной и Восточной Европы.

Представителям Великой волны (при всей ее внутренней пестроте и разнообразии) были присущи некоторые общие черты, которые явно отличали их от «старых иммигрантов» – немцев, ирландцев, голландцев, скандинавов, приехавших в США в 1820–1880-е гг. Последние (за исключением ирландцев) были преимущественно протестантами, имели достаточно высокий уровень образования и профессиональной подготовки. Многие из них привозили с собой более или менее значительные денежные суммы, позволявшие сразу завести фермерское хозяйство или заняться мелким бизнесом. «Старые иммигранты» не испытывали больших проблем с адаптацией и

достаточно легко и безболезненно влились в американское общество (определенные проблемы были только у ирландцев, но и они к концу XIX в. в целом были преодолены). В Великой волне все было не так. В конфессиональном плане она как минимум на 2/3 состояла из католиков, униатов, православных и иудеев. Уровень образования большинства ее представителей был чрезвычайно низок (более половины не умели читать на своем родном языке); квалификацией они не обладали, о каком-либо уровне политической культуры речь не шла. В своей массе это были бедняки, не только не имевшие при себе никаких средств, но часто обремененные долгами, связанными с оплатой проезда.

Русины были одной из составляющих этой Великой волны, и им были присущи многие из вышеперечисленных черт. Как уже отмечалось, первые выходцы из Закарпатья и Лемковщины появились в США еще в 1860-е гг., однако относительно заметной их иммиграции из «Старого края» стала в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Это было обусловлено несколькими факторами различного свойства. С американской стороны – деятельностью иммиграционных агентств (о них см. ниже); со «старокраевой» – целым комплексом социально-экономических причин.

В последней трети XIX в. русинские земли являлись депрессивным аграрно-сырьевым придатком австро-венгерского имперского центра, а сами русины оставались исключительно аграрным обществом, которое практически не затронул промышленный переворот. Абсолютное большинство русинов жило в деревнях и занималось сельским хозяйством. В городах русины появлялись спорадически, в качестве сезонных работников на «котхожих промыслах». География их перемещений была крайне ограниченной. Наметившийся во второй половине XIX в. рост численности русинского населения вкупе с разрешением властей делить земельные участки между любым количеством наследников привел к парцеляции и обезземеливанию и, как следствие, к заметному падению и без того невысокого уровня жизни русинов. В интересующий нас период по уровню доходов на душу населения, а также по уровню потребления русинские земли в разы уступали другим регионам Австро-Венгрии. Как отметил Ф. Свистун, «несчастных братьев наших карпатороссов гнали в Америку не «бизнес», а небывало тяжелые общественно-экономические условия в Австро-Венгрии: материальная нужда, высокие налоги, а главное – высокая цена американского доллара...» (Свистун 1970: 480).

Что касается Закарпатья, то к перечисленным экономическим и демографическим проблемам в этом регионе добавлялось усилившееся

ассимиляционное давление на русинов со стороны венгерских властей (как светских, так и духовных), стремившихся к их мадьяризации. В частности, стала внедряться практика подготовки русинских священников в венгерских семинариях. Священники составляли основу немногочисленной русинской интеллигенции, были хранителями национальных традиций и устоев, и поэтому из них и старались, по выражению современника, «искоренить язык и самосознание». В определенной степени это принесло свои плоды: часть русинских священников превратилась в «мадьяронов» – сторонников и проводников венгерского языка и культуры. Такая политика венгерских властей была ответом на начавшее проявляться среди закарпатских русинов национальное движение, часто носившее демонстративно пророссийский характер. Не следует также забывать о росте венгерского национализма и негативном отношении значительной части венгров к России после известных событий 1849 г.

Помимо перечисленных факторов, немаловажным стимулом к эмиграции стало появление в районах исторического проживания русинов железных дорог, в результате чего потенциальным иммигрантам стало существенно легче и проще добираться до основных европейских портов, откуда ходили пароходы в Соединенные Штаты. Первоначально русины выезжали в основном через немецкие порты (Бремен, Гамбург); а после 1903 г. – через венгерский порт Фиуме (Риеку) на Адриатике либо через румынскую Констанцу (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 15).

Уже в 1884 г. в «Старом крае» было известно о наличии в США группы эмигрантов-русинов. В местных газетах (в частности, в галицко-русской газете «Дело») сообщали о значительных (до нескольких тысяч долларов) денежных суммах, поступавших из Америки родным и близким эмигрантов (Матросов 1897: 484). В том же году церковным властям во Львове поступила первая просьба прислать в Америку униатского священника (от русинов города Шенандоа, штат Пенсильвания).

С 1890-х гг. иммиграция русинов приобрела массовый характер. По свидетельству С. Кичура, за двадцать лет (1894–1914 гг.) «из многих сел Галицкой Лемковщины и западных областей Угорской Руси (Пряшевщины) переселилось в Америку до 50 % всех жителей» (Кичура 1943: 25). Кстати, это оказывало в целом позитивное воздействие на социально-экономическую ситуацию в «Старом крае», где многие русины смогли улучшить свое положение благодаря присылаемым из-за океана средствам (Шевченко 2010: 97). Данное обстоятельство роднило русинскую иммиграцию с некоторыми другими, в частности с итальянской (в конце XIX – начале XX в. средства, присылаемые

итальянскими иммигрантами из США на родину, вносили очень существенный вклад в экономику Италии) (Barkan 2013: 438).

Изучение количественных показателей русинской диаспоры (как и ряда других диаспор, появившихся в период Великой волны) существенно затрудняет несовершенство американской статистики того времени. В документах иммиграционного ведомства США не фиксировалось этническое происхождение лиц, прибывавших в страну. При въезде новоприбывшим задавались только вопросы о языке, вероисповедании и национально-государственной принадлежности; причем это касалось только пассажиров третьего класса, об остальных сведения вообще не собирались (правда, абсолютное большинство русинов ехало именно третьим классом). В результате многие русины из Закарпатья называли себя «венграми», при этом указывая на свою «греческую» или «русскую» веру и «славянский» язык. Выходцы из Лемковщины часто называли себя австрийцами или поляками. Нередки бывали случаи, когда русинов записывали как русских. Последнее могло быть связано как с тем, что они действительно называли себя русскими, так и с тем, что неискушенные в этнографии американские чиновники просто ориентировались на созвучие слов *Rusyn*, *Ruthenian* и *Russian*.

Следует сразу признать, что установить точное количество русинских иммигрантов, прибывших в США до 1914 г., не представляется возможным. Первые попытки определить численность карпатских русинов в Америке были предприняты в конце 1880-х – начале 1890-х гг. (когда началась наиболее активная фаза их иммиграции из Европы), однако при этом не учитывались те русинские переселенцы, которые оказались в Северной Америке в предшествующие десятилетия. Австрийская статистика еще менее совершенна, поскольку значительная часть (по некоторым данным, до половины) русинских иммигрантов выезжала нелегально, опасаясь противодействия властей. Наиболее распространенной является та точка зрения, что всего до начала Первой мировой войны в США въехало порядка 200–225 тыс. русинов (всего за период с 1877 по 1924 г. – 261 тыс.) (Olson, Olson 2010: 137).

Что касается интересующих нас 1890-х гг., то здесь большинство специалистов сходится на том, что к концу этого десятилетия в США проживало уже не менее 200 тыс. восточных славян из Австро-Венгрии. Их принято подразделять на две группы – меньшая по численности, состоявшая из выходцев из Угорской Руси, и большая – состоявшая из выходцев из Галицкой Руси. С первой группой ситуация более или менее ясна – в этническом плане в ней явно преобладали русины (кроме них там было еще только небольшое количество

словаков). Сложнее ситуация со второй группой – в нее входили представители различных этнических групп, и определить процент русинов там достаточно сложно.

По подсчетам Э.Дж. Шипмана, сделанным в начале XX в., в штате Пенсильвания (являвшемся в то время основным очагом притяжения русинской и вообще славянской иммиграции) в 1880 г. было около тысячи русинов, в 1890 г. – 20 тыс., в 1900 г. – 40 тыс. (Shipman 1904: 575–576). Однако эти данные (особенно последняя цифра) представляются заниженными, поскольку Шипман в своих подсчетах ориентировался преимущественно на конфессиональные показатели и не учитывал русинов, перешедших в православие.

О структуре занятости русинских иммигрантов можно судить по данным американской статистики начала XX в. Согласно этим данным, 41 % «рутенов», приехавших из Австро-Венгрии, были заняты в сельском хозяйстве (преимущественно как сельскохозяйственные рабочие; фермеров было очень мало), 22 % – в производстве, 20 % работали в качестве домашней прислуги. Лишь 2 % составляли квалифицированные ремесленники, менее 1 % являлись профессионалами в той или иной области и не более 0,5 % работали в торговле. Среди иммигрантов-русинов был налицо гендерный дисбаланс – мужчины составляли 71 %; процент иждивенцев был крайне невелик – только 13 % иммигрантов составляли неработающие женщины и дети, не достигшие трудоспособного возраста. Образовательные показатели у русинов были еще хуже, чем в среднем по всей Великой волне: только 33 % из них умели читать и писать (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 16).

Как уже отмечалось выше, на характер русинской иммиграции в США и соответственно на особенности формирования сложившейся там русинской диаспоры большое влияние оказали ее побудительные мотивы. В отличие от массово переселявшихся в то время в Америку восточноевропейских евреев или поляков, значительная часть, если не подавляющее большинство русинов на первых порах считали свой переезд за океан чем-то вроде «отхожего промысла» и намеревалась, накопив достаточную сумму денег для покупки земли на родине, возвратиться в «Старый край». Некоторые по несколько раз совершали путешествия домой и затем снова ехали в Америку (до конца XIX в. американские иммиграционные законы это позволяли). Соответственно русинские иммигранты отличались от других иммигрантов рассматриваемого периода низкой заинтересованностью в ассимиляции, вовлечении в политическую жизнь, профессиональном росте, улучшении бытовых условий, изучении языка и т. п. Главным для них было «продержаться» некоторое время, не обращая существенного внимания на окружающую обстановку.

Рассматривая географию русинской иммиграции в США, нетрудно заметить ее явно выраженное «ядро» в штате Пенсильвания. Журналист Антон Тышкевич (писавший под псевдонимами граф Лелива и Е.Н. Матросов) отмечал: «Живописная Пенсильвания – это сосредоточие и сердце всего американского славянства вообще и американской Руси в частности. Славянство составляет здесь часть населения, численно столь преобладающую, что с полным основанием штат этот может быть наименован славянским. Вся Русь, общая численность которой в пределах Соединенных Штатов ныне превышает 200 тысяч, что составит вскоре около половины численности Угорской Руси в Австро-Венгрии, населяет главнейшим образом Пенсильванию» (Матросов 1897: 478).

И в российской, и в зарубежной историографии считается, что главной причиной массовой иммиграции русинов именно в Пенсильванию было обилие там горнодобывающих предприятий и шахт, на которые требовалась в большом количестве неквалифицированная рабочая сила. Однако в конце XIX в. множество центров горнодобывающей промышленности США находилось и за пределами Пенсильвании. Дело было не только в этом.

Исторически на шахтах Пенсильвании было много ирландских рабочих. Среди них с 1860-х гг. действовала тайная организация «Молли Магуайрс», сочетавшая в себе черты террористической группировки, мафиозной структуры и рабочего союза. Деятельность этой организации доставляла множество неудобств владельцам угольных шахт, которые пытались различными способами с ней покончить. В частности, практиковались массовые увольнения ирландцев с наиболее «беспокойных» шахт. Однако в этих случаях срочно требовались новые рабочие, причем желательно не имевшие ничего общего с ирландцами, а еще лучше – просто не способные с ними объясняться. Именно для этой цели в 1876–1877 гг. агенты пенисильванских горнорудных компаний начали вербовать работников из Закарпатья (Procko 1975).

Не зная этой подоплеки, русины не раз становились жертвами столкновений с хорошо организованными (а порой и вооруженными) ирландцами, обвинявшими их в штрайкбрехерстве. Большую известность приобрел инцидент, произошедший в городе Олифанте. Там ирландцы ночью подожгли дом (общежитие), где жили рабочие-русины, и подперли двери. Когда те проснулись и попытались выскочить из дома, по ним начали стрелять (Матросов 1897: 485).

В жизни практически любой устойчивой диаспоры чрезвычайно важную роль играет церковь. В условиях иммиграции она часто становится важнейшим (а иногда и единственным) институтом, вокруг которого и происходят формирование и развитие диаспоры. При этом

сама церковь начинает выполнять множество социальных и просветительских функций, которые были не свойственны ей в стране исхода. Она также становится основным местом для общения и поддержания связей с соотечественниками. Соответственно принадлежность к церкви становится для иммигрантов наущной необходимостью, а порой и условием выживания.

Что же касается самой церкви, то она также, как правило, существенно трансформируется, поскольку оказывается в новой для себя ситуации. Во-первых, как уже было отмечено, церковь вынужденно или добровольно берет на себя ряд мирских функций; во-вторых, она оказывается в ситуации религиозного многообразия, в-третьих, она теряет поддержку государства и господствующих классов общества (что было характерно для многих церквей в Европе) и становится гораздо более зависимой от содержащих ее прихожан. Все это происходило в XIX в. в Соединенных Штатах с католической церковью (этот процесс получил название «американизация католицизма») и в существенно меньших масштабах – с православием и иудаизмом (Филатов 1993).

У русинов в США ситуация была во многом исключительной. Практически все выходцы из Закарпатья и Лемковщины на момент иммиграции были католиками восточного обряда (греко-католиками / униатами). При этом сами русины считали свою веру «русской» и рассматривали ее как важнейший индикатор своей национальной идентичности. Именно греко-католическое вероисповедание отличало русинов от других славянских иммигрантов Великой волны – поляков, чехов, словаков, а также от других выходцев из дунайской монархии – австрийцев и венгров. Как не без удивления заметил Е.Н. Матросов, «вероисповедание греко-католическое, или униатское является здесь [в Америке] безошибочным признаком русской народности» (Матросов 1897: 481).

В отличие от католической (и православной), греко-католическая церковь в Европе нигде не имела какого-либо привилегированного положения, не опиралась на власть и сама не служила ее опорой. С этой точки зрения она была гораздо лучше подготовлена к существованию в американских реалиях. Однако если католицизм в конце XIX в. уже пустил в США достаточно глубокие корни и стал религией миллионов американцев (да и православная миссия имела длительную историю, хотя самих православных было немного), то униатство было абсолютно новым и чуждым явлением. При этом парадоксальным образом первым униатским священникам, прибывшим в США, пришлось столкнуться не с противодействием протестантского большинства, а с противодействием местного католического духовенства

(преимущественно ирландского происхождения). Последнее, еще сравнительно недавно сталкивавшееся с сильными антикатолическими настроениями, крайне враждебно отнеслось к появлению католических священников восточного обряда.

Особенно сильное неприятие у католических иерархов США вызывало отсутствие утеш целибата. Так, когда в Пенсильванию прибыл первый униатский священник-русин – о. Иван Волянский, местное католическое начальство потребовало его отзыва. В дальнейшем оно стало добиваться от Ватикана того, чтобы впредь в Америку присыпались только неженатые греко-католические священнослужители. В 1890 г. была издана декреталия, запрещавшая женатым «рутенским» священникам проживать в США. Однако благодаря упорству и смелости о. Волянского в Пенсильвании стали проводиться униатские богослужения. Сначала они происходили в снимаемых для этой цели помещениях, а в 1886 г. в Шенандоа было закончено строительство церкви (Volyansky 1912). В последующие несколько лет были построены униатские храмы в других рабочих городках Пенсильвании: Кингстоне, Фриланде, Шамокине, Хэзлтоне, а также в Миннеаполисе (Миннесота) и Джерси-сити (Нью-Джерси) (Magocsi, Handlin, Novak 2004: 26). Все церкви строились почти исключительно на пожертвования прихожан, часто отдававших ради этого свои последние сбережения. Как отмечал в середине 1890-х гг. Филипп Свистун, «едва соберутся в якой-нибудь местности несколько нацца – карпатороссов, они тотчас стают с крайним истощением своих средств строить каменную церковь и пишут в Старый край о назначении им священника. Церкви их действительно красивы, насколько возможно в русском стиле» (Свистун 1970: 441). К 1896 г. в США насчитывалось 29 униатских священников, в своем большинстве русинов из Мукачевской и Пряшевской епархий (это не считая тех священников, которые перешли в православие – см. ниже).

Появление своих собственных «национальных» церквей способствовало дальнейшей консолидации русинской диаспоры. При церквях стали возникать «братьства», общества взаимопомощи, народные кассы, читальни, клубы и т. п. Усилиями о. Волянского в Шенандоа началось издание газеты «Америка» (выходила в 1886–1890 гг.) – первого в США печатного «органа для русинских иммигрантов из Галиции и Венгрии». Во многом благодаря этой газете иммигранты-русины стали получать информацию о событиях американской общественно-политической жизни и в том числе о рабочем и профсоюзном движении. С 1887 г. русины стали вступать в «Орден рыцарей труда» и принимать участие в забастовочном движении вместе с рабочими других национальностей (Procko 1975: 142).

В начале 1892 г. было создано первое крупное объединение иммигрантов-униатов в США – Соединение русских греко-католических братств, или, по-английски, Греко-католический союз (Greek Catholic Union), который стал издавать газету «Американский русский вестник». Оно было построено по конфессиональному принципу и объединяло преимущественно русинов и галичан (плюс некоторое количество словаков, так как католики туда тоже допускались). Первым председателем соединения стал Иван Жинчак-Смит, уроженец Пряшевщины. Некоторые современники определяли направленность этой организации как «старорусскую», понимая под этим, что соединение не стоит ни на пророссийских (москалефильских), ни на украинофильских позициях (Свистун 1970: 441). В то же время российская критика обвиняла его руководителей (особенно Павла Жатковича, первого главного редактора «Американского русского вестника») в «мадьяронстве».

Следует отметить, что в начале 1890-х гг. негативное и высокомерно-пренебрежительное отношение католиков к униатам сохранялось, что приводило к разнообразным конфликтам. Так, бывали случаи, когда униатов отказывались отпевать в католических церквях и вообще хоронить на католических кладбищах. В 1893 г. американские католические епископы пытались добиться для США полного запрета на совершение богослужений по восточному обряду, рассчитывая таким образом превратить большинство униатов в «обычных» католиков. Однако все это привело к обратной реакции. С начала 1890-х гг. в Соединенных Штатах началась волна массовых переходов униатов в православие. Исходной точкой послужили события в городке Уилкс-Бери (часто его неправильно называют Вилкс-Барр), штат Миннесота. Там в марте 1891 г. о своем переходе в православие (в юрисдикцию РПЦ) заявил местный греко-католический священник-русин о. Алексей Товт, которого поддержало большинство его прихожан. Следует отметить, что это вызвало известную растерянность у русских церковных властей как в Америке (тогда единственная епископская кафедра РПЦ находилась в Сан-Франциско, а основу ее паства составляло православное населения Аляски – бывшей Русской Америки), так и в России, где этого совершенно не ожидали (Американский православный вестник 1914). Только спустя более полутора лет – в конце 1892 г. – была получена соответствующая санкция Священного синода, и переход был официально оформлен. В последующие годы в православие перешло еще несколько приходов (в Олифанте, Олдфордже, Мейфилде и др.), насчитывавших до 40 тыс. прихожан.

Эти события сильно повлияли на русинскую диаспору, которая таким образом разделилась по конфессиональному признаку. Пере-

ход Товта и его последователей в православие вызвал негативную реакцию остальных греко-католических священников и руководства Соединения русских греко-католических братств. В 1893 г. оно исключило из своего состава все братства, ставшие к тому времени православными. В то же время «схизма Товта» в итоге заставила Ватикан и американский католический епископат смягчить свою позицию по отношению к униатству в США. Впрочем, в начале XX в. борьба вокруг контроля над униатскими приходами продолжалась – в нее включились венгерские власти, опасавшиеся (не совсем безосновательно), что переходы униатов в православие могут начаться и в самом Закарпатье.

Именно в контексте вышеизложенных событий следует рассматривать создание в США в середине 1890-х гг. новых организаций, объединявших восточнославянских иммигрантов (Ручкин 2007). Так, в 1894 г. в Шамокине был создан Русский народный союз (Russian National Union), печатным органом которого стала газета «Свобода». Первоначально он мыслился как объединение, открытое для всех иммигрантов восточнославянского происхождения независимо от их вероисповедания, т. е. одновременно для униатов, православных и католиков. В частности, в него был принят о. Товт и его приход. Однако уже через несколько лет эта организация приобрела ярко выраженный украинофильский характер, что отразилось в том числе на смене ее названия. В 1898 г. Русский народный союз был переименован в «Руский», затем в 1907 г. – в «Руський», а в 1914 г. – в «Украинський».

В 1895 г. было создано третье объединение иммигрантов восточнославянского происхождения – Русское православное кафолическое общество взаимопомощи (Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society). Это общество возникло по инициативе вышеупомянутого о. Товта и других перешедших в православие униатских священников (большей частью русинов). В отличие от двух вышеназванных организаций оно сразу же получило определенную административную поддержку со стороны руководства русской православной миссии и российских властей. Показательно, что первым председателем-кассиром общества стал А.Е. Оларовский – генеральный консул Российской империи в Нью-Йорке (Коханик 1915: 20). Общество также было основано по конфессиональному признаку и в дальнейшем стало основным выражителем пророссийских настроений в русинской диаспоре.

Сложно дать однозначный ответ на вопрос, насколько сильно религиозные споры повлияли на единство русинской диаспоры. С одной стороны, они, безусловно, нарушили ее единство, особенно учитывая то обстоятельство, что довольно часто при переходах униатских приходов в православие возникали споры о церковных зданиях и

другом приходском имуществе, причем дело доходило до судебных разбирательств. С другой стороны, в массе своей русины-униаты не противопоставляли себя русинам-православным (ведь обряд у них был практически одинаковым). На уровне интеллигенции (почти на сто процентов церковной) было как взаимное неприятие и отторжение, так и осознание национальной общности. Свою роль здесь, несомненно, играло принятое в американском обществе отношение к религии, как прежде всего к частной, а не политической сфере, которое проникало и в русинскую среду.

И со стороны Соединения русских греко-католических братств, и со стороны Русского православного кафолического общества взаимопомощи периодически высказывались мысли о необходимости совместных действий. Православная газета «Свет» в конце 1890-х гг. с горечью писала: «Немало удалось бы сделать для американских русинов доброго и полезного, если <...> бы мы все были "одной думки" и сообща трудились для народного блага, как приказывает Бог и неложный патриотизм. При нынешнем же раздроблении наших сил, при путанице мыслей, понятий и задач; при делении на различные народности: греко-католическую, угорско-руснацкую, украинскую, малорусскую, галицко-лемковскую и пр. и кроме того еще на партии, не одно доброе начинание успело сгинуть еще не воплотившись в дело. Где сошлись три русина – там пять партий, народностей, литературных языков и без числа – задач...» (Американский православный вестник 1899).

Подводя итог, следует констатировать, что к концу XIX в. русинское сообщество в США явно обладало всеми признаками диаспоры, что сделало возможным его дальнейшее поступательное развитие. Русинам была присуща выраженная групповая идентичность. Для них также была характерна высокая социальная однородность – за первые десятилетия жизни за океаном среди русинов не сложилось ни светской интеллигенции, ни национальной буржуазии. Чрезвычайно важное место в жизни русинского сообщества занимали церковь и околоцерковные организации. Это обстоятельство отличает русинов от таких иммигрантских групп Великой волны, как итальянцы или поляки, которые при всей значимости религии для национальной самоидентификации опирались также на богатую светскую культуру, и, наоборот, роднили их с восточноевропейскими евреями, для которых синагога была единственным центром не только духовной, но также культурной и социальной жизни.

В последующем в развитии русинской диаспоры в США сохранились и углублялись многие тенденции, наметившиеся в последние десятилетия XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Американский православный вестник 1899 - Американский православный вестник. 1899. № 4. С. 135.

Американский православный вестник 1914 - Американский православный вестник. 1914. № 10. С. 197.

Дятлов 1999 - Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 8–23.

Кичура 1943 - Кичура С. Карпаторусская эмиграция в США // Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1943. № 4. С. 25–28.

Матросов 1897 - Матросов Е.Н. (граф Лелива) Заокеанская Русь // Исторический вестник. 1897. Т. LXVII. Р. 478–517.

Коханик 1915 - Коханик П. Русское православное кафолическое общество взаимопомощи в Сев.-Американских Соединенных Штатах: к XX-летнему юбилею. Нью-Йорк, 1915. 154 с.

Ручкин 2007 - Ручкин А.Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М., 2007. 446 с.

Свистун 1970 - Свистун Ф. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Второе дополненное издание. Трамбл (Коннектикут), 1970. 645 с.

Тощенко, Чаптыкова 1996 - Тощенко Ж.Т. Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 33–42.

Филатов 1993 - Филатов С.Б. Католицизм в США, 60–80-е годы. М.: Наука, 1993.

Шевченко 2010 - Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. 414 с.

Barkan 2013 - Pretelli M. Italians and Italian-Americans, 1870–1940 // Immigrants in American History: Arrival, Adaptation, and Integration / Ed. by E.R. Barkan. ABC-CLIO, 2013. Vol. 1. P. 437–448.

Magocsi, Handlin, Novak 2004 - Magocsi P.R., Handlin O., Novak M. Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America. Multicultural History Society of Ontario, 2004. 269 p.

Olson, Olson 2010 - Olson J.S., Olson Beal H. The Ethnic Dimension in American History. John Wiley & Sons, 2010. 392 p.

Procko 1975 - Procko B.P. The Establishment of the Ruthenian Church in the United States, 1884–1907 // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies. 1975. Vol. 42, № 2. P. 136–154.

Shipman 1904 - Shipman A.J. Our Russian Catholics: the Greek Ruthenian Church in America // The Messenger. 1904. Vol. XLII. P. 575–576.

Volyansky 1912 - Volyansky J. Spomyny z davnokh lit // Svoboda. 1912. September 5. P. 4.

REFERENCES

- Amerikanskiy pravoslavnnyy vestnik [American Orthodox Messenger]. (1899) 4. p. 135.
- Amerikanskiy pravoslavnnyy vestnik [American Orthodox Messenger]. (1914) 10. p. 197.
- Dyatlov, V.I. (1999) Diaspora: popytka opredelit'sya v termine i ponyatiu [Diaspora: an attempt to determine the terms and concepts]. *Diaspora*. 2–3. pp. 8–23.
- Kichura, S. (1943) Karpatorusskaya emigratsiya v SShA [Carpatho-Russian emigration to the United States]. *Slavyane. Ezhemesyachnyy zhurnal Vseslavjanskogo komiteta*. 4. pp. 25–28.
- Matrosov, E.N. (1897) Zaokeanskaya Rus' [The overseas Rus]. *Istoricheskiy vestnik*. LXVII. pp. 478–517.
- Kokhanikk, P. (1915) Russkoe pravoslavnoe katolicheskoe obshchestvo vzaimopomoshchi v Sev-Amerikanskikh Soedinennykh Shtatakh: k 20-letnemu yubileyu [Russian Orthodox and Catholic Mutual Aid Society in North-American United States: To the twentieth anniversary]. New York.
- Ruchkin, A.B. (2007) Russkaya diaspora v Soedinennykh Shtatakh Ameriki v pervoy polovine XX veka [The Russian diaspora in the United States in the early twentieth century]. Moscow: [s.n.].
- Svistun, F. (1970) Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii [Carpathian Rus under the possession of Austria]. 2nd ed. Trambl (CT): P.S. Gardyy.
- Toshchenko, Zh.T. & Chapytkova, T.I. (1996) Diaspora kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Diaspora as an object of sociological studies]. *Sotsis – Sociological Research*. 12. pp. 33–42.
- Filatov, S.B. (1993) Katolitsizm v SShA, 60–80-e gody [Catholicism in the United States in the 60th–80th]. Moscow: Nauka.
- Shevchenko, K.V. (2010) Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv. [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusyns in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: REGNUM.
- Pretelli, M. (2013) Italians and Italian-Americans, 1870–1940. In: Barkan, E.R. (ed.) *Immigrants in American History: Arrival, Adaptation, and Integration*. ABC-CLIO. pp. 437–448.
- Magocsi, P. R., Handlin, O. & Novak, M. (2004) *Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America*. Multicultural History Society of Ontario.
- Olson, J.S. & Olson, B.H. (2010) *The Ethnic Dimension in American History*. John Wiley & Sons.
- Procko, B.P. (1975) The Establishment of the Ruthenian Church in the United States, 1884–1907. *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. 42(2). pp. 136–154.
- Shipman, A.J. (1904) Our Russian Catholics: The Greek Ruthenian Church in America. *The Messenger*. XLII. pp. 575–576.
- Voliansky, J. (1912) Spomyny z davnokh lit. *Svoboda*. 5th September.

Акимов Юрий Германович – доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Akimov Yury – St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: yga_sir@mail.ru

Минкова Кристина Владимировна – кандидат исторических наук, докторант кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Minkova Kristina – St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

E-mail: kristina_minkova@mail.ru

УДК 271.2-754(477.87)"1910/1938"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/10

БОГОСЛОВСЬКА ОСВІТА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА ЗАКАРПАТІ (1910–1938 рр.)

Ю.В. Данилець

Ужгородський національний університет
Україна, Закарпатська обл., м. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru
Scopus Author ID: 55089984900
<http://orcid.org/0000-0003-0592-3907>
SPIN-код: 7540-4030

Авторське ре~~зюме~~

У статті розглянуто освітній рівень православного духовенства на Закарпattі. Автор зазначає, що кандидати на священство отримували освіту в Сербії, Росії, США, на місцевих пастирських курсах. Керуючі архієреї безуспішно намагалися відкрити духовну семінарію на Закарпattі.

Ключові слова: академія, єпископ, курси, освіта, священик, семінарія.

БОГОСЛОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА ЗАКАРПАТЬЕ (1910–1938 гг.)

Ю.В. Данилець

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: jurijdanilec@rambler.ru

Авторское ре~~зюме~~

В статье рассмотрен образовательный уровень православного духовенства на Закарпатье. Автор отмечает, что кандидаты на священство получали образование в

Сербии, России, США, на местных пастырских курсах. Управляющие архиереи безуспешно пытались открыть духовную семинарию на Закарпатье.

Ключевые слова: академия, епископ, курсы, образование, священник, семинария.

THEOLOGICAL EDUCATION ORTHODOX CLERGY IN TRANSCARPATHIA (1910–1938 YEARS)

Ju.V. Danilets

Uzhgorod National University
3 Narodna Sq., Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: juriydanilec@rambler.ru

Abstract

The article describes the educational level of the Orthodox clergy in Transcarpathia. The author notes that candidates for the priesthood were educated in Serbia, Russia, the United States, local pastoral courses. Control bishops tried unsuccessfully to open the seminary in Transcarpathia.

Keywords: Academy, Bishop, courses, education, the priest, Seminary.

Православна церква на Закарпатті розвивалася в важких політичних умовах. На початку ХХ ст. населення почало масово залишати греко-католицьку церкву, поривати з унією і повертатися до «старої віри» – православ'я. Незважаючи на те, що унія з Римом була запроваджена ще у 1646 р., значна частина Закарпаття довгий час залишалася православною. Місці позиції православна церква мала на Мараморошині, де до 1734 р. проживав православний єпископ, а пізніше священики отримували рукоположення від православних румунських та молдавських владик.

У документах греко-католицької капітули в Ужгороді зустрічаються документи, що вже у 1901–1903 рр. в окремих селах Березького, Угочанського та Марамороського комітатів спостерігається православний рух (ДАЗО 8: 1–1 зв.; ДАЗО 9: 2–4 зв.; ДАЗО 10: 1). Уряд та керівництво Мукачівської греко-католицької єпархії вбачали в православ'ї загрозу своєму існуванню, намагалися надати йому політичне забарвлення. На ініційованих судових процесах проти православних в 1903–1904 та 1913–1914 рр. їх звинуватили у політичні роботі на царську Росію з метою відірвати території, населені русинами за Карпатами від Угорщини (Суляк 2009: 96–119; Данилець 2014а: 249–269; Данилець

2014b: 9–21; Данилець 2014c: 110–122). Переслідування вірників, побої та страти не припинили православний рух. Після розпаду Австро-Угорщини кількість православних громад почало невпинно зростати. Якщо в 1880 р. в чотирьох комітатах (Берег, Унг, Угоча та Мараморош) проживало 180 православних, то станом на 1 лютого 1921 р. їх кількість збільшилася до 60 986 чол. (Statistický 1928: XV). Для порівняння: римо-католиків було 54 985 чол., греко-католиків – 32 9319, євангелістів – 61 986, іудеїв – 93 008, інші – 4 332 чол. (Kárpátalja 2000: 29). Переписи 1930 та 1941 рр. фіксують наступну кількість православних: 118 284 чол. та відповідно 125 300 чол. (Kárpátalja 2000: 32, 35).

Хоча кількість вірників зростала, але православного духовенства не вистачало. Отримання відповідної богословської освіти стало однією з найбільш нагальних потреб православної церкви на Закарпатті в 1 пол. ХХ ст. В Австро-Угорщині з 1710 р. існувала автокефальна Карповацька митрополія Сербської православної церкви. А тому саме від сербів православні русини намагалися отримати перших священиків (Данилець 2012: 42). На той час сербські архієреї не змогли надати пастирів. Реальну допомогу здійснила Руська православна церква та два архієреї – архієпископи Антоній (Храповицький) та Євлогій (Георгієвський). За їх сприяння до Свято-Онуфріївського Яблочинського монастиря на Холмщині в 1910 р. було прийнято Олександра Кабалюка (преп. Олексій Капаторуський) (Центральний: 150; Данилець 2009: 63).

Відомий церковний історик архімандрит Василій (Пронін) у своїй роботі, що присвячена історії церкви Закарпатті, писав: «Онуфрієвский монастырь стал рассадником православного духовенства для Закарпатья, и поэтому на долю монашества выпала столь видная роль в православном движении. После подготовки их рукополагали, снабжали необходимой церковной утварью и направляли в села, где было заметно православное движение» (Василюй (Пронін) 2005: 443). З цією думкою погоджується й польський дослідник Роман Дубець: «Яблочинський монастир був в той час першою школою православного духовенства на Закарпатті» (Дубець 1999: 92).

Опіку над вихованцями було доручено настоятелю – архімандриту Серафиму (Остроумову) (Валуев 2000: 43; Харкевич; Власов 2005: 10) та ієромонаху Сергію (Корольову) (Архиєпископ 1953: 9–11; Васнецов 1953: 4–6; Нікитин 1983: 15–19; Журавська 2009: 27–34). Останній був завідувачем школою псаломщиків. Також при монастирі діяла дяківська, сільськогосподарська, реміснича, церковно-учительська, чернечо-місійна школи. У 1914 р. в усіх цих школах навчалося 431 учнів (Дубець 1999: 91). Закарпатці вивчали в Яблочині Святе Письмо, літургіку, Типікон та інші богословські предмети.

Преп. Олексій (Кабалюк) згадував про своє навчання в чернечій школі: «Стал на послушание. Первое послушание печь – просфоры и хлеб. Приставили иер. Алексия, академика (т. е. окончившего одну из духовных академий), который занимался со мной, и иер. Ставрона Твердинского, и тот занимался (т. е. с новопостриженным). Литургика, Св. Писание, история церкви – готовили. Хорошо проповедь говорили... Пришлось трудновато с ударением. Дали мне читать Апостола, а все убегали из церкви. "Кто-то? – говорят, – будто болгарин". Архимандрит хорошо читал. Говорит: – Учите по ударению читать. Верую по ударению. Послушание нес аж до перед Успения» (Рассказ 2009: 470). 25 березня 1910 р. намісник монастиря архімандрит Серафим постриг Олександра в чернецтво з нареченням йому імені Олексія на честь Олексія, чоловіка Божого (Данилець 2013: 62). Після постригу Кабалюк повернувся у рідний край, а після Пасхи 1910 р. знову прибув до Яблочинського монастиря та почав готуватися до прийняття священства. 11 липня 1910 р. відбулося рукоположення о. Олексія в ієродиякона, а 15 серпня, в день Успіння Божої Матері, – в ієромонахи високопреосвященим Євлогієм, архієпископом Холмським (Архів 3: 1). Повернувшись на Закарпаття, о. Олексій став лідером православного руху, був засуджений на Мараморош-Сиготському процесі 1913–1914 рр. до чотирьох з половиною років в'язниці.

На заклик Кабалюка в 1911–1912 рр. до Яблочинського монастиря поїхало 13 юнаків із Закарпаття. Серед них Василь Вакаров, Василь Кемінь, Михайло Мачка, Андрій Хвуст, Микола Галас, Георгій Плиска, Попович. Василь Бовдій. Після трьох річного навчання більшість випускників були рукоположені в сан священиків. 16 листопада 1913 р. В. Вакаров, В. Кемінь та В. Бровдій були пострижені в чернецтво з іменами Амфілохій, Матфей та Серафим. У тому ж місяці архієпископ Євлогій висвятив їх в сан ієродиякона. У березні 1914 р. молоді ієродиякони були направлені в розпорядження константинопольського патріарха Германа. З його благословення ректор Халкідонської духовної семінарії митрополит Герман рукопоклав їх у ієромонахи. Ченців-місіонерів направили на батьківщину, де священиків заарештували і засудили до різних термінів. Пізніше в'язнів відправлено на фронт. Ієромонах Серафим (Бровдій) з війни не повернувся (Архів 3: 2–3).

Інформацію про навчання закарпатців у Яблочинському монастирі знаходимо у спогадах архієпископа Євлогія (Георгієвського): «На его (Кабалюка. – Ю.Д.) призыв стали откликаться его земляки; некоторых из них он присыпал в Яблочинский монастырь, где они и приготавлялись, по его примеру, к деятельности пионеров православия в Карпатской Руси. Иеромонах Стефан шутя называл их

"камергерами", потому что они приехали в белом одеянии; это были кроткие, серьезные люди красивой внешности; монахи из них вышли примерные» (Евлогий 1994: 235).

Маємо інформацію, що Георгій Пліска та Михайло Мачка були відправлені з початком війни для продовження навчання до Волинської духовної семінарії. 30 березня 1919 р. єпископ Острозький, вікарій Волинської єпархії Аверкій (Кедров) рукоположив Г. Пліску у сан священика (ДАЗО 5: 31). З Свято-Онуфріївським монастирем також пов'язані долі прот. Іоанна Ілечка та ієромонаха Досифея (Поповича). Отець І. Ілечко – уродженець с. Костяшин (нині Любінське воєводство, Польща). При монастирі навчався в школі псаломщиків, а 13 травня 1911 р. рукоположений в сан диякона. 14 травня 1911 р. єпископом Холмським Євлогієм (Георгіївським) рукоположений в сан священика (ДАЗО 2: 60). У 1920 р. з дозволу чехословацької влади переселився у с. Великі Лучки Мукачівського округу (ДАЗО 2: 18).

Ієромонах Досифей (Попович) в 1920–1930 рр. служив на багатьох приходах Підкарпатської Русі, але згодом перебрався до Румунії.

Уродженець с. Шандрово (нині Олександрівка) Хустського району Микола Церковник, потрапивши до російського полону, зумів закінчити трирічні пастирські курси в Уфі. За сприяння єпископа Андрія (Ухтомського) Миколу звільнили з табору та прийняли до Свято-Успенського монастиря. У 1918 р. юнака постригли в чернецтво з іменем Боголіп. 21 жовтня 1918 р. єпископом Андрієм рукоположений у сан ієродиякона, а 17 травня 1920 р. – в сан ієромонаха (ДАЗО 12: 71).

Після розпаду Австро-Угорщини Закарпаття було включено до Чехословаччини під назвою Підкарпатська Русь. У країні всі конфесії мали рівні права, держава надавала фінансову підтримку вірникам. Православне населення отримало можливість створити єпархіальну структуру, впорядкувати приходи та засновати монастирі. У 1921 р. єпископ Нішський Досифей (Васич) заснував на Підкарпатській Русі сербську юрисдикцію, створивши Карпаторуську автономну православну церкву. У 1931 р. її реорганізовано в Мукачівсько-Пряшівську православну єпархію з постійним архієреєм. У складі СПЦ православні Закарпаття перебували до 1945 р., коли перейшли до РПЦ (Пребывание 1945: 20).

4 березня 1923 р. константинопольський патріарх Мелетій (Метаксакис) висвятив архімандрита Савватія (Врабеца) в єпископи з титулом «архієпископ Празький і всієї Чехословаччини» (ДАЗО 1а: 12). 6 березня 1923 р. було видано томос, який затвердив вище висвячення започаткував розділення між православними на Підкарпатській Русі (Грамата 1925: 84–85). З того часу в краї діяли дві юрисдикції, які конкурували та ворогували між собою.

Обидві православні юрисдикції розгорнули активну роботу по створенню нових приходів та чернечих громад. Вони зіштовхнулися з проблемою відсутності духовенства, так як на початок 1921 р. на території всього Підкарпаття налічувалося всього кілька священиків. Вирішення цього складного питання відбувалося кількома шляхами. Мукачівсько-прашівські владики та іх попередники-делегати відправляли кандидатів на висвячення до навчальних закладів Сербії. Крім того, на території єпархії в 1920–1930 рр. було організовано пастирсько-богословські курси. Празький архієпископ Савватій заснував богословську школу в Буштині на Тячівщині. Також обидві сторони активно залучали духовенство, що опинилося в кордонах Чехословаччини внаслідок еміграції.

Зупинимося поки на першій групі духовенства, що навчалося в Сербії. У спогадах митрополита Йосифа (Цвієвича), котрий також був делегатом на Підкарпатській Русі, знаходимо свідчення, що протягом всього історичного періоду в сербських богословських закладах навчалося 40–50 студентів-караторосів (Митрополіт 2008: 244). Дослідник С. Антонієвич стверджує, що в 1938 р. у Королівстві Югославія богослов'я студіювало 29 юнаків з Мукачівсько-Прашівської єпархії (Антоніјевић 2012: 139). Мусимо визнати, що джерел з цього питання дійсно не вистачає.

У фондах ДАЗО нами виявлено цікавий документ від 10 січня 1926 р., який містить детальну інформацію про всіх православних священиків на Підкарпатській Русі. В окремій графі подано відомості про освіту священнослужителів та монахів. На той час в Сербії здобуло освіту тільки 7 священиків, що вчилися в Бітолі, Сремських Карловцях, Белграді, Раковіце, Ніші (ДАЗО 3: 18–80).

Додаткову інформацію про випускників сербських духовних закладів знаходимо в православній періодиці. У першому номері офіційного видання Мукачівсько-Прашівської єпархії «Православный карпаторусский вестникъ» за 1935 р. вказувалося, що єпископ Дамаскин рукоположив в сан диякона та священика «дипломированного студента Православной битольской семинарии» Євгенія Боршоша (ПКВ 1: 15). В окремій рубриці редакція зазначала, що православний богословський факультет Белградського університету закінчили студенти-каратороси Георгій Станканинець, Іван Бреза, семінарію в Бітолі – Гавриїл Путраш, Петро Кернашевич, чернечу школу – ієромонах Віталій (ПКВ 1: 16). У 1936 р. архієрей рукоположив у сан священиків випускників Бітолської семінарії Дмитра Симулика, Василя Попа, Петра Спишака (ПКВ 2: 14).

Важливу інформацію про православних богословів ми виявили в № 3–4 «Православного карпаторусского вестника» за 1936 р.

Редакція повідомила, що в поточному році Бітолську семінарію закінчило семеро закарпатців, а за останні п'ять років випускниками сербських духовних закладів стало 32 чол. (ПКВ 2: 17). «Ми не можеме заметить, что с их приездом во многом в епархии чувствуется лучше» (ПКВ 2: 17).

У згаданому документі від 10 січня 1926 р. зафіковано чимало прізвищ священиків, що прибули на Підкарпатську Русь з різних частин Російської імперії. Більшість із них мали богословську освіту, деято закінчив світські навчальні заклади. Наприклад, о. Дмитро Владиков був випускником духовної семінарії у Харкові, о. Ісидор Вздульський – Києві, ієром. Борис (Мидляк) – Тулі, о. Михайло Продан – Петербурзі, о. Петро Назаревський – Полтаві. Троє священиків отримали освіту в США: о. Іван Мрочківський, о. Дмитро Беляков, ієром. Венедикт (Довбак) (ДАЗО 3: 18–80).

Слід відзначити, що не всі бажаючі могли потрапити на навчання до Сербії. Через це, правлячі владики, періодично влаштовували пастирсько-богословські курси в межах єпархії. У жовтні 1926 – квітні 1927 р. в приміщенні Свято-Миколаївського чоловічого монастирів в с. Іза проходили богословські курси для православного духовенства (ДАЗО 4: 84). Слухачів налічувалося 22 особи, вони проживали при монастирі або ж приходили на заняття з своїх сіл. Лекції на курсах читав Ратібор Тихій (ДАЗО 4: 85). За розпорядженням єпископа Серафима (Іванович) від 22 травня 1928 р. в єпархії були відкриті курси, на яких викладали професори Хустської державної реальної гімназії (Архів 1: 1). За короткотермінове функціонування курсів їх закінчили біля 20 священиків.

Розуміючи, що в єпархії не вистачає освіченого чернецтва і духовенства, наступний архієрей – єпископ Йосиф (Цвієвич) намагається домогтися дозволу на створення духовної семінарії в Мукачеві. 21 квітня 1931 р. він пише звернення до Міністерства шкіл і народної освіти в Празі (Архів 2: 1). Але вона залишається поза увагою чехословацьких чиновників.

Перший мукачівсько-пряшівський єпископ Дамаскин (Гранічка) для підвищення освітнього рівня православного духовенства влаштовував при Свято-Миколаївському монастирі в с. Іза у 1933, 1935, 1937 рр. єпархіальні курси для священиків, залучаючи для викладання сербських богословів. У 1933 р. курси проходили знову при Свято-Миколаївському монастирі. Слухачам читали лекції з наступних предметів: 1) пастирське богослов'я; 2) гомілетика; 3) катехізис з методикою; 4) літургіка; 5) церковне право; 6) ведення метрик і цивільне законодавство про укладення шлюбів; 7) викривальне богослов'я; 8) історія церкви; 9) історія православ'я на Карпатській Русі; 10) гігієна і перша

допомога при нещасних випадках; 11) садівництво; 12) адміністрація і правила діловодства. Після закінчення лекцій здобувачі складали іспити. Ці курси мали велике значення для збагачення священиків теоретичними і практичними знаннями (Курси 1933: 4).

Окрім курсів, владика Дамаскин організовував так звані духовні вправи, що проводилися у 1933–1937 рр. по благочинних округах. «Православный карпаторусский вестник» в № 8 за 1937 р. розмістив об'ємну статтю під назвою «Собрание духовенства для духовных упражнений в Свято-Николаевском монастыре» (ПКВ 3: 14–16). Автор допису повідомляв, що під час Великого посту при монастирі в с. Іза відбувалися «духовные собрания приходских священников и иеромонахов». Перед слухачами виступали правлячий архієрей ієросхимонах Кассіан (Корепанов), ієромонах Аверкій (Таушев) (ПКВ 3: 15).

У 1933 р. Міністерство шкіл і народної освіти ностирифікувало богословські та цивільні документи про отримання освіти в Сербії, Болгарії, Росії та ін. Цей крок дав можливість значній частині духовенства викладати в народних школах Закон Божий та отримувати додаткову фінансову підтримку.

Як вже вказувалося вище, архієпископ Савватій (Врабец) також робив кроки по покращенню освітнього рівня своїх священиків. Відомо, що після призначення вікарієм єпископа Веніаміна (Федченков) в Мукачеві було створено духовну школу. В анкетах кількох священиків, яких висвятив Веніамін, вказано, що вони пройшли 4-місячний богословський курс (ДАЗО 3: 34).

Для підготовки кандидатів на священиків в с. Буштино Тячівського округу архієпископ Савватій заснував богословські курси. Дозвіл на їх відкриття дав шкільний відділ Цивільного управління Підкарпатської Русі (18 лютого 1923 р. за № 3015/923). Курси функціонували до кінця червня 1924 р. Керівником Приватної православної загальноосвітньої народної школи для дорослих було призначено протоієрея Іоанна Чернавіна (Окунцов 1967: 143, 294; Нивєр 2007: 537). Початково планувалося, що слухачі курсів будуть здобувати знання в обсязі чотирьох класів державних гімназій, але ці задуми залишилися нездійсненими. Навчання проводилося згідно навчального плану шкільного відділу за наступними предметами: Закон Божий, російська мова, церковнослов'янська мова, історія, географія, математика, малювання та каліграфія. Крім прот. Чернавіна, на курсах викладали емігранти Леонід Ланін та Феодосій Дементьев. Процес навчання контролювався представником шкільного відділу та державним шкільним інспектором в Тячеві (ДАЗО 6: 22).

Перший набір слухачів навчався з 18 лютого по 10 вересня 1923 р. Документи подало 37 вихованців, але лише 24 склали випускний іспит.

Одні вибували, інші залишали курси за власним бажанням, деяких висвячували. Час навчання слухачів залежав від здібностей: інколи висвячували на третій день навчання (ДАЗО 11: 4). Останній набір слухачів склав іспит в присутності представника шкільного відділу та державного шкільного інспектора 28 червня 1924 р. після закінчення трьохмісячних курсів 20 слухачів були висвячені на православних священиків, ще два прийняли чернецтво (ДАЗО 6: 22).

Аналіз документів дає підстави зробити висновок, що освітній рівень православного духовенства на Закарпатті у визначений у заголовку статті період був недостатнім. Відчуvalася гостра потреба у відкритті духовної школи на території краю, але це питання не було вирішено. Архіереї обох юрисдикцій намагалися вирішувати проблему відсутності освічених священицьких кадрів. Значна частина вихідців із Закарпаття змогли отримати богословську освіту в духовних семінаріях Сербії. Початок Другої світової війни призупинив на певний час цей процес.

ЛІТЕРАТУРА

Антонијевић 2012 - *Антонијевић Саша*. Школовање ученика из чешко-макарське мукачевско-прјашевске епархију у Српским богословским школама // Acta Patristica. 2012. № 7. С. 130–144.

Архиепископ 1953 - Архиепископ Казанский и Чистопольский Сергий (некролог) // ЖМП. 1953. № 2. С. 9–11.

Архів 1 - Архів Мукачівської православної єпархії // Серафим (Іванович), єпископ. Розпорядження від 22. 05. 1928 р.

Архів 2 - Архів Мукачівської православної єпархії // Йосиф (Цвієвич), єпископ. Прохання в Міністерство шкіл і народної Освіти в Празі за № 1307/31 від 21.04.1931 р.

Архів 3 - Архів Свято-Миколаївського монастиря в с. Іза // Список и точное описание братии, живущих и живших в монастыре Святителя о. Николая, что при селе Изе, округа Хустского в Карпатской Руси. 64 арк.

Валуев 2000 - *Валуев Д.* Смоленская Голгофа // Смоленские епархиальные ведомости. 2000. Январь – март. № 1 (26). С. 43.

Василий (Пронин) 2005 - *Василий (Пронин), архимандрит*. История православной церкви на Закарпатье. К.: Филокалия, 2005. 528 с.

Васнецов 1953 - *Васнецов М., протоиерей*. Светлой памяти архиепископа Сергия // ЖМП. 1953. № 12. С. 4–6.

Власов 2005 - *Власов В.* Архиепископ Серафим Остроумов // Орловская правда. 2005. 18 ноября. С. 10.

Грамата 1925 - Грамата о хиротонии и каноническом установлении первого православного архиепископа Пражского и всея Чехословакии высокопреосвященного Кир Савватия // Православный Русский календарь

на 1926 г. Вишний Свидник, 1925. С. 84–85.

ДАЗО 1а - Державний архів Закарпатської області (далі ДАЗО). ДАЗО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 262.

ДАЗО 2 - ДАЗО. Ф. 21. Оп.16. Д. 60.

ДАЗО 3 - ДАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 280.

ДАЗО 4 - ДАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 598.

ДАЗО 5 - ДАЗО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 680.

ДАЗО 6 - ДАЗО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 603.

ДАЗО 7 - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 262.

ДАЗО 8 - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 1334.

ДАЗО 9 - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 3. Д. 37.

ДАЗО 10 - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 3. Д. 38.

ДАЗО 11 - ДАЗО. Ф. 151. Оп. 7. Д. 1041.

ДАЗО 12 - ДАЗО. Ф. Р 1490. Оп. 4д. Д. 21.

Данилець 2009 - *Данилець Ю.* Православна церква на Закарпатті у першій половині ХХ ст. Ужгород: Карпати, 2009. 378 с.

Данилець 2012 - *Данилець Ю.* Зародження та поширення православного руху в Північно-Східній Угорщині на початку ХХ століття // Наукові записки Ужгородського університету. Серія: Історично-релігійні студії. Ужгород, 2012. Вип. 1. С. 34–52.

Данилець 2013 - *Данилець Ю.* Обраний Божим Провидінням. Життєпис преподобного Олексія Карпаторуського сповідника. Чернівці: Місто, 2013. 168 с.

Данилець 2014а - *Данилець Ю.* Антирусинский судебный процесс 1913–1914 гг. в Мараморош-Сиготе на страницах львовских газет «Дело» и «Дело и Новое слово» // Русин. 2014. № 2. С. 249–269.

Данилець 2014б - *Данилець Ю.* К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3. С. 9–21.

Данилець 2014 с - *Данилець Ю.* К вопросу о подготовке второго Мараморош-Сиготского процесса против православных Закарпатья // Славянский альманах 2014. М.: Индрик, 2014. Вып. 1–2. С. 110–122.

Дубець 1999 - *Дубець Р.* Вплив Яблочинського монастиря на відродження святого православ'я в Закарпатті // Pravoslavny Kalendar. Presov, 1999. С. 90–94.

Евлогий 1994 - *Евлогий (Георгіївський), митрополит.* Путь моєї житні: Воспоминання. М.: Московський робочий; ВПМД, 1994. 619 с.

Журавская 2009 - *Журавская А.* Архиепископ Сергий (Королев) и жизнь православной общины в Чехии в 20–40-е годы XX в. // Вестник славянских культур. 2009. Вып. № 4 (T. XIV). С. 27–34.

Kárpátalja 2000 - Kárpátalja településeinek vallási adatai (1880–1941) Központi Statisztikai Hivatal / Dr. Kepecs József (szerk), Czibulka Zoltán (összeáll.). Budapest, 2000. 248 с.

Курсы 1933 - Курсы для духовенства Мукачевско-Пряшевской епархии // Русская Земля. 1933. 12 авг. С. 4.

- Митрополит 2008 - Митрополит скопски Јосиф: Мемоари. Светигора, Цетиње, 2008. 394 с.
- Нивьеर 2007 - Нивьеर А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе: 1920-1995: Биографический справочник. М.; Париж: Русский Путь; YMCA-Press, 2007. 576 с.
- Никитин 1983 - Никитин В. Жизнь и пастырское служение архиепископа Сергея Королева // Журнал Московской патриархии. 1983. № 3. С. 15–19.
- Окунцов 1967 - Окунцов И. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 486 с.
- ПКВ 1 - Православный карпаторусский вестник. 1935. № 1. С. 15.
- ПКВ 2 - Православный карпаторусский вестник. 1936. № 3–4. С. 14.
- ПКВ 3 - Собрание духовенства для духовных упражнений в Свято-Николаевском монастыре // Православный карпаторусский вестник. 1937. № 8. С. 14–16.
- Пребывание 1945 - Пребывание в Москве делегации православной церкви Закарпатской Украины // ЖМП. 1945. № 11. С. 20.
- Рассказ 2009 - Рассказ архимандрита Алексия от 28 ноября 1945 г.// Василий (Пронин), архимандрит. История православной церкви на Закарпатье. К.: Филокалия, 2005. С. 465–475.
- Statistický 1928 - Statistický lexikon obcí v republice Československé... na základě výsledků sčítání lidu z 15. února 1921, IV: Podkarpatská Rus. Praha, 1928. 68 с.
- Суляк 2009 - Суляк С. Русинский и украинский вопрос накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2. С. 96–119.
- Харкевич - Харкевич Я. Свято-Онуфриевский Яблочинский монастырь и священномученик Серафим (Остроумов). URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/> 1860.htm (дата обращения: 23.10.2015).
- Центральний - Центральний державний історичний архів, м. Львів. Ф. 462. Український горожанський комітет, м. Львів. Оп. 1. Спр. 222.
- ## REFERENCES
- Antonijević, S. (2012) Shkolovaњe uchenika iz cheshko-moravske mukachevsko-prjashevsko eparkhiju u Srpskim bogoslovskim shkolama [Education of students from the Czech-Moravian Mukačevská-prjaševske diocese in Serbian theological schools]. *Acta Patristica*. 7. pp. 130-144.
- Anon. (1953) Arkhiepiskop Kazanskiy i Chistopol'skiy Sergiy (nekrolog) [Archbishop of Kazan and Chistopol Sergius (obituary)]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 2. pp. 9-11.
- Archive Orthodox Eparchy of Mukachevo. (1928) *Serafim (Ivanovich), episkop. Rozporiadzhennya vid 22. 05. 1928 r.* [Seraphim (Jovanovic), Bishop. Resolution of May 22, 1928]. (In Ukrainian).
- Archive Orthodox Eparchy of Mukachevo. (1931) *Yosif (Tsvievich), episkop.*

Prokhannya v Ministerstvo shkil i narodnoi Osviti v Prazi za № 1307/31 vid 21.04.1931 r. [Joseph (Cvijevych), Bishop. Petitions to the Ministry of Schools and People's Education in Prague for № 1307/31 of April 21, 1931]. (In Ukrainian).

Archive of St. Nicholas Monastery in Iza. (n.d.) *Spisok i tochnoe opisanie bratii, zhivushchikh i zhivshikh v monastyre Svyatitelya o. Nikolaya, chto pri sele Ize, okruga Khustskogo v Karpatskoy Rusi* [The list and accurate description of the brothers who live and lived in the monastery of St. Nicholas in the village of Iza, Khust District in Carpathian Ruthenia]. 64 arc. (In Russian).

Valuev, D. (2000) Smolenskaya Golgofa [Smolensk Calvary]. *Smolenskie eparkhial'nye vedomosti*. 1(26). p. 43.

Vasiliy (Pronin). (2005) *Istoriya pravoslavnoy tserkvi na Zakarpat'e* [History of the Orthodox Church in Transcarpathia]. Kyiv: Filokaliya.

Vasnetsov, M. (1953) Svetloy pamяти arkhiereiska Sergiya [Blessed memory of Archbishop Sergius]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*. 12. pp. 4-6.

Vlasov, V. (2005) Arkhiereiskop Serafim Ostroumov [Archbishop Seraphim Ostroumov]. *Orlovskaya pravda*. 18th November.

Anon. (1925) Gramata o khironotii i kanonicheskem ustanovlenii pervago pravoslavnago arkhiereiska Prazhskogo i vseya Chekhoslovakii vysokopreosvyashchennago Kir Savvatiya [Diploma of the consecration and canonical establishment of the first Orthodox Archbishop of Prague and All Czechoslovakia Most Eminent Cyrus Savvatii]. In: *Pravoslavnyy Russkiy kalendar' na 1926 g.* [Russian Orthodox Calendar for 1926]. Vyshniy Svidnik. pp. 84-85.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 2. List 2. File 262.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 21. List 16. File 60.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 63. List 1. File 280.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 63. List 1. File 598.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 63. List 1. File 680.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 63. List 2. File 603.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 151. List 2. File 262.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 151. List 2. File 1334.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 151. List 3. File 37.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 151. List 3. File 38.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund 151. List 7. File 1041.

The State Archives of Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 1490. List 4d. File 21.

Danilets', Yu. (2009) *Pravoslavna tserkva na Zakarpatti u pershiy polovini XX st.* [Orthodox Church in Transcarpathia in the early twentieth century]. Uzhgorod: Karpati.

Danilets', Yu. (2012) Zarodzhennya ta poshirennya pravoslavnogo rukhu v Pivnichno-Skhidniy Ugorshchini na pochatku KhKh stolittya [The origin and spread of the Orthodox Movement in Northeast Hungary in the early twentieth century]. *Naukovi zapiski Uzhgorods'kogo universitetu. Seriya: Istorichno-religiyni studii*. 1. pp. 34-52.

Danilets, Yu. (2013) *Obranyj Bozhym Provydinnjam. Zhyttjepys prepodobnogo*

Oleksija Karpatorus'kogo spovidnyka [Chosen providence of God. Biography of St. Alexis Karpatorskoho confessor]. Chernivtsi: City.

Danilets, Yu. (2014) Newspapers "Delo" and "Delo and New Slovo" as a source of history trial in Marmarosh-Sigot years 1913-1914. *Rusin.* 2. pp. 249-269. (In Russian).

Danilets, Yu. (2014) To history of orthodoxy in Ugrian Rus on the eve of the WWI (on materials of american newspaper «Svet»). *Rusin.* 3. pp. 9-21 (In Russian).

Danilets, Yu. (2014) *K voprosu o podgotovke vtorogo Maramorosh-Sigotskogo protsessa protiv pravoslavnnykh Zakarpat'ya* [On the issue of preparation of the second-Maramorosh Sigotskogo proceedings against Orthodox Transcarpathia]. Slavic Almanac. Vol. 12. Moscow, Indrikis.

Dubec, R. (1999) *Vplyv Jablochyn'skogo monastyryja na vidrodzhennja svyatogo pravoslav'ja v Zakarpatti* [Impact Yablochynskoho monastery in St. revival of Orthodoxy in Transcarpathia]. Pravoslavny Kalendar.

Evlogiy (Georgievskiy), mitropolit. (1994) *Put' moey zhizni: Vospominaniya* [The path of my life: Memoirs]. Moscow Worker; VPM.

Zhuravskaya, A. (2009) *Arkhiepiskop Sergiy (Korolev) i zhizn' pravoslavnoy obshchiny v Chekhii v 20-40-e gody XX v.* [Archbishop Sergius (Korolev), and the life of the Orthodox community in the Czech Republic 20-40 years of the twentieth century]. Vestnik slavyanskikh kul'tur [Journal of Slavic cultures]. Issue number 4, 2009. (Volume XIV).

Kárpátalja településeinek vallási adatai (1880-1941) Központi Statisztikai Hivatal (2000) / Dr. Kepecs József (szerk), Czibulka Zoltán (összeáll.). Budapest [In Hungarian].

Kursy dlya dukhovenstva Mukachevsko-Pryashevskoy eparkhii [Courses for the clergy of the Diocese of Mukachevo-Pryazhevskoy] (1933) Russkaya Zemlya [Russian Land]. 12 August.

Mitropolit skopski Josif (2008) *Memoari* [Metropolitan of Skopje Joseph: Memoirs]. Svetigora, Cetinje.

Niv'er, A. (2007). *Pravoslavnye svyashchennosluzhiteli, bogoslovы i tserkovnye deyatelи russkoy emigratsii v Zapadnoy i Tsentral'noy Evrope: 1920-1995: Biograficheskiy spravochnik* [Orthodox clergy, theologians and church leaders of Russian emigration in Western and Central Europe: 1920-1995: Biographical Directory]. Moscow; Paris: Russian Way; YMCA-Press.

Nikitin, V. (1983) *Zhizn'i pastyrskoe sluzhenie arkhiepiskopa Sergiya Koroleva* [Life and pastoral ministry of the Archbishop Sergius Korolev]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]. Nr. 3.

Okuntsov, I. (1967). *Russkaya emigratsiya v Severnoy i Yuzhnoy Amerike* [Russian emigration to North and South America]. Buenos Aires: The Sower [In Russian].

Pravoslavny karpatorskii vestnik [Orthodox karpatorskii vestnik]. (1935). Nr. 1.

Pravoslavny karpatorskii vestnik [Orthodox karpatorskii vestnik]. (1936). Nr. 3-4.

Sobranie dukhovenstva dlya dukhovnykh uprazhneniy v Svyato-Nikolaevskom Monastyre [The meeting of the clergy for the spiritual exercises at the

St. Nicholas Monastery] (1937). Pravoslavnnyy karpatorusskiy vestnik. [Orthodox karpatorusskiy vestnik]. Nr. 8.

Prebyvanie v Moskve delegatsii Pravoslavnoy Tserkvi Zakarpatskoy Ukrayny [Staying in Moscow, the delegation of the Orthodox Church of the Transcarpathian Ukraine] (1945). Zhurnal Moskovskoy Patriarkhi [Journal of the Moscow Patriarchate]. Nr. 11.

Rasskaz arkhimandrita Aleksiya ot 28 noyabrya 1945 g. (2005) [The story Archimandrite Alexy on November 28th, 1945]. Vasiliiy (Pronin), arkhimandrit. Istorya pravoslavnoy tserkvi na Zakarpat'e [Vasily (Pronin), Archimandrite. History of the Orthodox Church in Transcarpathia]. K.: Philokalia [In Russian].

Statistický lexikon obcí v republice Československé ...na základě výsledků sčítání lidu z 15. února 1921, IV: Podkarpatská Rus. 1928. Praha [In Czechian].

Sulyak, S. (2009) The Rusin and Ukrainian questions on the Eve of WWI. *Rusin.* 2 (In Russian).

Kharkevich, Ya. *Svyato-Onufrievskiy Yablochinskiy monastyr' i svyashchennomuchenik Serafim (Ostromov)* [St. Onufrievsky Yablochinsky monastery and martyr Seraphim (Ostromov)] // <http://www.pravoslavie.ru/put/1860.htm> (Accessed: 26st October 2015).

Central State Historical Archive, city Lviv. Fund. 462. List 1. File 222.

Данилець Юрій Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Ужгород, Україна).

Данилець Юрій Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина).

Danilets Yurij – Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine).

E-mail: jurijdanilec@rambler

УДК 94(=16):373.3“19/20”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/11

НАРОДНОЕ ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У СЛАВЯН В НЕСЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»)*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769

²E-mail: ASAOM@yandex.ru

SPIN-код: 3791-5941

Авторское резюме

На материалах журнала «Славянский век» рассматриваются особенности и специфика развития народного (школьного) образования славянских народов на территории Австро-Венгрии, Германской и Османской империй в конце XIX – начале XX в. Анализируется положение национальных школ, освещаются основные конфликты в этой сфере между властями империй и национальным образованием. В журнале нашли отражение вопросы развития школьного образования кашубов и лужицких сербов, прусских и австрийских поляков, хорватов, сербов, словенцев, чехов, словаков. Отмечается, что трудности в организации школьного образования славянских народов вызывались ущемлением в образовательном процессе родных языков, нехваткой преподавателей со знанием национальных языков, плохой материальной базой национальных школ, тяжелым положением частных национальных школ на

* Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТГУ и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.B25.31.0009).

территории империй, противоречиями между славянскими народами. Рассмотрены формы и методы борьбы славян за национально ориентированные школы, за сохранение национальной самобытности и этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: «Славянский век», народные школы, славянские народы, германизация, мадьяризация, этнокультурная идентичность.

PUBLIC SCHOOL SLAVS IN THE NON-SLAVIC STATES IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (IN THE MAGAZINE "SLAVIC CENTURY")*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia¹ E-mail: sergei.fomnyh1940@mail.ru

²E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The article in the magazine "Slavic century" examines the features and specific development of the (school) education of the Slavic peoples on the territory of the Austro-Hungarian, German and Ottoman empires in the late XIX – early XX centuries. We analyze the situation of national schools, consider the main conflict in this area between the Empire and national entities. The magazine reflects the development of school education of Kashubians and Sorbs, Prussian and Austrian Poles, Croats, Serbs, Slovenes, Czechs, Slovaks. It is noted that the difficulties in the organization of the school of Slavic peoples were infringement in the educational process of native languages, shortage of teachers with the knowledge of the national languages, poor material base of national schools, the plight of private national schools in the empire, the contradictions between the Slavic nations. The were consider of the form and methods of struggle of the Slavs for nationally oriented schools, for the preservation of national identity and ethnic and cultural identity.

Keywords: "Slavic century", public schools, the Slavic peoples, Germanization, Magyarization, ethno-cultural identity.

* This research was supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program and the project "Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009).

Эпоха империй породила небывалый взлёт культурного развития, монументально раздвинула границы цивилизации, разделив карту Европы и мира всего на несколько пестрых цветов. Для многих завоеванных народов это время оказалось наполненным тяжелыми испытаниями, от успеха в преодолении которых зависело сохранение той или иной культурно-исторической общности в истории и повседневности.

Славянские народы Центральной и Восточной Европы в начале XX в. имели статус завоеванных народов, зависимых в своем положении от воли и политики правительства. Столицы европейских монархий диктовали свои условия периферийным народам, преследуя в конечном итоге цель безоговорочного подчинения, а в исторической перспективе – и ассимиляцию подчиненных народов с социокультурной структурой титульной нации. В то же время естественным был и механизм ответного противостояния, которое проявлялось в стремлении к изысканию методов и созданию институтов сохранения кодов национальной идентичности.

Школы являются главным залогом жизни и развития каждого народа, тем низовым фундаментом, на котором закладывается будущее. Школьное образование соединяет разные поколения в единый организм, становясь при этом гарантией того, что могилы предков не будут заброшены, святыни не будут разрушены, а вера останется непопранной.

Основные вехи и содержание этого сложного процесса получили отражение на страницах единственного в начале XX в. всеславянского журнала «Славянский век», издававшегося в г. Вене (столице Австро-Венгерской империи) с 1900 по 1905 г.

Значительная составляющая содержания журнала приходилась на информационный блок, связанный с вопросами культуры. В нем были представлены очерки и статьи видных культурных деятелей славянского движения, писателей и публицистов, журналистов и общественных деятелей. Во всей многогранности тематики четко выделяется тема школьного образования славян в неславянских странах.

Проблема сохранения самобытного народного школьного образования славянских народов в конце XIX – начале XX в. была актуальна прежде всего для Германской и Османской империй, а также Австро-Венгрии.

Характеристике положения славянских школ в Центральной и Восточной Европе была посвящена серия очерков И. Драгутиновича с общим тематическим заглавием «Школьное дело у славян в конце XIX столетия», опубликованных в этом журнале. В одной из первых

статья автор заметил, что к концу XIX в. «германцы подчинили своему игу и онемечили славянство от Везера до Одры» (Славянский век 1: 81).

В рассматриваемый период в Германии уже существовала система всеобщего обязательного школьного образования. Почти все государства Германской империи (королевства, вольные города, герцогства, княжества) имели собственный свод законов, регулирующих различные стороны школьного дела. Исключение составляли лишь королевства Пруссия и Бавария, в которых, несмотря на попытки выработать законы о народном образовании, решение многих важных вопросов из этой сферы входило в компетенцию местных администраций (Иолли 1900: 42–43).

Общеимперским являлся закон о надзоре за делом образования и воспитания (11 дек. 1872 г.) и несколько законов, оговаривавших финансовые и материальные стороны школьного образования, а также положение учителей.

Постановлениями «Общего земского уложения» устанавливались сроки обучения, согласно которым в некоторых частях Пруссии (за исключением восточной и западной) обязательное обучение было бессрочным и оканчивалось лишь тогда, «когда ребенок приобретал знания, необходимые для разумного человека его сословия» (Иолли 1900: 44). В то же время в Баварии и Вюртемберге срок обучения в школе ограничивался семью годами.

Преподавание, за исключением некоторых лотарингских и саксонских общин, в начальных школах Германии велось только на немецком языке. Поправки были сделаны лишь по конфессиональному критерию: Закон Божий, обязательный школьный предмет, читался на родном языке.

Содержание школ осуществлялось политическими общинами и особыми обществами, или специальными общинами, а также посредством выделения государственных субсидий. Как в Саксонии, так и в центральных районах Пруссии школьную общину в основном составляли жители определенных территориальных округов с одним вероисповеданием с условием присоединения представителей иных религий, не содержащих собственных школ (конфессиональные округа). Вместе с тем на территории Германии существовали и смешанные, неоднородные в религиозном плане общины и школьные округа (Иолли 1900: 46–47, 50). Обязанности и компетенция общин по содержанию школ определялись особыми административными правилами, которые оговаривали квалификацию и вознаграждение учителей, а также соотношение количества учеников и учителей (Иолли 1900: 50–51).

Назначение учителей осуществлялось правительством с тем условием, что в ряде государств Германии общинам было предоставлено право выдвигать собственных кандидатов на должность школьного учителя (в том числе в Пруссии и Саксонии). Дисциплинарная власть над школьным преподавательским корпусом осуществлялась административными учреждениями, отвечавшими за школьное дело.

Одним из важнейших инструментов сохранения идентичности является религия. И здесь мы встречаемся с комплексом противоречий германского школьного образования, в основе которых была конкуренция религиозного и светского начал в школе. С одной стороны, в Германии рассматриваемого периода было безоговорочно признано естественное право церковной власти руководить делом религиозного образования в школах (Иолли 1900: 59). Это положение представляется тем более важным, что одной из магистральных задач школьного образования Германской империи было дать религиозно-нравственное воспитание (Иолли 1900: 45). Вместе с тем германская власть прибегала к третейскому надзору не только за светским, но и за религиозным обучением. Это выражалось в проведении государственных экзаменов для учителей Закона Божьего, а также в посредничестве при коммуникации церкви и школы. Поражение в своих естественных правах церковь восполняла своим участием в управлении школами (Иолли 1900: 59–60).

Акцент на Пруссии и Саксонии в вышеприведенной характеристике был сделан не случайно. Именно в восточных регионах Германской империи проживали самые западные славянские народы. Возвращаясь к материалам журнала «Славянский век», стоит сказать, что среди славянских народов, проживавших в Германии, И.Драгутинович рассматривает лужицких сербов, кашубов и прусских поляков.

Лужицкие сербы, или серболужичане, представляли собой западнославянский союз племен, входивших в группу так называемых полабско-балтийских славян. Этот народ исконно обитал на территории нижне- и верхнелужицких земель, в конце XIX – начале XX в. входивших в состав Германской империи и принадлежавших Прусскому королевству, а также Саксонии.

После объединения Германии в 1871 г. серболужичане стали едва ли не первыми жертвами шовинистской нетерпимости со стороны правящих кругов империи. Правительство проводило систематическую политику искоренения славянских меньшинств, натравливала славянские народы друг на друга и, наконец, посредством школьной политики уничтожало культуру серболужичан (Лаптева, Кунце: 16). При этом стоит отметить, что тенденция к германизации лужицких славян имела глубокие исторические традиции: еще в первой полу-

вине XVIII в. король Пруссии Фридрих-Вильгельм I дважды (в 1714 и в 1735 гг.) издавал указы, дискриминировавшие лужицких сербов в Коттбусе (Славянский век 1: 82).

С 1875 г. в силезских школах Легницкого края были запрещены серболужицкие и серболужицко-немецкие учебники, было покончено с чтением на серболужицком языке. Более того, детям из семей лужицких сербов под страхом телесных наказаний и денежных штрафов запрещалось общаться на родном языке (Лаптева, Кунце: 16). Перелом наметился только в 1891 г., когда уездноеправление Легницы вернуло школам право преподавать все предметы, кроме арифметики, на сербском языке. Однако практика школьного преподавания достаточно быстро продемонстрировала формальность этой меры: снятие запрета было компенсировано назначением немецких учителей в сербские школы.

В Саксонии школьным законом 1873 г. ограничивалось употребление в школах серболужицкого языка, который отныне сохранялся (это правило действовало со времен постановления саксонского правительства в 1849 г.) только при преподавании Закона Божьего в конфессиональных общинках в местностях с сербским церковным богослужением (Лаптева, Кунце: 16). Как отмечал И. Драгутинович в 1901 г., «если все-таки говорят о сербском школьном деле, то лишь постольку, поскольку сербский язык "терпится" еще до сих пор в некоторых народных школах как "вспомогательный" язык» (Славянский век 1: 81).

Политика германизации серболужичан также применялась при подготовке школьных учителей и священников в серболужицких приходах (евангелическая церковь).

Таким образом, в инициативах германской администрации мы встречаем целенаправленное движение в направлении ассимиляции и окончательного уничтожения «вендов» – полабских славян, проживавших в то время на востоке Германии (серболужичан, кашубов). По переписи 1890 г. общее число лужицких сербов составляло там 166 тыс. чел. Общее же количество школ, в которых к началу XX в. сохранялось частичное преподавание на серболужицком языке, не превышало 130. При этом наблюдалась тенденция к снижению последней цифры. С учетом незначительного изменения количества серболужичан к 1900 г. И. Драгутинович констатировал, что в Германской империи «на одну школу приходится по 800–1 100 сербов» (Славянский век 1: 82). Данную политику он именовал не иначе как «просвещенное варварство».

Вместе с тем нельзя не отметить разницу в условиях обучения серболужичан в школах, с одной стороны, в регионах Пруссии и в Саксонии – с другой.

В качестве отступления хочется сказать о том, что, несмотря на воздействие сил естественной и насильственной ассимиляции, серболужичанам к концу XX в. удалось сохранить собственный язык и культурные традиции.

Другим восточногерманским славянским народом, школьное дело которого в своих очерках описал И. Драгутинович, были прямые потомки древнего западнославянского племени поморян - кашубы.

В составе Германской империи кашубы заселяли прибрежные территории Балтийского моря от Гданьска до Кольберга, а также жили в некоторых других северных областях Германии. По вероисповеданию они были как лютеранами (именовали себя «кабатками»), так и католиками. В Германии начала XX в. из 200 тыс. кашубов приблизительно 187 тыс. исповедовали католическую веру (Славянский век 2: 105–106).

К началу XX в. кашубский язык можно было считать почти полностью исчезнувшим из употребления: он сохранялся только в одной померанской церкви. Имелось всего 40 школ с абсолютным большинством кашубов, а также 140 школ со значительной долей учащихся – представителей этой национальности. Преподавание в этих школах полностью велось на немецком языке с использованием «вспомогательного» польского.

Характерно также и тяжелое материальное состояние кашубских школ, лишенных школьной утвари и пригодных для занятий помещений. И. Драгутинович в связи с этим отмечал: «Благодаря особой заботливости блестящей немецкой культуры все школьное дело в землях кашубов находится в таком жалком состоянии, что школы обесславленных славян Балканских земель в сравнении с ними смело могут быть названы идеальными» (Славянский век 2: 106).

Аналогичным образом обстояли дела и в школах с прусскими поляками. В Германской империи польское население проживало в восточной части Пруссии, в Познанской провинции и большей части Силезии общей площадью более 70 тыс. км². Кроме этих исконных земель, около 300 тыс. поляков проживали большими колониями в некоторых провинциях Пруссии, в Берлине, Вестфальской области (Славянский век 3: 136).

В районах со смешанным немецко-польским населением богослужение в церквях осуществлялось как на польском, так и на немецком языке. Прусские почтовые чиновники принимали письма для внутригосударственного обращения только с адресами на немецком языке.

Подобная целенаправленная политика не могла обойти стороной и школьное дело поляков на территории Германии. Уже с 1 октября 1887 г. польский язык был полностью запрещен, или, как писал Дра-

гутинович, «изгнан» из польских школ. Исключение не было сделано даже для преподавания Закона Божьего. Ликвидация чисто польских школ сочеталась с полицейским и судебным преследованием частных учителей, обучавших польскому языку. «Произвол школьного начальства, – отмечал И. Драгутинович, – в этом отношении не знает никаких пределов» (Славянский век 3: 137).

В 1900 г. в Берлине было закрыто 8 польских частных школ. К началу XX в. начальные школы в польских провинциях Пруссии окончательно превратились в аппарат для онемечивания (Славянский век 3: 137).

Закономерным итогом «политики просвещенного варварства» должно было стать успешное завершение процесса германизации славянских народов на территории Германии. Ассимилируя славянские народы, немецкие власти предотвращали гипотетические возможности сепаратизма, стремились к грандиозной цели немецкой национальной абсолютизации, созданию монолитной нации.

Среди методов германизации и борьбы с традициями национального единства немецких поляков и славянства И. Драгутинович выделяет такие, как, например, административное вытеснение польского языка из обращения, просвещение детей младшего возраста в духе возвеличивания Германии и ненависти к России.

Для подготовки учителей в Германии устраивались подготовительные школы и учительские семинарии, имевшие конфессиональный характер. Правительственные органы осуществляли дисциплинарный контроль не только над школьным процессом, но и над подготовкой учителей (Иолли 1900: 52–54). В замыслах германских администраторов внедрение в образовательный процесс немецких учителей должно было ускорить процесс онемечивания. Так, в 11 учительских семинариях польских провинций подготавливались исключительно «заядлые» немецкие учителя (Славянский век 3: 138).

Конечно же, нельзя не признать того, что немецкие правительственные органы и учреждения изрядно преуспели в этой политике. Драгутинович писал: «Можно подивиться их непрестанной энергии, сплоченности, подвижности и изобретательности в этой хищнической борьбе» (Славянский век 3: 136–137).

Процесс же славянского сопротивления подобной политике носил неполитический, точечно организованный характер, что во многом обусловливало его малую продуктивность. Тем не менее даже это символизировало борьбу славян за свое этнокультурное выживание.

Одним из примеров этого была организация частного обучения. Так, при евангелической учительской семинарии в Будишине на протяжении долгого времени подобным образом сербскому языку

обучал профессор К.А. Фидлер. В том же городе при католической семинарии сербский язык преподавал известный лужицкий деятель о. Михаил Горник (Славянский век 1: 82).

Делу сохранения древних обычаяев, нравов, образа жизни кашубов служило и изданное Ф. Ценовым в 1878 г. собрание кашубских сказок, пословиц, поговорок и народных песен (Славянский век 2: 106).

Запрет в школьном образовании польского языка вызвал резкое недовольство со стороны родителей, которые в качестве протеста устраивали многолюдные собрания. Для оживления интереса ко всему национальному и противодействия политике германизации польскими женщинами в первой половине 1890-х гг. был создан единственный женский союз в Прусской Польше - «Общество для содействия просвещению девушек им. К. Марцинковского».

В 1894 г. для альтернативной подготовки педагогов и распространения польского языка было организовано общество «Варта», а затем такие общества, как «Читальня для женщин», «Лютня», «Приюты». Поляками на немецкой земле организовывались собственные детские сады, а для целей просвещения и трансляции новому поколению традиционно польской культуры в 1898 г. в Познани было основано «Общество общенародных чтений им. А. Мицкевича» (Славянский век 3: 137–138).

Таким образом, мы видим, что процесс сохранения собственной идентичности славян Германии в условиях культурной и административной экспансии варьировался от мер негативного, протестного характера (организации собраний протеста) до позитивных шагов низовой организации национально ориентированного просветительского процесса, а также собственных образовательных структур, альтернативных структурам официальным.

Если мы обратимся к Австро-Венгрии, то история школьного образования этой империи имеет несколько качественно различных этапов: от введения всеобщего обязательного образования и создания светских государственных школ и сети учительских семинарий, развития просвещения в царствование Марии Терезии до реакционной школьной политики времен Франца I, связанной с Великой Французской революцией.

Период становления школьной системы в Австро-Венгрии рассматриваемого периода приходится на 60-е гг. XIX в. Она регулировалась двумя законодательными актами. Имперский закон 25 мая 1868 г. определял отношение церкви к школе, а закон 14 мая 1869 г. устанавливал основные принципы народного образования для начальных школ. Делу организации школьного образования служили и местные законы австрийских земель (Иолли 1900: 107).

Начальные школы в Австро-Венгрии были во всех населенных пунктах, где в периметре одного часа ходьбы имелось более 40 детей. Управление школами империи в землях осуществлялось Министерством народного просвещения через высшие (земские) советы. В округах и общинах за школьное образование отвечали соответственно окружные и общинные школьные советы. Выбор председателя и местного инспектора народных школ осуществлялся членами местного школьного совета (общинного). Окружные школьные советы состояли из окружного начальника (председателя), директоров всех окружных школ, директоров средних и мещанских училищ, представителей учительского корпуса, представителей общинных старшин, а также представителей церковной власти – по одному для каждого существующего в округе вероисповедания (Иолли 1900: 108).

Прием учеников в начальную школу, а также назначение на публичные школьные должности в Австро-Венгрии осуществлялись без учета вероисповедания, что позволяет нам судить об интерконфессиональности австро-венгерских школ. При этом на должность начальника народных школ мог быть избран только человек, «имеющий право на преподавание Закона Божьего в духе того вероисповедания, к которому принадлежит большинство учеников данной школы» (Иолли 1900: 110).

Вопрос о языке преподавания и возможности изучения второго языка решался Высшим училищным советом. Вся учебная литература, употребляемая в частных и публичных школах, должна была быть одобрена правительственными учреждениями, заведующими школьным делом.

Для открытия частных школ требовалось разрешение Высшего училищного совета. Для этого также необходимо было соответствовать ряду требований, среди которых можно выделить такие, как соответствие начальников и учителей образовательному цензу, а программы частной школы – общим требованиям, предъявляемым государством к публичным школам (Иолли 1900: 112).

Таким образом, мы видим, что в Австро-Венгерской империи, как и в Германии конца XIX – начала XX в., в существенной степени произошел окончательный поворот в сторону светского и всеобщего образования. Для империи естественным стало понятие «школьная повинность». Общими были также тенденции к минимизации влияния церковных структур на школьный процесс. Противоречия между религиозным и светским влиянием в начальных школах Германии и Австро-Венгрии преодолевались в основном в пользу последнего.

Конечно же, в условиях унификации школьных систем в многонациональной Австро-Венгрии были неизбежны конфликты.

После освобождения школ от католического церковного надзора в 1868 г. школьное законодательство полностью перешло в ведение рейхсрата. По мнению И. Драгутиновича, «возможность придать народной школе национальный характер стала с тех пор для не немецких народов Австрии бесконечно трудной» (Славянский век 4: 47).

Задача сохранения национальной самобытности в школьном деле была наиболее актуальной для чехов, обитавших «в самом сердце Европы». «Чехи, – писал И. Драгутинович, – вынуждены были отстаивать горячей национально-политической борьбой каждую национальную школу» (Славянский век 4: 47).

В 1896 г. в Чехии, Моравии и Силезии (районы обитания чехов) общее число народных школ составляло 4 448. Согласно данным переписи 1890 г., приведенным Драгутиновичем, по одной чешской народной школе приходилось на 1 354 чеха, проживавших в Чехии, 964 – в Моравии, 1 100 – в Силезии и 31 160 чехов – в Нижней Австрии. Существовало всего 16 учительских семинарий, где преподавание велось на чешском языке (12 – в Чехии и 4 – в Моравии). Всего в Австро-Венгрии при чешском населении более 5 млн чел. на одну народную школу приходилось 1 229 чел. (Славянский век 4: 48).

Проблемы с языком и преподавателями имелись также и в средних учебных заведениях для чехов: гимназиях, реальных училищах и реальных гимназиях. Однако они не были такими острыми, как в народных школах. Этим обусловливалось и то, что борьба чехов за национальную школу «велаась именно из-за народных школ» (Славянский век 4: 49).

Для разных славянских народов, находившихся под властью Австро-Венгерской монархии, таких, как австрийские поляки, словаки, хорваты, сербы, проблемы народного образования были во многом сходны. Они концентрировались вокруг несоответствия количества школ общей численности славян, ущемления родного языка в национальных школах, вопросов религиозного воспитания, наконец, несовершенства школьных программ.

Вместе с тем в отношении каждого отдельно взятого народа можно выделить специфические черты межэтнических столкновений в контексте организации национально ориентированного школьного процесса. Интерес представляет положение народных школ в Галиции. Там с первым созывом сейма (1865 г.) польский язык был признан единственным языком преподавания в народных и средних школах. Школьному совету Галиции были предоставлены широкие административные функции (указ 25 июня 1867 г.). Совет польско-

вался поддержкой Общества народной школы и Польской материцы (Хейфиц 1915: 39, 40).

В регионе была значительная доля русского населения (3 млн русских (русинов)), а школьное дело поставлено было плохо. Об этом свидетельствовал тот факт, что в 1900 г. среди населения Галиции 63,7 % жителей были безграмотными (Славянский век 5: 167).

Правительство в этом регионе взамен курсу на германизацию предоставило польской администрации возможности вести воспитание подрастающего поколения в духе враждебности к России. «Польские учебные заведения оберегают юношество от славянского самосознания, – отмечал И. Драгутинович. – Воспитывая молодежь в крайне шовинистическом духе, направленном главным образом против России, польские школы являются скорее тормозом славянского движения, чем рассадником истинно славянского просвещения» (Славянский век 5: 168). Даже в русских школах преподавание велось на польском языке (Свистун 1896: 654).

Важным аспектом тактики стравливания была также игра на польско-чешских противоречиях.

Таким образом, межэтнические столкновения на территории Центрально- и Восточноевропейских империй развивались по схеме противостояния центра и периферии. Важным элементом конфронтации стало и межславянское столкновение, что было результатом целенаправленной политики империй.

Для словаков, занимавших земли между Татрами и Дунаем, деградация национальной школы была связана с так называемой мадьяризацией, главным инструментом которой стало навязывание венгерского языка в преподавании в народных школах и учительских семинариях (Славянский век 6: 205).

Мадьяризации на рубеже XIX–XX вв. подверглись также и венгерские словенцы. Венгерское правительство учреждало чисто венгерские учительские семинарии, готовившие учителей, не знавших ни одного славянского языка, применяло меры материального стимулирования школьных преподавателей, ведших учебный процесс исключительно на венгерском языке (Славянский век 8: 330).

В Истрии, например, несмотря на численное превосходство хорватов (140 тыс. хорватов и 50 тыс. словенцев против 120 тыс. итальянцев), большинство мест в региональном сейме принадлежало итальянцам, что позволяло им контролировать школьную сферу и отстаивать в ней прежде всего собственные национальные интересы. В итоге в конце XIX в. почти 18 тыс. хорватских и словенских детей «были лишены возможности получить образование в своих школах» (Славянский век 7: 328).

Тяжелым было положение словенских школ в Триесте, где проживало около 50 тыс. словенцев. Дети словенских семей вынуждены были посещать итальянские школы. Организация массового съезда в Триесте, в котором приняли участие около 8 тыс. чел., обращения к императору с просьбой изменить положение словенских детей в школьном процессе не возымели должного эффекта. Как отмечала Терезина Ленко, «словенцы были готовы оружием и кровью добиться того, что правительство должно было дать законным путем» (Славянский век 11: 139).

Внимания заслуживает и судьба одного из крупнейших разделенных славянских народов того времени – сербов. Сербы Габсбургской монархии были лишены малейшей возможности иметь собственное школьное образование (Славянский век 9: 276, 277).

Правительство Боснии и Герцеговины, освобожденной от османского владычества в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг., пошло по пути преодоления существовавшего во время турецкого владычества устройства школ по религиозному принципу. Был взят курс на воспитание в духе «национального и религиозного индифферентизма» (Славянский век 9: 275). Развитию школьного дела в духе национального воспитания препятствовал недостаток материальных средств.

В Македонии, когда она входила в Османскую империю, школьное дело у сербов поддерживалось и организовывалось самим народом. Постоянные сербские народные и средние школы существовали в Константинополе. Но при 400 тыс. православных, проживавших в начале XX в. в Константинополе, существовала всего одна русская 4-классная начальная школа. Славянские публицисты указывали на необходимость открытия русских просветительских институтов в Константинополе, бывшем «одним из важнейших звеньев культурно-исторической жизни» России (Славянский век 10: 260).

Сопротивление этнокультурной экспансии Австро-Венгерской монархии стало одной из важнейших задач славянских народов. Запрет на создание чешских школ обернулся созданием в 1881 г. Чешской школьной матицы – национально-просветительского общества, которое на добровольные средства учреждало и содержало национальные школы чехов. В течение 23 лет существования в школах матицы обучались более 13 тыс. детей. В 1903 г. матица содержала 64 приюта, 52 школы со 118 классами (в Чехии – 92 класса, в Моравии – 10, в Силезии – 3 класса). Матица функционировала в основном за счет пожертвований. Так, бывший же счетовод пражской Школьной матицы Ф. Млчох даровал чешской торговой школе в Берне (Моравия) 6 000 крон для того, чтобы процент с этого капитала шел на награ-

ждение учеников, показавших высокие успехи в изучении русского языка (Славянский век 13: 187,188).

Для воспитания русофильской молодежи в Галиции создавались бursы, которые обеспечивали условия для комфортного обучения. В начале XX в. во Львове функционировали 3 бурсы для мальчиков – Ставропигион, Народный дом, Селянская и одна для девочек – Пансион русских дам (Пашаева 2001: 127).

Словацкий язык, ущемлявшийся венгерскими властями, в определенный момент «находил себе приют» в высших учебных заведениях и семинариях Будапешта, Гране, Нитре, Банска-Бистрице, где создавались славянские общества семинаристов для изучения родного языка. Однако вскоре последовал запрет семинаристам даже говорить на родном языке (Славянский век 6: 205–206).

Противодействие со стороны славянских народов Австро-Венгрии, как и рассмотренной ранее Германской империи, в основном выражалось в низовой народной самоорганизации, носившей частный, автономный характер.

В то же время в среде славянской интеллигенции к началу XX в. особую силу приобрели универсалистские настроения, направленные на поиск духовного фундамента, который стал бы платформой для интеграции славянских народов Европы, достижения всеславянского культурно-просветительского единства на базе Всеславянского союза с общей культурой и политикой.

В одной из заметок, написанных учителем С.С. Илькичем, напечатанной в «Славянском веке», обращалось внимание на необходимость установления более тесных коммуникаций между славянскими педагогами и организации для этой цели всеславянских съездов учителей. Он также высказал предложение признать русский язык общеславянским (Славянский век 11: 444).

И здесь необходимо затронуть другую важную проблему. Только универсализация, объединение славянских народов на единой национальной почве, консолидация с целью сохранения идентичности могли уберечь каждый отдельный славянский народ от размывания внутренних культурных связей под ярмом европейских империй.

Барон М.Ф. Таубе в статье «Славянская рознь и славянская связь» отмечал: «Несмотря на свое многообразие и печальную разрозненность, славянство по своей сути и историческим судьбам обладает удивительной внутренней связью» (Славянский век 14: 130). Одной из причин пошатнувшегося единства Таубе считал раздробление славянского языка, а также заимствование от латинства чуждых славянам элементов.

Бессспорно, язык, наряду с верой и религией, является одним из столпов национального единства. В связи с этим актуальным становился вопрос о составлении общеславянской азбуки с целью укрепления просветительской, культурной связи между славянскими народами. «Если действительно суждено славянству соединиться в одно целое на почве собственного просвещения, культуры и цивилизации, – писал М.Ф. Таубе, – то такое объединение случится не иначе, как путем умственного и литературного сближения» (Славянский век 15: 139). Несмотря на трудности создания всеславянской азбуки (по сути, общего языка), усилия многих исследователей двигали этот процесс вперед (например, азбука Гильфердинга). Для продолжения творческих поисков в этом направлении Таубе предлагал использовать платформу «Славянского века» (Славянский век 15: 140).

Среди тех, кто на страницах журнала «Славянский век» затрагивал проблему создания общеславянского языка, был академик И.В. Ягич.

Так или иначе, но этот удивительный по своему содержанию поиск общего языка не выходил за грани публицистических и научных дискуссий и творческих поисков. В сущности, он являлся органической частью другого более крупного процесса формирования общеславянской культурной и политической идентичности. Однако ретроспективный взгляд на историю XX в. (особенно после окончания Первой мировой войны) дает основание для вывода о том, что общеславянские замыслы, к сожалению, оказались нежизнеспособным проектом.

Что касается народного школьного образования у славянских народов, то оно в условиях их разобщенности и зависимости от империй, на территории которых они проживали, падало на плечи отдельных людей или локальных групп. Представители славян в самых разных районах Германии, Австро-Венгрии и Османской империи своими частными инициативами могли лишь поддерживать его относительную жизнеспособность. Сопротивление политике ассимиляции выражалось в создании частных школ, бурс и матиц, в организации неофициального учебного процесса, наконец, в прямых акциях протesta, принимавших подчас политические оттенки.

Таким образом, на основании анализа публикаций в журнале «Славянский век» можно сделать вывод о том, что к началу XX в. школьное дело славян Восточной Европы находилось в тяжелом положении. В борьбе за сохранение собственной идентичности в области школьного образования им приходилось оказывать сопротивление политике властей, стремившихся разжечь межславянскую рознь. Но даже после крушения Германской и Австро-Венгерской империй этот процесс не прекратился, положив начало качественно новым межэтническим столкновениям на востоке Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Иолли 1900 - *Иолли Л.* Народное образование в разных странах Европы. СПб.: Книгоиздательство и книжный магазин О.Н. Поповой, 1900. 192 с.

Лаптева, Кунце - *Лаптева Л.П., Кунце П.* История серболужицкого народа с древнейших времен до наших дней // Кафедра славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://slavcenteur.ru/Proba/ucheba/kursy/Serboluzhistorija.pdf> (дата обращения: 31.10.2015).

Пашаева 2001 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Гос. публ. ист. б-ка России. 2001. 201 с.

Свистун 1896 - *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов: Типография Ставропигийского института, 1896. Ч. 2. 744 с.

Славянский век 1 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. II. Лужицкие сербы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 27. С. 81–83.

Славянский век 2 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. III. Кашубы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 28. С. 105–107.

Славянский век 3 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. IV. Прусские поляки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 29. С. 136–139.

Славянский век 4 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. I. Чехи // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 26. С. 46–50.

Славянский век 5 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. VII. Австрийские поляки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 30. С. 167–168.

Славянский век 6 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. VIII. Словаки // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 31. С. 204–206.

Славянский век 7 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. XI. Хорваты // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 35–36. С. 328–330.

Славянский век 8 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. XII. Словенцы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 35–36. С. 330–332.

Славянский век 9 - *Драгутинович И.* Школьное дело у славян в конце XIX века. X. Сербы // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 33–34. С. 275–278.

Славянский век 10 - *Яковлев В.И.* Константинополь как аванпост славянский // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 81. С. 258–261.

Славянский век 11 - *Иенко Т.* Школьные отношения в Триесте // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 53. С. 138–139.

Славянский век 12 - Из писем в редакцию. Учителя на службе у славянства //

Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 39–40. С. 443–444.

Славянский век 13 - Чешская школьная матица // Славянский век. Всеславянский журнал. Вып. 77. 1904. С. 187–188.

Славянский век 14 - Таубе М.Ф. Славянская рознь и славянская связь // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 77. С. 130–135.

Славянский век 15 - Таубе М.Ф. Всеславянская азбука // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 53. С. 139–141.

Хейфиц 1915 - Хейфиц Ю.Я. Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. Пг.: Сенатская типография, 1915. 63 с.

REFERENCES

- lotti, L. (1900) *Narodnoe obrazovanie v raznykh stranakh Evropy* [Education across Europe]. St. Petersburg: O.N. Popova.
- Lapteva, L.P. & Kunce, P. (n.d.) *Istoriya serboluzhitskogo naroda s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Sorbs from ancient times to the present]. [Online] Available from: <http://slavcenteur.ru/Proba/ucheba/kursy/Serboluzhistorija.pdf> (Accessed: 31st October 2015).
- Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. Moscow: State Public Historical Library of Russia.
- Svistun, F.I. (1896) *Prikarpatskaya Rus' pod vladeniem Avstrii* [Carpathian Rus under the rule of Austria]. Lviv: Stauropégion Institute.
- Dragutinovich, I. (1901a) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. II. Luzhitskie serby [Schools of the Slavs in the late 19th century. II. Sorbs]. *Slavyanskiy vek.* 27. pp. 81–83.
- Dragutinovich, I. (1901b) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. III. Kashuby [Schools of the Slavs in the late 19th century. III. Kashuba]. *Slavyanskiy vek.* 28. pp. 105–107.
- Dragutinovich, I. (1901c) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. IV. Prusskie polyaki [Schools of the Slavs in the late 19th century. Prussian Poles]. *Slavyanskiy vek.* 29. pp. 136–139.
- Dragutinovich, I. (1901d) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. I. Chekhi [Schools of the Slavs in the late 19th century. I. Czechs]. *Slavyanskiy vek.* 26. pp. 46–50.
- Dragutinovich, I. (1901e) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. VII. Avstriyskie polyaki [Schools of the Slavs in the late 19th century. Austrian Poles]. *Slavyanskiy vek.* 30. pp. 167–168.
- Dragutinovich, I. (1901f) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. VIII. Slovaki [Schools of the Slavs in the late 19th century. Slovaks]. *Slavyanskiy vek.* 31. pp. 204–206.
- Dragutinovich, I. (1901g) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. XI. Khorvaty [Schools of the Slavs in the late 19th century. Croats]. *Slavyanskiy vek.* 35–36. pp. 328–330.
- Dragutinovich, I. (1902) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. XII.

Sloventsy [Schools of the Slavs in the late 19th century. Slovenians]. *Slavyanskiy vek.* 35–36. pp. 330–332.

Dragutinovich, I. (1901h) Shkol'noe delo u slavyan v kontse XIX veka. X. Serby [Schools of the Slavs in the late 19th century. Serbs]. *Slavyanskiy vek.* 33–34. pp. 275–278.

Yakovlev, V.I. (1904) Konstantinopol' kak avanpost slavyanskiy [Constantinople as a Slavic outpost]. *Slavyanskiy vek.* 81. pp. 258–261.

Ilenko, T. (1902) Shkol'nye otnosheniya v Trieste [School relations in Trieste]. *Slavyanskiy vek.* 53. pp. 138–139.

Anon. (1902) Iz pisem v redaktsiyu. Uchitelya na sluzhbe u slavyanstva [Letters to the Editor. Teachers in the service of the Slavs]. *Slavyanskiy vek.* 39–40. pp. 443–444.

Anon. (1904) Cheskaya shkol'naya matitsa [Czech's school matica]. *Slavyanskiy vek.* 77. pp. 187–188.

Taube, M.F. (1904) Slavyanskaya rozn'i slavyanskaya svyaz' [Slavic strife and Slavic connection]. *Slavyanskiy vek.* 77. pp. 130–135.

Taube, M.F. (1902) Vseslavianskaya azbuka [The Slavic alphabet]. *Slavyanskiy vek.* 53. pp. 139–141.

Kheyfits, Yu.Ya. (1915) *Galitsiya. Politicheskoe, administrativnoe i sudebnoe ustroystvo* [Galicia. The political, administrative and judicial structure]. Petrograd: Senatskaya tipografiya.

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия).

Fominykh Sergey – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия).

Stepnov Alexey – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/12

ЧИНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО- УНИФИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ЗЕМЛЯХ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ, КАВКАЗА, БЕССАРАБИИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)*

С.И. Дегтярев

Сумський національний університет
Україна, 40007, Сумська область, м. Суми,
ул. Римського-Корсакова, 2
E-mail: starsergo@bigmir.net
Scopus Author ID: 55975410500

Авторское резюме

Рассматривается роль практики награждения чинами по Табели о рангах служащих и представителей элит присоединенных к Российской империи территорий Левобережной Украины (Малороссии), Кавказа, Бессарабии. Особое внимание автор уделил обоснованию тезиса о том, что российское правительство использовало табельное чинопроизводство еще и как один из механизмов, с помощью которого происходила ассимиляция указанных национальных регионов в составе империи. В качестве подтверждения приведен богатый статистический и фактологический материал.

Ключевые слова: чин, Табель о рангах, Российская империя, национальный регион, Бессарабия, Кавказ, Левобережная Украина, XVIII в., XIX в.

* Работа выполнена в рамках фундаментального исследования 0115U000677 «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как способ конструирования общенациональной модели исторической памяти».

RANKS (CHINY) AS AN INSTRUMENT OF NATIONAL AND UNIFICATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LEFT-BANK UKRAINE, CAUCASUS AND BESSARABIA (THE END OF XVIII – THE FIRST HALF XIX CENTURIES)*

S.I. Degtyarev

Sumy State University

2 Rimskogo-Korsakova Str., Sumy, Sumy region, 40007, Ukraine

E-mail: starsergo@bigmir.net

Scopus Author ID: 55975410500

Abstract

The article analyzes the role of the practice of rewarding civil servants and representatives of the elite of Left Bank Ukraine (Malorossia), Caucasus and Bessarabia, which were annexed to the Russian Empire. As a reward, in this case are considered ranks (chiny) of Table of Ranks. Particular attention is paid to substantiate the thesis that the Russian government has used these ranks as one of the mechanisms which control the assimilation of these national regions within the empire. As evidence the author cited considerable statistical and factual material.

Keywords: rank, Table of ranks, Russian Empire, national region, Bessarabia, Caucasus, Left-Bank Ukraine, eighteenth century, nineteenth century.

Бюрократический аппарат Российской империи уже более двух столетий является предметом внимания многих исследователей – историков, правоведов, социологов. Они изучали различные аспекты данной проблемы: историю зарождения и развития бюрократической системы этой многонациональной империи; функции, социокультурный или социопрофессиональный уровни чиновнического корпуса; чиновник, и чиновничество как явление социальное и др. Но при этом до сих пор остается много недостаточно исследованных вопросов,

* This study was carried out as a part of fundamental research 0115U000677 "The Historical Development of the Northeast Frontier of Ukraine as a Way of Constructing a National Historical Memory Model".

которые касаются награждения государственных служащих, при каких условиях происходили эти поощрения, награждение гражданских и военных служащих чинами, определенными Табелью о рангах, как награды влияли на статус чиновников и т. п. Некоторые ученые затрагивали эти проблемы лишь поверхностно. Среди наиболее обстоятельных работ, посвященных, например, системе имперского чинопроизводства, следует отметить труды В. Евреинова, Л. Шепелева, Л. Левина, Х. Беннетта, Д. Хассела (Евреинов 1887; Левин 2004; Шепелев 1977; Bennett 1993; Hassell 1970).

К перспективным направлениям конкретно-исторических исследований можно отнести также вопросы о том, как влияла практика распространения имперской административной системы в национальных регионах, присоединенных к Российскому государству в XVIII – первой половине XIX в., на ассимилятивные процессы, которые там происходили. Данной проблемы касались, в частности, С. Токць, В. Бойко, В. Шандра, З. Макажанова, С. Дегтярев, М. Кекелия, К. Бугров, М. Твалиашвили, З. Блиева (Блиева 1984; Бойко 2006; Дегтярев 2014; Кекелия 1975; Макажанова 2010; Твалиашвили 1977; Токць 1997; Шандра 2009; Bugrov 2015).

В данной работе мы проанализируем, какую роль играла практика предоставления чинов по Табели о рангах служащим и представителям элит присоединенных к Российской империи территорий Левобережной Украины (Малороссии), Кавказа, Бессарабии.

Хронологически исследование охватывает период со второй половины XVIII до середины XIX в.

Источниковую базу работы составили нормативные документы, которые регулировали процедуру награждения гражданских служащих чинами. Это императорские указы, министерские циркуляры и т.п. Нами также были использованы печатные статистические издания, в частности «Месяцесловы с росписью чиновных особ в государстве», а также рукописные архивные материалы. Это позволило привлечь до сих пор не известный фактологический материал по теме исследования.

Какую же роль играло российское имперское чинопроизводство по Табели о рангах в национальных регионах исследуемого периода? Можно предположить, что чин использовался российским правительством как один из механизмов инкорпорации разных национальных территорий в состав империи. Особенно это видно в моменты, когда после присоединения этих земель на них нужно было унифицировать по российскому имперскому образцу местные управленические практики. Процесс такой унификации был невозможен без привлечения к нему местных элит, особенно служебных. Но чем же последних можно было заинтересовать служить в учреждениях

нового образца и по новым правилам? Здесь и пригодилась система табельного чинопроизводства. Сначала чины можно было получить несколько легче, а иногда даже с «перепрыгиванием» следующего чина, получая более высокий. К тому же чин стал подкрепляться многими государственными гарантиями – его носитель получал ряд прав, льгот, занимал привилегированное место в социальной системе, привлекался к совершению управленческих функций (фактически становился одним из механизмов власти, что поднимало его престиж в обществе) и т. п.

Для представителей нероссийских элит, которые находились на гражданской имперской службе, возможность получать чины по Табели о рангах стала тем механизмом, который сделал процесс их инкорпорации в российскую имперскую бюрократическую и социальную среду относительно бесконфликтным. Чин оказался своеобразным компромиссом между этими элитами и российским правительством, которое тоже пыталось ассимилировать присоединенные национальные территории и их население по возможности «мягко», избегая политических разногласий и социальных волнений.

Даже многие из тех, у кого были проблемы с доказательством своего привилегированного происхождения (как следствие – и с получением прав российского дворянства), поступив на службу в государственные учреждения и со временем получив необходимые чины, смогли эти проблемы решить. Ярким примером здесь также могут быть представители многих левобережных украинских казацко-старшинских родов, чье шляхетство российским правительством или не признавалось, или долго ставилось под сомнение, но которые имели право поступать на государственную службу, где постепенно выслужили или подтвердили свое право на дворянство. Привилегированный статус смогли получить и многие представители тех социальных групп, которые в российских губерниях крайне редко даже допускались к государственной службе: мещане, купцы и иногда крестьяне.

Таким образом, благодаря получению чинов, большое количество гражданских чиновников не российского происхождения смогло удовлетворить свои потребности: социальные (получение или подтверждение дворянства), материальные (жалованье, пенсионное обеспечение и другие льготы), карьерные (служебные привилегии, привлечение к властным/управленческим функциям). Причем наиболее легко в национальных регионах это можно было сделать в периоды, когда процесс инкорпорации всех сфер жизни в российское имперское пространство еще не завершился.

В этих условиях относительную легкость, с которой представители различных социальных групп попадали на государственную службу,

высуживали чины и получали другие награды, можно связать именно с попытками российского правительства с помощью в том числе и табельного чинопроизводства и наград ускорить процесс окончательного слияния обществ национальных регионов с российским. Этот процесс совершенно завершился уже к середине XIX в.

Для многих чиновников не российского происхождения в таком многонациональном государстве, каким была Российская империя, чин оказался действенным и механизмом, и стимулом, который позволил приспособиться к новым условиям жизни. Например, раздачу российских табельных чинов чиновникам-украинцам (на Левобережье) еще до введения там общеимперского законодательства, по нашему мнению, следует расценивать как подготовку к слиянию бюрократических практик России и так называемой Малороссии, что в свою очередь позволило со временем ликвидировать некоторые национальные особенности в различных сферах общественных отношений на украинских землях. Это происходило, в частности, в 60–70-х гг. XVIII в. Известно, что в 1779–1782 гг. по предложению графа П. Румянцева Сенат наградил некоторых служащих чинами надворных советников и коллежских ассесоров. Продолжалась раздача чинов украинцам и позже (Павловский 1906: 47).

Таким образом, на левобережных украинских землях до официального распространения там имперской системы уже было достаточно много служащих, которые пользовались чинами по Табели о рангах. Можем даже предположить, что многие из тех, кто еще имел местные чины (казацкие или определенные еще Магдебургским правом гражданские), пытались сохранить их, надеясь, что российское правительство со временем уравняет их с соответствующими классами Табели о рангах. Надежда на последнее в определенной степени поддерживалась тем фактом, что украинских чиновников часто награждали так называемыми малороссийскими чинами сами же представители имперской власти в регионе (лишь 22 декабря 1784 г. Екатерина II запретила это делать) (ПСЗ). К тому же сам последний украинский гетман К.Г.Разумовский еще в 1756 г. обращался в Сенат с просьбой «об уравнении украинских чиновников в ранге с русскими чинами» (ИРНБУ).

Даже официальные списки чиновников, опубликованные в «Месяцесловах», фиксировали, что в 1775–1784 гг. (до запрета награждать малороссийскими чинами) на землях бывшей Гетманщины уже было заметное количество гражданских чиновников-украинцев, которые имели гражданские или военные табельные чины (табл. 1) (В этой и других таблицах количество чиновников приводится по данным Месяцесловов, где не учитывались служащие, которые занимали

многочисленные канцелярские должности (иногда даже сверх штата) и численность которых была довольно значительно).

Таблица 1

Количество гражданских чиновников на украинских левобережных землях, которые имели чины по Табели о рангах (1775–1784 гг.).

Год	Малороссия		Киевское наместничество		Черниговское наместничество		Новгород-Северское наместничество	
	Всего чиновников	С военными и гражданскими чинами	Всего чиновников	С военными и гражданскими чинами	Всего чиновников	С военными и гражданскими чинами	Всего чиновников	С военными и гражданскими чинами
1775	237	24	–	–	–	–	–	–
1777	189	25	–	–	–	–	–	–
1778	191	24	–	–	–	–	–	–
1780	197	45	–	–	–	–	–	–
1781	200	46	–	–	–	–	–	–
1782	–	–	71	49	176	65	51	35
1783	–	–	75	55	209	82	54	36
1784	–	–	245	112	218	82	215	76

Из табл. 1 видно, что количество чиновников – носителей табельных чинов – варьировалось от 10 до 23 % от общего числа чиновничества в этом регионе в период, когда официально имперское административно-территориальное устройство еще не было распространено на малороссийские земли (это произошло в 1782 г.). С 1782 по 1784 г. (после введения здесь имперского устройства, но до запрета Екатерины II пользоваться местными чинами) чины по Табели о рангах тут уже имели в среднем 52,5 % государственных служащих и их количество продолжало активно расти. Состоянием на 1796 г. по Киевскому, Черниговскому и Новгород-Северскому наместничествам уже было около 85,5 % гражданских служащих с табельными чинами. Фактически указанная динамика увеличения количества малороссийских чиновников с российскими чинами в этот период показывает интенсивность, с которой происходила ассимиляция национально-региональных управленческих практик с бюрократической системой Российской империи.

После присоединения к Российской империи ряда кавказских регионов там сразу начала устанавливаться имперскаяластная модель. Эти территории очень долго управлялись различными военными органами, которым принадлежала и гражданская власть. Это объясняется постоянными военными конфликтами, которые происходили на Кавказе между Россией и местными народами, которые не желали влияться в политическую и социальную структуры империи. Но и в этих условиях российское правительство пыталось привлекать к действующим на покоренных землях Кавказа органам власти и управления местное население (в первую очередь представителей элит). Им при этом часто предоставлялись российские чины и служебные привилегии, которые содействовали формированию в них лояльности к российской власти. Даже если в регионе возникала проблема обеспечения кадрами государственных учреждений (а на Кавказе она всегда была острой), то власти действовали двумя методами:

1. На службу привлекались чиновники или желающие ими стать из других районов империи, где эта проблема остро не стояла (например, из украинского Левобережья) (ГАХО; Павловский 1904).

2. На этих землях развивалась сеть учебных заведений, где воспитывались и обучались дети местной элиты. Обучение и воспитание, естественно, базировались на идеях покорности имперским порядкам, императору и т. д. Обязательным было изучение русского языка и ряда предметов, которые должны были понадобиться на дальнейшей государственной службе: деловодство, юридические дисциплины.

Российское правительство в процессе инкорпорации земель Кавказа обращалось к практике создания там временных органов управления (эта практика была «классической», поскольку была используема и в Малороссии, и в Бессарабии и др.), которые со временем заменялись на общимперские административные органы. На Кавказе также были сохранены некоторые учреждения, которые в значительной мере опирались на местную специфику в управлении. Но они уже были полностью подчинены высшей имперской администрации.

Например, для кабардинцев, которые проживали в Малой и Большой Кабарде, Екатерина II приказала создать в Моздоке в 1793 г. судебную палату, в которую входили кабардинские князья (но главенствовал там комендант этой крепости). В обеих частях Кабарды было основано несколько судов: три – для рассмотрения дел княжеских семей и три – для узденей (местного дворянства) и крестьян. При этом российское правительство поощряло представителей местных элит к получению табельных чинов, а их детей призывало воспитывать в России. В 1796 г. в этих учреждениях служили 34 чиновника – представители местных элит, из которых 7 уже получили чины по Табели о

рангах (и при этом исключительно военные). Все другие продолжали называться муллами и узденями, пытаясь идентифицировать себя как представителей кабардинской элиты (Месяцеслов 1796: 408). Но уже через несколько лет эти учреждения здесь не упоминаются. Система управления на этих землях была окончательно переформатирована на имперский манер, а все служащие, независимо от национальной принадлежности, перешли на табельную систему чинопроизводства.

Табельными чинами на Кавказе пользовались многие служащие. Сначала большинство из них были военные, которые происходили из других регионов империи и принимали участие в покорении местных народов. Именно они составляли основную массу служащих здешних временных военных (а по функциям – военно-гражданских) органов власти и местных учреждений (судебных, полицейских, финансовых). Большинство гражданских чиновников также были выходцами из разных губерний империи. Представители кавказских элит часто не желали идти служить в новосозданные гражданские учреждения или не соответствовали профессиональным требованиям для занятия тех или иных должностей. Это приводило к тому, что в различных учреждениях, подчиненных имперской администрации, служащие из числа местного населения были редким явлением. Со временем среди них количество желающих служить увеличилось, многие получили образование, необходимое для дальнейшей карьеры в государственных учреждениях. Для тех, кто осознал неотвратимость инкорпорации Кавказа в российский имперский простор, служба воспринималась как возможность реализовать себя в новых общественно-политических условиях и даже занять особое место в социальной иерархии, попав в «касту» имперского чиновничества. Таким образом, когда такие люди попадали в эти уже некоторое время функционировавшие на землях Кавказа учреждения, они были настроены на действовавшие там правила. А система табельных чинов могла обеспечить чиновников кавказского происхождения большими возможностями успешно реализовать себя на имперской службе и ассимилироваться в новых социокультурных условиях, избегая конфликтов.

Поэтому чины по Табели о рангах широко использовались в имперских органах власти и управления, которые функционировали на территории Кавказа как в период его постепенной инкорпорации в Российскую империю, так и во времена, когда все сферы жизни на этих землях полностью функционировали согласно имперской модели. Это подтверждается количеством чиновников гражданских государственных учреждений в различных регионах Кавказа в конце XVIII – в первой половине XIX в., которые имели чины по Табели о рангах (табл. 2–5).

Таблица 2

**Количество гражданских чиновников в Кавказском наместничестве,
которые имели чины по Табели о рангах (1786–1796 гг.).**

Показатель	Год										
	1786	1787	1788	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796
Всего чиновников	124	186	204	194	206	179	186	181	176	172	230
С военными и гражданскими чинами	120	165	168	179	178	153	151	147	161	156	173

Таблица 3

**Количество гражданских чиновников в Кавказской губернии,
которые имели чины по Табели о рангах (1803–1810 и 1815–1820 гг.).**

Показатель	Год												
	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1815	1816	1818	1819	1820
Всего чиновников	60	65	73	85	79	77	84	85	101	89	97	97	126
С военными и гражданскими чинами	57	63	70	81	77	76	84	85	100	88	93	93	116

Таблица 4

**Количество гражданских чиновников в Грузии,
которые имели чины по Табели о рангах (1802–1810 и 1815–1820 гг.).**

Показатель	Год													
	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1815	1816	1818	1819	1820
Всего чиновников	13	69	74	86	93	88	109	103	117	109	106	84	110	122
С военными и гражданскими чинами	13	35	40	60	55	55	73	78	96	93	100	81	106	117

Таблица 5

**Количество гражданских чиновников в Имеретии,
которые имели чины по Табели о рангах (1815–1821 гг.).**

Показатель	Год					
	1815	1816	1818	1819	1820	1821
Всего чиновников	20	20	15	17	15	14
С военными и гражданскими чинами	10	10	11	13	12	12

Почти все те, кто в течение 1802–1820 гг. в Грузии не имел чинов по Табели о рангах, относились к числу местных князей и дворян. Они, как правило, занимали ответственные, но не ключевые должности. Так, судьями и исправниками в уездных или земских судах назначались российские чиновники, а грузины были заседателями. Секретарями, которые в значительной мере влияли на ход решения дел в этих учреждениях и вели документацию, чаще были тоже российские служащие.

Примечательным является тот факт, что в Грузии из среды местной элиты было позволено выбирать так называемых моуравов (приставов), которые должны были надзирать за сбором налогов с крестьян и рассматривать мелкие гражданские дела. При этом данные, которые приводятся по Грузии в Месяцесловах, указывают на то, что часто должности моуравов оставались вакантными, а их помощниками назначались российские чиновники. Некоторые из этих должностей все же заполнялись представителями местной знати, но они звание моурава, вероятно, воспринимали скорее как почетное, поскольку уже имели достаточно высокие имперские чины, а иногда и ордена (т.е. были настроены на имперскую модель управления). Возможно, таким образом российская власть влияла на формирование в них лояльности к имперским реалиям и лишь после этого они становились желанными кандидатами на государственные должности.

Состоянием на 1815 г. в Имеретии еще не была введена российская гражданская администрация, поэтому считалось, что территория эта «управляется военными чиновниками и по прежним той земли обычаям». Кроме представителей военной администрации в Имеретии были три владетельных князя – Мингрельский, Гурийский и Абхазский, которые управляли на своих землях «при прежних своих правах». При этом двое из них уже в 1815 г. имели чины генерал-майоров российской армии, и все трое были награждены российскими орденами Св. Анны высшей I степени (князь Мингрельский Л.Г. Дадиани имел еще и орден Св. Владимира II степени) (Месяцеслов 1815: 519–520).

Как видно из табл. 5, количество «военных чиновников», которые принимали участие в управлении Имеретией, было небольшим. Часть из них составляли местные князья и дворяне. Некоторые из них имели российские чины. Среди чиновников, которые имели табельные чины в течение указанного периода, количество служащих с гражданскими чинами варьировалось от 15 до 35 %, а среди военных – от 35 до свыше 60 %.

Со временем административные органы в этом крае уже были представлены не только Имеретинским временным правительством. Здесь появились судебные и полицейские органы, таможни и т.п.

Количество чиновников также резко выросло. Так, уже в 1825 г. в Имеретии насчитывалось 94 чиновника, из которых 62 пользовались имперскими чинами (Месяцеслов 1825: 458–462).

Кавказские земли присоединялись к Российской империи постепенно. Во многих регионах имперское правительство сначала на некоторое время сохраняло элементы местных управленческих практик, в том числе правителями там часто оставались представители местных элит высшего уровня. Например, состоянием на конец 1837 г. властные функции в Мингрельском и Абхазском княжествах выполняли местные князья, в Элисуйском султанстве – султан, Аварском ханстве – хан, Тарковском шамхальстве – владелец с титулом шамхала, Джангутаевском, Мехтулинском, Казикумиском и Юринском ханствах – владельцы (часто наследные) (Генерал 1859: 141–146).

Их власть не была абсолютной, поскольку фактически предоставлялась и контролировалась российским монархом. К тому же, чтобы создать ощущение причастности к имперской управленческой системе, всем этим ханам, владельцам, князьям, султанам были пожалованы высокие чины по Табели о рангах (как военные, так и гражданские). Чины достаточно щедро, но при условии лояльности к российскому правительству, раздавались и ближайшим родственникам этих правителей. Так, члены вельможных грузинских семейств, которые переехали в Россию, получили от императора большие привилегии в виде денежного содержания, чинов, крепостных и т. д. После окончательного присоединения Грузии к Российской империи и решения Государственного Совета от 28 ноября 1801 г. грузинские царевичи, которые пребывали в Петербурге, получили от имперского правительства высокие (в основном военные) чины, содержание в 10 тыс. руб. ежегодно каждому. Им также позволялось выбрать для проживания один из губернских городов – Киев, Калугу, Курск, Воронеж, Харьков или Астрахань, – где жить было дешевле, чем в столице. Те князья и члены грузинской царской семьи, которые остались на Кавказе, теряли значительную часть своего материального состояния и социального статуса (Дубровин 1897: 225, 251).

Интеграция бессарабских земель с Российской империей также сопровождалась привлечением представителей местной элиты к новому управленческому аппарату, который устанавливался в крае российским правительством. Это сопровождалось и распространением системы чинопроизводства по Табели о рангах. В Бессарабской области по состоянию на 1815 г. на различных гражданских должностях служили 60 чиновников (табл. 6), из которых 12 пользовались старыми местными титулами: спатарь, пагорник, стольник и др. (Месяцеслов 1815: 526–529). Со временем доля служащих с такими

титулами в общей чиновной массе уменьшалась в пользу носителей табельных чинов и составляла в 1823 г. 9 чел. из 215, в 1825 г. – 7 из 258, в 1830 г. – 3 из 235 (Дегтярев 2014: 95). Там же в 1815 г. из 23 чиновников областного уровня служили 8 чел. «из числа молдавских бояр и помещиков». Все занимали должности советников, четыре из которых позже вошли в состав созданного 4 июля 1816 г. Бессарабского областного временного комитета, который иерархически считался выше областного правительства и деятельность которого направлялась на разработку нового административного регламента, якобы согласованного с местными традициями. Около 1820 г. преимущественное большинство этих высокопоставленных чиновников молдавского происхождения уже имело высокие российские (хотя и не самые большие) чины – надворных советников, коллежских асессоров и др. К сожалению, нам не известно, какое количество чиновников – выходцев из местных элит принадлежало к не молдавскому этносу, например бессарабским русинам. Скорее всего, их процент был минимален.

Таблица 6
Количество гражданских чиновников в Бессарабской области,
которые имели чины по Табели о рангах (1815–1835 гг.).

Показатель	Год								
	1815	1816	1820	1823	1825	1827	1828	1830	1835
Всего чиновников	60	59	127	215	258	274	290	235	235
С военными и гражданскими чинами	32	45	72	156	208	227	249	197	197

Приведенный выше материал указывает на то, что в исследуемый период чин играл важную политическую роль. Причем не только для представителей элит национальных регионов, но и для тамошних выходцев из непривилегированных сословий. По нашему мнению, раздача табельных чинов имела еще и мощный психологический эффект для тех служащих-нероссиян, которые их получали. Можно предположить, что подход правительства в этом отношении опирался в том числе на следующую идею: табельный чин определял место его носителя как в бюрократическом пространстве империи, так и в социальном. Поэтому государственный служащий не российского происхождения с таким чином со временем должен был начать осознавать себя именно как элемент российского имперского социума. А его дети и тем более внуки должны были рождаться с таким осознанием. Часто именно так и было. А эффект достигался еще быстрее, если чин подкреплялся какими-либо дополнительными привилегиями,

орденами, подарками и др. К тому же, чтобы ускорить этот процесс, на ответственные должности в национальных регионах, особенно в период распространения там российского законодательства, могли назначаться выходцы из них же. Это, как правило, были бывшие представители местной элиты высшего уровня, за которыми российская власть признала права дворянства, предоставив дополнительные титулы, земли, крепостных и, безусловно, высокие табельные чины (гражданские, военные или придворные). Такие люди в результате становились наиболее активными поборниками введения на землях своей родины имперских порядков. Говоря о таких ассимилированных чиновниках на украинских землях, канадский исследователь З. Когут считал, что это стало примером «имперского использования украинской новой шляхты для уничтожения украинских институций». При этом он приводил пример, когда Екатерина II приказала П. Румянцеву начать подготовку к внедрению на территории бывшей Гетманщины в действие «Учреждения о губерниях» (от 1775 г.). Для помощи в этом вторым губернатором так называемой Малороссии был назначен А. Милорадович (Когут 1996: 187). Он уже успел получить к этому времени ряд российских орденов и имел военный чин генерала-поручика (Месяцеслов 1780: 439). К таким сановникам-ассимиляторам относятся и известные А. Безбородько и В. Кочубей, поскольку они считали империю своей страной (Венгерська 2013: 73). Выше мы приводили подобные примеры и по кавказским регионам (например, владетельные князья в Имеретии).

Поступая на службу в учреждения, которые якобы сохраняли местную специфику в управлении (опирались на местные национальные правовые традиции), и соглашаясь при этом на имперскую систему получения чинов, служащие очень быстро начинали идентифицировать себя как элемент российского бюрократического механизма, как носителей определенного объема властно-управленческих функций. Это способствовало формированию определенной лояльности с их стороны к существующему режиму.

В определенной степени такое состояние вещей позволило многим народам, присоединенным к Российской империи, сохранить собственную элиту (хотя и много в чем искаженную). Последняя же через полученные в новых условиях возможности смогла сохранить ряд национальных традиций, элементы исторической памяти своих народов и т.п. Например, на землях украинского Левобережья именно из местной бывшей старшины, шляхты и их потомков – позже представителей уже имперской служебной элиты – сформировался, по словам С. Екельчика, «руководитель национального возрождения – интеллигенция» (Екельчик 2010: 111). Именно эти люди в значитель-

ной мере и стали здесь носителями политического, исторического сознания. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить украинских писателей и поэтов - от Котляревского до Квитки, Гребинки, Кулиша, историков и философов Бантыша-Каменского, Марковича, Максимовича, Каразина, Мартоса и многих других (Грабович 2003а: 508). Все они – представители украинской национальной элиты (как социальной, так и интеллектуальной) – занимали разные по статусу должности в имперских властных и научных учреждениях. Их участие в деле сохранения и интерпретации исторической памяти, национального сознания описано в работах З. Когута, Г. Грабовича и других исследователей (Грабович 2003б; Когут 2004а; Когут 2004б; Когут 2004с).

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что табельные чины были чрезвычайно важным элементом бюрократического механизма Российской империи. Более всего их значимость проявилась именно в конце XVIII – первой половине XIX в. В то время они служили не просто признаком служебного и социального статуса чиновника. Чины стали одним из тех средств, с помощью которых российское правительство реализовывало свою имперскую политику, унифицируя управленческие практики и в определенной степени социальные структуры присоединенных к империи национальных регионов по общероссийскому образцу (лево- и правобережные украинские земли, Прибалтика, Кавказ, Бессарабия и т. д.). В том числе с помощью чинов в какой-то мере происходило влияние на национальное сознание представителей элит присоединенных к Российской империи народов.

ЛИТЕРАТУРА

Блиева 1984 - Блиева З.М. Административные и судебные учреждения на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 195 с.

Бойко 2006 - Бойко В.Н. Российская государственная служба. Национальные и исторические особенности ее возникновения и развития. Хабаровск, 2006. 143 с.

Венгерська 2013 - Венгерська В.О. Українські проекти та націтворення в імперіях Романових та Габсбургів (кінець XVIII – початок ХХ ст.). Житомир, 2013. 448 с.

Генерал 1859 - Генерал от инфanterии Евгений Александрович Головин // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе / Под ред. С. Новоселова. Вып. 37–47: Жизнеописание генерала от инфanterии Евгения Александровича Головина. СПб., 1859. 178 с.

ГАХО - Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 7. Д. 211.

Документы (списки, рапорты, отношения) о чиновниках Харьковской губернии, поступивших на службу в Верховное Грузинское правительство, 1802 г.

Грабович 2003а - Грабович Г. Ще про «неісторичні» нації і «неповні» літератури // Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, ессеї, полеміка. К., 2003. 631 с.

Грабович 2003б-Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, ессеї, полеміка. К., 2003. 631 с.

Дегтярев 2014 - Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Русин. 2014. № 1. С. 91–104.

Дубровин 1897 - Дубровин Н. Георгий XII последний царь Грузии и присоединение ее к России. 2-е изд. СПб., 1897. 254 с.

Евреинов 1887 - Евреинов В.И. Гражданское чинопроизводство в России: Исторический очерк. СПб., 1887. 146 с.

Єкельчик 2010-Єкельчик С. Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX ст. К., 2010. 272 с.

ІРНБУ - Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 61. № 1084. 17 л.

Кекелия 1975 - Кекелия М.М. Судебная организация и судебный процесс в Грузии (II пол. XVIII – I пол. XIX в.): дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1975. 409 с. (на грузинском языке).

Когут 1996 - Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830. К., 1996. 317 с.

Когут 2004а - Когут З. Розвиток малоросійської самосвідомості і українське національне будівництво // Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К., 2004. С. 80–101.

Когут 2004б - Когут З. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні // Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К., 2004. С. 218–243.

Когут 2004с - Когут З. Повстання Хмельницького, образ євреїв і формування української історичної пам'яті // Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. К., 2004. С. 244–271.

Левин 2004 - Левин Л.З. Чинопроизводство в России XV – начала XX в. (Историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 161 с.

Макажанова 2010 - Макажанова З.Ш. Проблема формирования и своеобразие деятельности казахского чиновничества в системе органов колониального управления царизма (вторая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 28 с.

Месяцеслов 1780 - Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. 479+XVII с.

Месяцеслов 1796 - Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. XIV + 464 с.

Месяцеслов 1815 - Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий

штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1815, часть вторая. СПб., 1815. 532+VIII+96 с.

Месяцеслов 1825 - Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1825, часть вторая. СПб., 1825. VII+483 с.

ПСЗ - ПСЗ-1. Т. XXII. № 16117.

Павловский 1904 - Павловский И.Ф. О приглашении на службу в Грузию чиновников из Малороссии // Киевская старина. 1904. № 5. С. 58–60.

Павловский 1906 - Павловский И.Фр. К истории полтавского дворянства 1802–1902 г. Очерки по архивным данным. Полтава, 1906. Вып. 1. 277+XLI с.

Твалиашвили 1977 - Твалиашвили М.А. Сословно-представительная организация восточногрузинского дворянства в 1803–1917 годах: дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1977. 193 с.

Токъ 1997 - Токъ С.М. Дзяржкауны апарат царызму у Беларусі у 30-60-х гг. XIX ст. (структурна, функцыя, чыноуніцкі корпус): аутареф. дыс. ... канд. гістар. навук. Мінск, 1997. 23 с.

Шандра 2009 - Шандра В. «Губернии на особых правах и привилегиях состоящие...» як політичний проект // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. К., 2009. Вип. 3. С. 191–204.

Шепелев 1977 - Шепелев Л.Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. 153 с.

Bennett 1993 - Bennett H.A. Chiny, ordena, and officialdom // Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century. London, 1993. P. 162–189.

Bugrov 2015 - Bugrov Konstantin D. Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770) // Bylye Gody. 2015. Vol. 36, is. 2. P. 245–253.

Hassell 1970 - Hassell J. The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century // Slavic Review. 1970. Vol. XXIX, № 2. P. 283–299.

REFERENCES

Blieva, Z.M. (1984) *Administrativnye i sudebnye uchrezhdeniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – pervoy treti XX v.* [Administrative and judicial institutions in the North Caucasus in the late 18th – early 19th centuries]. History Cand. Diss. Leningrad.

Boyko, V.N. (2006) *Rossiyskaya gosudarstvennaya sluzhba. Natsional'nye i istoricheskie osobennosti ee vozniknoveniya i razvitiya* [Russian State Service. National and historical features of its foundation and development]. Khabarovsk: [s.n.]

Vengers'ka, V.O. (2013) *Ukrains'ki projekti ta natsiotvorennya v imperiyakh Romanovikh ta Gabsburgiv (kinets' XVIII – pochatok XX st.)* [Ukrainian projects and nation-building in Hapsburg and Romanov empires (the late 18th – 20th centuries.)]. Zhitomir: O.O. Evenok.

Novoselov, S. (ed.) (1859) *Kavkaztsy ili podvigi i zhizn' zamechatel'nykh lits, deystvovavshikh na Kavkaze. Vyp. 37–47: Zhizneopisanie generala ot infanterii Evgeniya Aleksandrovicha Golovina* [Caucasians, or exploits and life of outstanding people in the Caucasus. Biography of General Eugene Aleksandrovych Golovin]. St. Petersburg.

State Archives of Kharkiv Region. (1802) *Dokumenty (spiski, raporty, otnosheniya) o chinovnikakh Khar'kovskoy gubernii, postupivshikh na sluzhbu v Verkhovnoe Gruzinskoe pravitel'stvo, 1802 g.* [The documents (lists, reports, addresses) about officials of Kharkov province, who were employed by the Supreme Georgian Government], 1802, Fund 3, List 7, File 211.

Grabovich, G. (2003) *Do istorii ukrains'koj literaturi: Doslidzhennya, essei, polemika* [On the history of Ukrainian literature: Research, essays, polemics]. Kyiv: Osnovi.

Degtyarev, S.I. (2014) Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries. *Rusin.* 1. pp. 91-104.

Dubrovin, N. (1897) *Georgiy XII posledniy tsar' Gruzii i prisoedinenie ee k Rossii* [Georgiy XII last king of Georgia and its annexation to Russia]. 2nd. ed. St. Petersburg: D.V. Chichindaze.

Evreinov, V.I. (1887) *Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii: Istoricheskiy ocherk* [Civil promotion in rank in Russia: A historical review]. St. Petersburg: Suvorin.

Yekel'chyk, S. (2010) *Ukraïnofili: svit ukraїns'kikh patriotiv drugoi polovini XIX st.* [Ukrainophiles: World Ukrainian patriots of the late 19th century]. Kyiv: K.I.C. Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine. Fund 61. 1084.

Kekeliya, M.M. (1975) *Sudebnaya organizatsiya i sudebnyy protsess v Gruzii (II pol. XVIII – I pol. XIX v.)* [Judicial organization and trial in Georgia (the late 18th – early 19th centuries)]. Law Cand. Diss. Tbilisi.

Kogut, Z. (1830) *Rosiys'kiy tsentralizm i ukraїns'ka avtonomiya. Likvidatsiya Get'manshchini, 1760–1830* [Russian centralism and Ukrainian autonomy. The liquidation of Hetmanate, 1760–1830]. Kyiv: Osnovi.

Kogut, Z. (2004a) *Korinnya identichnosti. Studii z rann'omodernoї ta modernoї istoriї Ukrayni* [Roots identity. Studies in the early modern and modern history of Ukraine]. Kyiv: Kritika. pp. 80-101.

Kogut, Z. (2004b) *Korinnya identichnosti. Studii z rann'omodernoї ta modernoї istoriї Ukrayni* [Roots identity. Studies in the early modern and modern history of Ukraine]. Kyiv: Kritika. pp. 218-243.

Kogut, Z. (2004c) *Korinnya identichnosti. Studii z rann'omodernoї ta modernoї istoriї Ukrayni* [Roots identity. Studies in the early modern and modern history of Ukraine]. Kyiv: Kritika. pp. 244-271.

Levin, L.Z. (2004) *Chinoproizvodstvo v Rossii KhV – nachala KhKh vv. (Istoriko-pravovoy aspekt)* [Promotion in rank in Russia in the 15th – early 20th centuries. (Historical and legal aspects)]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.

Makazhanova, Z.Sh. (2010) *Problema formirovaniya i svoeobrazie deyatel'nosti kazakhskogo chinovnichestva v sisteme organov kolonial'nogo upravleniya tsarizma*

(*vторая половина XIX в.*) [The formation and uniqueness of the Kazakh officials in the system of tsarist colonial administration (the late 19th century)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.

Imperial Academy of Sciences. (1780) *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1780* [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1780]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Imperial Academy of Sciences. (1796) *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1796* [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1796]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Imperial Academy of Sciences. (1815) *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii, na leto ot Rozhdestva Khristova 1815* [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1815]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Imperial Academy of Sciences. (1825) *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob ili Obshchiy shtat Rossiyskoy imperii, na leto ot Rozhdestva Khristova 1825* [The Menologion and the general staff of the Russian Empire in 1825]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire. Vol. 22. 16117.

Pavlovskiy, I.F. (1904) O priglashenii na sluzhbu v Gruziyu chinovnikov iz Malorossii [About the invitation an officials from Ukraine to serve in Georgia]. *Kievskaya starina*. 5. pp. 58-60.

Pavlovskiy, I.F. (1906) *K istorii poltavskogo dvoryanstva 1802–1902 g. Ocherki po arkhivnym dannym* [On the history of the Poltava nobility in 1802–1902. Essays on the archive data]. Poltava.

Tvaliashvili, M.A. (1977) *Soslovno-predstavitel'naya organizatsiya vostochnogruzinskogo dvoryanstva v 1803–1917 godakh* [The social representative organization of the Eastern Georgian nobility in 1803–1917]. History Cand. Diss. Tbilisi.

Tokts', S.M. (1997) *Dzyarzhauny aparat tsaryzmu u Belarusi u 30-60-kh gg. XIX st. (struktura, funktsyi, chynounitski korpus)* [Tsarist state apparatus in Belarus in 1830-1860-ies (structure, functions, officials)]. History Cand. Diss. Minsk.

Shandra, V. (2009) “Gubernii na osobykh pravakh i privilegiyakh sostoyashchie...” yak politichniy proekt [“Provinces on special rights and privileges consist ...” as a political project]. In: Smoliy, V.(ed.) *Regional'na istoriya Ukrayini* [Regional History of Ukraine]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS. pp. 191-204.

Shepelev, L.E. (1977) *Otmenennye istoriey. Chiny, zvaniya i tituly v Rossiyskoy imperii* [Cancelled by history. Grades, ranks and titles in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka.

Bennett, H.A. (1993) Chiny, ordena, and officialdom. In: Rowney, K. et al. *Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. London. pp. 162-189.

Bugrov, K.D. (2015) Russia's Territorial Size as a Concept for International Politics: Nikita Panin's Northern System (1760–1770). *Bylye Gody*. 36(2).

pp. 245-253.

Hassell, J. (1970) The Implementation of the Russian Table of Ranks during the Eighteenth Century. *Slavic Review*. 29(2). pp. 283-299.

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сумского государственного университета, главный редактор научного исторического журнала «Сумський історико-архівний журнал» (Сумы, Украина).

Degtyarev Sergey – Sumy State University (Sumy, Ukraine).

E-mail: starsergo@bigmir.net

УДК 94 (477) "1939-1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/13

ХОЛМСЬКІ ПОДІЇ ТА ЇХ ТРАГІЧНЕ ВІДЛУННЯ НА ВОЛИНІ ТА ГАЛИЧИНІ В РОКИ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович², А.І. Смирнов³

¹Національний університет «Острозька академія»

Україна, 35800, Рівненська обл., м. Острог, вул. Семінарська, 2

E-mail: trofymovych@hotmail.com

²Академія сухопутних військ ім. гетьмана Петра Сагайдачного

Україна, 79012, г. Львів, вул. Героїв Майдану, 32

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

³Національний університет «Острозька академія»

Україна, 35800, Рівненська обл., м. Острог, вул. Семінарська, 2

E-mail: andrii.smyrnov@oa.edu.ua

Авторське резюме

Серед низки проблем, які стали ключовими в історіографії українсько-польського міжетнічного конфлікту в роки Другої світової війни, слід виокремити питання його початку та поширення. Якщо українські вчені схильні вести цей відлік від початку Другої світової війни на Холмщині, українські мешканці якої довго іменувалися русинами, то для польських істориків таким відправним пунктом у більшості випадків є трагічне протиборство на Волині в 1943 р.

Інформація про спровокований гітлерівцями польський терор проти українського населення Холмщини потрапила на Волинь, що, разом з іншими чинниками, привело до убивств тут поляків, реакція на які, своєю чергою, підштовхнула польське підпілля в Галичині до активізації антиукраїнських дій. Посилювалася взаємна ворожнечу і участь українців та поляків у німецьких поліції й адміністративних органах, а також співпраця поляків з радянськими партизанами. Відкриті збройні сутички на Холмщині згасли з переходом радянсько-німецького фронту, хоча і після цього конфлікт не вичерпався, набув більш прихованих форм.

Ключові слова: Холмщина, Волинь, українсько-польський конфлікт, Організація українських націоналістів (ОУН), німці.

ХОЛМСКИЕ СОБЫТИЯ И ИХ ТРАГИЧЕСКИЕ ОТГОЛОСКИ НА ВОЛЫНИ И ГАЛИЧИНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²,
А.И. Смирнов³**

¹Национальный университет «Острожская академия»
Украина, 35800, Ровенская обл., г. Острог, ул. Семинарская, 2
E-mail: trofymovych@hotmail.com

²Академия сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного
Украина, 79012, г. Львов, ул. Героев Майдана, 32
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

³Национальный университет «Острожская академия»
Украина, 35800, Ровенская обл., г. Острог, ул. Семинарская, 2
E-mail: andrii.smyrnov@oa.edu.ua

Авторское резюме

Среди ряда проблем, которые стали ключевыми в историографии украинско-польского межэтнического конфликта в годы Второй мировой войны, следует выделить вопрос о его начале и распространении. Если украинские ученые склонны вести этот отсчет от начала Второй мировой войны на Холмщине, украинские жители которой долго именовались русинами, то для польских историков таким отправным пунктом в большинстве случаев является трагическое противостояние на Волыни в 1943 г. Информация о спровоцированном гитлеровцами польском терроре против украинского населения Холмщины попала на Волынь, что, наряду с другими факторами, привело к убийствам здесь поляков, реакция на которые в свою очередь подтолкнула польское подполье на Галичине к активизации антиукраинских действий. Усиливало взаимную вражду и участие украинцев и поляков в немецких полиции и административных органах, а также сотрудничество поляков с советскими партизанами. Открытые вооруженные столкновения на Холмщине погасли с переходом советско-германского фронта, хотя и после этого конфликт не был исчерпан, а приобрел более скрытые формы.

Ключевые слова: Холмщина, Волынь, украинско-польский конфликт, Организация украинских националистов (ОУН), немцы.

KHOLM EVENTS AND THEIR TRAGIC ECHO ON VOLHYNIA AND GALICIA DURING THE WORLD WAR II

V.V. Trofymovych¹, L.V. Trofymovych², A.I. Smyrnov³

¹The National University of Ostroh Academy

2 Seminarska Str., Ostroh, Rivne region, 35800, Ukraine

E-mail: trofymovych@hotmail.com

²Army Academy named after Hetman Petro Sahaydachnyi

32 Heroiv Maidanu, Lviv, 79012, Ukraine

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

³The National University of Ostroh Academy

2 Seminarska Str., Ostroh, Rivne region, 35800, Ukraine

E-mail: andrii.smyrnov@oa.edu.ua

Abstract

Among a number of issues that have become key issues in the historiography of the Ukrainian – Polish interethnic conflict during the World War II, it is important to single out a question of its origin and spreading. If Ukrainian historians are used to count from the beginning of the World War II on the Kholm region, citizens of which for a long period of time were called Rusins (Rusyns, Ruthenians), for polish historians tragic confrontation on Volhynia in 1943 is a starting point.

The information about polish terror, provoked by soldiers of Hitler against Ukrainian population, has come to Volhynia. Together with other factors, this spreading of information has led to killings of polish people, reaction on what has pushed polish partisans in Galicia to activate anti-Ukrainian actions. The participation of Ukrainian and Polish people in the police and administrative authorities and also collaboration of polish people with Soviet partisans were intensifying mutual hostility. Opened military battles on Kholm region has decreased together with transition of the Soviet – German front, however, even after it the conflict haven't been resolved, it had acquired new forms.

Keywords: Volhynia, Kholm region, Ukrainian-Polish conflict, Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), Germans.

Представлена тема залишається вельми дискусійною в українській і польській історіографіях та дражливим аспектом сучасних взаємин двох сусідніх народів. Зокрема, принциповим залишається

питання про причини українсько-польського кровопролиття, про те, хто першим розпочав його (Шаповал 2004: 304). Існують різні версії, але факти свідчать, що воно розпочалося на Холмщині, українські мешканці якої довго іменувалися русинами.

Автори поставили за мету простежити наростання українсько-польського конфлікту на Холмщині та його вплив на трагічні події на Волині та Галичині в роки Другої світової війни.

Приєднавши безпосередньо до Третього райху деякі польські райони на півночі та північному-заході загальною площею приблизно 90 тис. кв. км з 10 млн мешканців, нарешті Центральної Польщі декретом від 12 жовтня 1939 р. А. Гітлер утворив генеральне губернаторство (ГГ) з центром у Krakovі – різновид колоніальної території, якою керував цивільний німецький уряд на чолі з генерал-губернатором, що безпосередньо підлягав фюреру. Загалом воно охоплювало територію у 95 тис. кв. км із населенням 12 млн осіб. Тоді у ГГ опинилися Лемківщина, частина Надсяння, Холмщина з півднем Підляшшя, що складало 16 тис. кв. км українських етнічних земель із 1,2 млн мешканців, в тому числі майже 500 тис. українців і близько 200 тис. римо-католиків, для яких українська мова була рідною (Макар 2011: 394).

Початковий період Другої світової війни характеризувався, з одного боку, справжнім національним відродженням Закерзоння, з іншого – наростанням антиукраїнських настроїв серед поляків, які вважали, що відродження відбувається коштом дедалі більших їх утисків окупаційною владою (Українсько-польські стосунки 2011: 51–52). Справа в тому, що до липня 1941 р. у генеральному губернаторстві на поляків припадало 65 % населення. Утримувати їх у покорі окупантам було набагато складніше, ніж контролювати якихось 600–700 тис. українців (24 % відсотки населення краю). Тому німці планували використовувати українських мешканців проти польських (Макарчук 2004: 338).

Сподіваючись на негативну реакцію польського населення, окупанти навмисно всіляко рекламивали «привілейоване» становище українців. Так, генерал-губернатор Ганс Франк заявив після зустрічі з Гітлером на початку березня 1940 р.: «Фюрер робить наголос на тому, щоб український елемент у генеральній губернії визнати таким, що повинен бути розцінений як антипольський і пронімецький» (цит. за: Боляновський 2005: 69). Правда, значно пізніше, 14 січня 1944 р., Г. Франк записав у своєму щоденнику: «Якщо колись виграємо війну, то не матимемо нічого проти того, щоб зробити з поляків і українців і усього, що тут волочиться, рубанку. Але в даний час йдеться лише про те, чи вдасться утримати у спокої, дисципліні та праці майже

15 млн ворожого і такого, що організовується проти нас, племені» (Piotrowski 1956: 407).

Така політика вела до того, що на території генерального губернаторства стосунки між українцями та поляками постійно загострювалися, оскільки останні оцінювали дії українців як державну «зраду». З цього приводу в листі від 27 березня 1940 р. до активного учасника суспільно-політичного життя української еміграції Кості Мацієвича його колега Іван Фещенко-Чопівський писав з Krakova: «Поляки дуже лютують і грозяться. Не дай Бог, як би повернулася моцарствова Польща – бо тоді вона нам покаже» (цит. за: Кентій 1999: 222).

Наслідки політики протиставлення через фаворизацію дали себе знати дуже швидко. Не виключено, тому саме терени Холмщини стали згодом місцем перших спалахів польсько-українського конфлікту, що переросли у війну (Українсько-польські стосунки 2011: 52).

З того часу тут починається планове винищенння українського населення. Польський дослідник Тадеуш Анджей Ольшанський пише, що до проливання крові дійшло уже в 1941 р., і що то була переважно українська кров. Восени того року боївки народовців стратили у ГГ низку українських діячів Холмщини, а до осені наступного – близько 400 осіб (Макарчук 2004: 343; Łukaszów 1989: 165). Загалом, за інформацією українського підпілля, від серпня 1942 р. до серпня 1943 р. на Холмщині вбито 543 українці (Українсько-польські стосунки 2011: 80).

Справа в тому, що активна діяльність українських організацій, участь українців у місцевих адміністративних органах викликала вельми негативну реакцію польського підпілля, яке вважало, що ці зусилля скеровані проти поляків та їхнього впливу. У зв'язку з цим вже перші польські виступи проти німецьких окупантів на Холмщині були також спрямовані проти українських активістів, яких поляки трактували як колаборантів. Масла у вогонь українсько-польського розбрата додало і те, що взимку – навесні 1942 р. тут з'являються радянські та польські прорадянські партизанські відділи, що в українських документах фігурують як «польсько-большевицькі банди», які, своєю чергою, були відверто вороже налаштовані до «свідомого українського елементу, а зокрема, націоналістичного» (Українсько-польські стосунки 2011: 60). «На терені Холмщини, – зазначалось у «Хроніці подій на українських землях» за липень 1942 р., – польсько-большевицькі диверсії були у звітовому періоді спрямовані головним чином проти членів або симпатиків ОУН і взагалі проти свідомих і активних українських громадян. Їх вбивали» (Robarts Library 1).

Уже незабаром гітлерівці розпочали пацифікаційну акцію, спрямовану на ліквідацію зазначених вище партизанів. Проте українські

селяни не лише не мали від німців жодного захисту в ході цієї акції, а, навпаки, стали її жертвами.

Репресії окупантів охопили насамперед південну частину Холмщини, зокрема т.зв. Замойщину (Замостянський та Грубешівський повіти). Від них потерпали переважно села з українським населенням, в тому числі чимало осіб, які представляли громадський, культурно-освітній, церковний актив. На думку Юрія Гаврилюка, українці, пов'язані не лише з Українським Центральним Комітетом (УЦК), а й оунівським підпіллям, вбачали у таких випадках намагання поляків, які співпрацювали з окупантами, руками останніх знищити національний провід. За деякими підрахунками від гітлерівців тоді загинули сотні місцевих українців, з яких поіменно встановлені 294 особи. Декілька сотень українців були запроторені до в'язниць і концтаборів, передовсім до Аушвіцу та Майданека (Кров українська 2014: 26–27).

Як зауважив Володимир В'ятрович, з погляду українців, поляки нищили їх, використовуючи будь-які придатні для цього можливості. Перші бачили других як ворогів у лавах польського національного підпілля, радянських партизанських формувань і навіть німецьких поліційних сил. Очевидно, об'єктивно в жодному випадку не можна списувати всі понесені українські жертви на рахунок польської сторони. Так само, як не можна на український рахунок записувати ті польські жертви, які впали від рук українських поліцій. Відповільність за них мають нести передусім радянські та німецькі командири, які безпосередньо керували цими акціями. Проте про об'єктивне сприйняття реальності учасниками конфлікту в той час вже не могло бути й мови, і загиблі сприймалися як жертви польсько-української війни.

Керівництво українського підпілля було переконане, що відповідальними за критичні обставини на Холмщині влітку 1942 р. є саме польські підпільні. Проводячи активну антинімецьку боротьбу на територіях, в основному заселених українцями, вони реалізовували два важливих завдання: з одного боку, виконували взяті перед Великою Британією та іншими союзниками зобов'язання щодо розгортання партизанських акцій у німецькому тилу, з іншого, такими акціями підставляли під репресії українське населення, яке могло становити небезпеку для польського руху в майбутньому (В'ятрович 2011: 73–74).

Наприкінці 1942 р. на Холмщині польські боївки здійснили низку репресивних заходів стосовно українців, обвинувачуючи їх у співпраці з окупантами, причому «караючий меч» опустився не лише на голови оунівців, а й неорганізованих українців. Констатуючи це, київський вчений Юрій Шаповал підкреслив: «Саме у відповідь на польські репресії проти українського населення Холмщини, за твер-

дженням оунівських діячів, групи нелегалів на Волині, які переховувалися у лісах, почали здійснювати відплатні репресії щодо польського населення, що з поодиноких перетворилися на постійні напади на польські села і з Волині перекинулись на інші терени Західної України... Події 1942 р. на Холмщині надали імпульс подальшій ескалації польсько-українського насильства» (Шаповал 2004: 305 – 306).

У генеральному губернаторстві, як зазначив американський історик Тімоті Снайдер, багато освічених українців влаштувалися на, безперечно, вигідних посадах: вони працювали журналістами, вчителями, викладачами вищих навчальних закладів, чиновниками тощо. «Співпраця української еліти з німецькою владою, досить раціональна з позиції тих, хто хотів заснувати українську державу та збудувати українську націю, в очах польського руху опору виглядала зрадою, – підкреслив він. – Полякам легше було страчувати українських колабораціоністів, аніж німців, оскільки такі дії навряд чи спровокували б репресії польського цивільного населення з боку німців. Тим очевидніше, що для польського руху опору було набагато легше переслідувати українських колабораціоністів, аніж своїх земляків» (Снайдер 2012: 192).

Отже, гітлерівці певним чином фаворизували українське і польське населення там, де воно було слабшою стороною. Безперечно, ця віроломна тактика створювала у протиборчого підпілля враження про взаємну масову колаборацію з нацистами. Поляки в старій зоні гітлерівської окупації вважали українців вислужниками Третього Райху і постійно завдавали ударів по господарських, культурних, шкільних, церковних установах останніх. Своєю чергою, українці у новій окупаційній зоні на схід від Бугута Сяну сприймали поляків як німецьких холуїв і як тільки почали масштабну збройну боротьбу з загарбниками, то одразу ж поширили її і на поляків (Патриляк 2012: 393).

Посилила взаємну ворожнечу також співпраця певної частини українців і поляків з окупантами в поліції. Відомо, що в лавах шуцманшафтів чимало хто рятувався від вивозу на роботу до Райху, в чому гітлерівці були дуже зацікавлені, оскільки наростаючі проблеми фронту змушували обмежувати кількість німців, залучених до адміністрації. Так, у Люблінському окрузі було 25 відділків української поліції і аж 95 – польської, причому 15 відсотків особового складу останньої працювали у довоєнній державній поліції. Підрозділи гранатової поліції були практично в кожній гміні (Szczesniak 1973: 106). За спогадами члена повітового Українського допомогового комітету (УДК) Грубешова Івана Фура, тутешня «кримінальна поліція до кінця 1942 р. була обсаджена виключно поляками, що її очолював

фольксдойч польського походження. Уряд праці був у польських руках, охороняв поляків перед вивозом до Німеччини, а щоб виконати наложені контингенти, організував їх з-поміж української молоді» (Фур 1992: 880). До речі, окупанти були зацікавлені в тому, щоб поляки й українці виїжджали на роботу до Райху, а тому їм вигідно було нагнітати між ними ворожнечу, бо, рятуючись від взаємної боротьби, частина українців і поляків добровільно зголосувала до виїзду.

Восени 1942 р. з'явився ще один фактор, який істотно впливув на поглиблення українсько-польського протистояння на Холмщині. Тоді шеф служби безпеки Люблінського дистрикту бригаденфюрер СС О. Глобочник, який, до речі, прагнув загального «очищення» генерального губернаторства від євреїв і поляків, вирішив створити на території Замойського повіту зразкову німецьку колонію («Гіммлерштадт»), що мала охопити 116 населених пунктів, з яких передбачалося виселити 110 тис. українських і польських селян. Усвідомлюючи, що польське підпілля буде нападати на неї, окупанти планували розмістити навколо колонії українських селян, переселених із Замойщини, тобто створити «захисний пояс навколо німецької поселенської зони», який прикривав би її від ударів польських партизанів, дислокованих у білгорайських лісах. Гітлерівці передбачали і, як з'ясувалося, слішно, що польський гнів впаде передусім на голови переселених українців (Мотика 2013: 173; Патриляк 2012: 396; Снайдер 2012: 267). У переселенській акції, що тривала з 27 листопада 1942 р. до середини лютого 1943 р. (у червні – серпні продовжена), разом з німцями брала участь українська поліція та українські адміністратори з повітового Українського допомогового комітету, що дало привід полякам звинуватити українців у сприянні окупантам (Патриляк 2012: 396). «Слід відмітити, що при переселенні поляків німці присилають українську поліцію і наказують в грубіянський спосіб з ними обходитись і навпаки, – вказувалось у тогочасному звіті українського підпілля. – Поляки використовують ці акції в своїй пропаганді, горлаючи, що це робиться тільки через українців» (Українсько-польські стосунки 2011: 166). І далі тут підкреслювалося: «Німецька політика на Холмщині визначається поглибленням антагонізму між українцями і поляками. Причому часто використовують поліційні частини одної сторони проти другої. За замордування українця і поляка не перепроводжується жодного слідства» (Українсько-польські стосунки 2011: 168).

На тогочасну нацистську політику стравлювання обох народів вказував комікар держбезпеки УРСР Сергій Савченко у доповідній записці, підготовленій 5 липня 1943 р. на ім'я начальника Українського штабу партизанського руху (УШПР) Тимофія Строкача: «Німецькі окупанти, використовуючи поляків у Західній Україні проти українських

націоналістів, водночас нещадно розправляються з ними у генерал-губернаторстві, для чого частково використовують проти поляків тих же українських націоналістів» (Поляки 2005: 102).

Своєю чергою, польські підпільні повідомляли своєму еміграційному урядові про те, що німці виселяли поляків «руками українців», а, отже, не виключено, «найближчі дні і ночі можуть рясно спливати кров'ю і ясніти загравами пожеж» (Armia Krajowa 1973: 394). До речі, оцінюючи наслідки переселенської акції і втрати українців, голова Грубешівського повітового УДК Антон Хруш з гіркотою поставив риторичне запитання: чи варто було національним громадським організаціям погоджуватися на співпрацю з окупаційною адміністрацією та скеровувати на себе гнів поляків, щоб не мати з боку німців розуміння проблем українського населення, фінансової допомоги для переселенців, гарантії безпеки для українців та їхніх провідників (Макар 2011: 407).

Як бачимо, у ході акції виселення й осадництва окупанти свідомо намагалися спровокувати та підсилити міжетнічний українсько-польський конфлікт, що ім і вдалося. Польські націоналістичні партізани до весни 1943 р. включно, тобто до початку кривавих подій на Волині, вбили не менше 400 представників сільської української інтелігенції і духовенства. Як зауважив російський дослідник О. Гогун, вони влаштовували «терор проти націоналістично налаштованої української еліти, в тому числі і тому, що розуміли: саме в цьому середовищі гніздиться маса «сепаратистів», які мріють про відділення від Речі Посполитої південно-східних окраїн» (Гогун 2012: 145). На його думку, польський терор впливав не лише на українських селян, але й на керівництво політичної організації – ОУН(б), котре розуміло, що нове панування поляків, реальна перспектива якого замаячила наприкінці 1942 р., принесе повторення все того ж польського терору періоду 1930-х рр. Тільки терору, посиленого обставинами нацистської окупації і воєнного часу. «Тому українсько-польське військове зіткнення, – зауважив О. Гогун, – було дуже ймовірним і було б дивним, якби ця війна не розпочалася» (Гогун 2012: 146).

Отже, перше міжетнічне українсько-польське зіткнення у часи воєнного лихоліття було свідомо спровоковане окупантами, які своїми діями спричинили проти українців терор з боку поляків, а останні, свою чергою, власними акціями накликали на українських селян німецькі репресії.

Наслідком нацистської провокації став польський терор проти українців, який почав стрімко переходити від індивідуального до масового терору, до нищення цілих сіл і вбивств їхніх мешканців. Тисячі українських втікачів потягнулися через Західний Буг на Волинь.

Саме ці біженці являли собою «наочну агітацію», що істотно посилила антипольські настрої волинян-українців і принесла жахливі розповіді про трагедію на Забужжі (Кров українська 2014: 27; Патриляк 2012: 15; Яблонський 2013: 15).

Слід підкреслити, що інформація про перебіг польсько-української війни циркулювала між різними регіонами – Холмщиною, Волинню, Галичиною, попри їхню ізольованість. Вона істотно впливала на її посилення. Часто емоційно насищені, не виключено, перебільшені чутки про жертви на одному терені запалювали вогнище ненависті на іншому. Як уже зазначалося, думка про те, що трагічні події на Волині значною мірою були спровоковані потраплянням сюди вісток про антиукраїнські акції на Холмщині, поширені в українській історіографії. Натомість історики Республіки Польща (РП) представляють її як надуману, таку, що служить виправданням, хоча підтвердження цієї думки виявлено у багатьох польських і українських джерелах (Українсько-польські стосунки 2011: 81). Наведемо декілька з них. «Доходили також до нас чутки, що на українських землях за Бугом в т. зв. генеральному губернаторстві польська партизанка жахливо переслідує наш народ, – згадував Михайло Подворняк. – Невідомо, чи ті чутки були правдиві, але вони запалювали наших людей ненавистю до поляків. Розуміється, що в усьому тому була німецька рука, а може й рука більшовиків, щоб звести ті обидва поневолені народи до взаємної боротьби. Тому німці в генеральному губернаторстві тримали українську поліцію для втихомирення польських повстанців, а на Волинь присилали поляків. І розпалилася між поляками і українцями нікому не потрібна братовбивча боротьба. Вона забрала багато невинних жертв з одної сторони, і з другої, і все це вийшло на користь польським ворогам і ворогам нашим. Про всі події на Грубешівщині довідалися українські повстанці на Волині і з такою самою жорстокістю відплатили полякам за кров своїх братів. Не було тоді в людей жодного милосердя, не було найменшої іскри сумління, бо з людей стали звірі... І важко було злагнути, що все це робили ніби якісь християни, які в неділю йшли до церкви чи до костела...» (Подворняк 1981: 175–176).

Інший сучасник тогочасних подій на Волині Феодосій Бохотниця згадував: «У нас було тихо, але ми почули з Холмщини, що там біда – поляки б'ють, нищать наших українських людей. Дітей не щадять, жінок – усіх підряд. Палять там українські села. Як дійшло все це до нас, у наших селях стали збиратися хлопці, рішати: «Давайте допоможімо, бо там біда! Холмщину палять і б'ють!»» (Кров українська 2014: 127).

Як свідчать документи, весною 1943 р. до сотенного Ігоря, котрий діяв у районі Іваничів на Волині, звернулися українці із-за Західно-

го Буга з проханням захистити їх від польських нападів (Сергійчук 2003: 49). Є дані про те, що делегація холмщаків приїжджає з подібним проханням до проводу ОУН і пізніше. Як і раніше, керівники організації знову зверталися до польського підпілля з пропозицією про мирне вирішення всіх проблем, однак позитивної відповіді не отримували (Сергійчук 2003: 50).

Рішення про «деполонізацію» було прийняте на Волині – тобто на іншому березі Бугу. Не виключено, що згаданий «відстріл» на Холмщині став останньою краплею, яка спонукала ОУН до його реалізації (Гогун 2012: 210). Підтвердженням цього є липнева 1943 р. заява ОУН з приводу подій на Волині, в якій, окрім іншого, відображенна реакція організації на злочини на Холмщині: «Невинні жертви німецької провокаційної політики падуть від місяців жертвою масових мордів з боку польських банд. Польські відповільні круги, найкраще проінформовані в тих відносинах, не зробили нічого, щоб вияснити дійсне положення і вплинути на припинення різні українців» (Українсько-польські стосунки 2011: 220). І далі у «Заяві» робився такий висновок: «Зрозуміло, що українська громадська опінія була потрясена цими жалюгідними подіями, і що такий стан не міг не мати впливу на поставу деяких українських елементів до поляків на цих і інших теренах» (Українсько-польські стосунки 2011: 220).

Переконаним у тому, що холмські поляки спровокували міжетнічний конфлікт, був і митрополит Андрей Шептицький. Так, у листі до римо-католицького архієпископа Болеслава Твардовського від 18 серпня 1943 р. він писав: «Поляки під прикриттям т.зв. «фольксдойчерів» два роки всюди, де тільки можуть, вороже виступають проти українців і шкодять їм ще й тепер» (цит. за: Боляновський 2005: 79).

В архіві нових актів у Варшаві нами знайдено матеріал про те, що у Львові в серпні 1943 р. німці «провели польсько-українську конференцію з метою двостороннього примирення». Вони надали польським представникам список, складений українською поліцією, в якому були прізвища 20 українців, убитих поляками. Цей факт «польська сторона не стала заперечувати, але обґрунтувала ці вбивства необхідністю самооборони». Своєю чергою, українські представники заявили, що «український народ зберігає спокій, попри те, що банди польських партизанів мордують українців на Люблінщині» (AAN 1). Зрозуміло, що цей «спокій» довго не протримався.

Вищенаведені заяви ОУН та інші джерела однозначно вказують на поінформованість її проводу щодо польського терору проти українців у ГГ і про вплив холмських подій на ескалацію українсько-польського протистояння на Волині та Галичині. Вони також спростовують думку про те, що хтось нібито міг і не знати, що відбувалося одночасно або

навіть ще раніше на протилежному боці кордону. Факти промовисто свідчать, що все-таки очільники обох підпільних армій уважно стежили за подіями в суміжних регіонах. Адже саме необхідністю зміцнити і посилити опір польським нападам за Бугом і Сяном буде продуктований перехід у березні 1944 р. кількох упівських куренів з Волині та Східної Галичини на Закерзоння (Ільюшин 2003: 178).

На квітень-травень 1943 р. витворюється дивовижна ситуація: українське підпілля вже переходить до відкритого повстання проти окупаційної адміністрації на Волині й Поліссі, натомість поляки все більше намагаються закріпитися в цій адміністрації та її силових структурах, сподіваючись у момент приходу сюди фронту організувати повстання і силами національного підпілля та лояльної до нього польської поліції захопити владу і відновити тут свою державність (Патриляк 2012: 398). Зверхники Армії Крайової (АК) розробили детальні плани повстання і захоплення Львова («бути готовими до боротьби за Львів»), Самбора, Дрогобича, Станіславова, Тернополя. Стосовно Волині, плани передбачали концентрацію наявних тут польських сил у західній частині колишнього Волинського воєводства, оволодіння переправами через Буг, аби забезпечити переміщення польських військ із Люблінщини, гарантувати контроль над Свинаринськими, Землицькими і Смолярськими лісовими масивами, куди слід було передислокувати загони АК із Польщі, а також здійснити підготовчі заходи з метою надійного захисту польського населення від «німців і УПА» (Патриляк 2012: 398–399; Motyka 2006: 301–302; Sowa 1998: 151–152).

Враховуючи вищеперелічені плани польського військово-політичного керівництва, а також зважаючи на дивовижні ситуативні союзи між поляками та більшовиками і поляками та німцями, керманичі Української повстанської армії (УПА) і ОУН (б) на північно-західних землях України постали перед необхідністю застосовувати симетричні дії, а часто навіть діяти на випередження заради збереження єдності українських земель (Патриляк 2012: 399).

Зрозуміти волинські події, на думку Леоніда Зашкільняка, можна тільки поставивши їх у контекст українсько-польської «невідомої війни» ХХ ст., яка тривала від початків українсько-польського протиборства в Галичині до 1947 р. включно. «Фактично це була війна за державність і незалежність з обох боків, – зазначив він, – тільки розуміння цієї незалежності в двох протиборчих таборах було діаметрально протилежним: українці бились за незалежність України проти Польщі, яку вважали загарбником українських земель; поляки ж захищали своє державне право володіти "кресами", не беручи до уваги українських прагнень, зверхно вважаючи, що українці не є і

не можуть бути суб'єктом міждержавних відносин, сприймаючи їх як "національну меншину" на "історичних польських землях". З такої обопільної безкомпромісності в тогочасних умовах не могло виникнути нічого іншого, окрім "братовбивчої війни"... У цій війні, де не було визначеній лінії фронту, і яка мала всі риси міжетнічного конфлікту, жертви були логічним продовженням тотального поборювання ворога» (Зашкільняк 2008: 488; Зашкільняк 2011: 252).

Українські історики наголошують також на тому, що антипольська акція, розпочата бандерівцями навесні 1943 р. на Волині, потрапила на «сприятливий» ґрунт загальної ненависті до поляків з боку українського населення, в очах якого останні виступали гнобителями, окупантами, колонізаторами, а ще й колаборантами. Це часто провокувало стихійні напади українців на польське цивільне населення, в тому числі те, яке не мало стосунку до підпілля. Відомо чимало випадків анархічних дій окремих селянських груп щодо польського населення, які, на жаль, «допустилися кривавої помсти» (Зашкільняк 2008: 490).

Як свідчать документи українського підпілля, поляки масово співпрацювали з окупантами та радянськими партизанами, і це було для нього вагомим аргументом на користь знищення польського населення. Так, у звіті оунівського підпілля із Костопільської округи за травень 1943 р. вказувалося: «Маса ляхів співпрацюють з СД як сексоти, та з більшовицькою партизанкою, де в силу можливості граблять і мордують свідомих українців [...] По виході українців з адміністративних урядів пакуються поляки, де кругом показують свою ворожу антиукраїнську роботу» (Літопис УПА 2007: 245).

Очевидно, що інформація про масову співпрацю з ворогами українського підпілля призводила до того, що в «антиукраїнській роботі» міг бути звинувачений практично кожен поляк. В українців Волині сформувався чіткий стереотип: поляк – значить, «сексот», «ворог». А останніх у ті жахливі часи знищували (Патриляк 2012: 401).

Варто пам'ятати також, що у радянських партизанів, Армії Крайової і Батальйонів хлопських бази розміщувалися в польських селах. Тому упівці знищували останні нерідко з чисто воєнних міркувань, що, звичайно, не може служити виправданням терору. Своєю чергою, поляки точно так само вчиняли з українськими селами, що служили базами для УПА (Гогун 2004: 153).

Ще один важливий аспект – географія польсько-української війни, яка в середині 1943 р. переноситься на Галичину, а у 1944 р. знову розгорнулися антиукраїнські акції на Холмщині.

Вагомий вплив на посилення напруженості міжетнічного конфлікту в Галичині у середині 1943 р. справила одержана тут інформація про антипольські виступи на Волині. «Поляки сильно заактивізувались

наслідком волинських подій, – читаємо у підпільному звіті з липня 1943 р. – Є багато польських втікачів з Волині, особливо в прикордонних повітах Сокаль і Радехів. Поляки роз'юшені на українські виступи на Волині, дишуть на українців полум'ям ненависті і жадобою відплати. Вже готуються з їх сторони активні виступи в сторону українців на терені області...» (Українсько-польські стосунки 2011: 108). На «культминацію настроїв» у Галичині у липні 1943 р., викликану «переходом груп утікачів з Волині через її територію», вказувалось і в одному з тогочасних документів польського підпілля (Сивицький 2005: 233).

Слід зазначити, що у розповсюдженні вогнища польсько-українського протистояння в 1942–1944 рр. спостерігається своєрідний ефект доміно: інформація про антиукраїнські акції на Холмщині потрапляє на Волинь і провокує там масові антипольські виступи, відомості про які, свою чергою, штовхають польське підпілля Галичини до посилення антиукраїнських дій (Українсько-польські стосунки 2011: 108).

З матеріалів українського підпілля випливає, що двосторонні стосунки у Галичині другої половини 1943 р. істотно загострились: «Українство, навпаки, чим раз більше накипає ненавистю до поляків до тої міри, що кожної хвилини готові вирізати поляків до кореня і не буде засміливим твердження, коли скажу, що якраз на тому відтинку українські маси здібні перевести в чин» (Українсько-польські стосунки 2011: 108).

Стосовно тогочасної ситуації на Холмщині, то нових обертів міжетнічна війна почала набирати з появою тут інформації про літні події на Волині. Так, у звіті українського підпілля за вересень 1943 р. з Холмщини вказувалося: «Через міст в Дорогуську перейшло около 900 осіб. Втікачі походили переважно з околиць Любомля... Своїми оповіданнями про «звірства» українців... викликали паніку на усіх теренах та загострили ще більше відносини. Кожен українець в очах поляків – це «гайдамака», який ходить з ножами та все готов різати поляків. Поляки говорять, що українці виготовляють їм різню в Холмі, що в Союзі українських кооператив, в комітеті... найдено зброю, що Іларіон посвятив ножі, що в українському шпиталі отруїли 30 поляків з Волині і т. п.» (Українсько-польські стосунки 2011: 80).

У польському документі, датованому вереснем 1943 р., повідомлялося: «Поляки, яким вдається вирватися з волинського пекла, втікають в двох напрямках: південному і західному. Львів і Люблінщина сьогодні становлять головні збірні пункти польських втікачів» (AAN 2: 3).

Як зауважив Т. Снайдер, за Заходним Бугом між українськими і польськими партизанами розгорнулися запеклі військові сутички. Наприклад, у східній частині довоєнного Люблінського воєводства

наприкінці 1943 р. противоречі сторони винищували село за селом. Польські партизани з Батальйонів хлопських відповідали упівцям жорстокістю на жорстокість (Снайдер 2012: 214).

1944 р. розпочався новим спалахом міжетнічної війни, спровокованім наближенням німецько-радянського фронту. Тоді польське підпілля «вирішило... зробити наступний крок і застосувати до українців принцип колективної відповідальності в досі небачених у польських операціях масштабах» (Мотика 2013: 183). На Холмщині, де позиції українського підпілля були відносно слабкі, не підкріплені збройною силою, протистояння вилилося у масові знищення українських сіл, що трактувалися польською стороною як можлива оперативна база для розвитку українського руху, і котра діяла під гаслом «Од Вепша до Буга – чарна смуга».

Особливо трагічним для українського населення Холмщини виявився березень 1944 р. В той час польське підпілля провело масштабну антиукраїнську операцію – т. зв. «грубешівську революцію» (детальніше про це див.: Кров українська 2014: 98–118; Макар 2011: 523–549; Пастернак 1968: 277; Українсько-польські стосунки 2011: 114–115 та ін.). Навесні цього року загони АК, наприклад, спалили майже двадцять українських сіл (Снайдер 2012: 214).

Поглиблювала драматизм ситуації і діяльність радянської партізанки, що прийшла в ці терени з Білорусі, сформувалася з червоноармійців, які втекли з німецького полону, а також з місцевих селян. «Населення мусить шукати в большевицьких партизан захисту перед польським терором, – констатував у своєму узвіті один з оунівських функціонерів Прірва. – Зі своєї сторони, большевицька партизанка нищить прояви національної свідомості серед населення, старається населення комунізувати. Діяльність ОУН в теренах, опанованих АК і большевицькою партизанкою, до переходу фронту паралізується майже цілком. До самого фронту діє лише юнацтво серед шкільної молоді в Холмі, Володаві і Білій Підляській» (Robarts Library 2).

Весняні 1944 р. антиукраїнські дії польського підпілля на Холмщині носили не випадковий, а плановий характер, оскільки були елементом його операції та спроб перешкодити поширенню впливів ОУН та УПА. Провідники останніх усвідомлювали, що масштабна «грубешівська революція» мала за мету ізолювати Холмщину від Галичини, не допустивши таким чином поширення ареалу українського самостійницького руху (В'ятрович 2011: 148). Як і раніше, реакція Крайового проводу ОУН західноукраїнських земель (ЗУЗ) не забарилася. 27 березня 1944 р. воно закликало «якнайскоріше посилити противольські акції на теренах ЗУЗ... Акції мусуть бути довільно сильні і в часі належить ширити... пропаганду, що ці акції – це відплата за холмські польські

бандитські вибрики...Акції наші мусять змусити поляків заперестати свою роботу на Холмщині. Відчути це мусить польське населення села і міста» (Українсько-польські стосунки 2011: 352). З цією метою з Галичини і Волині на Холмщину передислоковують упівські відділи загальною кількістю 2,5 тис. осіб, формують місцеві сотні, утворюють «Тактичний відтинок Холмської землі». Між протиборчими сторонами спалахнули запеклі бої і навіть постав своєрідний фронт, що простягнувся більше як на 100 км, мав кілька кілометрову нейтральну смугу. Українці створили т.зв. Холмський фронт УПА, яким командував Степан Новицький – «Спец». У квітні-травні 1944 р. упівці розгромили супротивника у районі Посадова, Річок, Забужжя, Великих Очей та ін. На початку червня останній спробував контратакувати українські позиції, але був відкинутий (Патриляк 2012: 418).

Усі протиборчі сторони, в тому числі прорадянські партизанські загони, що діяли на Люблінщині, перекладали вину за насильство на своїх супротивників. Так, підпільна газета «Помста», яку видавала УПА-Захід, у травні 1944 р. писала: «Не ми, а ляхи хотіли мати з нами війну, так мають. Відплатимо їм страшним пеклом, аж до повного знищення. А там хай нас історія судить» (цит. за: Зашкільняк 2006: 74).

Запеклі бої між УПА і АК продовжувалися до липня 1944 р. Згідно з підрахунками Г. Мотики, кожна зі сторін втратила в боях близько 3–5 тис. осіб (Motyka 2006: 398). З переходом радянсько-німецького фронту міжетнічний конфлікт на Холмщині не припинився, а набув більш прихованих форм і тривав до 1947 р.

Як бачимо, українські та польські дослідники займають відмінні позиції щодо початку і поширення українсько-польської міжетнічної війни.

Перші роки світового конфлікту супроводжувалися не лише українським національним відродженням Закерзоння. А й наростанням антиукраїнських настроїв серед місцевих поляків, котрі були впевнені, що це відродження – зворотна сторона посиленого тиску на них з боку німецьких окупантів.

Намагаючись забезпечити собі панування на захоплених землях, придушити національно-визвольний рух в Україні та Польщі, відвернути увагу від злочинів окупаційного режиму, нацисти навмисно підтримували міжнаціональну ворожнечу, провокували та посилювали її, застосовували різну, але завжди віроломну тактику до українців і поляків, реалізуючи класичне гасло «розділяй і владарюй».

Інформація про спровокований гітлерівцями польський терор проти українського населення Холмщини потрапила на Волинь, що, разом з іншими чинниками, призвело до убивств тут поляків, реакція на які, своєю чергою, підштовхнула польське підпілля в Галичині до

активізації антиукраїнських дій. Посилювала взаємну ворожнечу і участь українців та поляків у німецьких поліції й адміністративних органах.

1944 р. приніс новий спалах міжетнічної війни на Холмщині, пов'язаний з наближенням радянсько-німецького фронту, яка після переходу останнього у липні набула більш прихованих форм.

ЛІТЕРАТУРА

Боляновський 2005 - Боляновський А. Німецька окупаційна політика і проблеми українсько-польських взаємин // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 13: Україна у Другій світовій війні: українсько-польські взаємини. Львів, 2005. С. 68–119.

В'яtronич 2011 - В'яtronич В. Друга польсько-українська війна. 1942–1947. К.: Києво-Могилянська академія, 2011. 288 с.

Гогун 2004 - Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб.: Нева, 2004. 416 с.

Гогун 2012 - Гогун О. Гжегож Мотика. Від Волинської різанини до акції «Вісли»: польсько-український конфлікт 1943–1947 рр. // Український історичний журнал. 2012. № 5. С. 208–213.

Зашкільняк 2011 - Зашкільняк Л. Від «різні» до порозуміння чи навпаки? (Motyka G. Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła. Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947. Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 2011. 524 s.) // Україна модерна: Пограниччя. Окраїни. Периферії. К., 2011. Ч. 18. С. 246–257.

Зашкільняк 2006 - Зашкільняк Л. Ідеологічні та програмні засади ставлення українських політичних сил до Польщі і поляків у роки Другої світової війни // Україна Польща: важкі питання. Т. 10: Матеріали XI Міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 26–28 квітня 2005 р.). Варшава, 2006. С. 37–77.

Зашкільняк 2008 - Зашкільняк Л. Невідома війна: українсько-польські стосунки на Волині та у Східній Галичині в 1939–1944 роках // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2008. Вип. 16. С. 486–491.

Ільюшин 2003 - Ільюшин І. Волинська трагедія 1943–1944 рр. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. 313 с.

Кентій 1999 - Кентій А. Українська повстанська армія в 1942–1943 рр. К.: ІІУ НАНУ, 1999. 285 с.

Кров українська 2014 - Кров українська, кров польська... Трагедія Холмщини та Підляшшя в роках 1938–1948 у спогадах / Упоряд. Мирослав Іванік. Львів: Львівська політехніка, 2014. 392 с.

Літопис УПА 2007 - Літопис УПА: Нова серія. Т. 11: Мережа ОУН (б) і запілля УПА на території ВО «Заграва», «Турів», «Богун» (серпень 1942 – грудень 1943 рр.). К.; Торонто, 2007. 848 с.

Макар 2011 - Макар Ю., Горний Н., Макар В., Салюк А. Від депортациї до

депортациі. Суспільно-політичне життя холмсько-підляських українців (1915–1947). Дослідження. Спогади. Документи. Т. 1: Дослідження. Чернівці: Букрек, 2011. 880 с.

Макарчук 2004 - *Макарчук С.* Українсько-польський конфлікт в роки Другої світової війни: причини, перебіг, наслідки, пропозиції // Україна Польща: важкі питання. Т. 9: Матеріали IX і X міжнародних наукових семінарів «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 6-10 листопада 2001 р.). Луцьк, 2004. С. 338.

Мотика 2013 - *Мотика Г.* Від Волинської різанини до операції «Вієла». Польсько-український конфлікт 1943–1947. К.: Дух і літера, 2013. 360 с.

Пастернак 1968 - *Пастернак Е.* Нарис історії Холмщини та Підляшшя (Новітні часи). Вінніпег: Торонто, 1968. 466 с.

Патриляк 2012 - *Патриляк І.* «Встань і борись! Слухай і вір...»: українське націоналістичне підпілля та повстанський рух (1939–1960 рр.). Львів: Часопис, 2012. 592 с.

Подворняк 1981 - *Подворняк М.* Вітер з Волині. Спогади. Вінніпег: Волинь, 1981. 242 с.

Поляки 2005 - Поляки та українці між двома тоталітарними системами. 1942–1945. Варшава; К., 2005. Т. 4, ч. 1. 875 с.

Сергійчук 2003 - *Сергійчук В.* Поляки на Волині у роки Другої світової війни. Документи з українських архівів та польські публікації. К.: Укр. вид. спілка, 2003. 576 с.

Сивицький 2005 - *Сивицький М.* Історія польсько-українських конфліктів. К.: Вид-во ім. Олени Теліги, 2005. Т. 2. 358 с.

Снайдер 2012 - *Снайдер Т.* Перетворення націй. Польща, Україна, Литва, Білорусь. 1569–1999 / Пер. з англ. К.: Дух і літера, 2012. 624 с.

Українсько-польські стосунки 2011 - Українсько-польські стосунки в 1942–1947 роках у документах ОУН та УПА: у 2 т. / Відп. ред та упоряд. В. В'яtronич. Т. 1: Війна під час війни. 1942–1945. Львів: Центр досліджень визвольного руху, 2011. 792 с.

Фур 1992 - *Фур І.* Німецька політика і плани на Холмщині в роках 1939–1944 // В боротьбі за українську державу. Львів: Меморіал, 1992. С. 878–883.

Шаповал 2004 - *Шаповал Ю.* Потенціал взаєморозуміння та історичний простір ненависті. Роздуми над нововіднайденими документами про польсько-українські взаємини під час Другої світової війни // Війни і мир, або «Українці поляки: брати/вороги, сусіди...». К., 2004. С. 298–315.

Яблонський 2013 - *Яблонський В.* Волинь 1943: Погляд через 70 років // Дзеркало тижня. 2013. № 13. С. 1, 15.

AAN 1 - Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Przegląd najważniejszych wydarzeń w kraju. Meldunek tygodniowy z dn. 3.09.1943, sygn. 202/1/42, k. 6.

AAN 2 - AAN. Informacja. Nr. 4.25.09. 8.10.1943, sygn. 202/III/124.

Armia Krajowa 1973 - Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945. Londyn, 1973. Т. 2. 554 s.

Łukaszów 1989 - Łukaszów J. (Olszański T.) Walki polsko-ukraińskie. 1943–1947 // Zeszyty Historyczne. 1989. Z. 90. S. 159–199.

Motyka 2006 - Motyka G. Ukrainska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii. Warszawa: ISP PAN, 2006. 720 s.

Piotrowski 1956 - Piotrowski S. Dziennik Hansa Franka. Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1956. 310 s.

Robarts Library 1 - Robarts Library, University of Toronto, Peter J. Potichnyi Collection on Insurgency and Counter-Insurgency in Ukraine. Vira Marko. Polish-Ukrainian relations I, 3 хроніки подій на українських землях, арк. 14.

Robarts Library 2 - Robarts Library, University of Toronto, Peter J. Potichnyi Collection on Insurgency and Counter-Insurgency in Ukraine, т. II, 4, Революційно-повстанська боротьба українського народу за своє визволення на Холмщині і Підляшші в рр. 1943–1948 (Звіт д. Пріви), арк. 5.

Sowa 1998 - Sowa A.L. Stosunki polsko-ukraińskie 1939–1947. Kraków: Towarzystwo Sympatyków Historii, 1998. 339 s.

Szcześniak 1973 - Szczesniak A., Szota W. Droga do nikąd. Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów i jej likwidacja w Polsce. Warszawa: Wyd-wo MON, 1973. 587 s.

REFERENCES

Bolyanovskiy, A. (2005) Nimets'ka okupatsiya politika i problemi ukraїns'ko-pol's'kikh vzaemiv vzaiemyn [Occupation politics of Germany and issues of the Ukrainian – Polish relations]. In: Isaevic, Ya. (ed.) *Ukraїna: kul'turna spadshchyna, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: Cultural Heritage, National Consciousness and Statehood]. Issue 13. L'viv: Naukova Dumka. pp. 68-119.

Vyatrovich, V. (2011) *Druha pol's'ko-ukraїns'ka viyna. 1942–1947* [Polish-Ukrainian War II. 1942–1947]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy.

Gogun, A. (2004) *Mezhdju Gitlerom i Stalimym. Ukrainskie povstantsy* [Between Hitler and Stalin. The Ukrainian Insurgents]. St. Petersburg: Neva.

Gogun, A. (2012) *Gzhegozh Motika. Vid Volins'koї rizanini do aktsii "Visla": pol's'ko-ukraїns'kiy konflikt 1943–1947 rr.* [Grzegorz Motyka. From the Volhyn massacre to the "Visla" action: Polish–Ukrainian conflict of 1943–1947]. *Ukraїns'kiy istorichniy zhurnal*. 5. pp. 208-213.

Zashkilnyak, L. (2011) Vid "rizni" do porozuminnya chi navpaki? [From the "massacre" to the understanding or backwards?]. *Ukraїna moderna: Pogranichchya. Okraїni. Periferii*. 18. pp. 246-257.

Zashkilnyak, L. (2006) [Ideological and program principles of the attitude of Ukrainian political powers towards Poland and Polish people during World War II]. *Ukraїna Pol'shcha: vazhki pitannya* [Ukraine-Poland: difficult questions]. Proc. of the International Seminar of Historians "Ukrainian-Polish relations during World War II". Vol. 10. Warsaw. 26-28 April, 2005. Warsaw. pp. 37-77.

Zashkilnyak, L. (2008) Nevidoma viyna: ukraїns'ko-pol's'ki stosunki na Volyni ta u Skhidni Galichini v 1939–1944 rokakh [The unknown war: Ukrainian – Polish relations on the Volhynia and Eastern Galicia in 1939–1944]. In: Isaevic, Ya. (ed.) *Ukraїna: kul'turna spadshchyna, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: Cultural Heritage, National Consciousness and Statehood]. L'viv:

National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 486-491.

Ilyushin, I. (2003) *Volins'ka tragediya 1943–1944 rr.* [The Volyn tragedy 1943–1944]. Kyiv: Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine.

Kentiy, A. (1999) *Ukraїns'ka povstans'ka armiya v 1942–1943 rr.* [Ukrainian Insurgent Army in 1943–1944]. Kyiv: Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine.

Ivanik, M. (2014) *Krov ukraїns'ka, krov pol's'ka...* *Tragediya Kholmshchini ta Pidlyashhya v rokakh 1938–1948 u spogadakh* [Ukrainian Blood, Polish blood... Tragedy of Kholm and Podlachia in 1938–1948 in memoirs]. L'viv: L'viv's'ka politekhnika.

Kovalchuk, V. (ed.) (2007) *Litopis UPA: Nova seriya. T. 11: Merezha OUN (b) i zapillya UPA na teritorii VO "Zagrava", "Turiv", "Bogun"* (serpen' 1942 – gruden' 1943 rr.) [The Chronicle of the Ukrainian Insurgent Army: New series. Vol.11: The OUN(B) network and the UPA rear line services on the territory of the Military Districts (VO) "Zahrava", "Turiv", "Bohun" (August 1942 – December 1943)]. Kyiv; Toronto: Litopis UPA.

Makar, Yu., Gorniy, N., Makar, V. & Salyuk, A. (2011) *Vid deportatsii do deportatsii. Sospil'no-politiche zhittya kholms'ko-pidlyas'kikh ukraїntsv (1915–1947). Doslidzhennya. Spogadi. Dokumenti* [From Deportation to Deportation. The Social and Political Life of the Ukrainians of Kholm and Podlachia Regions (1915–1947). Research. Memoirs. Documents]. Vol. 1. Chernivtsi: Bukrek.

Makarchuk, S. (2004) [The Ukrainian – Polish conflict during World War II: Reasons, course, consequences, and propositions]. *Ukraїna - Pol'shcha: vazhki pitannya* [Ukraine – Poland: difficult questions]. Proc. of the International Seminar of Historians “Ukrainian-Polish relations during World War II”. Warsaw. 6-10 September, 2001. Luts'k. p. 338. (In Ukrainian).

Motyka, G. (2013) *Vid Volins'koї rizanini do operatsii "Visla". Pol's'ko-ukraїns'kiy konflikt 1943–1947* [From the Volhynia massacre to Operation "Vistula": The Polish-Ukrainian conflict of 1943–1947]. Kyiv: Dukh i litera.

Pasternak, Ye. (1968) *Naris istorii Kholmshchini ta Pidlyashhya (Novitni chasi)* [The outline of history of Kholm and Podlachia lands (Modern times)]. Winnipeg; Toronto.

Patrilyak, I. (2012) *"Vstan'i boris'! Slukhay i vir...": ukraїns'ke natsionalistichne pidpillya ta povstans'kiy rukh (1939–1960 rr.)* ["Stand Up and Fight! Listen and Trust ...": Ukrainian nationalistic underground and rebel movement (1939–1960)]. L'viv: Chasopis.

Podvornyak, M. (1981) *Viter z Volini. Spogadi* [The wind from Volhynia. Memoirs]. Winnipeg: Volin'.

Bohunov, S. et al. (eds) (2005) *Polyaki ta ukraїntsi mizh dvoma totalitarnimi sistemami. 1942–1945* [Polish and Ukrainians between two totalitarian systems. 1942–1945]. Vol. 4(1). Warsaw; Kyiv.

Sergiychuk, V. (2003) *Polyaki na Volini u roki Drugoї svitovoї viyni. Dokumenti z ukraїns'kikh arkhiviv ta pol's'kih publikatsii* [Polish people on Volhynia during World War II. Documents from the Ukrainian archives and Polish publications]. Kyiv: Ukrainian Publ. Union.

Sivits'kiy, M. (2005) *Istoriya pol's'ko-ukraїns'kikh konfliktiv* [History of the Pol-

- ish – Ukrainian conflicts]. Vol. 2. Kyiv: Olena Teliga's Publ.
- Snyder, T. (2012) *Peretvorennya natsiy. Pol'shcha, Ukraina, Litva, Bilorus' 1569–1999* [The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999]. Translated from English. Kyiv: Dukh i Litera.
- Viatrovych, V. (ed.) (2011) *Ukraїns'ko-pol'ski stosunki v 1942–1947 rokakh u dokumentakh OUN ta UPA: u 2 t.* [Ukrainian – Polish relations in 1942–1947 in documents of the OUN and UIA: in 2 v.]. Vol. 1. Lviv: Center for Research on the Liberation Movement.
- Fur, I. (1992) *Nimets'ka politika i plani na Kholmshchini v rokakh 1939–1944* [The politics and plans of Germany in Kholm in 1939–1944]. In: Marunchak, M. (ed.) *V borot'bi za ukraїns'ku derzhavu* [In the struggle for the Ukrainian state]. Lviv: Memorial. pp. 878–883.
- Shapoval, Yu. (2004) Potentsial vzaemorozuminnya ta istorichniy prostir nenavisti. Rozdumi nad novovidnaydenimi dokumentami pro pol'sko-ukraїns'ki vzaemini pid chas Drugoї svitovoї viyni [The potential of mutual understanding and historical space of hatred. Thoughts on newfound documents about Polish – Ukrainian relations during World War II]. In: Ivshina, L. (ed.) *Viyni i mir, abo "Ukraїntsi polyaki: brati-vorogi, susidi..."* [Wars and peace, or “Ukrainians and Polish: brothers-enemies, neighbors...”]. Kyiv: Ukraїns'ka pres-grupa. pp. 298–315.
- Yablons'kiy, V. (2013) *Volin' 1943: Poglyad cherez 70 rokiv* [Volhynia 1943: A look through seventy years]. *Dzerkalo tizhnya*. 13. pp. 1, 15.
- The Archive of New Records in Warsaw (AAN). (1943a) *Przegląd najważniejszych wydarzeń w kraju* [Overview of key events in the country]. Weekly report from September 3, 1943, sign. 202/1/42.
- The Archive of New Records in Warsaw (AAN). (1943b) *Informacja* [Information]. Nr. 4.25.09. 8.10.1943, sign. 202/II/124.
- Czarnocka, H. (ed.) (1973) *Armia Krajowa w dokumentach. 1939 1945* [The Polish Home Army in documents. 1939–1945]. Vol. 2. London, 1973.
- Łukaszów J. (Olszański T.) (1989) Walki polsko-ukraińskie. 1943–1947 [Polish-Ukrainian Fights. 1943–1947]. *Zeszyty Historyczne*. 90. pp. 159–199.
- Motyka, G. (2006) *Ukraińska partyzantka 1942–1960. Działalność Organizacji Ukrainskich Nacjonalistów i Ukrainskiej Powstańczej Armii* [Ukrainian Partisans. The activities of the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army, 1942–1960]. Warsaw: ISP PAN.
- Piotrowski, S. (1956) *Dziennik Hansa Franka* [Hans Frank's Diary]. Warsaw: Wydawnictwo Prawnicze.
- Potichnyi, P.J. (1994) *Collection on Insurgency and Counter-Insurgency in Ukraine*. Moscow: Tsentralnyi Arkhiv Vnutrennikh Voisk MVD RF. Marko, V. Polish-Ukrainian relations I, Z khroniki podiy na ukraїns'kikh zemlyakh, ark. 14.
- Potichnyi, P.J. *Collection on Insurgency and Counter-Insurgency in Ukraine*, Vol. 2(4). Arc. 5. Robarts Library, University of Toronto.
- Sowa, A.L. (1998) *Stosunki polsko-ukraińskie 1939–1947* [Polish-Ukrainian Relations 1939–1947]. Kraków: Society of Friends of History.
- Szcześniak, A. & Szota, W. (1973) *Droga do nikqd. Organizacja Ukrainskich Nacjonalistów i jej likwidacja w Polsce* [Road to nowhere. Organization of Ukrainian Nationalists and its liquidation in Poland]. Warsaw: MON.

Трофимович Володимир Васильович – доктор історичних наук, завідувач кафедри історії Національного університету «Острозька академія» (Острог, Україна).

Трофимович Владимир Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Национального университета «Острожская академия» (Острог, Украина).

Trofymovych Volodymyr – The National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine).

E-mail: trofymovych@hotmail.com

Трофимович Лілія Володимирівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Академії сухопутних військ імені гетьмана Петра Сагайдачного (Львів, Україна).

Трофимович Лілія Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Академии сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного (Львов, Украина).

Trofymovych Liliya – Army Academy named after Hetman Petro Sahaydachnyi (Lviv, Ukraine).

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Смирнов Андрій Іванович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії Національного університету «Острозька академія» (Острог, Україна).

Смирнов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Национального университета «Острожская академия» (Острог, Украина).

Smyrnov Andrii – The National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine).

E-mail: andrii.smyrnov@oa.edu.ua

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/14

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ПРИДНЕСТРОВСКИХ ПРИХОДОВ КИШИНЕВСКО-МОЛДАВСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – 50-е гг. XX в.

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Scopus Author ID 555882203700

SPIN-код 5577-1050

Авторское резюме

Вопросы национального и социального состава приходского духовенства приднестровских районов Молдавской ССР в научной литературе еще не изучались. Для восполнения этого пробела автор, основываясь на регистрационных материалах государственного делопроизводства из фонда Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, впервые вводит в научный оборот количественные и качественные характеристики священнослужителей по следующим показателям: возраст, национальность, место рождения, социальное происхождение, образование, священнический стаж. Приводятся уникальные сведения о деятельности ряда священников на оккупированной фашистами территории в годы Великой Отечественной войны. Сделаны выводы о соответствии национального состава духовенства, этнической структуре приднестровских верующих, достаточно высоком образовательном уровне священства и наличии у него необходимого опыта для удовлетворения религиозных потребностей верующих.

Ключевые слова: Молдавская ССР, Приднестровье, национальный состав, молдаване, украинцы, русские, болгары, священник, протоиерей, иеромонах, игумен, епископ, социальный состав.

THE ETHNIC AND SOCIAL STRUCTURE OF THE TRANSNISTRIAN ORTHODOX CLERGY OF THE PARISHES OF THE KISHINEV- MOLDOVAN EPARCHY IN THE SECOND HALF OF THE 40'S AND 50'S OF THE 20TH CENTURY

V.A. Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 Oktober 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of the issues about the structure of the orthodox clergy on the Transnistrian parishes in 1944–1950's. Using a broad range of statistical material author puts especial attention to the nationality of the clergy, which is characterized as multinational.

Keywords: Moldavian SSR, Transnistria, Nationality, Moldovans, Ukranians, Russians, Priest, Archpriest, Abbot, Bishop, Social Structure.

Вопросы этнического состава духовенства приходов левобережья Днестра в интересующий нас период времени, равно как и характеристика его социального «портрета» до настоящего времени оказывались, как правило, вне пределов внимания исследователей. Лишь в нескольких заметках краеведов, проясняющих отдельные вопросы истории некоторых приходских храмов, содержатся разрозненные сведения о национальности, социальном происхождении и образовании служивших в них священно- и церковнослужителей (Царан 2006: 50; Царан 2007: 67, 68; Царан 2008: 40; Стащенко, Царан 2010: 39, 41).

Источниковой основой настоящей статьи стали материалы регистрационно-учетной группы делопроизводства, отложившиеся в фонде Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) по Молдавской ССР, хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдова. Основными их разновидностями, содержащими интересующую нас информацию, являются анкеты регистрации служителей религиозного культа РПЦ и журнал регистрации духовенства за 1948–1955 гг.

Анкеты представляют собой бланки, в которых самими представителями духовенства фиксировались сведения по следующим вопросам: 1) фамилия, имя, отчество; 2) год рождения; 3) национальность; 4) образование; 5) духовный сан; 6) подробный перечень прежней службы или работы и места жительства; 7) находился ли на оккупированной немецко-румынскими захватчиками территории и чем занимался; 8) подпись; 9) виза о назначении и место службы; 10) сведения о дате регистрации. Здесь следует заметить, что, к сожалению, такого рода анкеты сохранились далеко не по всем священникам, служившим в Приднестровье.

Сохранившийся журнал регистрации духовенства (НАРМ 4: 2–99) фиксировал не только наличие контингента священно- и церковнослужителей по тому или иному приходу, но и его движение: перемещения на новые места, выбытие в связи с переводом в иную епархию, арестом или смертью. Записи здесь велись по графам, имеющим следующие названия: 1) номер записи по порядку; 2) фамилия, имя, отчество; 3) духовный сан и год рукоположения; 4) год и место рождения; 5) национальность; 6) образование; 7) на какой приход зарегистрирован; 8) отметки о перемещении или снятии с учета; 9) примечание.

Как видим, сведения этих двух видов документов, с одной стороны, содержат однотипную информацию (фамилию, имя, отчество, дату рождения, национальность, образование, духовный сан, место служения), а с другой – взаимно дополняют друг друга (сведения о месте рождения, дате рукоположения, перемещениях и снятии с учета, проясняют ряд биографических сведений о месте прежней работы, о нахождении на оккупированной в годы Великой Отечественной войны территории). Тем самым, используя эти сведения, возможно нарисовать национальный и социальный «портрет» священников, служивших в храмах левобережного Приднестровья в границах Советской Молдавии и Бендерском районе.

Освобождение территории левобережного Приднестровья советскими войсками от фашистов весной 1944 г. одним из своих итогов имело кратковременное «замораживание» церковной жизни в регионе. Большинство священнослужителей – выходцев из Румынии (к октябрю 1943 г. число местных священников в губернаторстве Транснистрия достигало 213 чел., в то время как румынских – 328 (Шорников 2006: 65)) уже в марте – апреле 1944 г. бежали на родину, бросив таким образом приднестровскую паству и приходы. Приказу об эвакуации подчинились и многие местные священники, скомпрометированные участием в политических мероприятиях румынской оккупационной администрации, опасаясь преследований

за коллаборационизм (Шорников 2009: 284). Значительная часть приходов опустела, и верующие потеряли возможность удовлетворить свои религиозные нужды. Лишь после полного очищения Советской Молдавии от немецко-румынских захватчиков в сентябре 1945 г. здесь была восстановлена юрисдикция РПЦ. Новый епископ Иероним (Захаров) огромное внимание уделил вопросу возобновления религиозной жизни приходов в левобережье Днестра. Благодаря стараниям владыки в местных храмах к концу 1945 г. был зарегистрирован 21 священнослужитель (Содоль 2007: 65). Однако ряд приднестровских церквей все еще оставался в числе недействующих.

Благодаря дальнейшей деятельности руководства Кишиневско-Молдавской епархии многие храмы левобережных районов Молдавии получили священнослужителей и открыли свои двери для верующих. По имеющимся данным, в Каменском районе насчитывалось пять действующих церквей: в местечке Каменка и с. Грушка, Катериновка, Подоймица, Рацково (НАРМ 1: 7, 11, 42 об., 43 об., 48). В Рыбницком районе обслуживали религиозные потребности верующих десять церквей: в г. Рыбница, с. Воронково, Ботушаны, Большой Молокиш, Ержово, Выхватинцы, Гидирим, Попенки, Зозуляны, Колбасная (НАРМ 4: 7, 8, 48, 50, 64, 76, 79, 81, 98). На территории Дубоссарского района были обеспечены священниками пять населенных пунктов: г. Дубоссары, с. Кучиеры, Дубово, Лунга, Цыбулевка (НАРМ 1: 9, 10 об., 11, 15, 29). В Григориопольском районе оказались в числе действующих лишь два храма, в районном центре и с. Ташлык (НАРМ 1: 11, 34). На территории Тираспольского района обслуживали религиозные потребности прихожан восемь церквей: в г. Тирасполь, с. Парканы, Малаешты, Суклея, Ближний Хутор, Терновка, Токмазея (НАРМ 4: 10, 11, 23, 24, 32, 38, 43, 69, 89). В Слободзейском районе действующими были храмы семи населенных пунктов: с. Слободзея, Глиное, Незаветайловка, Коротное, Карагаш, Чобручи (НАРМ 1: 10 об., 16, 22 об., 25 об., 28 об., 40 об., 47 об.). На территории Бендерского района в числе действующих были храмы г. Бендера и с. Гыска, Фырладены и Гура-Быкулуй (НАРМ 1: 8, 15 об., 25, 37 об., 47 об.). Таким образом, священнослужителями были обеспечены 38 церквей приднестровских районов МССР, составляющих в настоящее время территорию Приднестровской Молдавской Республики.

Обрисуем социальный портрет священников, служивших в названных нами храмах во второй половине 1940-х – 1950-х гг. (необходимые для этого данные нами почерпнуты из: НАРМ 4: 2, 3, 6 об., 7, 7 об., 8, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 22 об., 23, 23 об., 24, 25 об., 26, 28 об., 29, 31 об., 32, 37 об., 38, 38 об., 39, 40 об., 41, 42 об., 43, 45 об., 46, 47 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 52 об., 53, 58 об., 59,

63 об., 64, 65 об., 66, 67 об., 68, 68 об., 69, 70 об., 71, 73 об., 74, 75 об., 76, 76 об., 77, 78 об., 79, 80 об., 81, 86 об., 87, 88 об., 89, 90 об., 91, 94 об., 95, 97 об., 98, 98 об., 99).

Возраст и социальное происхождение. Среди 56 выявленных нами приднестровских священников, по которым имеются интересующие нас сведения, подавляющее большинство – 49 чел. (87,5 %) – составляли сельские жители. Остальные семеро родились в таких городах, как Кишинев, Одесса, Миргород, Днепропетровск, Белград. Все, кроме двух, были уроженцами различных губерний бывшей Российской империи. Так, в Бессарабии и на территории современной Украины родились по 18 священников (по 32,1 %), в селах левобережья Днестра – 11 чел. (19,6 %), 5 (9 %) были выходцами великороссийских губерний и еще 2 (3,6 %) были рождены в других губерниях России. Если рассматривать место рождения священников с точки зрения административно-территориального деления второй половины 1940–1950-х гг., то увидим, что более половины их были выходцами Молдавской ССР. Помимо нее основными «поставщиками» священнических кадров для приднестровских приходов были Украинская ССР и РСФСР (около 40 % в совокупности). Более двух третей заступавших на приходы священников – 38 чел. (67,8 %) – находились в наиболее трудоспособном возрасте – от 41 до 60 лет. Лиц пенсионного возраста насчитывалось 13 чел. (23,2 %), а наименее опытных священников до 40 лет – всего 5 (9 %).

Духовный сан и время рукоположения. Журнал регистрации духовенства зафиксировал на приднестровских приходах по одному епископу и игумену (3,6 %), 10 иеромонахов (17,9 %), 35 священников (62,5 %) и 9protoиереев (16 %). Видим, что основной контингент – 44 чел. (78,5 %) – составляли представители белого духовенства. Оставшиеся 12 представителей (21,5 %) монашества получили послушание на приходы, видимо, для возмещения «кадрового голода» среди белого духовенства, вызванного последствиями как борьбы с церковью в 1930-е гг., так и Великой Отечественной войны. Об опыте духовного окормления верующих приднестровского духовенства позволяют судить сведения о времени рукоположения его представителей, которые выглядят следующим образом. До революционного 1917 г. были хиротонисаны 8 чел. (14,3 %), в период между 1918–1940 гг. – 15 (26,7 %), в годы Великой Отечественной войны – 17 (30,4 %) и в послевоенное время – 16 (28,6 %). Как видим, около двух третей приднестровских священников (59 %) имели незначительный опыт работы среди паствы и были рукоположены в священнический сан в период особых исторических обстоятельств – войны и первых послевоенных лет, что не могло не сказаться на

искренности их обращения к Богу и степени удовлетворенности верующих их работой на приходах.

Непрерывность священнического стажа. Упоминавшиеся нами выше анкеты регистрации православного духовенства позволяют прояснить в некоторой степени и такой важный показатель, как непрерывность священнического стажа приходских священников. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям из 17 анкет, 11 чел. имели перерыв в церковной деятельности, вызванный разными обстоятельствами – либо закрытием храма, в котором служили, и вынужденным в связи с этим переходом на работу в гражданские органы или предприятия, либо в связи с арестом и отбытием наказания в местах лишения свободы (НАРМ 2: 121; НАРМ 3: 23; НАРМ 5: 52, 125; Царан 2006: 50; Царан 2007: 67, 68; Царан 2008: 40; Стащенко, Царан 2010: 39, 41). Двое – Донцу Агапий Фомич (Арсений) и Швале Федор Яковлевич (Феофан) до отправки на приходы были послушниками; трое – Кvasницкий Николай Тихонович, Мордвинов Захарий Яковлевич и Платонов Матвей Яковлевич свой священнический стаж не прерывали, а Шуров Сергей Сильвестрович был хиротонисан во священники уже в годы войны (НАРМ 2: 110; НАРМ 3: 98; НАРМ 5: 125; Царан 2008: 40).

Деятельность в годы Великой Отечественной войны. Важным показателем лояльности представителей духовенства советскому государству были сведения об их деятельности в период прошедшей войны, что было отражено, как отмечалось выше, в регистрационных анкетах в графе «Находился ли на оккупированной немецко-румынскими захватчиками территории и чем занимался». Так, по имеющимся у нас сведениям из 17 анкет, 12 чел. к служили священниками, пастомщиками и диаконами в храмах на оккупированной территории. Двое были послушниками в монастырях. Трое не находились в зоне оккупации (НАРМ 2: 110, 121; НАРМ 3: 23, 98; НАРМ 5: 52, 125; Царан 2006: 50; Царан 2007: 67, 68; Царан 2008: 40; Стащенко, Царан 2010: 39, 41). Следует отметить, что подавляющее большинство зарегистрированных на приднестровских приходах священников и иеромонахов, находившихся на оккупированной врагом территории, продолжали служить в своих храмах и в послевоенное время. Случай их снятия с регистрации и уголовного преследования носили единичный характер. Такая участь, по имеющимся сведениям, постигла лишь священника с. Глиное Слободзейского района В.И. Рубана (НАРМ 4: 98).

Образование. По зафиксированным в журнале регистрации духовенства данным духовные учебные заведения различного уровня закончили 30 священнослужителей. В их числе начальные учебные заведения (духовно-пастырские курсы, приходское училище, духовное училище,

миссионерские курсы, церковно-приходская школа) – 9 чел., средние (церковно-учительская школа, духовная семинария) – 23, высшие (духовная академия, богословский факультет) – 4. Двадцать человек записали в журнале, что имеют светское образование: начальное – 12, среднее – 5 и высшее – 3. Следует отметить, что, видимо, отраженные в журнале сведения об образовательном уровне духовенства носят неполный характер, поскольку маловероятным представляется, чтобы к служению в храме были допущены лица, получившие лишь светское образование и не прошедшие какой-либо специальной подготовки по церковной линии. В целом по зафиксированным в источнике данным вырисовывается следующая картина. Из 56 приходских священников начальным образованием обладал 21 чел. (37,5 %), средним – 28 (50 %), высшим – 7 (12,5 %), что говорит о достаточном уровне их образованности для выполнения ими церковных обязанностей (НАРМ 4: 2, 3, 6 об., 7, 7 об., 8, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 22 об., 23, 23 об., 24, 25 об., 26, 28 об., 29, 31 об., 32, 37 об., 38, 38 об., 39, 40 об., 41, 42 об., 43, 45 об., 46, 47 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 52 об., 53, 58 об., 59, 63 об., 64, 65 об., 66, 67 об., 68, 68 об., 69, 70 об., 71, 73 об., 74, 75 об., 76, 76 об., 77, 78 об., 79, 80 об., 81, 86 об., 87, 88 об., 89, 90 об., 91, 94 об., 95, 97 об., 98, 98 об., 99).

Национальный состав. Данные о национальном составе отражены в таблице.

Национальный состав священнослужителей

Населенный пункт	Название церкви	Русские	Украинцы	Молдаване	Болгары
г. Бендеры	Преображенская	1	1	1	–
г. Григориополь	Вознесенская	–	–	1	–
г. Рыбница	Михайловская	1	–	–	–
г. Тирасполь	Николаевская	2	1	–	–
м. Каменка	Успенская	–	1	–	–
с. Ближний Хутор	Успенская	--	–	–	1
с. Большой Молокиш	Успенская	1	–	–	–
с. Ботушаны	Успенская	1	–	–	–
с. Воронково	Успенская	1	1	–	–
с. Выхватинцы	Николаевская	–	2	–	–
с. Гидирим	Николаевская	–	–	2	–
с. Глиное	Николаевская	–	1	–	–
с. Грушка	Покровская	–	1	1	–
с. Гура Быкулуй	Николаевская	–	1	1	–
с. Гыска	Рождества Богородицы	–	–	1	–

Окончание таблицы

Населенный пункт	Название церкви	Русские	Украинцы	Молдаване	Болгары
с. Дубово	Рождества Богородицы	1	-	1	-
с. Дубоссары	Всехсвятская	1	1	-	-
с. Ержово	Николаевская	-	1	-	-
с. Карагаш	Николаевская	1	1	-	-
с. Катериновка	Вознесенская	-	-	1	-
с. Колбасная	Михайловская	1	--	-	-
с. Кучиеры	Михайловская	1	1	-	-
с. Лунга	Покровская	-	-	1	-
с. Малаешты	Покровская	-	1	-	-
с. Незавертайловка	Успенская	1	-	1	-
с. Парканы	Михайловская	2	-	-	-
с. Подоймица	Рождества Богородицы	-	-	1	-
с. Попенки	нет данных	1	-	-	-
с. Рашково	Троицкая	-	1	1	-
с. Слободзея, м/ч	Михайловская	1	-	-	-
с. Слободзея, р/ч	Успенская	-	1	-	1
с. Суклея	Димитриевская	-	1	-	-
с. Ташлык	Георгиевская	-	-	1	-
с. Тырновка	Парасковьевская	-	1	3	-
с. Цыбулевка	Михайловская	-	1	1	-
с. Чобручи	Покровская	-	-	1	-
ИТОГО		17	19	19	2

Как видим, на приднестровских приходах служили представители четырех национальностей – болгары, молдаване, русские и украинцы. Священники-украинцы и молдаване были представлены одинаковым количеством человек – по 19, что составляет 33,5 % от общего числа священнослужителей. Русских насчитывалось 17 чел., или 29,8 %. Меньшинство (всего двое священников, или 3,2 %) составляли болгары (НАРМ 4: 2, 3, 6 об., 7, 7 об., 8, 9 об., 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 22 об., 23, 23 об., 24, 25 об., 26, 28 об., 29, 31 об., 32, 37 об., 38, 38 об., 39, 40 об., 41, 42 об., 43, 45 об., 46, 47 об., 48, 48 об., 49, 49 об., 50, 50 об., 51, 52 об., 53, 58 об., 59, 63 об., 64, 65 об., 66, 67 об., 68, 68 об., 69, 70 об., 71, 73 об., 74, 75 об., 76, 76 об., 77, 78 об., 79, 80 об., 81, 86 об., 87, 88 об., 89, 90 об., 91, 94 об., 95, 97 об., 98, 98 об., 99). По опубликованным данным, в сельских населенных пунктах левобережных приднестровских районов Молдавской ССР к 1960-м гг. проживало

смешанное в национальном отношении население. Украинцы в Рыбницком, Каменском и Дубоссарском районах составляли 47 % населения. Доля русских в структуре населения Дубоссарского и Тираспольского районов равнялась соответственно 14 и 21 %, в то время как в других районах левобережья Днестра она колебалась от 1 до 9 % (Медведева 2013: 171). В этнической структуре городского населения Молдавии, по тем же данным, к концу 1950-х гг. удельный вес молдаван составлял 35,1 %, русских – 28,2 %, гагаузов – 3,9 %, болгар – 2,1 % (Медведева 2013: 170).

Подводя итоги, следует отметить, что национальный состав приходского духовенства Приднестровья соответствовал сложившейся в kraе полиэтнической структуре общества, благодаря чему верующие могли получить духовное окормление на родном языке. Tot факт, что более половины священников были уроженцами Молдавии, свидетельствует о высокой степени доверия к ним руководства РПЦ, чего не наблюдалось со стороны Румынской православной церкви в годы временной оккупации края фашистскими захватчиками. Пастыри, служившие на приднестровских приходах, как правило, находились в наиболее трудоспособном возрасте и имели значительный опыт такого рода деятельности. В то же время невзгоды периода воинствующего атеизма в СССР 1930-х гг., равно как и тяготы военной поры, вынудили руководство Кишиневско-Молдавской епархии направить на приходы свежеиспеченных священников, не обладавших должным опытом работы с верующими. Тем не менее образовательный уровень приднестровских священников представляется достаточным для выполнения ими своих обязанностей. Пройдя сквозь сито проверок компетентных органов, большинство пастырей, находившихся на оккупированной врагом территории, смогли продолжить свое служение и в послевоенные годы.

В заключение следует отметить, что настоящая работа фактически является первой попыткой систематизации материала, содержащегося в журналах регистрации православного духовенства и анкетах священнослужителей. Приведенные нами сведения требуют дальнейшего уточнения путем привлечения более широкого круга источников, прежде всего названных выше анкет.

ЛИТЕРАТУРА

Медведева 2013 - Медведева И.М. Основные направления динамики этнического состава Молдавии в 50–60-е гг. XX в. // Русин. 2013. № 3. С. 168–173.

НАРМ 1 - Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. Р-3046. Оп. 1. Д. 7. Уполномоченный Совета по делам [РПЦ] при СМ СССР

по МССР. Журнал регистрации духовенства.

НАРМ 2 - НАРМ. Ф. Р-3046. Оп. 1. Д. 10. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православной церкви и монастырей.

НАРМ 3 - НАРМ. Ф. Р-3046. Оп. 1. Д. 17. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православных церквей и монастырей.

НАРМ 4 - НАРМ. Ф. Р-3046. Оп. 1.Д. 20. Журнал регистрации духовенства. 1948–1955 гг.

НАРМ 5 - НАРМ. Ф. Р-3046. Оп. 1. Д. 26. Материалы, поступающие из епархиального управления по вопросам, относящимся к деятельности православной церкви и монастырей.

Содоль 2007 - Содоль В.А. Приходы левобережья Днестра Кишиневско-Молдавской епархии в первые послевоенные годы // Покровские чтения. Статьи и материалы (избранное). Тирасполь, 2007. Кн. 9. С. 65–67.

Сташенко, Царан 2010 - Сташенко М.А., Царан Т.И. Из истории православного прихода в с. Терновка // Покровские чтения. Статьи и материалы (избранное). Тирасполь, 2010. Кн. 11. С. 39–42.

Царан 2006- Царан Т.И. Свято-Дмитриевский храм в с. Суклея в 1946–1967 годах и его закрытие // Покровские чтения. Статьи и материалы (избранное). Тирасполь, 2006. Кн. 8. С. 50–55.

Царан 2007 - Царан Т.И. Свято-Николаевский собор г. Тирасполь в послевоенные годы // Покровский чтения. Статьи и материалы (избранное). Тирасполь, 2007. Кн. 9. С. 67–73.

Царан 2008 - Царан Т.И. Церковноприходская жизнь Рыбница и сел Рыбницкого района в 50-е годы XX столетия // Покровские чтения. Статьи и материалы (избранное). Тирасполь, 2008. Кн. 10. С. 38–42.

Шорников 2006 - Шорников П.М. Православная церковь «Заднестровья» в годы румынской оккупации // Покровские чтения. Статьи и материалы. Тирасполь, 2006. Кн. 8. С. 62–67.

Шорников 2009 - Шорников П..М. Церковная политика Румынии в Бессарбии (1941–1944) // Сохранение культурно-исторического наследия в странах Юго-Восточной Европы. Междунар. науч. конф. Кишинев, 2009. С. 276–286.

REFERENCES

Medvedeva, I.M. (2013) The Basic Directions of the Dynamics of the Ethnic Structure of Moldavia in the 1950 and 1960ies]. *Rusin.* 3. pp. 168-173. (In Russian).

National Archive of the Republic of Moldova (NARM). *Fund of the Representative of the Council of the USSR People's Commissars (Cabinet of Ministers).* Fund P-3046. List 1. File 7.

National Archive of the Republic of Moldova (NARM). *Materialy, postupayushchie iz eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnnykh tserkvey i monastyrey* [Materials from the diocesan

administration on matters relating to the activities of Orthodox churches and monasteries]. Fund P-3046. List 1. File 10.

National Archive of the Republic of Moldova (NARM). *Materialy, postupayushchie iz eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnnykh tserkvey i monastyrey* [Materials from the diocesan administration on matters relating to the activities of Orthodox churches and monasteries]. Fund P-3046. List 1. File 17.

National Archive of the Republic of Moldova (NARM). *Zhurnal registratsii dukhovenstva* [The log of the clergy]. Fund P-3046. List 1. File 20.

National Archive of the Republic of Moldova (NARM). *Materialy, postupayushchie iz eparkhial'nogo upravleniya po voprosam, otnosyashchimsya k deyatel'nosti pravoslavnnykh tserkvey i monastyrey* [Materials from the diocesan administration on matters relating to the activities of Orthodox churches and monasteries]. Fund P-3046. List 1. File 26.

Shornikov, P.M. (2006) Pravoslavnaya tserkov' "Zadnestrov'ya" v gody rumynskoy okkupatsii [Orthodox Church of the "Transnistria" in period of the Romanian occupation]. *Pokrovsky Readings*. 8. pp. 62-67.

Shornikov, P.M. (2009) Tserkovnaya politika Rumynii v Bessarabii (1941–1944) [Church policy of Romania in Bessarabia (1941–1944)]. *Preservation of cultural heritage in South-Eastern Europe*. Proc. of the International Scientific Conference. Chisinau. pp. 276–286. (In Russian).

Sodol', V.A. (2007) Prikhody Levoberezh'ya Dnestra Kishinevsko-Moldavskoy eparkhii v pervye poslevoennye gody [The parishes of the Left Bank of the Nistru Chisinau-Moldovan diocese in the early postwar years]. *Pokrovsky Readings*. 9. pp. 65-67.

Stashchenko, M.A. & Tsaran, T.I. (2010) Iz istorii pravoslavnogo prikhoda v s. Ternovka [From the history of the Orthodox parish in the village of Ternovka]. *Pokrovsky Readings*. 11. pp. 39-42.

Tsaran, T.I. (2006) Svyato-Dmitrievskiy khram v s. Sukleya v 1946–1967 godakh i ego zakrytie [St. Demetrius Church in Sucleia in 1946–1967 and its closing]. *Pokrovsky Readings*. 8. pp. 50-55.

Tsaran, T.I. (2007) Svyato-Nikolaevskiy sobor g. Tiraspol' v poslevoennye gody. [St. Nicholas Cathedral of the city of Tiraspol in the post-war years]. *Pokrovsky Readings*. 9. pp. 67-73.

Tsaran, T.I. (2008) Tserkovnoprikhodskaya zhizn' Rybnitsy i sel Rybnitskogo rayona v 50-e gody 20 stoletiya [The parish life the town of Rybnitsa and Rybnitsa district villages in 1950-ies]. *Pokrovsky Readings*. 10. pp. 38-42.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Sodol' Veacheslav – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

УДК 94 (478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/15

КАК БЫЛА ПРИНЯТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

П.М. Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: p_shornikov@km.ru

Scopus Author ID 55588230700

SPIN-код 5577-1050

Авторское резюме

Автор депутат парламента в 1990–1994 и 1994–1998 гг., лидер Движения «Единство» раскрывает подробности политической борьбы по вопросам принятия флага, герба и гимна Республики Молдова. Используемая ныне государственная символика навязана политическими формированиями, ориентированными на интересы официального Бухареста, в отсутствие у депутатов молдавского парламента гарантий личной безопасности, с применением угроз и обмана. Она не соответствует историческим традициям Молдавии и подлежит исправлению.

Ключевые слова: Молдова, флаг, герб, гимн.

HOW THE STATE SYMBOLISM WAS ADOPTED IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

P.M. Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: p_shornikov@km.ru

Abstract

The author, a Deputy of Parliament in 1990–1994 and 1994–1998, leader of the Movement "Unity" discloses the details of the political fight regarding the adoption

of the flag, emblem and hymn of the Republic of Moldova. The present day use of the government symbols is tied to a political formulation orientated to the interests of official Bucharest without guarantee for the personal safety from the use of threat and deceit to the members of the Moldavian Parliament. This does not reflect the historical traditions of Moldavia and is subject to correction.

Keywords: Moldova, flag, emblem, hymn.

С 1950-х гг. в молдавской филологии возобладало течение румынистов; в языковом строительстве они ориентировались на стандарты румынского литературного языка. В период системного кризиса Союза ССР политическая «революция» в Молдавии оказалась связана с ломкой и уничтожением этнокультурной идентичности титульной нации. В августе 1989 г. румынисты добились перевода молдавской письменности на латинскую графику; тем самым была выбита одна из опор, ограничивающих молдавский язык от румынского. Тезис об идентичности молдавского и румынского литературных языков – в отсутствие достаточных научных оснований – был закреплен в законе. Летом 1990 г. главное формирование молдавских национал-радикалов «Народный фронт Молдовы» провозгласило требования о признании Бессарабии и Северной Буковины оккупированными румынскими территориями и о переименовании Молдавской ССР в Румынскую Республику Молдова (История 2015: 332, 333).

В апреле 1990 г. в Молдавии, как и в других республиках Союза ССР, Верховный Совет был впервые избран на конкурентной основе. В обществе усиливался раскол по национально-языковому вопросу, и этнический состав населения получил отражение в политической структуре парламента. С первых дней работы в нем сложился ряд депутатских клубов (фракций). Фракция «Вяца сатулуй» («Сельская жизнь»), в будущем мажоритарная, состояла из молдаван – сторонников сохранения молдавской национально-культурной идентичности, большей частью председателей колхозов, а фракции «фронтистов» (членов НФМ) и «демократов» состояли преимущественно из представителей молдавской гуманитарной и «творческой» интеллигенции, полагавших, что в условиях кризиса ССР аннексия Молдавии Румынией неизбежна, и поэтому готовых отказаться от молдавской национальной самоидентификации. Фракция «Советская Молдавия» объединяла в основном русских, украинцев, гагаузов, болгар; в ее состав входили и депутаты – участники Интердвижения «Унитате-Единство». Позднее возникли и другие объединения депутатов. Во всех фракциях, а также в парламентском «болоте» среди депутатов, не вошедших во фракции, присутствовали представители номенклатуры

Коммунистической партии, однако позиции, отличной от позиции фракций, не занимали.

Появление движения унионистов (сторонников присоединения Молдавской ССР к Румынии) представляло собой попытку аннигиляции молдавского национально-государственного проекта. Это затрагивало интересы каждого из проживавших в республике граждан, поэтому парламентская борьба по вопросам государственной символики сразу обрела острый характер.

Флаг. Среди депутатов – членов НФМ были академик-математик П.С. Солтан, профессор-историк А.К. Мошану, несколько кандидатов исторических и филологических наук и членов Союза писателей, в том числе двое будущих членов Национальной академии наук. О том, как мало интересовались эти деятели унионизма Румынией всю предшествующую жизнь, свидетельствует факт: никто из них не знал точно цветов румынского флага и их расположения. За консультацией оппоненты обратились к автору статьи: «Какой в Румынии флаг?». Я ответил: «Красно-желто-синий, вертикальные полосы». Синяя полоса была кобальтового, почти фиолетового цвета, и я честно добавил: «Для обозначения синего у них есть специфическое слово». «Азуриу»? – почти хором переспросили трое членов ученого синклита. Упоминание о лазурной Андреевской ленте, подтвердил я, есть в описании герба Бессарабской губернии.

На заседаниях фракций «Советская Молдавия» и «Сельская жизнь», а затем на пленарном заседании парламента я разъяснял, что войско Стефана Великого воевало под красным знаменем с золотым кантом, а расцветку флагов Дунайских княжеств определил в 1830–1831 гг. их правитель, русский генерал П.Д. Киселёв: сине-желтый – для Валахии и красно-синий – для Молдавского княжества, расположенного между рекой Прут и Карпатами. Турсецкий султан, сузерен княжеств, добавил на флаг Валахии красную полосу. Так получился триколор, унаследованный в 1859 г. объединенным государством Валахии и Молдавии, будущей Румынией. Говорил, что сине-желто-красный триколор является также флагом Андорры и Республики Чад, и Молдове следует принять флаг Штефана. Но большинство гуманитариев-молдаван и представителей номенклатуры проявило политический конформизм, а «болотные» депутаты, особенно хозяйственники, отказывались понимать значимость государственных символов. В кулуарах парламента звучали суждения, проникнутые гражданской безответственностью и невежеством: «Ну не все ли тебе равно, каких цветов тряпка будет болтаться на этом домике?».

Борьба по вопросу о флаге продолжалась до последней минуты. В конце пленарного заседания 27 апреля 1990 г. ко мне подошел

участник фракции «Советская Молдавия» И.Д. Тромбицкий и спросил: «А что если предложить поместить на флаг еще и герб Молдовы?» Герб дал бы флагу нашей республики еще одну черту, отличающую его от флага Румынии. Я согласился, взяв на себя часть ответственности за эту инициативу, и предложил автору огласить ее. В отличие от меня, Тромбицкий радикалом не слышал, и большинство депутатов его предложение одобрили. Триколор, принятый Парламентом Советской Социалистической Республики Молдовы, не идентичен румынскому. Третья вертикальная полоса на нем иного цвета, чем на флаге Румынии, лазурного, а на желтую полосу помещен герб республики. Отличается флаг Молдовы от флага Румынии и размерами.

Поскольку новый герб ССР Молдова еще не был утвержден, обязательное вывешивание триколора нам удалось отсрочить на полгода. Это было важно, поскольку попытки групп национал-радикалов вывесить новый флаг над государственными учреждениями завершились массовыми драками.

Герб. О том, при каких обстоятельствах был принят герб Молдовы, емко рассказал доктор истории Виктор Ефимович Андрушак, депутат парламента от ПКРМ в 1998 – 2005 гг. Его статья «Государственные символы Молдовы» (Коммунист 2007) ценна также ссылками на архив парламента, позднее, во время уличных беспорядков 7 апреля 2009 г., сожженный «демократами». 27 апреля 1990 г., выступая с законопроектом о принятии триколора в качестве государственного флага ССР Молдовы, отмечает В.Е. Андрушак, даже унионист А.К. Мошану сказал о гербе Молдавского княжества: «На молдавских знаменах постоянно присутствовал герб Молдовы: голова тура, стилизованное изображение солнца и луны по сторонам и пятиконечная звезда между рогами тура» (Архив Парламента: Л. 86). В Бессарабии вариант этого проекта использовали до 1918 г., и совет Движения «Единство» признал его приемлемым.

Рис. 1. Проект герба ССР Молдовы. Художник Андрей Мудря. 1990 г. (слева). Проект Г. Врабие (справа) по существу повторяет герб Кишинева времен румынской оккупации Бессарабии (в центре).

12 мая 1990 г. была создана парламентская комиссия по подготовке проекта герба ССР Молдова. Был объявлен конкурс, и поступило более сотни эскизов (рис. 1). Но варианты, отобранные комиссией, были отправлены в Бухарест, на экспертизу государственной комиссии по геральдики Румынии. Румыны одобрили вариант, предложенный художником-унионистом Георге Врабие, «подправленный» румынской гражданкой Марией Догару. На его эскизе герба, как и на гербе Румынии, был изображен орел, держащий в клюве крест. На груди орла, как медаль, висит герб Молдавского княжества – щит с головой тура. Клюв орла повернут на запад. Проект по существу повторял герб Кишинева 1920–1930-х гг., пожалованный городу королем Румынии Фердинандом I. Комиссия, руководимая председателем Верховного Совета ССР Молдова М.И. Снегуром, в результате конкурса выбрала вариант, подготовленный группой художника Андрея Мудри. Как свидетельствует член этой группы художник Семен Одайник, «вариантов было много... победителем третьего тура стал вариант, представленный нашей группой, – молдавский средневековой герб в обрамлении дубовых ветвей, увенчанный короной из шести колосьев с крестом...» (Время 2003). Проект Андрея Мудри был удостоен премии Высшего совета по разработке государственного герба Республики Молдова (Мудря Андрей).

2 ноября 1990 г. проекты нового герба Молдавии рассмотрел Президиум Верховного Совета ССРМ во главе с тем же М. Снегуром и утвердил вариант группы А. Мудри. Однако в тот день произошли столкновения полиции с населением в Дубоссарах, 3 человека были убиты, а 16 получили огнестрельные ранения. 3 ноября, когда вопрос о государственном гербе был внесен на рассмотрение парламента, главным оказался другой вопрос – о смещении премьер-министра М.Г. Друка, повинного в пролитии крови. Румынизаторы приняли меры противодействия. Контролируя учреждения образования, они с утра подтянули к зданию Верховного Совета несколько сот студентов, служивших прикрытием для 90 боевиков из сформированного Друком батальона «Тирас-Тигина». Их, одетых в одинаковые голубые джинсовые костюмы, было хорошо видно в толпе со всех этажей здания парламента. Манифестанты в голубом угрожали разделаться с депутатами. Активисты НФМ внесли через черный ход вариант герба, выполненный Г. Врабие и трижды отклоненный комиссией под председательством М.И. Снегура. Председатель Верховного Совета не возразил против этого глумления над регламентом законодательного органа.

На защиту милиции, руководимой ставленником национал-радикалов И.Г. Косташем, депутаты не рассчитывали. Опасаясь расправы,

десятки противников румынской символики, не входивших во фракции, ушли из «Дома колхозника». В знак протеста против нарушений регламента и в расчете на то, что в отсутствие кворума принятие антимолдавского проекта удастся предотвратить, покинули зал пленарных заседаний часть аграриев и почти вся фракция «Советская Молдавия», более 60 человек. Обозначить нашу позицию товарищи доверили мне, В.Я. Егорову и О.В. Ожоге. Страсти накалялись. Депутат-экстремист, вскоре исключенный даже из Народного фронта, сравнил исторический герб Молдавии с эмблемой мясокомбината. В ответ кто-то из аграриев назвал проект Георгия Врабие товарным знаком птицефабрики. Мы с коллегами из фракции «Советская Молдавия» указали на несоответствие проекта Врабие молдавской традиции и поддержали проект Андрея Мудри. Против варианта Г. Врабие, продолжает В.Е. Андрушак, «выступили депутаты П. Шорников, О. Ожога, В. Егоров и др. Был утвержден <...> вариант Г. Врабие» (Архив Парламента: Л. 67–70).

Решающую роль в «проталкивании» через Верховный Совет варианта герба, чуждого молдавской истории, сыграла не команда «фронтистов», а номенклатура КПМ. Два десятилетия спустя на вопрос о том, имелась ли в парламенте оппозиция его проекту, Г. Врабие вспомнил: «Петр Шорников проголосовал против него. Мы можем понять его, потому что он получил образование в антирумынском духе. Ольга Ожога <...> также проголосовала против. Вот когда Григоре Виеру закричал: «Они хотят украсть нашу историю!». Но я был удивлен жестом Петру Лучинского, который, хотя и был членом Коммунистической партии Советского Союза, проголосовал за герб» (*gheorghe vrăbie*). Депутаты были удивлены поведением не только Лучинского. Не поддержали одобренный при их участии проект группы А.И. Мудри и председатель Верховного Совета М.И. Снегур, и А.К. Мошану, член комиссии по подготовке проекта герба. Кто и как заставил их изменить свое мнение? Ответа на эти вопросы у нас еще нет.

По вопросу о гербе якобы малозначительному давлению унионистов и верхов номенклатуры подчинилось парламентское «болото». За проект герба г-на Врабие, объявил председатель, проголосовали 243 депутата, 2 – против, 11 – воздержались. Ольга Владимировна Ожога, выступив, ушла домой, против антимолдавского проекта проголосовали только мы с В.Я. Егоровым. Лидеры аграриев и «независимых», как и почти все участники фракций, в зале пленарных заседаний отсутствовали.

Откуда взялась эта цифра - 256 голосовавших, не ясно. Такова была численность депутатов, зарегистрировавшихся накануне заседания, но в момент, когда председатель Верховного Совета предложил

перейти к голосованию, в зале присутствовало немногим более половины зарегистрированных депутатов. К микрофонам в зале вышли трое депутатов, видимо, намеренных предложить подсчитать присутствовавших, однако М.И. Снегур не дал им слова. А когда были оглашены результаты голосования, несмотря на протесты, объявил перерыв. В это время около сотни депутатов, ожидая штурма здания, наблюдали через стеклянную стену за перемещениями «манифестантов». После перерыва участники фракций «Сельская жизнь» и «Советская Молдавия» возвратились в зал, но оппоненты повторили наш прием, и кворума, 189 чел., уже не набралось.

Унионисты нагло использовали контроль над Президиумом Верховного Совета ССРМ, сфальсифицировав результаты голосования. Государственная безответственность номенклатуры, гражданский инфантилизм большинства аграриев, трусость и безразличие парламентского «болота» позволили противникам существующей государственности выиграть борьбу по вопросу о гербе. Но заслуживают ли признания результаты голосования, проведенного с нарушениями регламента парламента, в обстановке угроз и обмана? Время от времени общественность республики обсуждает вопрос о необходимости «очистить» герб Молдовы от румынской символики. В 2007 г. президент В.Н. Воронин публично признал, что государственный герб был утвержден обманным путем. Однако вопрос о гербе остается нерешенным.

Название законодательного органа. 23 мая 1991 г. на обсуждение Верховного Совета ССРМ был вынесен вопрос о переименовании законодательного органа. Политически важно было сорвать попытку унионистов переименовать его в **«Сфатул цэрий»** (**«Совет страны»**). Нельзя было допустить освящения памяти этого злосчастного органа времен гражданской войны и иностранной интервенции.

В конце апреля 1991 г. я как историк был приглашен на заседание клуба «Вяца сатулуй», организованное депутатами А.Я. Снегуром, М.И. Поповичем и Д.Г. Моцпаном, и разъяснил, чем был **«Сфатул цэрий»**: этот орган являлся своего рода «круглым столом» представителей 29 общественных организаций. Беда была в том, что их никто не избирал и депутатами они не являлись, большинство его членов подобрала группа политических агентов Румынии. **«Сфатул цэрий»** провозгласил в декабре 1917 г. создание Молдавской Народной Республики, но функционировать ему довелось в основном в условиях румынской военной оккупации. Правительство Румынии использовало это собрание в целях придания видимости законности акту аннексии Бессарабии Румынским государством. Стоит ли нам, законно избранным депутатам, имитировать команду самозванцев

и просто несчастных людей, вынужденных под угрозой расстрела выполнять требования оккупантов?

Решающий довод против принятия названия «Сфатул цэрий», предложенного унионистами, привел председатель одного из колхозов: «Ши аиштия траг ын Ромыния» («И эти тянут в Румынию»). Консультацию следовало завершить конструктивным предложением. На вопрос о том, как же назвать законодательный орган, я ответил: «Просто парламентом, говорильней» (Руссы 1998: 29). Несмотря на надрывную демагогию депутатов-унионистов и угрозы бандитов из «группы поддержки» НФМ, при выходе из здания Верховного Совета избивавших парламентариев, чья позиция не устраивала компрадоров, большинство депутатов-молдаван – даже «болото»! – наотрез отказалось голосовать за наименование «Сфатул цэрий». Верховный Совет назвали нейтрально – парламент. Сохранили мы и преемственность с Верховным Советом Молдавской ССР: постановили именовать его парламентом не первого, как требовали унионисты, а двенадцатого созыва. Этот раунд борьбы патриоты Молдавии выиграли.

Гимн. После «путча» ГКЧП, 27 августа 1991 г., на пике политической смуты унионисты навязали республике в качестве «временного» гимна румынскую националистическую песню «Дештяптэ-те, ромыне!» («Проснись, румын»). Вопрос о его замене пришлось решать уже Парламенту XIII созыва.

Аграрно-демократическая партия, по результатам выборов 1994 г. получившая большинство мандатов, занимала по этому вопросу неопределенную позицию. Но аграрии были заинтересованы в принятии новой Конституции, что было невозможно без поддержки фракции «Социалистическое Единство» (28 мандатов из 101), чьим сопредседателем был автор этой статьи. Мы могли оказать на аграриев должное воздействие.

Проблема заключалась в том, что отсутствовало конструктивное предложение, способное объединить большинство депутатов. Решение нашел лидер Социалистической партии Молдовы В.Б. Сеник. В июне 1994 г. он предложил мне вариант, приемлемый для парламентского большинства: пусть новым гимном станет стихотворение молдавского поэта начала XX в. Алексея Матеевича «Наш язык», положенное на музыку молдавского композитора Александру Кристи. Стихотворение, признал он, можно признать гимном только на время, но это нужно сделать – иначе аграрии не решатся отменить «Дештяптэ-те, ромыне!».

Молдавский язык, возразил я, является родным только для двух третей населения – как быть с остальными? И потом гимн должен воспевать не только язык титульной нации, но и другие ценности граждан нашей республики. Главное сейчас, полагал Сеник, – избавить народ

от необходимости выслушивать по утрам песню румынских националистов, а против стихов Матеевича не станут голосовать даже правые аграрии. Он был прав. Но поддержат ли нас коллеги по фракции? Решили предварительно обсудить вопрос в руководстве «Единства» и СПМ.

Заседание совета нашего движения оказалось бурным. Я доложил о предложении В.Б. Сеника. Гимн, заявил депутат В.А. Солонарь, – это надолго, тут компромиссы неуместны, хватит с нас триколора, который аграрии не смеют заменить; вообще, гимн – это проблема мажоритарной партии. Наши избиратели, утверждал другой парламентарий, председатель исполкома «Единства» В.С. Носов, все равно не вникают в слова гимна, и если уж менять его, то на что-нибудь такое, что выражает многонациональность государства. По-своему они были правы. «Так что, – спросил я товарищей, – оставим "Приснись, румын"?». Нет, возразил депутат Э.П. Мазур, эта песня влияет на сознание молодежи, ее надо менять. Депутат С.Д. Градинарь, а также Ю.Н. Савельев, Е.В. Голубова, Ю.Г. Кишкilev, В.В. Лебедева, К.И. Спиридонова, П.С. Ионов, другие члены совета «Единства» также высказались за замену «временного» гимна.

После споров и нам, и социалистам удалось прийти к общему мнению: новым гимном должна стать песня Алексея Матеевича. Сеник и другой авторитетный деятель СПМ, бывший министр образования Д.Г. Зиду, переговорили с лидерами аграриев Д.Г. Моцпаном, А.Г. Попушоем и В.Д. Чеканом, изложили наше предложение и предупредили: без предварительной смены гимна наша фракция голосовать за новую Конституцию не будет.

Расчет Валерия Борисовича оправдался. 7 июля 1994 г. парламент отменил исполнение навязанного унионистами временного гимна. Новым гимном стала песня на слова Алексея Матеевича. Недостатки этого гимна очевидны. Но заслуживающих рассмотрения иных предложений по вопросу о гимне еще не опубликовано.

Государственная символика Республики Молдова, принятая в годы системного кризиса, подлежит исправлению. Молдавии нужен новый гимн. Что касается флага, то идеолог молдавизма историк В.Я. Гросул еще в 1997 г. предложил во имя воссоединения страны заменить на флаге Молдовы желтую полосу на зеленую, заимствованную из флага Приднестровья [Мосты 1999]. Сине-красный флаг Молдавского княжества 1831–1859 гг. используют общественные формирования сторонников молдавской национальной идентичности. Но государственным флагом Молдавии следует признать флаг Стефана Великого, правителя независимой Молдавии, – красный с золотым кантом, а гербом – проект Андрея Мудри.

ЛИТЕРАТУРА

История 2015 - История Республики Молдова: с древнейших времен до наших дней / В.Е.Андрющак, П.А.Бойко, П.П.Бырня и др.; Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Милеску Спэтару. 3-е изд., уточн. и доп. Кишинэу: I.S.F.E.P. «Tipografia Centrala», 2015. 384 р.

Коммунист 2007 - Коммунист [Кишинев]. 2007. 28 дек.

Архив Парламента - Архив Парламента Республики Молдова. Ф. R2948. Оп. 6. Д. 1118.

Время 2003 - Время [Кишинев]. 2003. 29 авг.

Мудря Андрей - Мудря Андрей. URL: <http://www.moldovenii.md/ru/people/1034> (дата обращения: 12.09.2015).

Gheorghe Vrabie - GHEORGHE VRABIE: THE COAT OF ARMS IS THE STATE'S SEAL. DO NOT CRIPPLE IT! Interview by Oxana Mititelu. URL: <http://tribuna.md/en/2011/08/27/gheorghe-vrabie-stema-este-sigiliul-statului-nu-o-schiloditi> (дата обращения: 10.09.2015).

Русь 1998 - Русь И.Г. Заметки о Смутном времени. Кишинев, 1998. 48 с.

Мосты 1997-Мосты должны иметь прочные основания // Деловая газета [Кишинев]. 1997. 5 сент.

REFERENCES

Andrusceac, V.E., Boyko, P.A., Byrnea, P.P. et al. (2015) *Istoriya Respublikii Moldova: s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Republic of Moldova: From ancient times to the present day]. 3rd ed. Chisinau: I.S.F.E.P. “Tipografia Centrala”.

Kommunist. (2007) 28th December.

Archive of the Parliament of the Republic of Moldova. Fund R2948. List 6. File 1118.

Vremya. (2003) 29th August.

Moldovenii.md (n.d.) Mudrya Andrey [Andrei Mudrea]. [Online] Available from: <http://www.moldovenii.md/ru/people/1034> (Accessed: 12th September 2015).

Vrabie, G. (2011) *Gheorghe Vrabie: The Coat of Arms is the State's Seal. Do not cripple it!* Interview by Oxana Mititelu. [Online] Available from: <http://tribuna.md/en/2011/08/27/gheorghe-vrabie-stema-este-sigiliul-statului-nu-o-schiloditi> (Accessed: 10th September 2015).

Russu, I.G. (1998) *Zametki o Smutnom vremeni* [Notes on the Time of Troubles]. Chisinau: [s.n.]

Delovaya gazeta. (1997) Mosty dolzhny imet' prochnye osnovaniya [Bridges must have a solid foundation]. 5th September.

Шорников Пётр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Shornikov Petr – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: p_shornikov@km.ru

УДК 94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/16

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА РАЗВАЛИНАХ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Н.В. Бабилунга

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко

Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: babi05@rambler.ru

Авторское резюме

Настоящий очерк представляет собой расширенный вариант доклада на конференции, посвященной памяти известного молдавского ученого И.А. Анцупова. В нем рассматриваются геополитические, исторические, социокультурные и прочие аспекты раскола Молдавии в эпоху раз渲ала СССР и образования на ее территории двух независимых государств – Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики. Цели и задачи этих почти одновременно возникших государств различались весьма существенно. Если правящая элита Молдовы стремится к ее скорейшему разрушению и объединению с румынской «матерью-родиной», то Приднестровье в течение четверти века лишь укрепляло и усиливало свою государственность, возрожденную в 1990 г. Это не может не вселять надежду в сознание патриотов Молдовы, что сохранение и укрепление молдавской идентичности еще не окончательно ушло в область иллюзий и несбыившихся надежд. Молдавская государственность в виде ПМР была воссоздана буквально на развалинах Советского Союза. Она имеет все возможности для возрождения и развития, несмотря на имеющиеся политические, экономические и другие трудности.

Ключевые слова: развал СССР, молдавская идентичность, государственность, Республика Молдова, Молдавская ССР, Приднестровская Молдавская Республика, Приднестровье, Румыния, Россия.

THE REBIRTH OF MOLDAVIAN STATEHOOD ON THE RUINS OF A GREAT STATE

N.V. Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Str., Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: babi05@rambler.ru

Abstract

The present essay presents itself as an expansive variant of a paper presented at a conference dedicated to the memory of the well-known Moldavian scholar I.A. Antsupov. In it is reviewed the geopolitical, historical, socio-economic and other aspects of the division in Moldavia during the epoch of the fall of the USSR and the formation on its territory of two independent states – the Republic of Moldova and the Pridnestrovian Moldavian Soviet Socialist Republic. The goals and objectives of these newly-founded states, both of which arose simultaneously, differed substantially. While the ruling elite of Moldova strives for the quick destruction of Moldova and unification with the «Motherland», Pridnestrovye during the last quarter century has only strengthened and confirmed its statehood since 1990. This cannot not enter hope into the consciousness of the patriots of Moldova that the preservation and strengthening of Moldavian identity still hasn't definitively passed into illusion and unrealized hopes. Moldavian statehood in the form of PMR was literally established on the ruins of the Soviet Union. It has all of the opportunities for rebirth and development despite its political, economic and other difficulties.

Keywords: Collapse of the Soviet Union, Moldavian identity, statehood, Republic of Moldova, Moldavian SSR, Pridnestrovian Moldavian Republic, Pridnestrovye, Rumania, Russia.

Прежде чем перейти к теме нашего повествования, мне хотелось бы констатировать следующее. Иван Антонович Анцупов никогда не состоял в Компартии. И вообще ко всем кампаниям и проводимым ее руководством мероприятиям относился, мягко говоря, с большим скепсисом. Но события последних лет его жизни, связанные с торжеством националистического мракобесия и развалом Советского Союза, вызывали у него закономерную тревогу и глубокое душевное неустройство, боль и чувство невосполнимой утраты. Зато он с огромнейшим вниманием наблюдал за возрождением некогда загубленной государственности в Приднестровье, охотно сотрудни-

чал с редколлегией журнала «Ежегодный исторический альманах Приднестровья» и был его постоянным автором, с удовольствием писал рецензии на студенческие работы, неоднократно встречался с преподавателями и студентами Приднестровского госуниверситета, и только пошатнувшееся здоровье не позволяло ему это делать так часто, как он бы этого хотел.

Зато он стал одним из авторов «Истории Приднестровской Молдавской Республики» и по сути весь XIX в. исследовал и описал лично он сам, за что по заслугам стал лауреатом Государственной премии Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) в области науки. Он считал, что именно Приднестровье предоставляет единственный и реальный шанс Молдове не скатиться к фашистской диктатуре и не быть затянутой в трясину агрессивного румынизма и русофобии.

В 2015 г. приднестровский народ отметил 25-летний юбилей Приднестровской Молдавской Республики. Четверть века успешного существования и развития приднестровской государственности само по себе является неким феноменом современного мира и глобальных процессов на постсоветском пространстве. Приднестровская Молдавская Республика, объявившая при своем создании историческую, культурно-политическую и социальную преемственность упраздненной в 1940 г. Молдавской Автономной ССР в составе Украины, несмотря на свою непризнанность, является исторической реалией, с которой приходится считаться остальному миру. И если первая государственность на Днестре в виде МАССР просуществовала почти 16 лет (с 12 октября 1924 по 2 августа 1940 г.), то вторая государственность в виде ПМР существует уже более 25 лет (со 2 августа 1990 г. по настоящее время).

При этом государственность нашей республики укрепляется и развивается практически во всех сферах экономической, политической, культурной и общественной жизни, в то время как государственность нашей соседки Республики Молдова усилиями ее прошлых и нынешних властей вгоняется в перманентный кризис, выход из которого эти власти видят в ликвидации данной государственности и аншлюсе Молдовы Румынией. Политический класс Молдовы, его творческая и административная «элита» стремятся к уничтожению государственности страны, которая их взрастила, обучила и вывела в свет, предоставив «непыльную» сферу деятельности! Это в своем роде уникальная ситуация.

Конечно, прежде всего такая ситуация определяется интересами и позициями правящего в Молдове политического класса и устремлениями своей компрадорской «творческой» интеллигенции. Они предали интересы собственного народа за щедрые многочисленные

гранты и субсидии различных зарубежных фондов, которые в обиходе по-прежнему люди называют «чечевичной похлебкой на гранты». С искренним рвением работая на реализацию чуждых Молдове интересов, эти люди фактически ведут свою страну к неминуемой гибели. Много и постоянно разглагольствуя о несуществующих на деле «европейских ценностях», они в блестящей обертке пытаются преподнести молдаванам смерть их многовековой государственности. Но дело не только в этом.

И первая государственность на Днестре, которая возникла в условиях нерешенности бессарабского вопроса при оккупации Королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья с 1918 по 1940 г., и вторая государственность на Днестре в конце XX в., возникшая при искусственном возрождении властями Молдовы бессарабского вопроса как политической проблемы, – обе они связаны очень прочными нитями с крупнейшими geopolитическими подвижками в данном регионе Европы на протяжении минувшего столетия.

Конфигурация современных государственных границ Приднестровской Молдавской Республики определялась в ХХ в. Во многом на нее оказывали влияние случайные факторы, в том числе территориально-государственное размежевание двух союзных республик – Украины и Молдавии. Эта земля была и остается частью очень важного в geopolитическом отношении региона Европы, который протянулся с севера на юг вдоль Днестра от Карпат до Черного моря. На всем обозримом протяжении человеческой истории Днестр играл исключительно важную роль, являясь естественной границей между различными этнокультурными зонами Восточной Европы. И это не случайно.

Земли, простирающиеся к востоку от Днестра, являются составной частью славяно-православной цивилизации «срединной земли», Евразии. Они никогда не входили в островную сферу влияния или «береговую зону», которая имеет свойство переходить из одного geopolитического пояса в другой и обратно, как это постоянно происходит с Пруто-Днестровским междуречьем, исторической территорией Бессарабии, называемой некоторыми исследователями «Европейской Месопотамией» (Хаусхофер 2001: 162). В отличие от береговой, «дисkontинентальной» зоны, в каковую, несомненно, входит территория Республики Молдова (РМ), Приднестровье уже несколько столетий, включая и наши дни, является частью такого культурно-исторического и цивилизационного феномена, как Русский мир, объединяющего в своем пространстве различные православные народы и государства, в том числе и ПМР, подобно тому, как понятие «Германия» у немцев

оставалось единым всегда, несмотря на существование в различные эпохи множества германских государств.

Самоидентификация многонационального народа Приднестровья как неотъемлемой части православного русского пространства в самом широком значении этого слова подчеркивает роль этой сравнительно небольшой территории в системе восточно-христианской цивилизации, где граничат влияния Русской православной церкви и автокефальной Румынской православной церкви, находящейся в авангарде экуманизма и сближения с Ватиканом. Постоянно укрепляя и наращивая с помощью Запада свое присутствие и активность в Молдове, эта сила приобретает все более и более четкий политический характер, придавая Приднестровскому региону одну из ключевых ролей в geopolитической системе координат восточнохристианской цивилизации (Фролов 2002: 68–69).

Если в романовской России XIX в. и советской России XX в. Приднестровье большую часть времени не играло почти никакой геополитической роли в раскладах на «великой шахматной доске», то после разрушения сначала царской Российской империи, а затем и советской супердержавы СССР Приднестровье приобретает все большее и большее значение для успеха или, наоборот, неуспеха в создании атлантистами «санитарного кордона» между Россией и Европой (особенно Германией). Таким образом, исключается возможность установления между ними интеграционных связей в рамках стратегического союза, а тем более – внешнеполитической оси Москва – Берлин (или даже Берлин – Москва – Токио), которая может ослабить контроль США (НАТО) над европейскими странами и в других регионах мира.

Для современной России, пытающейся после десятилетий предательства, смуты и неустройства снова занять подобающее место в мире в соответствии со своей ролью в развитии человеческой цивилизации, Приднестровье становится очень важным геополитическим регионом в условиях, когда Молдова кардинально сменила ориентацию с евразийской на атлантическую, в которой нет места Молдове как самостоятельному независимому государству. Это тем более важно, когда «независимые» государства «ближнего зарубежья» и бывшего советского блока, вышедшие из-под контроля Москвы, охотно становятся послушным орудием в осуществлении мондиалистской политики США на европейском континенте и сознательно превращают свои территории в «санитарный кордон» на службе у США по формуле «независимость от ближнего и зависимость от дальнего».

В отличие от этих стран российского «ближнего зарубежья», добровольно ставших на путь колониальной подчиненности Западу и

декларирующих этот путь как успехи своей «национально-освободительной борьбы», ПМР полностью сохраняет свою экономическую и политическую самостоятельность, а главное – свою неколебимую верность России. Возможно, поэтому многие политики, в том числе и депутаты Государственной Думы России, неоднократно сравнивали Приднестровье с «Брестской крепостью» на юго-западных рубежах православно-славянского мира, крепостью, не сдававшейся на милость врагам России (Дугин 1997: 404).

Геополитически Днестр уже много веков, да и, пожалуй, всегда в обозримой истории, является условным пограничьям между германо-романским миром Запада и восточнославянской цивилизацией огромных пространств Евразии. После объявленной руководством Республики Молдова твердой переориентации своих устремлений в сторону Запада Приднестровье с начала 90-х гг. XX в. прочно утверждается в качестве юго-западного форпоста восточнославянской православной цивилизации, ее geopolитических интересов, духовных ценностей и культурного влияния. Поэтому так ощутимо в этих землях воздействие различных факторов мировой политики, с такой непримиримой ожесточенностью в первых десятилетиях XXI в. растет наступление западных политиков на ослабленную Россию, чтобы окончательно выдавать ее присутствие из Приднестровья, максимально сузить влияние Кремля на Юго-Западе Европы. Развал России как единственной страны, способной противостоять США и даже при необходимости уничтожить Штаты в ядерном конфликте, стала главной сверхзадачей нынешних политиков Запада, тем более что такой развал сулит им богатый приз – неисчислимые природные богатства страны.

При этом Молдове как наиболее яркому и типичному примеру несостоявшегося на развалинах Советского Союза государства отводится достаточно примитивная и подчиненная роль политического киллера. Ее задача – насильтвенное уничтожение приднестровской государственности и насаждение здесь «демократии» полунацистского молдавского толка. Главными «демократизаторами» станут шизоидные субъекты типа Илашку, Нантоя, Дабижи и прочих, подобно тому, как в современной Украине главными «демократами» страны Запада признают убийц террористов и моральных уродов фашистско-бандеровского толка. И это, видимо, является довольно важным элементом планов Запада, поскольку он вовсе не спешит предложить Молдове и Приднестровью выход из политического кризиса на действительно демократических принципах, наработанных им в течение многих столетий (Швейцарской конференции, например). Умиротворение кризиса и снятие напряжения в таком случае не сопровождались

бы бесповоротным вытеснением из данного региона Европы восточнославянского присутствия и православного духовного влияния.

Именно поэтому западные страны запретили правителям Молдовы соглашаться на предложенный Россией («план Козака») реальный и выполнимый сценарий разрешения конфликта и установления прочного мира на Днестре. Конфликт между Канадой и Квебеком или Англией и Шотландией, Чехией и Словакией разрешается западными политиками совсем не так, как на Днестре. Не выдвигая своих проектов, основанных на собственном федералистском опыте и принципах субсидиарности, Запад подталкивает Молдову на «восстановление конституционного порядка и территориальной цельности» подобно тому, как он подталкивает киевскую хунту на продолжение массового кровопролития в Новороссии, не позволяя выполнять подписанные им же Минские договоренности. Строятся даже планы совместного выступления против государственности ПМР кишиневского и киевского режимов.

Почему? Все очень просто. Только новая кровавая авантюра полуумных и продажных фанатиков в руководстве Молдовы, как и на Украине, может вызвать существенный отток населения из региона – бегство и депортации, заселение «освобожденных» земель колонистами из Румынии, а вместе с тем – желанное изменение здесь geopolитической ситуации в сторону романо-германского вектора. Что в принципе невозможно в Канаде или, скажем, в Чехословакии, то вполне осуществимо и желательно для евробюрократии на нашей родине. «Арабская весна», организованная политиками Америки в Северной Африке и на Ближнем Востоке, привела не к расцвету свободы и демократии, а к дестабилизации, хаосу, массовым убийствам, массовому бегству населения Ирака, Сирии, Ливии и других стран региона в Европу. Это, по замыслам устроителей «Арабской весны», рано или поздно приведет к конфликтам и полной дестабилизации самого Европейского союза, а значит, и ликвидации одного из сильнейших конкурентов США.

Этим главным образом и объясняется столь упорное неприятие американскими политиками и дипломатами идей мирного развода Молдовы и Приднестровья, признания приднестровской государственности или хотя бы обустройства честной федерализации Молдовы и Приднестровья в рамках единого демократичного государства с гарантированными правами человека и правами населяющих эти земли народов. При этом восстановление власти кишиневского этнототалитарного режима над приднестровскими землями представляется западными политиками вроде Маккейна и других патологических русофобов чуть ли не в виде первостепенной задачи

мирового сообщества. Понятно, что эти разговоры подхватываются и тиражируются их клиентами в Молдове или Румынии, Украине или Прибалтике как священная мантра для ежедневного бессмысленного повторения. Но какие на то существуют международно-правовые обоснования? Является ли, другими словами, современная Молдова правопреемницей Молдавской Советской Социалистической Республики, т. е. территорией в границах МССР?

О какой бы то ни было правопреемственности государственной власти в Молдове речи быть не может хотя бы на том основании, что прошлое псевдокоммунистическое руководство Молдовы, как и ее нынешние «проевропейски настроенные» правители вообще отказываются от всех подписанных их предшественниками дипломатических и межгосударственных документов, являвшихся итогами многотрудного переговорного процесса, проходившего под патронатом ОБСЕ, России и Украины. Сам по себе отказ правительства от международных соглашений и подписанных документов в современном мире чреват для данной страны огромными сложностями и масштабными проблемами, связанными с ее изоляцией и, в конечном счете, коллапсом, ибо вряд ли найдется много желающих вести переговоры и о чем-либо договариваться с государством, правительство которого не уважает даже собственного слова. Однако Молдове пока прощается и это, поскольку она не выполнила еще своего главного и, пожалуй, единственного предназначения – уничтожения приднестровской государственности и окончательного вытеснения из региона восточнославянского влияния.

Интересно в данном случае другое: еще 23 июня 1990 г. (т. е. за два с половиной месяца до образования ПМР) Верховный Совет ССР Молдова (CCPM) как высший орган государственной власти принял решение о «незаконности» освобождения Бессарабии 28 июня 1940 г. и «неправомочности» образования Молдавской ССР (Бессарабский вопрос 1993: 144). С правовой точки зрения это означало полную самоликвидацию республики, поскольку отменяло юридическую преемственность власти. Молдавия объявилаась оккупированной румынской землей, а потому все законы, акты и декреты, принятые предшествующей, т. е. «оккупационной» Советской властью, подлежали немедленной отмене, поскольку были незаконными. Незаконным становился и сам парламент Молдовы, который подлежал немедленному распуску, ибо его депутаты не могли представлять волю и интересы избравшего их населения, поскольку избиратели принадлежали к категории завоеванного населения аннексированной и расчлененной страны, неправомочность создания которой парламент торжественно провозгласил.

Уникальность этого решения очевидна, поскольку во всемирной истории найдется немного подобных прецедентов, когда руководство страны добровольно заявляет о собственной незаконности и неправомочности, признавая себя порождением «оккупационного режима» на части другого независимого государства. Впрочем, строго оценивая это событие в рамках права, нельзя не заметить, что парламент Молдовы не мог отменить в 1900 г. закон Верховного Совета СССР (а в это время СССР еще существовал) от 2 августа 1940 г., по которому была создана «неправомочная» Молдавская ССР и ликвидирована Молдавская АССР в составе Украины на Левобережье Днестра. Однако мировому сообществу в те времена было не до юридических тонкостей законотворческой деятельности неквалифицированных и недальновидных депутатов парламента Молдовы, а правительство Советского Союза, единственно обязанное отменить незаконное решение законодателей одного из субъектов, также было занято увлекательным состязанием перераспределения власти между Ельциным и Горбачевым, а потому просто не заметило этого важнейшего решения парламента Молдовы (Бабилунга 2010: 33–34). Таким образом, этот спектакль абсурда сам по себе приобрел законную силу, видимо, неожиданно и для самих законодателей Молдовы.

Еще более удивительным является то обстоятельство, что Партия коммунистов Республики Молдова, находясь у власти долгие годы, имея в своих руках все рычаги государственной власти, имея в парламенте РМ квалифицированное большинство, ни разу, ни единого разу(!) не сделала ни малейшей попытки отменить постановление парламента от 23 июня 1990 г. и Декларацию о независимости Молдовы, которая его подтверждала. Не было и попыток отменить хотя бы их отдельные положения и формулировки, с тем чтобы признать Молдову юридическим и историческим правопреемником МССР и ввести свою республику в приемлемое правовое поле. До сих пор Молдова является довольно странным порождением мировых катаклизмов конца ХХ в. Непонятно, откуда вообще появилось на свет это удивительное новообразование. Чьим наследником оно является и чью волю представляет? В этом не могут разобраться как следует и сами власти Молдовы.

Это государство не может быть правопреемником Молдавского княжества, созданного в 1359 г., ибо таковое право узурпировало государство Румыния, включившая в свой состав основную часть княжества (Западную Молдову) в 1859 г. Молдова не может быть правопреемницей Бессарабской губернии (1812–1917 гг.) или даже автономной Бессарабской области (1813–1828 гг.) в составе Российской империи. Не существует больше ни Румынского королевства, ни

Российской империи, хотя у королевства и у империи есть законные наследники в виде Румынии и России. Молдова не может быть правопреемницей Молдавской ССР (1940–1990 гг.), ибо уже назвала эту форму своей государственности «незаконным» и «неправомочным» порождением оккупационного советского режима. Наконец, Молдова не может быть и правопреемницей Молдавской АССР (1924–1940 гг.) в составе Украины – это право принадлежит Приднестровской Молдавской Республике, о чём было ясно сказано в минуты ее рождения. Остается лишь одно: руководство этой страны всерьез рассматривало и продолжает рассматривать свое государство в качестве оккупированной румынской земли, в качестве аннексированного кусочка румынской «матери-родины». Значит, все-таки Румынии?!

Пусть так. Продолжающееся там зомбирование собственных граждан антинаучным и абсурдным курсом «история румын» и вся стратегия агрессивного румынизма последних двух с половиной десятков лет являются лучшим доказательством преемственности власти и политики в этой стране при калейдоскопической смене всевозможных правительств – «фронтлистских», «центристских», «коммунистических», «либеральных». Но при чем здесь «восстановление конституционного порядка и территориальной целостности» Молдовы? Какой «конституционный порядок» должен быть восстановлен на оккупированной румынской земле, и о какой вообще «территориальной целостности» нам постоянно толкуют в Кишиневе и других столицах? О целостности Румынии или о целостности не-понятного государственного образования, провозгласившего себя при своем создании оккупированной румынской землей и продолжающего упрямо рекламировать себя в качестве некоего осколка то ли республики, то ли королевства?!

Однако то, что вполне естественно выглядит для правителей Молдовы конца XX – начала XXI в., по меньшей мере, странно звучит в устах западных политиков и дипломатов, гордящихся (трудно сказать, по праву ли?) своим здравомыслием, рассудительностью и самодостаточностью. Еще полтора десятилетия назад посол США в Молдове г-жа Мэри Пэнделтон, как, впрочем, и ее современные коллеги, неустанно втолковывала нам, что «жителям приднестровского региона» не нужна «государственность», повторяя «простые истины» о том, что Соединенные Штаты придают огромное значение «самоопределению», которое, по ее мнению, «не включает в себя права на отделение или права игнорировать международно признанные нормы» (Бабилунга 2010: 35).

Как и ее нынешние коллеги, посол искренне хотела бы, чтобы люди Приднестровского региона поняли, что с международных

позиций Приднестровью невозможно получить статус «государства в конфедеративном соглашении». Видимо, «объективность» такого рода политиков и имел в виду великий русский писатель Александр Солженицын, когда с горечью констатировал: «Молдавия объявила себя независимой – пожалуйста, пожалуйста, это самоопределение. Приднестровье, которое ни сном, ни духом к этой Молдавии не относится, Сталин его прирезал для показухи перед Румынией, – Приднестровье – это сепаратизм, этого не может быть» (Солженицын 1995: 73).

А, собственно, почему «не может быть»? На каком таком основании приднестровцам отказано в приемлемой для них форме государственности? Исторические исследования показывают, что приднестровские земли с глубокой древности в силу своего географического положения являлись лакомым куском и очень часто включались в состав разнообразных государственных формирований.

Молдавская ССР как союзная республика просуществовала полвека. Гибель этой формы государственности молдавского народа и его дезинтеграция тесно связаны с переходом в конце 1980-х гг. местных национально-партийных номенклатурных элит союзных республик на позиции агрессивного национализма, русофобии и антикоммунизма. Эти позиции позволили названным элитам сравнительно быстро трансформироваться в независимые от центра могущественные кланы компрадорской буржуазии в процессе начавшейся «перестройки» и грабительской приватизации, т. е. дележа национальных богатств народов СССР узкими группами лиц, обладавших в своих республиках монополией на государственно-административные, политические и социальные функции власти.

Советский Союз с конца 1980-х гг. как единая многонациональная держава был обречен, несмотря на то, что подавляющее большинство советских людей выступало против дезинтеграции единой страны. На первом в истории Советского Союза референдуме 17 марта 1991 г. подавляющее большинство советских граждан высказалось за сохранение и обновление его. Это при том, что в Прибалтике, Молдавии, Грузии и некоторых республиках СССР власти категорически запретили проведение референдумов и любое «непослушание» чрезвычайно жестоко подавлялось милиционерами и прочими карательными органами, недостатка в которых никто не ощущал. Советский Союз был обречен, потому что национальные правящие элиты утратили необходимость в существовании централизованной вертикали власти и сознательно разрушили ее, развалив единое государство.

Этому способствовали авторитарная форма власти советской системы, отсутствие противовеса партийно-государственным органам

власти в виде «развитого гражданского общества» с его институтами оппозиции, свободной прессой, общественными независимыми ассоциациями и другими автономными политическими подсистемами, которые не сложились, да и не могли сложиться за считанные годы так называемой «перестройки». Бурная деятельность всевозможных «народных фронтов» и подобных им «неформальных» объединений, неожиданно возникших в 1988 г. с задачей шумной симуляции «народных волеизъявлений» в виде «великих национальных собраний» и прочих лицедейств, была, как ныне неоспоримо доказано, почти во всех бывших республиках СССР инспирирована агентами советских секретных спецслужб, вдохновлялась и прямо направлялась как центральными, так и местными структурами власти.

Введенное в заблуждение деморализованное, дезориентированное, неструктурированное общество всех союзных республик ничего не смогло противопоставить буржуазной контрреволюции «сверху» начала 1990-х гг., в результате которой сказочно обогатились до 10 % населения, составляющие правящие национальные элиты. Страна была разрушена, а населяющие ее народы отброшены в период средневековья и варварства, погружены в кровопролитные межэтнические конфликты и войны, в невиданные по масштабам и безысходности перманентные кризисы.

Однако «прорабы перестройки» как внутри страны, так и вне ее, архитекторы насильтственного развала СССР не учли, что страна не может расплзтись точно по границам пятнадцати республик, которые устраивались в сталинские и хрущевские времена абсолютно произвольно. Эти границы имели условный характер и терпеливо игнорировались гражданами СССР до тех пор, пока в житейском отношении не имели для них никакого или почти никакого значения. Положение изменилось коренным образом, когда границы, паспортные режимы, гражданство стали резать по живому не только целые народы, но и семьи, судьбы, интересы и устремления людей. Развал СССР с железной закономерностью вызвал и распад неофитов «суверенитета» и «независимости». И произошло это вопреки желанию правящих кланов национально-коммунистической верхушки той или иной республики.

Во всех пятнадцати новообразованных государствах необычно остро встали национальные, языковые и территориальные проблемы. 70 млн человек, т. е. почти каждый третий гражданин бывшего СССР, оказались за пределами своих национально-государственных образований. Во многих случаях они стали объектом гонений, притеснений, издевательств не только со стороны разъяренных толп (как правило, управляемых), но и со стороны государственных органов

суверенных республик. Оскорбительные клички «манкурты», «оккупанты», «пришельцы», «мигранты» и др. в отношении сотен тысяч собственных сограждан прочно вошли в лексикон таких политиков, как Ландсбергис, Дудаев, Снегур, Гамсахурдия и прочих могильщиков СССР. Миллионы беженцев, потерявших работу, имущество, близких, семьи, заполонили пространство бывшего СССР. Только в течение одного 1992 г. в конфликтах и войнах на этой территории погибли 150 тыс. бывших граждан СССР, что в 11 раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане (История 2001: 26–27). «Мировая общественность» в лице ведущих средств массовой информации, лидеров и политиков стран Запада абсолютно равнодушно наблюдала за этим невиданным в современной истории по массовости и циничности нарушением прав человека.

Джинн сепаратизма, выпущенный из бутылки партийно-государственными элитами союзных республик в период их целенаправленной и методичной работы по развалу Советского Союза, не испарился с гибелю СССР, а развивался и продолжает царствовать на бывших его просторах, набирая силу и размах.

Таковы наиболее общие условия дезинтеграции бывших союзных республик и образования на их территориях новых государств, неподконтрольных существующим властям. Без учета общих моментов трудно понять раскол Молдавии в начале 1990-х гг., создание Приднестровской Молдавской Республики и особую жестокость, которую проявила военщина Молдовы, уничтожая мирный город Бендери, другие города и села Приднестровья. Невозможно понять причины и механизм медленной гибели государственности молдавского народа в Молдове и возрождение таковой на территории Приднестровья.

Раскол Молдавии берет начало в конце 1988 г., когда в столице МССР - Кишиневе - усилиями некоторых представителей творческой интеллигенции – писателями, журналистами, преподавателями вузов и т. д., лидеры которых, как правило, являлись штатными осведомителями КГБ, были сформированы национал-экстремистские кружки и группы, объединившиеся затем в Народный фронт. Поначалу откровенно антисоветских и прорумынских лозунгов они не выдвигали и не представляли для единства МССР и ее государственности какой-либо серьезной опасности. Если бы! Если бы национальная партийно-бюрократическая номенклатура не решила использовать их в качестве ударного отряда для борьбы со своими более компетентными конкурентами иных национальностей, а главное – для полного освобождения от контроля Центра своих насиженных вотчин. Расшатанный в первые годы перестройки каркас советского бюрократического абсолютизма мог быть укреплен только идеологией

государственного национализма. Именно поэтому в короткие сроки экстремистские организации были взращены национал-бюрократической элитой Молдавской ССР при одновременном очищении партийных, государственных и общественных структур от убежденных интернационалистов, которые могли бы помешать осуществлению подобных планов.

Постепенно чистки приобретали массовый характер и осуществлялись в обстановке травли, нарушения прав человека и существовавшего тогда законодательства. Сценарий раскола общества в Молдавии мало чем отличался от аналогичных планов в других республиках. Универсальным «ключом» становился закон о государственном языке. Большинство средств массовой информации, переданных национальной бюрократией в руки фронтистов, в первой половине 1989 г. развернули настоящий психологический террор и давление на общество, имитируя как бы волеизъявление молдавского народа: объявить молдавский единственным государственным языком в республике, несмотря на то что им владело немногим более 60 % населения, а русским – практически все. Кроме того, объявлялась идентичность молдавского и румынского языков. Молдавский переводился на латинскую графику, что сразу же отбрасывало и многих молдаван в разряд малограмматных «манкуров», ибо литературным румынским языком в республике владели очень немногие представители гуманитарной интеллигенции, втайне исповедовавшие свою румынскую идентичность.

Отличие молдавского пути раскола общества от эстонского, латышского, грузинского, азербайджанского и других путей было очень существенно. Если в тех республиках раскол шел по линии коренные (азербайджанцы) – и армяне; коренные (эстонцы) – и русские, советские оккупанты; коренные (грузины) – и абхазы, осетины, турки-месхетинцы и др., то в Молдавии водораздел не только отделял «коренных» от «пришельцев», но и раскалывал самую «титульную» нацию. Это была еще одна «изюминка» уникальности на задуманном пути уничтожения молдавской государственности в Молдове (Феномен 2003: 137).

Дело в том, что замена молдавского языка румынским, принятие румынской государственной символики, изменение учебных программ в школах и вузах по румынским стандартам, предание анафеме самих понятий «Молдавия», «молдаванин», «молдавский» потребовали массового изменения этнической идентичности молдавского народа. Те из молдаван, кто не желал ударными темпами перевоплощаться в румын, кто пытался сохранить историческую самобытность народа, его традиции, культуру и менталитет, объявлялись «манкуrtами»,

изувеченными коммунистическим режимом. Эти молдаване стали особенно ненавистны идеологам правящего прорумынского режима и причислены к врагам национальной элиты «бессарабских румын».

Таким образом, раскол Молдавии зарождался и развивался не столько по этническому, сколько по политическому принципу. Противостояние оформлялось не между молдаванами как «коренной», «титульной нацией», с одной стороны, и гагаузами, русскими, украинцами, болгарами, евреями как «мигрантами», «пришельцами», «оккупантами», с другой стороны¹. Усилиями властей и официальной пропаганды соседи, сослуживцы, знакомые, друзья и даже родственники были поделены на «добрых хозяев» и «обнаглевших пришельцев», на «коренных жителей» и «оккупантов», на «румынских патриотов», сыновей и дочерей «румынской матери-родины» и «манкуров», «шантлистов», «идэчобанистов», носителей «примитивного молдавенизма». Противостояли две политические силы, две системы, два мировоззрения.

С одной стороны, это альянс правящей национальной бюрократии и национал-экстремистского Народного фронта. Цель – сохранение в целости и неприкословенности всех привилегий и преимуществ системы унитарного этнократического абсолютизма, прежде всего – неограниченного господства над богатствами страны и монополии власти; geopolитическая переориентация Молдавии на Запад, превращение края в полуколониальную окраину Румынии при безраздельном господстве нескольких семейных кланов компрадорской буржуазии над нищим, безграмотным, вымирающим населением. Путь – насаждение этнической и социальной розни, разделение населения на враждующие между собой группы, милитаризация сознания граждан, разжигание конфликтов до степени гражданской войны или, как выразился яркий представитель этих сил премьер-министр М. Друк, «ливанизация Молдавии» и «бейрутизация Кишинева».

С другой стороны, построение в Молдавии правового цивилизованного государства, демилитаризованного, демократичного и свободного, федералистского, с широкими полномочиями местных властей, межнациональной гармонией и этнической свободой по примеру Швейцарской конфедерации или Аландских островов Финляндии²; geopolитическая ориентация на укрепление традиционно тесных связей с восточными соседями либо честная политика неприсоединения и разоружения по соответствующим гарантиям мирового сообщества. Путь – активный поиск компромиссов, укрепление мер доверия между различными этническими общинами, отказ от любых форм политического насилия, языковых или национальных притеснений, запрещение каких бы то ни было национальных преимуществ и лингвистических

преференций, уважительное отношение государства ко всем этносам и гражданам республики, безусловный отказ от провозглашаемого приоритета прав нации (румынской нации) над правами человека.

Желание первой стороны распространить тоталитарный режим мононациональной бюрократии на максимально возможные пределы и заставить подчиниться ему тех, кто никоим образом органически не принимал этот режим, вызвало конфликт и привело к кровопролитному противостоянию, к трагедии – гражданской войне и расколу Молдавии. Молдавская ССР была упразднена партийно-национальной номенклатурой, а ее территория выведена из правового поля СССР. Республика Молдова стала полем политического действия одной стороны (с некоторыми корректировками середины 1990-х гг.), Приднестровская Молдавская Республика – ареной политического творчества другой. Конечно, необходимо учитывать существование в Молдове мощных левых сил, ориентированных на создание цивилизованного демократического государства, которые, правда, пока не в состоянии в корне переломить ситуацию. В Приднестровье, в свою очередь, существуют прорумынские, прокишиневские элементы, желающие установить у себя национал-тоталитарный «конституционный порядок», однако организационно не оформленный и не способный навязать обществу свой менталитет и свои антиценности.

Отличие заключается в том, что в Приднестровье названные элементы состоят главным образом из маргинальных личностей, не способных не только интегрироваться в референтное сообщество, но и навязать ему хоть в малейшей степени свою перевернутую систему ценностей. В Республике Молдова маргинальные представители социальных субгрупп, составлявшие постоянный контингент фронтистских шествий, митингов, «великих национальных собраний», погромов и бесчинств, рекрутировались и возглавлялись фанатично настроенными прорумынскими интеллигентами с их лозунгами и призывами: «Мыть кишиневский асфальт русской кровью!», «Молдавия – для молдаван!», «Чемодан – вокзал – Россия!», «Русский Иван, собирай чемодан!», «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!», «Утопим русских в жидовской крови!». Они были искусственно выпестованы и подняты национал-бюрократической элитой на уровень «народа», поэтому сумели навязать свою антиобщественную волю, свою систему антиценностей, свою извращенную полууголовную мораль и нормы поведения тому обществу, в которое они не могут интегрироваться.

Доминирующее положение национал-маргиналов Народного фронта в Молдове конца 1980 – начала 1990-х гг., их жестокая антисемитская диктатура, походы на Гагаузию и Приднестровье, погромы административных зданий, газет, частных квартир, избиения и

убийства ни в чем не повинных людей – все это объясняется острой необходимостью национальной бюрократии в подобной субгруппе для сохранения своего господствующего положения в политике, экономике, образовании, науке и культуре республики. Справедливое по закону возмездие за преступления могло бы отпугнуть маргиналов, внести в их ряды неуверенность и смущение, ослабить ударный отряд националистов, что не входило в планы партийно-бюрократической национальной элиты. Поэтому преступления их не расследовались и никак не наказывались.

Наоборот, гарантированная системой полная индульгенция за преступления любой тяжести поощряла на расширение и углубление гражданского конфликта, вовлекая в него новые силы. Так, безнаказанные выступления на митингах и в печати с клеветой и оскорблением национальных чувств поощряли на призывы к погромам, глумлению над флагом, другими советскими символами (еще не отмененными тогда), а затем и безнаказанный срыв военного парада 7 ноября в Кишиневе – к погрому здания МВД. В свою очередь, безнаказанный погром МВД – к разгрому редакции русскоязычных газет, избиениям и убийствам случайных людей, погромам частных квартир. Полное и даже подчеркнутое бездействие властей поощряло на новые преступления, привело к походу на Гагаузию военизированного сброда, убийству приднестровцев на дубоссарском мосту, нападениям полицейских и специально подготовленных террористов Молдовы на жителей г. Дубоссары, с. Кошица, г. Григориополь, с. Роги, г. Бендери. Они оставили кровавые следы на земле Приднестровья, которые явились знаковыми символами намечавшейся широкомасштабной войны с применением танков, авиации, тяжелой артиллерии, трагедии мирного города Бендери (Феномен 2003: 137).

Альянс национал-бюрократической номенклатуры с маргиналами при посредничестве представителей национальной творческой интеллигенции базировался, таким образом, на «взаимовыгодном» сотрудничестве: система гарантировала маргиналам безнаказанность за преступления; маргиналы обеспечивали системе постоянную и целенаправленную эскалацию конфликта – от, казалось бы, безобидного лозунга «Мы в своем доме!» до боевых вылетов МиГ-29, развязывания полномасштабной гражданской войны. Прорумынские фанатики из рядов молдавской интеллигенции получили возможность делать политическую карьеру, соревнуясь в разжигании низменных страстей наэлектризованной толпы, открыто удовлетворять свои патологические комплексы русофобии и публично призывать своих сторонников в лоно румынской «родины».

Однако самое главное – эскалация насилия помогала укреплять жесткую тоталитарную систему бюрократической власти националистов, усиливать репрессивные органы, расширять и сплачивать вокруг национальной идеи бюрократический аппарат, раздувать милитаристский психоз в стране, направлять недовольство низов на указанных им «врагов» и, конечно, нагло и грабительски обогащаться за счет присвоения «приватизированных» богатств республики. По мере погружения республики в пучину экономического кризиса и социального хаоса, разжигания гражданской войны и углубления раскола Молдавии функционеры этнобюрократического режима богатели, захватывая в собственность то, что раньше считалось государственным или общенародным достоянием, причем вне всякой конкуренции, контроля со стороны, обладая полной монополией на власть.

Нельзя не выделить особенности национальной психологии местной бюрократии, формировавшиеся и развивавшиеся в течение многих веков (примерно полтысячелетия). Можно ли сбрасывать со счетов такой долговременный фактор? Аналитики и наблюдатели при рассмотрении настоящей темы почему-то игнорировали его.

В течение 300-летнего османского ига в силу ряда особенностей молдавского феодализма³ привилегированные слои княжества могли развиваться экономически и обогащаться только тогда, когда находились на государственной службе, близко стояли к государственной иерархии. Чтобы быть в средневековой Молдавии богатым, обязательно нужно было иметь отношение к распределению и перераспределению централизованной ренты, государственных налогов. Те феодалы, кто не был причастен к государственной службе и занимался своими вотчинами, быстро разорялись и превращались в крестьян-резешей. В тех условиях обогащаться могли только бояре-откупщики и бояре-чиновники. «Свободные» и «независимые» от государственного аппарата феодалы становились крестьянами.

В силу этого обстоятельства психология «власть – это богатство» вошла в плоть и кровь молдавского чиновничества. Если для американского или западноевропейского государственного служащего вполне естественна и даже гораздо важнее формула «богатство – это власть» (демократическая система выборов требует популярности, создания имиджа, рекламы, а значит, денег), то для молдавского чиновника богатство, как и политический вес, авторитет, жизненные блага, надежность положения и даже семейное благополучие рождает и олицетворяет только власть. Вот где истоки психологических установок – без должности нет жизни, нет смерти. И цель всей жизни – в государственной должности. Только она гарант всех благ, роскоши и богатства.

В эпоху 100-летнего пребывания Бессарабии в составе России, чиновники которой буквально изошлялись в умении давать и получать взятки, ее система отнюдь не способствовала слому сложившейся психологии служащих, а два десятилетия румынской оккупации еще больше укрепили ее (хотя чиновничество Бессарабии почти сплошь составляли выходцы из Старого королевства, воспитывавшееся в системе Османской империи в таких же условиях, как и чиновничество молдавское).

В советские времена, сталинскую, хрущевскую и брежневскую эпохи, несмотря на их непохожесть, была одна чрезвычайно характерная особенность социально-политической ситуации для всех режимов – частная собственность на средства производства отсутствовала. Все функции управления и распределения сосредоточивались в партийно-государственных структурах, что вполне соответствовало сложившемуся менталитету и лишь усиливало названные его особенности. Сделать карьеру в любой области (науке, архитектуре, медицине, искусстве, образовании, журналистике и др.) можно было, исключительно находясь в структурах власти либо прислуживая им. Способности, талант, упорный труд, порядочность, профессионализм почти никакого значения не имели, чаще всего даже мешали. Как шутили в 1970-е гг., для успешной карьеры в Молдавии человеку нужны были три диплома: «высшее образование», «член КПСС» и «молдаванин» – все остальное происходило автоматически.

Начало эпохи гласности и перестройки с ее мощным демократическим напором на бюрократию, когда с высоких трибун раздавались призывы: «Хватит содержать дармоедов-бюрократов! Не ловит мышей – не кормите!», в высшей степени напугало бюрократическую олигархию МССР. В этих условиях переход национальной бюрократии на позиции агрессивного национал-экстремизма был не просто реализацией (когда «стало можно») тайных подавленных влечений к русофобии и даже не глубоко продуманными планами скорого обогащения за счет государственной собственности в период будущей приватизации.

Это был инстинкт самосохранения целого социального слоя партийно-государственных управленцев. В какой-то определенный момент они в массе своей стали думать и действовать одинаково, в едином порыве, возможно, не договариваясь между собой. Так стая ворон из десятков и сотен тысяч особей, летящих в одном направлении, вдруг, подчиняясь неизвестной нам силе, в некое неуловимое мгновение поворачивает в сторону. Все до единой, в одно мгновение. Так миллионы косяки рыб плывут в одном направлении и могут неожиданно изменить курс все сразу, без приказа вожака или ведущего.

Неожиданный залет партийно-государственной олигархии Молдавии в стан пещерного антикоммунизма и первобытного сепаратизма диктовался инстинктом самосохранения. Все «басни» о каком-то «национальном возрождении» были рассчитаны на самый низкий уровень понимания. Да и сам термин «национальное возрождение», введенный в тот момент акынами национальных элит союзных республик, в настоящее время не может не выглядеть злым издевательством и над нацией, и над возрождением (Бабилунга 1999: 8).

Ситуация в Приднестровском регионе МССР складывалась несколько по-иному благодаря уникальным историческим особенностям этой территории. После присоединения Днестровско-Бугского междуречья к России в конце XVIII в., после выдворения кочевых татар с этих земель они заселяются главным образом молдаванами, украинцами и русскими. Вот уже более двухсот лет национальная структура населения Приднестровья обладает устойчивой стабильностью, причем все три основных этноса, составляющие единый народ Приднестровья, не претерпевают в удельном весе каких-либо существенных колебаний. Они находятся в условиях неизмененного равновесия, к тому же ни один из них не представляет собой достоверного большинства⁴. Никто из них не только не объявляет себя «коренным», но и не выдвигает себя в качестве единственного этноса, который испытывает жгучую потребность в ускоренной программе «национального возрождения» за счет прочих, не требует законодательного провозглашения одного-единственного государственного языка и подавления, законодательного ограничения всех других языков и культур.

В Приднестровье за последние несколько сотен лет не сложилось этнического большинства, которое пожелало бы объявить себя «тизульной» нацией в ущерб прочим, «нетицульным», или так называемым «некоренным» народностям. Но почему же тогда 2 сентября 1990 г. съезд депутатов всех уровней в Тирасполе провозгласил Приднестровскую **Молдавскую** Республику, а не Приднестровскую Народную Республику? Мудрое решение отцов-основателей приднестровской государственности преследовало цель – создание исключительно молдавской государственности в условиях, когда национальная элита Молдовы взяла курс на отказ от своей молдавской идентичности, на усиленную и насильтвенную румынизацию молдавского этноса и утверждение румынской идентичности. Фактически этот курс имел конечной целью уничтожение молдавской государственности.

Приднестровье стало единственным государством на Земле, где молдаване могут не опасаться оскорблений за свою национальную идентичность, где они могут писать на родном языке, пользуясь исторически присущей молдавскому языку кириллической графикой,

гордиться своей молдавской историей и развивать свое молдавское искусство. И приднестровские молдаване все правильно поняли. Они выступили вместе с остальными приднестровцами против прорумынского национализма и насаждавшегося в Молдове агрессивного румынизма. Кишиневскому режиму не удалось расколоть единый народ Приднестровья по этническому признаку.

Самоидентификация населения Приднестровья представляет собой явление, в очень сильной степени отличающееся от идентификации населения Республики Молдова. Для менталитета населения ПМР не характерны болезненная раздвоенность сознания и глубокое противоречие в определении своей национальной идентификации, которые так мучительны для молдавского населения РМ последнего десятилетия благодаря усилиям элиты национальной интеллигенции прорумынской ориентации. Как показывают многочисленные исследования, свою румынскую идентичность признает в ПМР лишь считанное количество респондентов молдаван.

В конце XX в. вместе с коллегами из России и США приднестровские исследователи изучали проблемы самоидентификации приднестровцев разных языков и этносов. На вопрос «С населением какого из соседних государств вы видите наибольшее сходство?» лишь 15 % всех респондентов ответили: «С населением Молдовы» (32 % респондентов молдаван, 6 % русских, 8 % украинцев). С населением России обнаружили сходство 15% (13% всех респондентов молдаван, 23 – русских, 13 – украинцев), с населением Украины – 9 % (7 % русских и украинцев). Но большинство приднестровцев видят в своем народе уникальный этносоциальный и культурный феномен, ибо наибольшее количество (44 %) ответили, что «отдельные черты сходства с населением соседних государств, несомненно, есть... но в целом население Приднестровья уникально» (39 % респондентов молдаван, 47 % русских и 40 % украинцев) (Бабилунга, Погорелая 2002: 97–98).

Таким образом, вопрос о государственности не явился для населения Приднестровья искусственным и навязанным извне, как это зачастую преподносится средствами массовой информации Молдовы. Он полностью и гармонично соответствует исторически сложившимся особенностям и менталитету приднестровского населения. Согласно социологическому опросу 1998 г., только 9 % всех опрошенных отрицательно ответили на вопрос «Считаете ли вы, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность?». Более 70 % являются активными сторонниками своей республики, двое из десяти не определились. Лишь 6 % приднестровцев видят будущее региона в качестве части Молдовы как унитарного государства. За фе-

деративные отношения с Молдовой высказались 18 % опрошенных, за независимость ПМР – 15, за федеративные отношения с Россией – 22, за вхождение в союз Белоруссии и России – 28. Следовательно, 83% жителей Приднестровья являются республиканцами и выступают за укрепление государственности ПМР, более тесные отношения с восточными соседями.

Неудивительно, что, как только созрели необходимые политические условия для возрождения государственности на Днестре, республика была создана в течение нескольких месяцев. Необходимо отметить, что за полтора года до развала СССР власти Молдовы провозгласили путь на выход из Советского Союза и создание независимого государства, что сразу лишило население Приднестровья союзного гражданства и ставило его перед угрозой возможного включения в состав Румынии. Приднестровцы начали борьбу за свои права, сначала робко, неумело, осторожно. Они посыпали письма и петиции в различные органы власти с просьбой предоставить статус государственного не только румынскому языку, но и русскому. Отказ! Они просили о создании на их территории свободной экономической зоны в составе Молдовы. Отказ! Они просили предоставить им статус самоуправляемой автономии в рамках Молдовы. Отказ!

Наоборот, кишиневский режим издавал воинственные кличи, собирая нацистские полувоеннизованные формирования для похода против «пришельцев», а средства массовой информации в унисон с правительством развернули самый настоящий милитаристский психоз в стране с лозунгами фашистских времен, выдвинутыми перед Второй мировой войной известным румынским нацистом Зеля Кодряну. Однако все это являлось лишь прелюдией к широкомасштабной агрессии Молдовы против ПМР в начале марта 1992 г., в том числе и к неспровоцированному нападению в июне 1992 г. на мирный незащищенный г. Бендеры. Только в конце июля, в результате подписания между Россией и Молдовой при участии Приднестровской Молдавской Республики соглашения о прекращении огня и мирном разрешении конфликта, была создана трехсторонняя Объединенная контрольная комиссия, определены зоны безопасности, и российские миротворческие силы разъединили враждующие стороны (Бомешко 2010: 477).

Чего же добилось руководство Молдовы агрессией против ПМР? Стой и другой стороны тысячи убитых, десятки тысяч раненых, изувеченных, покалеченных; сотни детей-сирот, тысячи несчастных семей, потерявших дорогоого, любимого человека; миллионы леев, миллионы рублей материальных убытков и потерь; моральные издержки и политические потери Молдовы как государства-агрессора, с одной

стороны, и единение народа Приднестровья перед лицом смертельной опасности, политические симпатии общественности мира к ПМР как государству – жертве агрессии – с другой.

Этого можно было избежать, не допустить пролития крови, убытков, раскола Молдавии. Стоило только почувствовать обеспокоенность сотен тысяч людей и создать компромиссные лингвистические иконы. Стоило лишь принять предложение об основании в Приднестровье свободной экономической зоны или организации Приднестровской автономной республики в составе МССР. Стоило (какая малость!) не избивать и не изгонять из парламента депутатов от Приднестровья, а внимательно выслушать их. Стоило всего лишь проявить минимум понимания устремлений народа Приднестровья и на высшем уровне договориться о взаимном делегировании полномочий между властями РМ и ПМР, начать кропотливый поиск взаимоприемлемых решений федеративной реконструкции унитарной Молдовы.

Однако такова, очевидно, природа мононациональной тоталитарно-бюрократической элиты, которая представляет интересы и силы мракобесия, национальной и социальной дискриминации собственных сограждан. Для того чтобы пойти на переговоры с молодым государством – Приднестровской Молдавской Республикой, народ которой желает жить в правовом цивилизованном государстве, в котором права человека являются высшей государственной ценностью и целью системы, национал-бюрократическая олигархия должна была бы изменить силам, которые она представляла, и самой себе. Цветы в ее представлении были хороши для р. Прут, а для наведения мостов в Приднестровье использовались силы полиции, карабинеров, регулярной армии, рекрутов из «волонтеров»; танки, тяжелая артиллерия, авиация, минометы и пулеметы.

Национал-демократические силы, пришедшие к власти в Молдове, на деле представляли собой национальную часть старой партийно-государственной бюрократии, сохранившей и даже приумножившей в годы «перестройки» в своих руках всевозможные синекуры. Именно она, в первую очередь, являлась заложником раздутого средствами массовой информации милитаристского психоза в республике, митинговых бесчинств наэлектризованных маргинальных толп, погромной безнаказанности и черносотенного мракобесия. Все это ею не только порождалось и разжигалось, но и чрезвычайно пугало данные силы. Они были наименее компетентными, наименее гибкими и наименее способными к проведению адекватной и прагматичной политики, направленной на благо народов Молдавии, к недопущению ее раскола, сохранению единства и территориальной целостности, нахождению общественного консенсуса и согласия.

Если кто-то из них в глубине души лично и предвидел гибельность проводимой политики, то все вместе в качестве единого клана они выступали за ужесточение курса по отношению к «русофонам» и «сепаратистам», соревнуясь между собой в кровожадности и бескомпромиссности программ и планов «восстановления конституционного порядка». Даже сам этот термин не может не эпатировать наблюдателя своей абсурдностью. Ведь речь шла о «восстановлении конституционного порядка» в пределах той территории, которая была создана актом 2 августа 1940 г., отмененным будущими «восстановителями» как незаконный в июне 1990 г. Следовательно, ими восстанавливалась та сталинско-молотовская территориальная «целостность» республики, которая уже была объявлена вне закона и которая ежедневно проклиналась подконтрольными властям средствами массовой информации, радио и ТВ.

Предъявляя лишь слегка завуалированные территориальные требования к Украине и объявляя не только земли Молдовы, но и часть земель Украины территорией румынского государства (кстати, без ясно выраженного согласия румынского правительства), власти Молдовы в специальном заявлении от 30 ноября 1990 г. решительно осудили «попытки негативного влияния на перестроочные процессы в угоду сторонникам сталинщины и застоя», которые они обнаружили в лице «лидеров сепаратизма» и которые якобы «стремятся расчленить Молдову, задушить пробудившееся национальное самосознание ее народа».

То, что Приднестровская Молдавская Республика создавалась в том числе и с целью защиты молдавского этноса от агрессивной румынизации, властями Молдовы тщательно скрывалось от населения, как и то, кто же на самом деле был сторонником «сталинщины и застоя», активным вдохновителем и исполнителем антинародных законов и даже уголовных преступлений во имя сохранения и укрепления тоталитарного и унитарного режима бюрократического абсолютизма этнократии Молдовы.

Образование ПМР угрожало ли территориальной целостности и суверенитету откололившейся от Советского Союза Республики Молдова? Все предложения о создании в Приднестровье свободной экономической зоны или автономной республики, не говоря о просьбах второго государственного языка, мыслились и лидерами рабочего движения, и населением в целом исключительно в рамках единой Молдавии. Таким образом, создание ПМР давало шанс политическому классу Молдовы сохранить целостность страны и вести ее по пути европейских ценностей, исключивших полунацистские эксперименты. Но властям Молдовы не нужна была и сама государственность Молдовы, а возрождавшаяся молдавская государственность в виде ПМР

представлялась им личной угрозой для себя и для тех финансовых потоков, которые щедро лились им в карманы из-за рубежа.

Как же обстояло дело после Второго чрезвычайного съезда депутатов всех уровней Приднестровья, т. е. после возрождения государственности в форме союзной республики?

2 сентября 1990 г. съезд принял ряд основополагающих документов, положивших начало Второй республике в Приднестровье: постановление, провозгласившее создание республики в составе Союза ССР, декларацию об образовании ПМССР, декрет о государственной власти, политико-правовое обоснование создания ПМССР и другие документы, а также заявление народных депутатов Приднестровья в адрес председателя Верховного Совета ССРМ М. Снегура: «Наша главная цель – обеспечение свободного и равноправного, не на словах, а на деле, развития всех народов Приднестровской Молдавской Социалистической Республики. II съезд народных депутатов выражает готовность сохранить и развивать взаимовыгодное сотрудничество и связи в различных областях общественной и социально-экономической жизни между республиками» (Непризнанная республика 1997: 113).

На территории Приднестровья 25 ноября 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет ПМР первого созыва. Через несколько дней на первой сессии Верховного Совета депутаты сформировали палаты национальностей и палату республики, комитеты и комиссии. В конце ноября прошел второй этап II Чрезвычайного съезда депутатов всех уровней Приднестровья, на котором была одобрена деятельность временного Верховного Совета. Несмотря на то что руководство Молдовы признало 27 ноября состоявшиеся в Приднестровье выборы недействительными, съезд в своем постановлении отметил, что «народные депутаты всех уровней ПМССР и их избиратели видят сохранение целостности ССР Молдова на основе содружества республик, на принципах федерации равноправных республик с делегированием определенных полномочий федеральным органам власти».

В декларации о суверенитете ПМССР и декрете о государственной власти республики, принятых на первой сессии ВС ПМР первого созыва, были заявлены основные конституционные параметры новой государственности: территория и народ; структура власти в Приднестровье; гражданство; социальное и экономическое развитие; экологическая безопасность; культурное развитие; внешняя и внутренняя безопасность; международные отношения и государственная символика. Верховные Советы Гагаузии и Приднестровья в начале декабря 1990 г. приняли специальную декларацию об объединении республик, в которой обе стороны выразили намерение объединиться на федеративной основе, для чего планировали создать комиссию по

разработке федеративного договора, при этом «в целях сохранения территориальной целостности Молдавии, установления гражданского мира и согласия Верховные Советы ГР и ПМССР обращаются к Верховному Совету ССР Молдова с предложением о вхождении в образуемую федерацию» (Непризнанная республика 1997: 141).

Это была еще одна возможность сохранить целостность Молдавии на путях реформирования и демократизации общественной жизни республики. Это был еще один шанс сохранить государственность Молдавии от кризиса, не допустить ее гибели в границах МССР. Найдется ли хоть один здравомыслящий человек, который стал бы отрицать такой очевидный факт?

Ответ Молдовы известен: усиление насилия и возведение террора в ранг официальной политики государства. Особенно заметно стал проявляться государственный террор после того, как население Приднестровья приняло участие в голосовании («за» – 93%) на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. в условиях, когда кишиневский режим запретил его проведение на территории Молдовы и лишил ее жителей возможности высказать свое отношение к судьбе Союза (Бомешко 2015: 59).

Власти Приднестровья предприняли новую попытку решить спорные вопросы за столом переговоров и сохранить территориальную целостность Молдавии. 26 апреля 1991 г. Верховный Совет ПМССР принимает обращение к властям Молдовы, в котором, исходя из постановления Совета национальностей Верховного Совета ССР от 26 апреля 1991 г. «О путях достижения согласия по нормализации обстановки в ССР Молдова», предложил незамедлительно начать переговоры по выработке компромиссных решений: «Общественно-политическая ситуация вокруг Молдовы и в целом по стране такова, что сегодня нельзя с уверенностью сказать, к какой форме государственности придет Союз ССР и каково будет там место Молдавии. Реальностью является и то, что у нас разные подходы к данным вопросам. Наша позиция известна и подтверждена неоднократным волеизъявлением народа Приднестровья. Поэтому для сохранения целостности ССР Молдова и совместного решения задач по достижению реального государственного суверенитета, нормализации общественно-политической обстановки ПОВТОРНО предлагаем рассмотреть предложения о федеративном устройстве Молдавии. В этом мы видим единственный на сегодняшний день путь к миру и стабильности» (Непризнанная республика 1997: 145).

Однако поиски пути к миру и стабильности менее всего беспокоили правящую в Молдове национальную олигархию. Президиум Верховного Совета Молдовы в середине апреля 1991 г. принимает постановление, обязывающее карательные органы республики «принять

оперативные и эффективные меры по обеспечению неукоснительного исполнения законодательства ССР Молдова» в Приднестровье. Здесь содержалось провокационное «предупреждение» руководства СССР о том, что Молдова приняла решение «пересмотреть свои обязательства... в отношении средств и способов поддержания конституционного правопорядка в республике и сохранения ее территориальной целостности» (Бомешко 2010: 141). Проведенные вскоре рейды вооруженных групп спецназовцев Молдовы, аресты, избиения, похищения людей, связанный в Приднестровье террор, который сопровождался резкими выступлениями политических деятелей и средств массовой информации Молдовы, запугиванием и угрозами, явно представили приднестровцам эти «средства и способы». Никаких сомнений в действительном стремлении властей Молдовы к развязыванию гражданской войны ни у кого больше не оставалось.

В этих условиях десятая сессия Верховного Совета ПМССР первого созыва принимает 25 августа 1991 г. Декларацию о независимости ПМССР, в которой независимость приднестровского государства связывалась с неоднократным отказом Молдовы от предложений об образовании федеративной республики и провозглашалась естественным и необходимым условием существования государственности: «Приднестровская МССР создана как демократическое правовое государство, призванное обеспечить равенство прав и обязанностей граждан всех национальностей, образующих народ Приднестровской МССР» (Непризнанная республика 1997: 157–158). Декларация приобрела силу конституционного закона.

Через неделю, 2 сентября 1991 г., IV съезд депутатов всех уровней Приднестровья утвердил Конституцию, герб и флаг ПМССР. Съезд отметил, что, несмотря на огромные трудности, на отсутствие опыта парламентской, законодательной работы, был принят ряд важных судьбоносных для народа Приднестровья документов: Декрет о государственной власти; Декларация о суверенитете; законы о правительстве и председателе Приднестровской МССР, о местном самоуправлении и основах местного хозяйства, о государственном бюджете и банковской системе; принятые Декларация о независимости и Конституция (Основной закон) ПМССР. Все это позволило за год создать фундамент государственности, поэтому съезд обратился к V внеочередному съезду народных депутатов ССР с предложением о признании независимости и суверенитета ПМССР, а главное – об участии республики как самостоятельного субъекта в подписании Союзного договора.

Судьба договора была, как известно, решена в Беловежской пуще. Но развал Советского Союза не нанес государственности Приднестро-

вья смертельного удара. В республике был проведен референдум о независимости 1 декабря 1991 г., и одновременно состоялись выборы на альтернативной основе первого президента ПМР. На выборах за И.Н. Смирнова отдали свои голоса 65,4 % избирателей, за независимость ПМР – 98 %. Верховный Совет ПМР принимает 18 декабря 1991 г. постановление, в котором, выражая неколебимую волю народа Приднестровья к созданию на новой основе единого политического, экономического, финансового, стратегического и общегражданского пространства, одобрил образование Россией, Украиной и Белоруссией Содружества Независимых Государств, а также поручил президенту Смирнову решить с учредителями СНГ вопрос о вхождении ПМР в Содружество (Непризнанная республика 1997: 209).

В течение последующих четырех лет ПМР жила по своей первой Конституции, принятой с некоторыми последующими дополнениями и изменениями 2 сентября 1991 г. В эти годы процесс укрепления государственности принял необратимый характер, ибо опирался на волю и чаяния подавляющего большинства граждан, республики, отвечал их самым насущным интересам и ожиданиям. Формирование органов государственной власти, кредитно-финансовой системы, создание системы правоохранительных органов, в Вооруженных сил ПМР, переход всех предприятий и учреждений под юрисдикцию республики, регулярно проводимые выборы в центральные и местные органы власти способствовали стабилизации общественно-политической обстановки и выживанию государственности в условиях финансово-экономической, политической, информационной блокады со стороны Молдовы.

Провал военно-террористических авантюризмов военщины и националь-экстремистов Молдовы способствовал укреплению международного авторитета ПМР, разрыву международной дипломатической и экономической блокады, несмотря на крайне осторожное отношение международного сообщества к процессам признания «самопровозглашенных» государств. В настоящее время ни у кого (в том числе и правящих кругах Республики Молдова) не вызывает сомнения полная экономическая, государственная, политическая юрисдикция законно избранных властей ПМР над территорией Приднестровья, как и то, что органы государственной власти республики созданы и функционируют стablyно и слаженно по воле народа, а не в результате заговора «белых воротничков», «коммунистических директоров», «шовинистов-сепаратистов» и прочих страшилок газетной пропаганды националь-олигархического режима властей Молдовы. Приднестровская государственность фактически стала возрождением молдавской государственности в условиях противостояния

разлагающемуся и загнивающему кишиневскому режиму, все еще способному на военные авантюры и террор, несмотря на гибнущую государственность Молдовы.

Борьба с экономическим кризисом в сложившихся условиях непризнанности, наметившийся рост экономики, активизация внешних связей, совершенствование кредитно-финансовой системы, укрепление и развитие системы власти в целом привели к необходимости реформирования законодательства и совершенствования механизмов власти, которые бы соответствовали новым условиям сохранения мира и безопасности государственности в условиях утверждения политической стабильности.

К сожалению, приходится констатировать, что экономическая блокада, мировой финансовый кризис и другие внешние обстоятельства чрезмерно затрудняют пользование гражданами ПМР этими конституционными правами. Но эти трудности не являются имманентными, присущими нашей системе изначально. Они лишь факт нашего сегодняшнего бытия и беспрецедентного давления извне.

Способна ли национал-бюрократическая система Молдовы принять новые идеи создания цивилизованного демократического общества и перестроиться в соответствии с ними? Это означало бы ее самоликвидацию. Что будет в будущем? Покажет время. Но уже сейчас можно твердо сказать, что время показало правильность выбора, сделанного народом Приднестровья 25 лет тому назад. Жертвы и лишения были не напрасными. Молдавская государственность возродилась, как птица Феникс из пепла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Названные термины – не журналистские гиперболы, а принятые на официальном уровне в начале 1990-х гг. и используемые в речах высших государственных чиновников деление граждан Молдавии на четко разграниченные своеобразные касты.

2. В этом заинтересованы самые широкие слои всех представленных в Молдавии этносов и в первую очередь – молдаване, поскольку агрессивная румынизация может в скором времени привести к постепенному исчезновению этноса.

3. Господство централизованной ренты при постепенном ослаблении сеньориальной ренты, пятикратное превышение государственной эксплуатации крестьян над боярской, изнурение крестьянского хозяйства под тяжелым налоговым прессом государства и, как следствие, разорение вотчинного хозяйства бояр, откупная система сбора налогов и др.

4. Молдаване составляют приблизительно 33,5 %, русские – 30 %, украинцы – около 30 %, болгары – 2 %, почти столько же - евреи, гагаузы и белорусы – по 0,6 %.

ЛИТЕРАТУРА

Бабилунга 2010 - *Бабилунга Н.В. Бинарный снаряд на берегах Днестра: историческая ретроспектива возможности взрыва // Общественная мысль Приднестровья. 2010. № 1.*

Бабилунга, Погорелая 2002 - *Бабилунга Н.В., Погорелая Е.А. Приднестровье в языковом зеркале межэтнической интеграции // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2002. № 6.*

Бабилунга 1999 - *Бабилунга Н.В. Раскол Молдавии и конституционные акты ПМР // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1999. № 3.*

Бессарабский вопрос 1993 - Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики: сб. официальных документов. Тирасполь, 1993.

Бомешко 2010 - *Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990–1992 гг. Бендери, 2010.*

Бомешко 2015 - *Бомешко Б.Г. История Приднестровской войны 1992 года. Тирасполь, 2015.*

Дугин 1997 - *Дугин А.Г. Основы geopolitiki. Геополитическое будущее России. М., 1997.*

История 2001 - *История Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2001. Т. 2, ч. 2.*

Непризнанная республика 1997 - *Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника / сост. В.Ф. Грызлов. Т. 1. Документы государственных органов Приднестровья. М., 1997.*

Солженицын 1995 - *Солженицын А. По минуте в день. М.: Аргументы и факты, 1995.*

Феномен Приднестровья 2003 - *Феномен Приднестровья. 2-е изд. Тирасполь, 2003.*

Фролов 2002 - *Фролов К.А. Приднестровский регион в geopolitической системе координат восточно-христианской цивилизации // Приднестровье в geopolitической системе координат XXI века. Тирасполь, 2002.*

Хаусхофер 2001 - *Хаусхофер К. О geopolitике: работы разных лет. М., 2001.*

REFERENCES

Babilunga, N.V.(2010) Binarnyy snaryad na beregakh Dnestra: istoricheskaya retrospektiva vozmozhnosti vzryva [Binary projectile on the banks of the Dniester: Historical retrospective of the possible explosion]. *Obshchestvennaya mysl' Pridnestrov'ya*. 1.

Babilunga, N.V. & Pogorelaya, E.A. (2002) *Pridnestrov'e v yazykovom zerkale mezhchetnicheskoy integratsii* [Transnistria in the linguistic mirror of ethnic integration]. *Ezhegodnyy istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 6.

Babilunga, N.V. (1999) Raskol Moldavii i konstitutsionnye akty PMR [The Moldavian Split and constitutional acts of the PMR]. *Ezhegodnyy istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 3.

Yakovlev, V.N. (ed.) (1993) *Bessarabskiy vopros i obrazovanie Pridnestrovskoy Moldavskoy Respublikи: sbornik ofitsial'nykh dokumentov* [The Bessarabian question, and the formation of the Pridnestrovian Moldau Republic: A collection of official documents]. Tiraspol: PGKU.

Bomeshko, B.G. (2010) *Sozdanie, stanovlenie i zashchita Pridnestrovskoy gosudarstvennosti. 1990–1992 gg.* [The formation, establishment and defense of Pridnestrovian state in 1990–1992]. Bender: Polygrafist.

Bomeshko, B.G. (2015) *Istoriya Pridnestrovskoy voyny 1992 goda* [The history of the Pridnestrovian war in 1992]. Tiraspol.

Dugin, A.G. (1997) *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii* [Basics of geopolitics. The geopolitical future of Russia]. Moscow: ARKTOGEYa.

Grosul, V.Ya. (ed.) (2001) *Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respublikи* [The history of the PMR]. Vol. 2. Tiraspol: Taras Shevchenko Transnistria State University.

Gryzlov, V.F. (ed.) (1997) *Nepriznannaya respublika. Ocherki. Dokumenty. Khroniika* [The unrecognized republic. Essays. Documents. Chronicle]. Vol. 1. Moscow: RAS.

Solzhenitsyn, A. (1995) *Po minute v den'* [A minute a day]. Moscow: Argumenty i fakty.

Babilunga, N.V. (ed.) (2003) *Fenomen Pridnestrov'ya* [The phenomenon of Transnistria]. 2nd ed. Tiraspol: Taras Shevchenko Transnistria State University.

Frolov, K.A. (2002) *Pridnestrovskiy region v geopoliticheskoy sisteme koordinat vostochno-khristianskoy tsivilizatsii* [Transnistrian region in the geopolitical system of coordinates of Eastern Christian civilization]. In: Beril, S.I., Galinskiy, I.N. & Blagodatskikh, I.M. (eds) *Pridnestrov'e v geopoliticheskoy sisteme koordinat XXI veka* [Transnistria in the geopolitical system of coordinates of the 21st century]. Tiraspol: Perspektiva.

Haushofer, K. (2001) *O geopolitike: raboty raznykh let* [On geopolitics: Works of various years]. Translated from German by I.G. Usachev. Moscow: Mysl'.

Бабилунга Николай Вадимович – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Babilunga Nikolai – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: babi05@rambler.ru

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/17

РУСИНСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВОЕВОДИНЫ. СТАТЬЯ 2*

Д. А. Катунин

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Scopus Author ID: 56401894100

Вецейязичноц, мултикултурализем и мултиконфесионализем представяю общу вредносц од окремней значносци за АП Войводину...

Статут Автономней Покраїни Войводини.
Член 7.

Авторское резюме

Рассматриваются разновременные законодательные акты Автономного края Воеводина, регламентирующие деятельность краевых органов власти: парламента, правительства и администрации. Эти документы анализируются на предмет закрепления в них языковых прав русинского и других национальных меньшинств, проживающих на территории края. Особое внимание уделяется русинскому языку, так как Воеводина является единственным в мире регионом, где этот язык имеет официальный статус.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о последовательной реализации Сербией политики мультикультурности и мультиязычия на территории столиц полигэтнического региона, как Воеводина, где проживают представители более 20 национальностей. Официальный статус русинского языка подтверждается в законах, регулирующих деятельность краевых органов представительной и исполнительной власти. Данные документы конкретизируют возможность использования

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

русинского языка и языков других национальных меньшинств в работе парламента, правительства и администрации региона.

Ключевые слова: русины, русинский язык, языковая политика, национальные меньшинства, Сербия, Воеводина.

THE RUSIN LANGUAGE AND LANGUAGES OF OTHER NATIONAL MINORITIES IN THE LEGISLATION OF VOJVODINA. ARTICLE 2*

D.A. Katunin

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Scopus Author ID: 56401894100

Multilingualism, multiculturalism and multiconfessionalism shall represent a universal value of particular interest to the AP of Vojvodina.

The Statute of the Autonomous Province of Vojvodina.
Article 7.

Abstract

The author considers the laws of the Autonomous Province of Vojvodina of different years. These laws regulate the activities of the Province's power bodies: parliament, government and administration. These documents are reviewed as fixing the linguistic rights of the Rusins and other national minorities living on the territory of the region. Particular attention is paid to the Rusin language, since Vojvodina is the only region in the world where the language has an official status.

This study allows drawing conclusions about the consistent implementation of the multiculturalism and multilingualism policy in Serbia in the territory of such a multi-ethnic region as Vojvodina where representatives of more than 20 nationalities live. The official status of the Rusin language is supported in the laws regulating the activities of the Province's representative and executive power. These documents specify the use of the Rusin language and of languages of other national minorities in the parliament, government and administration of the region.

Keywords: Rusins, Rusin language, language policy, national minority, Serbia, Vojvodina.

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

В предыдущей статье (Катунин 2015) были проанализированы положения Основных законов Воеводины (Конституции и статутов), регулирующие использование языков национальных меньшинств, и краевые законы о языках. В настоящей работе будут рассмотрены документы, в которых регламентируется деятельность краевых органов власти в аспекте возможности использования русинского языка и языков других национальных меньшинств в работе этих органов.

Вторым по значимости документом после Конституции или Статута в законодательстве стран бывшей Югославии является регламент (пословник) представительного и законодательного органа власти – государственного, регионального или муниципального.

Как и в случае с Основным законом (Статутом) Воеводины, современные регламенты краевого парламента (скупщины) составлялись с учетом аналогичных документов социалистического периода, где утверждалось равноправное использование сербскохорватского (или хорватскосербского)¹, венгерского, словацкого, румынского и **русинского** языков и алфавитов в работе законодательного органа власти, например:

Чл. 3. У раду Скупштине обезбеђује се равноправна употреба српскохорватског односно хрватскосрпског, мађарског, словачког, румунског и русинског језика и писма (Пословник 1985).

На этих же языках и алфавитах оформлялась печать скупщины (ст. 5), издавалась краевая официальная газета (ст. 15), подавались и утверждались материалы, рассматриваемые на сессии краевого парламента (ст. 31), составлялись оригиналы законов (ст. 159). Кроме того, за депутатами закреплялось право выступления на своем родном языке с обеспечением перевода на другие языки (ст. 31). Для соблюдения идентичности разноязычных текстов краевых законодательных актов в составе парламента функционировала специальная комиссия, деятельность которой регламентировалась ст. 97–98.

Следует отметить особенности парламентского устройства Югославии позднесоциалистического периода (по Конституции 1974 г.), когда парламенты Югославии входивших в ее состав республик и автономных краев имели многопалатную структуру и состояли из трех советов (вече): общественно-политического, общин и объединенного труда (подробнее см.: Гуськова 2003). Деятельность каждого из этих советов определялась своим регламентом, где в том числе регулировалось и использование языков в их работе. Так, по регламентам всех трех советов скупщины Воеводины, принятых в 1986 г., в идентичных формулировках – и практически аналогичных соответствующему положению регламента всей скупщины – декларировалось равноправное употребление сербскохорватского (или

хорватскосербского), венгерского, словацкого, румынского и **русинского** языков и алфавитов:

Чл. 6. *<...> Ураду Већа и радних тела Већа обезбеђује се равноправна употреба српскохрватског односно хрватскосрпског, мађарског, словачког, румунског и **русинског** језика и писма* (Пословник 1986а; Пословник 1986б; Пословник 1986с).

В 1989 г. в регламент работы скупщины были внесены изменения и дополнения, согласно которым из статей № 3, 5, 15 и 31 устранилось слово «хорватскосербский» в соответствующем падеже (однако было упущено, что это слово упоминалось и в ст. 159, где оно и оставалось до отмены регламента редакции 1985 г.):

Чл. 2. Учлану 3, 5, 15, 31. став 4. и 5. треба брисати речи «односно хрватскосрпског» у одговарајућем падежу (Одлука 1989).

В 1990 г. в Сербии (и в обоих ее автономных краях) трехпалатная система была отменена и тогда же был принят временный регламент работы краевого парламента Воеводины, в котором языки упоминались только в перечислении полномочий и обязанностей ряда комиссий скупщины без поименного указания языков: по образованию, науке и культуре (ст. 39), по информационной деятельности (ст. 42), по организации и работе краевой администрации (ст. 45) и по утверждению идентичности разноязычных документов, принимаемых парламентом автономного края (Привремени 1992).

Первый полноценный регламент скупщины Автономного края Воеводина постсоциалистического периода был принят в 1992 г., где указывалось, что в работе парламента одновременно с сербским языком и кириллическим алфавитом (а латинским алфавитом на основе, утвержденной законом) находятся венгерский, словацкий, румынский и **руинский** языки и их алфавиты, а также языки и алфавиты других национальных меньшинств в соответствии с законом:

Чл 4. У раду Скупштине истовремено са српским језиком и ћириличким писмом, а латиничким писмом на начин утврђен законом, су мађарски, словачки, румунски и **руински** језик и њихова писма и језик и писма других националних мањина, на начин утврђен законом (Пословник 1992а).

На этих же языках и алфавитах оформлялся текст печати скупщины (ст. 3); за депутатами парламента закреплялось право выступления на своих родных языках, чье официальное употребление утверждено статутом Воеводины, с обеспечением перевода на другие языки с аналогичным статусом (ст. 160). Кроме того, прописывалась деятельность комиссий в сфере использования и развития языков, как и в вышерассмотренном регламенте 1990 г. (ст. 43, 46, 49, 51).

В следующем регламенте 2002 г. содержались практически те же положения, что и в документе десятилетней давности, но к языкам, используемым в работе парламента, добавился хорватский:

Чл. 5. Уроботи Скупштини источасно зоз сербским язиком и кирилским писмом, а зоз латинским писмом на способ яки утверждени зоз законом, службено ше хаснүе мадярски, горватски, словацки, румунски и руски язик и їх писма (Діловнік 2002).

Соответственно и текст печати парламента теперь должен быть написан на шести языках:

Чл. 4. <...> Печа Скупштини округлей форми и ма герб Республики Сербії и герб Автономней Покраїни Войводини и под нім текст: «Республика Сербия – Автономна Покраїна Войводина – Скупщина Автономней Покраїни Войводини» хтори витисани на сербским язику на кирилском и латинским писме и на мадярским, горватским, словацким, румунским и руским язику и писме (Діловнік 2002).

После принятия статута Воеводины 2009 г. было опубликовано краевое парламентское решение о скупщине автономного края, где сербский, венгерский, хорватский, словацкий, румынский и **русинский** языки объявлялись находящимися в официальном использовании в работе краевого парламента:

Чл. 8. Уроботи Скупштини ше службено хаснүе сербски язик и кирилске писмо, латинске писмо на способ як утверждзене зоз законом, и мадярски, горватски, словацки, румунски и руски язик и їх писма, у складзе зоз Статутом (Покраїнска 2010а).

Также утверждался Совет национальных сообществ, чье мнение обязательно должно учитываться скупщиной в вопросе использования языков и алфавитов, находящихся в официальном использовании (ст. 26).

Актуальный регламент 2010 г. подтверждает положение вышеуказанного решения об официальном функционировании шести языков в работе парламента:

Чл. 3. Уроботи Скупштини ше службено хаснүе сербски язик и кирилске писмо, латинске писмо на способ як утверждзене зоз законом, и мадярски, словацки, горватски, румунски и руски язик и їх писма, у складзе зоз Статутом Автономней Покраїни Войводини (у дальшим тексту: Статут, покраїнску скупштинску одлуку и тим діловніком (Діловнік 2010а).

В число комиссий парламента, в чью сферу ответственности входят регулирование и использование языков, добавляется комиссия по межнациональным отношениям, которая в том числе отслеживает осуществление права национальных меньшинств на официальное использование своих языков и алфавитов:

Чл. 58. Одбор за медзинационални одношения разпатра предлоги одлукох и общих актох хтори ше одноша на медзинационални одношения, защиту и витворйоване правох у обласци людских и меншинских правох и предклада мири у тей обласци, права на образоване, културу, информоване припаднікох народах и меншинских националних заєдніцох на языку народу и на язикох меншинских националних заєдніцох у Покраїни, провадзи витворйоване права на службене хасноване язикох и писмох и други питаня медзинационалних одношенох (Діловнік 2010а).

Отдельно указывается, что на выступления депутатов на сербском языке отводится пять минут, а на любом из языков национальных сообществ края, которые находятся в официальном использовании на территории края, – восемь:

Чл. 89. Час викладаня на сербским языку и час за поставянє по-сланіцких питаньох каждого посланіка огранічени на пейц минути, а викладане на язикох националних заєдніцох хтори ше службено хаснує на осем минути (Діловнік 2010а).

Также регламентирование использования языков характерно и для документов, определяющих деятельность исполнительного органа власти автономного края. В законе об исполнительном совете социалистического автономного края 1982 г. закреплялось обеспечение равноправного использования в работе этого органа сербскохорватского (или хорватскосербского), венгерского, словацкого, румынского и **русинского** языков и их алфавитов:

Чл. 12. У свом раду Извршно веће обезбеђује остваривање равноправности српскохорватског односно хрватскосрпског, мађарског, словачког, румунског и **русинског** језика и писама, у складу са законом (Закон 1982).

Решением об организации и основах деятельности исполнительного совета 1992 г. утверждалось, что одновременно с сербским языком и кириллицей (и латиницей на началах, утвержденных законом) обеспечивается использование венгерского, словацкого, румынского и **русинского** языков и их алфавитов, а также языков и алфавитов других национальных меньшинств в случае их утверждения законом; исчезает упоминание о хорватскосербском языке – в Югославии в это время идет гражданская война, в том числе между сербами и хорватами:

Чл. 22. У свом раду Извршно веће обезбеђује остваривање истовремене употребе са српским језиком и ћириличним писмом, а латиничним писмом на начин утврђен законом, и мађарског, словачког, румунског и **русинског** језика и њихових писама и језика и писама других националних мањина, на начин утврђен законом (Одлука 1992а).

В регламенте исполнительного совета Воеводины 1992 г. языки упоминаются только в разделах о печати этого органа (она выполняется на сербском, венгерском, румынском, **русинском** и словацком языках и алфавитах) и об удостоверении члена совета:

Чл. 3. Извршно веће има печат округлог облика са грбом Републике Србије и текстом: «Република Србија, Аутономна Покрајина Војводина, Извршно веће Аутономне Покрајине Војводине, Нови Сад», који исписан на српском, мађарском, румунском, **русинском** и словачком језику и писму.

Чл. 62. Члановима Извршног већа издаје се легитимација коју потписује председник Извршног већа.

Легитимација садржи податке о идентитету и правима члана Извршног већа, исписане на српском односно мађарском, словачком, румунском и **русинском** језику (Пословник 1992b).

В решении 1997 г. об изменениях и дополнениях регламента указывается, что все записи на сербском языке оформляются исключительно кириллицей (ст. 1) (Одлука 1997).

В регламенте 2002 г. повторяются положения о языках, на которых оформляется печать совета (ст. 6), а в ст. 16 комиссии по межнациональным отношениям, церкви и религиозным сообществам вменяется в обязанность контроль за официальным использованием языков и алфавитов национальных меньшинств (Пословник 2002).

Принятие статута Воеводины 2009 г. повлекло за собой изменения во всем юридическом пространстве автономного края. Так, исполнительный совет был переименован в правительство, и в краевом парламентском решении, регламентирующем его работу, устанавливалось официальное использование сербского языка в обоих алфавитах² и венгерского, словацкого, хорватского, румынского, и **русинского** языков и их алфавитов. Здесь же пояснялось, что такое официальное использование означает право члена краевого правительства пользоваться своим родным языком в письменной и устной формах, а также получать материалы для заседания на таком языке:

Чл. 28. У своєї роботи Покраїнска влада обезпечує службене хаснованє сербського язика і кириліцького писма, мадярського, словацького, горватського, румунського і **руського** язика і їх писмох, у складзе зоз законом, Статутом, Покраїнську скупщинську одлуку і Діловніком Покраїнської влади.

Службене хаснованє язикох и писмох национальних заєдніцох зоз пасуса 1. того члена окреме подрозумює право члена Покраїнської влади хасновац свой мацерински язик у писаним и усним обращаню Покраїнской влади, як и же би ше му акти зоз схадзи Покраїнской влади доручовало на тим языку (Покраїнска 2010b).

В том же году был принят регламент правительства Воеводины, в котором отсутствуют положения об официальных языках, но в статье о печати правительства сказано, что ее текст составляется на шести языках:

Чл. 7. Покраїнска влада ма печац округлей форми, зоз гербом Републики Сербії и гербом Автономней Покраїни Войводини (у дальшим тексту: Покраїна) и текстом «Република Сербия, Автономна Покраїна Войводина, Влада Автономней Покраїни Войводини, Нови Сад», хтори написаны на сербским языку зоз кирилским писмом, мадярским, словацким, горватским, румунским и руским языку и писме (Діловнік 2010b).

Также подтверждается право использования членами правительства родного языка в работе исполнительного органа (ст. 50).

В 1992 г. было опубликовано постановление «О краевой администрации» Воеводины, где в статьях об обязанностях и полномочиях нескольких подразделений этого органа также содержались положения о языках (без их поименного перечисления). Краевой секретариат по вопросам культуры и образования был призван обеспечивать условия для получения образования представителями народов и национальных меньшинств на их языках и организовывать выпуск учебников на языках национальных меньшинств; секретариат по информационной деятельности – развивать СМИ на этих языках, а секретариат по вопросам национальных меньшинств – обеспечивать перевод краевых законов и решений на языки таких меньшинств:

Чл. 21. Покрајински секретаријат за културу и образовање: ...стара се о обезбеђивању услова за образовање припадника народа и националних мањина на њиховим језицима у складу са законом; ...организује и врши послове у вези издавања уџбеника на језицима националних мањина и обавља друге одређене послове.

Чл. 22. Покрајински секретаријат за информације: ...учествује у обезбеђивању развоја и унапређења делатности јавног информисања, посебно организација и представа јавног информисања на језицима народа и националних мањина које се финансирају из буџета и предлаже мере за унапређивање њихове делатности.

Чл. 25. Покрајински секретаријат за остваривање права националних мањина, управу и прописе: ...обезбеђује превођења прописа и општих аката на језике националних мањина (Одлука 1992b).

Через 10 лет, в 2002 г., было принято постановление об изменении данного документа. В обязанности краевого секретариата по вопросам образования и культуры теперь вменялось принятие программы преподавания языков национальных меньшинств в начальных и средних школах, а также утверждение учебников по этим предметам и, по согласованию с министром образования, определение условий

обучения на языках таких меньшинств. Для секретариата по вопросам национальных меньшинств добавлялось регулирование официального использования языков и алфавитов национальных меньшинств на территории автономного края:

Чл. 14. Чл. 21. Одлуке се мења и гласи: «Покрајински секретаријат за образовање и културу ... доноси програм за језике националних мањина у основним и средњим школама и одобрава уџбенике за ове језике; ... споразумно са министром просвете утврђује услове и начин организовања наставе на језицима националних мањина; даје сагласност на остваривање наставног плана и програма на језицима националних мањина за мање од 15 ученика у основним и средњим школама...».

Чл. 18. Чл. 25. Одлуке мења се и гласи: «Покрајински секретаријат за прописе, управу и националне мањине ... обезбеђује превођење прописа и општих аката на језике националних мањина и врши друге послове превођења за потребе покрајинских и других органа; ... уређивање службене употребе језика и писама националних мањина на територији Покрајине...» (Одлука 2002).

В 2010 г. было принято ныне действующее «Краевое парламентское постановление о краевой администрации», существенно отличающееся от предшествующих редакций этого документа. Так, в него был включен раздел «Официальное использование языков и алфавитов», согласно положениям которого в работе краевой администрации обеспечивается официальное использование сербского языка (в кириллической и латинской графике), а также венгерского, словацкого, хорватского, румынского и **русинского** языков и их алфавитов. Соответственно в обязанности служащих вменяется знание сербского языка (и языков национальных меньшинств, находящихся в официальном использовании, – если это предусмотрено соответствующими документами). Также предусмотрена проверка чиновников на знание этих языков:

Службене хасноване язикох и писмох.

Чл. 26. У својеј роботи, покраїнска управа обезпечує службене хасноване сербскога јазика и кирилскога писма, мадјарскога, словацкога, горватскога, румунскога и **рускога** јазика и њих писмох, у складзе зоз законом, Статутом и покраїнску скупштинску одлуку.

Покраїнски службенікі должності знац сербски јазик, а јазик меншинской национальней заєднїци хтори ше службено хаснує у случаю кед то утверdzене з актом о нукашнїй організацїї і систематизацїї роботних местох.

Знане сербскога јазика ше преверјоє у случаю кед сербски јазик не мацерински јазик покраїнскога службеніка и кед основне, штреднє и високе образоване не здобуте на териториї Републики Сербиї,

односно на сербским языку, на способ яки утверdzени з актом Покраїнскай влади.

Преверйоване знаня язика меншинскай национальнай заедніцы хторише службено хаснує, або других язикох яки утверdzени з актом о систематизації, бліжей ше ушорює з окрему покраїнску скupштинску одлуку (Покраїнска 2010c).

Отдельно прописываются правила письменной коммуникации между различными органами власти, которая должна осуществляться на сербском языке и в кириллической графике. В виде исключения возможен ответ на другом языке при письменном обращении на таком языке. В случае же, если письменное или устное обращение составлено на одном из официальных языков края (в том числе и на русинском), то ответ должен быть сделан на этом языке. Особо указывается, что устная коммуникация между сотрудниками краевой администрации должна осуществляться на языке, который понятен всем участникам разговора:

Чл. 27. Комуникацию у писаней форми медзи органами покраїнскай управи и другима органами, организациями и установами, як и странскими физичними и правними особами ше водзи на сербским языку и кирилским писме.

Винімково, кед ше орган, організація и установа, як и странська физична и правна особа у писаней форми обраци на языку меншинской национальнай заедніцы зоз члена 26. пасус 1. тей одлуки або на даёдним странским языку, орган покраїнскай управи хторому документ послані обезпечи його преклад и може одвітовац на языку и писме на хторим документ поднешени.

Чл. 28. Кед ше странка у писаней форми або усно обраци органу покраїнскай управи на ёдним з язикох хтори ше службено хаснує у його роботи, орган должен одвітовац на тим языку.

Чл. 30. Заняти у органах покраїнскай управи медзисобно усно комуникую на языку хтори розумя и бешедую шицки учашніки у розгварки (Покраїнска 2010c).

Органы краевой администрации должны создавать финансовые, технические и кадровые условия для осуществления официального использования языков и алфавитов с целью обеспечения лингвистического равноправия:

Чл. 32. Органи покраїнскай управи служни обезпечиц финансийни, технічни условия и людски ресурси пре обезпечене службеного хасноўания язикох и писмох зоз члена 26. пасус 1. тей одлуки.

Покраїнска влада зоз своім актом бліжей ушорює критериюми утвардзования висини финансийных средствах, як и организацыйно-технічны питання хтори значни за обезпечоване службеного хаснованя

язикох и писмох националних заедніцох зоз члена 26. пасус 1. тей одлукы.

Чл. 33. Покраїнска влада провадзи витвороване службеного хасно-вания язикох и писмох у органох покраїнскай управи и подніма мири за обезпечоване язичней ровноправносци (Покраїнска 2010с).

Кроме того, как и в предыдущих редакциях этого документа, в рассматриваемом постановлении содержатся положения о регулирующих обязанностях в области использования языков трех секретариатов краевой администрации: по вопросам образования (ст. 48), по информационной деятельности (ст. 50) и по национальным сообществам (ст. 53).

Таким образом, представляется возможным констатировать, что для Автономного края Воеводина языковой вопрос является одним из важнейших. Даже столь специфические документы, как рассмотренные выше (т.е. регулирующие деятельность органов управления регионом и не предполагающие в обязательном порядке «языковую» компоненту), содержат многочисленные нормы, регламентирующие использование языков в самых различных сферах. Несмотря на то что, по данным переписи населения 2011 г., в регионе численно доминируют сербы – 66,76 % и те, кто указал сербский язык в качестве родного – 76,91 %, а доля представителей других национальностей относительно невелика (за исключением, может быть, венгров – 13,00 и 12,48 % соответственно), в краевых органах представительной и исполнительной власти обязательно использование шести языков, имеющих официальный статус на территории края. Все это в полной мере распространяется и на русинское меньшинство Воеводины. Хотя численность русинов в крае незначительна как в абсолютном, так и относительном выражении – 13 928 человек, или 0,72 %, а тех, кто указал русинский язык в качестве родного еще меньше – 11 154, или 0,58 %, этот язык обязателен к использованию в парламенте автономии, правительстве и органах краевой администрации: на нем составляется и публикуется официальная документация (выше приведены выдержки из законов Воеводины, в том числе и на русинском языке), возможна устная и письменная коммуникация в органах власти, как внутренняя, так и при работе с обращениями граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об истории развития хорватско-сербских этнолингвистических отношений см.: Багдасаров 2004.
2. В русинской и румынской версиях этого документа для сербского языка указывается только кириллическая графика, что может

свидетельствовать о декларативности официального мультиязычия в Воеводине при переводе документации на все языки, находящиеся в официальном употреблении.

ЛИТЕРАТУРА

Багдасаров 2004 - *Багдасаров А.Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.)* // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 30–49.

Гуськова 2003 - *Гуськова Е.Ю. Парламентаризм в Югославии // Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе*. М., 2003. С. 225–229.

Діловнік 2002 - *Діловнік Скупщини Автономній Покраїни Войводини // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2002. № 23.

Діловнік 2010а - *Діловнік Скупщини Автономній Покраїни Войводини // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2010. № 11.

Діловнік 2010b - *Діловнік Влади Автономній Покраїни Войводини // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2010. № 22.

Закон 1982 - *Закон об Извршном већу Скупщине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине*. 1982. № 13.

Катунин 2015 - *Катунин Д.А. Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин*. 2015. № 4. С. 235–250. DOI: 10.17223/18572685/42/16

Одлука 1989 - *Одлука о изменама и допунама Пословника Скупщине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине*. 1989. № 30.

Одлука 1992а - *Одлука о организацији и начину рада извршног већа Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине*. 1992. № 10.

Одлука 1992b - *Одлука о покрајинској управи // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине*. 1992. № 10.

Одлука 1997 - *Одлука о изменама и допунама Пословника Извршног већа Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине*. 1997. № 2.

Одлука 2002 - *Одлука о изменама и допунама Одлуке о покрајинској управи // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине*. 2002. № 3.

Покраїнска 2010a - *Покраїнська скупщинська одлука о Скупщини Автономній Покраїни Войводини // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2010. № 5.

Покраїнска 2010b - *Покраїнська скупщинська одлука о Влади Автономній Покраїни Войводини // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2010. № 4.

Покраїнска 2010c - *Покраїнська скупщинська одлука о покраїнській управі // Службени новини Автономній Покраїни Войводини*. 2010. № 4.

Пословник 1985 - *Пословник Скупщине Социјалистичке Аутономне По-*

краине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1985. № 26.

Пословник 1986а - Пословник Друштвено-политичког већа Скупштине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1986. № 14.

Пословник 1986б - Пословник Већа општина Скупштине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1986. № 14.

Пословник 1986с - Пословник Већа удруженог рада Скупштине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1986. № 14.

Пословник 1992а-Пословник Скупштине Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 1992. № 10.

Пословник 1992б - Пословник Извршног већа Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 1992. № 15.

Пословник 2002 - Пословник Извршног већа Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 2002. № 5.

Привремени 1992 - Привремени Пословник Скупштине Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 1992. № 2.

REFERENCES

Bagdasarov,A.R.(2004) Istorija razvitiya khorvatsko-serbskikh etnoyazykovykh otnosheniy (1940–1990-e gg.XX v.) [The history of the Croatian Serbian ethnolinguistic relations (1940–1990-s)]. *Slavyanskiy Vestnik*. 2. pp. 30-49.

Guskova, E.Yu. (2003) Parlamentarizm v Jugoslavii [Parliamentarism in Yugoslavia]. In: Igritskiy, Yu.I. (ed.) *Demokratizatsiya i parlamentarizm v Vostochnoy Evrope* [Democratization and Parliamentarianism in Eastern Europe]. Moscow: RAS. pp. 225-229.

Autonomous Province of Vojvodina. (2002) Di'lovn'i'k Skupshtyny Avtonomnej Pokrai'ny Vojvodyny. *Sluzhbeni novini Avtonomney Pokraini Vojvodini*. 23.

Autonomous Province of Vojvodina. (2010a) Di'lovn'i'k Skupshtyny Avtonomnej Pokrai'ny Vojvodyny. *Sluzhbeni novini Avtonomney Pokraini Vojvodini*. 11.

Autonomous Province of Vojvodina. (2010b) Di'lovn'i'k Vlady Avtonomnej Pokrai'ny Vojvodyny. *Sluzhbeni novini Avtonomney Pokraini Vojvodini*. 22.

Autonomous Province of Vojvodina. (1982) Zakon o Izvršnom veću Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 13.

Katunin, D.A. (2015) The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 1. *Rusin*. 4. pp. 235-250 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/16

Autonomous Province of Vojvodina. (1989) Odluka o izmenama i dopunama Poslovnika Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni*

list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. 30.

Autonomous Province of Vojvodina. (1992a) Odluka o organizaciji i načinu rada izvršnog veća Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 10.

Autonomous Province of Vojvodina. (1992b) Odluka o pokrajinskoj upravi. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 10.

Autonomous Province of Vojvodina. (1997) Odluka o izmenama i dopunama Poslovnika Izvršnog veća Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 2.

Autonomous Province of Vojvodina. (2002a) Odluka o izmenama i dopunama Odluke o pokrajinskoj upravi. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 3.

Autonomous Province of Vojvodina. (2010c) Pokraińska skupshtynska odluka o Skupshtyn Avtonomnej Pokraińy Vojvodyny. *Sluzhbeny novyny Avtonomnej Pokraińy Vojvodyny.* 5.

Autonomous Province of Vojvodina. (2010d) Pokraińska skupshtynska odluka o Vlady Avtonomnej Pokraińy Vojvodyny. *Sluzhbeny novyny Avtonomnej Pokraińy Vojvodyny.* 4.

Autonomous Province of Vojvodina. (2010e) Pokraińska skupshtynska odluka o pokraińskej upravy. *Sluzhbeny novyny Avtonomnej Pokraińy Vojvodyny.* 4.

Autonomous Province of Vojvodina. (1985) Poslovnik Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 26.

Autonomous Province of Vojvodina. (1986a) Poslovnik Društveno-političkog veća Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 14.

Autonomous Province of Vojvodina. (1986b) Poslovnik Veća općina Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 14.

Autonomous Province of Vojvodina. (1986c) Poslovnik Veća udruženog rada Skupštine Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 14.

Autonomous Province of Vojvodina. (1992c) Poslovnik Skupštine Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 10.

Autonomous Province of Vojvodina. (1992d) Poslovnik Izvršnog veća Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 15.

Autonomous Province of Vojvodina. (2002b) Poslovnik Izvršnog veća Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 5.

Autonomous Province of Vojvodina. (1992e) Privremeni Poslovnik Skupštine Autonomne Pokrajine Vojvodine. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine.* 2.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкоznания и классической филологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

Katunin Dmitry – Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 94(497.2)+94(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/18

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. ХИЛЕНДАРСКОГО И М. ЧАКИРА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

В историко-сравнительном контексте анализируются вклад болгарского монаха Паисия Хилендарского в становление болгарского национального Возрождения (вторая половина XVIII в.), а также роль и значение деятельности бессарабского гагаузского священника Михаила Чакира в формировании гагаузской этнической и культурной идентичности в Буджаке (начало XX в. – 1938 г.). Акцентируется внимание на общем и особенном в их биографии и национально-патриотической деятельности. Подчеркивается специфика влияния работ М. Чакира на этнокультурные и этнополитические процессы в Молдавии (вторая половина XX – начало XXI в.).

Ключевые слова: Болгария, Буджак, П. Хилендарский, болгарское Возрождение, М. Чакир, гагаузская идентичность, этнополитические процессы.

THE ACTIVITY OF PAISIUS OF HILANDAR AND M. CHAKIRA: COMMON AND SPECIFIC

I.F. Grek

The Association of Historians and the Politicians of «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The contribution of the Bulgarian monk Paisius of Hilandar in the growth of the Bulgarian National Revival (second half of the 18th C.) and the role and meaning of the activity of the Bessarabian Gagauz priest Mikhail Chakir in the formation of Gagauz ethnic and cultural identity in Budjak (beginning 20th C. – 1938) is analyzed in histo-

rical-comparative context. Attention to the common and specifics of their biographies and national-patriotic activity is stressed. The specifics of the influence of the work of M. Chakir on the ethno-cultural and ethno-political processes in Moldavia (second half of the 20th C. – beginning 21st C.) is underlined.

Keywords: Bulgaria, Budjak, Paisius of Hilandar, Bulgarian National Revival, Mikhail Chakir, Paisius of Hilandar Gagauz, ethno-political processes.

Известный болгарский историк Благовест Нягулов в статье «От единения к разграничению: болгари и гагаузы в румынской Бессарабии» (1918–1940 гг.) так оценивает роль и значение Михаила Чакира в осознании бессарабскими гагаузами своей этнической идентичности: «С должной исторической условностью можно дополнить, что с подготовкой и публикацией первой истории бессарабских гагаузов Михаил Чакир исполняет для них «роль» болгарского Отца Паисия Хилендарского, автора «Истории славяноболгарской» 1762 г.» (Нягулов 2010: 179).

В первой недавно вышедшей отдельным изданием книге о М. Чакире ее авторы заявляют, что среди гагаузов «он по праву снискал славу Ивана Федорова», первого книгопечатника в России (Мошин, Копущу 2013: 22).

В литературе приводятся еще более весомые и значимые сравнения М. Чакира. Биографы (Булгар 2005: 65) гагаузского священника-просветителя высказывают мнение о том, что его роль в истории бессарабских гагаузов сопоставима с той, которую сыграли изобретатели славянской письменности св. Кирилл и Мефодий.

Бессарабские соплеменники М. Чакира высказывали благодарность «милостивому Богу за то, что он послал» им «апостола, вышедшего из наших рядов» (Костенко 2005: 78). Это сравнение с апостолами было высказано и в самом отклике Н. Костенко на смерть М. Чакира (Костенко 2005: 75–79).

Понятно стремление пишущих о М. Чакире объяснить его значение для бессарабских гагаузов как неординарностью самой его личности, так и их желанием наглядно показать, какое место они отводят ему в пантеоне славных имен прошлого, оставивших неизгладимый след в православной цивилизации ее творивших и в жизни многих поколений людей, ей приверженных.

Однако нас здесь интересует, что стоит за этими сравнениями, насколько они оправданы, нет ли преувеличений или, наоборот, недооценки М. Чакира. Представляется важным выявить то общее, что дает право включить его имя в ряд выдающихся имен прошлого, определивших и определяющих лицо православной цивилизации,

православной церкви и славянской письменности и культуры. Заслуживает рассмотрения, прежде всего, то особенное, присущее деятельности только М. Чакира, которое, с одной стороны, вписывается в общую канву православной религии, церкви и культуры, а с другой – дополняет ее новыми элементами и новыми красками, обусловленными новым в них этническим и этнокультурным компонентом – гагаузским этносом и гагаузской культурой.

Правомерно ли ставить М. Чакира в один ряд с апостолами? Да, если под ними иметь в виду тех людей на нашей планете, кто отдавал всего себя служению своему народу. В данном случае апостол – просветитель, пастырь, поводырь, выводящий своих соплеменников из тьмы невежества, незнания и спасающий их от физического и этнического исчезновения. Но апостолов в человеческом облике, как правило, представляют в виде обобщенного художественного образа, возникшего в воображении писателя (Данко у М. Горького), хотя известны апостолы и исторические личности (выдающийся деятель болгарского национально-освободительного движения Васил Левски). Михаил Чакир – один из таких апостолов, но для бессарабских гагаузов он – один-единственный. Таким, как он, апостолам в человеческом облике присущи достоинства и недостатки, чем, собственно, они и отличаются от евангельских апостолов.

Как мне представляется, более удачно сравнение Михаила Чакира с исполнинской фигурой болгарского Возрождения - Паисием Хилендарским.

П. Хилендарский входит в число 10 самых известных болгар всех времен. Родился около 1722 г. в районе города Банско. Проходил послушание в Рильском монастыре. В 1745 г. Паисий удалился в болгарский монастырь Хилендар на Афонских горах. Там он был произведен в монашеский чин иеромонаха. В 1758 г. встречался с посетившим монастырь сербским историком Раичем, труды которого побудили его начать в том же году писать историю болгар. В ходе ее написания Паисий собирал материалы на Афоне, в Болгарии, путешествовал по «немецкой земле» (вероятно, по Банату). Окончил свою «Историю славяноболгарскую» в 1762 г. уже в Зографском монастыре, куда был вынужден удалиться. Там он нашел еще материалы для своей работы. При ее написании Паисий использовал сочинение Мавро Орбини «Regno degli slavi» в переводе на русский язык 1722 г., «Церковную историю» Барония, также в русском переводе (1716 г.), Жития святых, греческие легенды и немногочисленные болгарские документы. Умер Паисий Хилендарский в 1773 г. (Паисий Хилендарский 1962).

22 июня 1962 г. в связи с 200-летием написания им «Истории славяноболгарской» Священный синод Болгарской православной

церкви возвел (канонизировал) Паисия Хилендарского в лик святых.

Михаил Чакир, один из самых известных представителей бессарабской священнической фамилии Чакир, родился в 1861 г. в гагаузском селе Чадыр-Лунга Бендерского уезда. Его предки – выходцы из Добруджи, переселившиеся вначале в Молдавское княжество, а затем в Буджак. Учился в местной церковно-приходской школе, в духовном училище и духовной семинарии Кишинева. Работал учителем Кишиневского духовного мужского училища. Издавал учебную литературу на молдавском и русском языках, а также словари (Булгар 2005: 57–74). Еще в 1885 г. Михаил Чакир «обратился с просьбой разрешить печатать и использовать в школах учебники на молдавском языке» (Мошин, Копущу 2013: 27).

Почему М. Чакир начинает свою издательскую деятельность с удовлетворения культурных и языковых нужд молдаван, а не бессарабских гагаузов? На наш взгляд, это связано с тем, что тогда процесс осознания тюркоязычными потомками задунайских переселенцев своей гагаузской идентичности не был так очевиден, как это имело место в начале XX в. Следовательно, не было еще потребности в гагаузских просветителях. Мы не знаем, кем ортодоксальный православный М. Чакир сам себя осознавал. В этом не было ничего удивительного, ведь «Гагаузы Бендерского уезда» В.А. Мошкова были опубликованы в «Этнографическом обозрении» лишь в 1901–1904 гг. Известно, что именно они сыграли исключительно важную роль в становлении гагаузской этнической идентичности в Бессарабии. Детство М. Чакира пришлось на 1860-е гг. – время этнического переформатирования тюркоязычных «задунайских переселенцев». Именно тогда в их самосознании закладывается начало процесса их двойной идентичности – болгарской и гагаузской. Это начало было обусловлено их тюркским языком, который становился главным разграничителем между славяноязычными и тюркоязычными переселенцами из-за Дуная, поселившимися в Буджаке. Этот процесс шел достаточно медленно, но по нарастающей (Грек 2009). Как все, кто говорил на тюркском языке, называли себя болгарами, а самих болгар – туканами, так и члены священнического рода Чакиров относили себя к болгарам (Милиш 1993: 219–226). Тогда их тюркский язык, который они именовали турецким, еще не стал для них этническим символом. Молодой Михаил Чакир был сыном своих родителей и своего священнического рода.

Впервые проблема родного языка для священников из числа гагаузов возникла в 1890-е гг., когда их православная паства стала объектом воздействия религиозных сектантов. Бороться с ними можно

было только словом Божиим на родном языке (Грек 2011: 148). Таким образом, потребность в религиозном просвещении бессарабских гагаузов обусловила необходимость вовлечения их родного языка в защиту их религиозной идентичности от сектантской скверны. Подстегнула этническое развитие тюркоязычных православных перепись населения 1897 г., в которой их язык был назван, как и прежде, турецким языком. Именно после нее М. Чакир начинает переводы богослужебных книг и Евангелия на родной язык и задается вопросом о его названии. О. Мошин и В. Копущу отмечают: «Издавая книги, словари и листовки на молдавском языке, истинный сын гагаузского народа не мог не ратовать, чтобы и гагаузы могли иметь книги на родном языке, тем более слово Божие. И отец Михаил, и воодушевленные им другие гагаузы неоднократно просили церковное руководство разрешить издавать духовную литературу на гагаузском языке. В 1907 году было получено долгожданное разрешение Синода» (Мошин, Копущу 2013: 54).

Известно, что В. Мошков знал, что есть такой священник М. Чакир и чем он занимается: «В бытность мою в Бессарабии я слыхал, что священник гагауз отец Михаил Чакыр (так у автора. – И.Г.) работает над переводом всего богослужения на гагаузский язык. Но что вышло из этой работы, удался ли перевод отца Михаила и вошел ли он в употребление в гагаузских селах, – мне слышать более не приходилось» (Мошков 1901: 30). Анализ сказанного свидетельствует о том, что Мошков лично не был знаком с М. Чакиром. Он слышал о нем от бессарабских гагаузов, которые знали, что священник М. Чакир занимается переводом богослужебных книг на их родной язык. Поскольку цитата В. Мошкова относится к 1901 г., следовательно, информацию о переводе богослужебных книг на гагаузский язык он имел до этой даты. Скорее всего, она к нему поступила при последнем его посещении гагаузских сел Бессарабии в 1896 г. Более точными данными мы не располагаем. Поэтому можно предположить, что М. Чакир приступил к переводу богослужебных книг на гагаузский язык во второй половине 90-х гг. XIX в.

Однако приведенная цитата не служит доказательством того, что тогда Михаил Чакир уже осознавал себя гагаузом. Использованное В. Мошковым выражение «священник гагауз отец Михаил Чакыр» говорит всего лишь о том, что автор работы о бессарабских гагаузах относил и М. Чакира к ним, и это было правильно, но нам не известно, как сам М. Чакир определял себя тогда этнически. В письме ко мне В. Копущу, один из авторов цитируемой книги о М. Чакире, писал, что он не нашел сведений, где бы в XIX в. М. Чакир, писал слово «гагауз», даже в клировых ведомостях (начало XX в.), где говорится о нацио-

нальности священников. Гагаузов-священников там отмечали как из болгар или нации болгарской. Высказывания В.А. Мошкова и В. Копущу относятся к тому периоду биографии М. Чакира, когда он не мог знать «Гагаузов Бендерского уезда», и потому его познания об этногенезе и этнической истории гагаузов находились на бытовом уровне.

Примерно в таком же положении находился до 1831 г. выдающийся деятель болгарского освободительного движения В. Априлов. До этого идеолог национально-культурного и национально-церковного движений болгарского народа относил себя к нежинским грекам. И только после знакомства с книгой Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгары...» он осознал себя этническим болгарином и успел за 16 лет (умер в 1847 г.) сделать очень многое для возрождения болгарской нации.

Поэтому нельзя исключать, что знакомство с работой В.А. Мошкова сыграло решающую роль в осознании М. Чакиром себя гагаузом. Вместе с тем он, несмотря на то, что находился за пределами приходов с гагаузской паствой, не порывал связей со своими соплеменниками. Став частью протекавшего в их среде процесса гагаузской, он затем взял на себя роль его мощного ускорителя.

К 1907 г. М. Чакир стал активным радетелем просвещения бессарабских гагаузов. Он начал издавать религиозные книги на родном языке и впервые употребил по отношению к родному языку глottоним *гагаузский язык* (*гагаузча, гагаузча тюркъчя*). Но до 1917 г. его гагаузская идентичность не афишируется им публично (хотя ее присутствие в его самосознании не вызывает сомнений). В этом не было особой необходимости. Гагаузская общность оформилась в дореволюционной России, этнический процесс в ее среде не встречал внешнего противодействия, а его внутренняя динамика обусловливалась накоплением эволюционных изменений и не обратимостью.

Изменение политического положения Бессарабии в 1918 г. коренным образом отразилось на литературных приоритетах М. Чакира. В межвоенный период главное его внимание сосредоточено на изучении истории и этнографии бессарабских гагаузов. В 1934 г. он издает на гагаузском языке «Историю бессарабских гагаузов», в 1937 г. – «Свадебные обряды гагаузов», а в 1938 г. – гагаузско-румынский словарь (Список работ М. Чакира см.: Мошин, Копущу 2013: 81–84).

Объяснение тому, что только в последние годы жизни М. Чакир написал и опубликовал свои работы по этногенезу и этнографии бессарабских гагаузов, мы находим в следующем. Во-первых, М. Чакир до 1917 г. в основном решал проблему перевода богослужебных книг на гагаузский язык. Во-вторых, он параллельно изучал литературу, в которой рассматривались проблемы этнической и этнокультурной

истории гагаузов. В частности, в первой трети XX в. он знакомился с работами К. Иречека, И. Нистора, В. Григоровича, И. Иванова, И. Титрова, Шт. Григореску, А. Манова, В. Радлова и других авторов, в которых проблема этногенеза гагаузов рассматривалась. Из всего многообразия гипотез происхождения гагаузов М. Чакир разделял взгляды В.А. Мошкова и А. Манова. В-третьих, в межвоенный период, особенно в 1930-е гг., политика Королевской Румынии и кемалистской Турции по отношению к гагаузам Добруджи и Бессарабии была направлена на то, чтобы оторвать их от славянского мира и сблизить с турками посредством внедрения среди них глottонима *турецкий язык*. С этой целью в гагаузских селах Бессарабии открывались школы с турецким языком обучения, или он изучался как предмет (Нягулов 2010: 156–181). Процесс денационализации гагаузов в указанный период истории Бессарабии не мог оставаться незамеченным М. Чакиром. Его «История гагаузов Бессарабии» может быть рассмотрена и как стремление Чакира защитить гагаузскую идентичность в Буджаке. Умер Михаил Чакир в 1938 г.

Общее. Итак, и П. Хилендарский, и М. Чакир имеют балканские корни. В их биографии есть общие этнические составляющие. П. Хилендарский – черноризец, монах одноименного афонского монастыря, М. Чакир – священник Кишиневской и Хотинской митрополии, но оба – глубоко религиозны и служат православной церкви. При этом вполне допустимо, что П. Хилендарский мог не знать о существовании в Болгарии тюркоязычной православной общности под названием «гагаузы», хотя она была известна в XVIII в. Также можно предположить, что и М. Чакир ничего не знал о П. Хилендарском, хотя его «История славяноболгарская» в рукописях распространялась и в бессарабских поселениях «задунайских переселенцев».

Общее между ними обуславливалось также объективными социально-экономическими, общественно-политическими и этническими процессами на Балканах и северо-восточнее Дуная, протекавшими здесь медленнее, чем в Западной Европе. Это можно объяснить религиозно-культурными различиями между православием восточной церкви, католицизмом и протестантизмом на Западе и их различным влиянием на развитие западной и восточной христианской цивилизаций, с одной стороны, и многовековым порабощением балканских народов Османской империей – с другой. Балканские нации являются продуктом буржуазного развития XVIII–XIX вв. в условиях противодействия со стороны государственной системы Порты и господствующей мусульманской религии. Деятельность П. Хилендарского приходится на начальный этап этого периода в истории возрождающегося славяноболгарского этноса, а деятельность

М. Чакира осуществлялась на завершающем его этапе – в конце XIX в. и первой половине следующего столетия. Это обусловлено также как полуторавековой отдаленностью дат рождения М. Чакира и П. Хилендарского, так и многими другими факторами. Выделим два основных: а) формирование новой тюркоязычной православной этнической общности на Балканах началось в XIII–XIV вв., спустя более пяти веков после того, как сформировалась славяноболгарская этническая общность в Первом и Втором болгарских государствах. Продолжение процесса шло и в XV–XVIII вв. на Балканах в условиях исламизации и ассимиляции со стороны османо-турков (Димитров 1988: 36–37); б) завершение процесса формирования тюркоязычной православной общности произошло вне Османской империи, в Бужаке (Бессарабия, после 1812 г. – Южная Бессарабия. – И.Г.) после его включения в состав России, где общность осознала себя *гагаузами* и назвала свой язык *гагаузским*, отличавшимся от турецкого языка. То есть исторические, экономические, географические, политические реалии и внутренние процессы формирования гагаузского этноса обусловили его запаздывание примерно на 100 лет по сравнению с процессами формирования болгарской буржуазной нации, что и подчеркивается датой написания П. Хилендарским своего труда (1762 г.) и датой рождения М. Чакира (1861 г.). Как было подчеркнуто, именно с 60-х гг. XIX в. в Бужаке начался процесс осознания бессарабским тюркоязычным населением себя *гагаузами* (Грек 2009; Грек, Руссов 2011: 78–84; Квилинкова 2012: 337–351).

Общее между болгарским монахом и гагаузским священником и в том, что оба они остро ощущали свою этническую принадлежность: один – к славяноболгарам, а другой – к бессарабской гагаузской общности, которая во второй половине XIX в. вступила в завершающую стадию становления идентичности на основе этнонима *гагаузы* и глоттонима *гагаузский язык*.

Объединяет М. Чакира с П. Хилендарским и то, что обе подвижнические исторические личности жили за пределами территории проживания этнических общностей, которым они посвятили себя: болгарин был чернецом Хилендарского, затем Зографского монастырей, а гагауз – священником в Кишиневе. Но если Паисий сам выбирал болгарскую монастырскую обитель для своего пострига и монашества, то священническое место М. Чакира зависело от консистории Кишиневской и Хотинской митрополии. Можно предположить, что их нахождение вне зоны проживания этнической паствы обостряло в них чувство общности своей судьбы с этнической судьбой народа, из которого они вышли и частью которого они себя видели вопреки жизненным обстоятельствам.

Особенное. Если общее между П. Хилендарским и М. Чакиром можно выразить емким «служение этническим общностям», то специфические особенности этого «служения» определялись исторической эпохой и конкретно-историческими обстоятельствами проявления в ней этнических, этнокультурных и этнополитических процессов, протекавших в болгарской и гагаузской среде и обусловивших их патриотическую деятельность. Поскольку историческое время и обстоятельства в годы их жизни и деятельности были разными, то и цели и задачи, которые они перед собой ставили и решали, различались, хотя и были однонаправленными. Черты особости в их деятельности определялись их этническим самосознанием.

П.Хилендарский был по рождению болгарином. Он осознавал свою этническую принадлежность к ним, и именно их славная средневековая история и трагическое положение под османским игом понудили его приступить к написанию «Истории славяноболгарской» и посредством ее возрождать болгарскую нацию и ее государственность.

Михаил Чакир принадлежал к роду, изначально идентифицировавшего свою принадлежность к болгарам. Это самоназвание не было их этническим определителем, а использовалось для разграничения «своих» тюркоязычных жителей на Балканах и в Буджаке от «чужих» славяноязычных болгар, которых они называли словом «тукан». Вопрос о том, когда М. Чакир перестал называть себя болгарином и самоназвался «гагаузом», остается открытым. На мой взгляд, это произошло в период между второй половиной 1990-х гг. и 1905–1907 гг. Тот факт, что М. Чакир до XX ст. не писал официально слово «гагауз», не означает, что он его не использовал в частной переписке. Тем не менее можно констатировать, что этническая проблема самоидентификации тюркоязычных задунайских переселенцев на основе этнонима «гагауз» задержала на какое-то время активное включение М. Чакира в этническое и этнокультурное пространство бессарабских гагаузов. Если П. Хилендарский в 40-летнем возрасте написал свой знаменитый труд, то М. Чакир в этом возрасте только решил проблему своего гагаузского самосознания, и ему понадобилось еще 30 лет, чтобы написать свою «Историю гагаузов Бессарабии».

Другая отличительная особенность состояла в том, что деятельность Паисия Хилендарского определялась начавшимся процессом болгарского *Возрождения в эпоху формирования болгарской буржуазной нации*. Обращение к славному историческому прошлому болгар и двух их средневековых государств призвано было сформировать у порабощенного народа чувство собственного достоинства, поднять его свободолюбивый и борческий дух и восстановить его добре имя в Европе. В личности Паисия была объективная потребность и необ-

ходимость у возрождающегося болгарского народа, и то, что появился именно он, означает, что так распорядилась история. Не было бы его, появился бы кто-то другой, который в большей или меньшей степени соответствовал *возрожденческому периоду в истории Болгарии*.

Представить Михаила Чакира исторической личностью середины XVIII в. невозможно. И не столько потому, что он родился спустя почти 100 лет после написания «Истории славяноболгарской» Паисием Хилендарским, сколько потому, что перед тюркоязычным православным населением Балкан стояли совсем другие задачи. Ему необходимо было физически и духовно выжить в условиях османо-мусульманского давления, сохранить процесс формирования своей идентичности и найти для нее соответствующие этнические символы. Как известно, это население большей своей частью было вынуждено покинуть Балканы и переселиться на север от Дуная. После этого последовала его концентрация в Бужаке, где и состоялось этническое оформление на основе этнонима *гагауз* и глоттонима *гагаузский язык* (Грек, Руссов 2011: 78–84). Именно на этом этапе этнической истории гагаузов появляется Михаил Чакир. Перед ним стояла задача *их просвещения*, в основе которого лежало его убеждение в том, что гагаузы – этнос с этнической историей, этническими символами, этнической культурой, этнопсихологией и исторической судьбой.

Из сказанного следует, что идеологическое русло в деятельности П. Хилендарского и М. Чакира было одним и тем же. Но результаты их непосредственного влияния на объекты воздействия (болгар и гагаузов), трансформировавшиеся в субъекты истории уже после ухода из жизни П. Хилендарского и М. Чакира, различаются. И не только датами достижения конечной стратегической цели (создание Третьего Болгарского государства в 1878 г. и создание АТО Гагауз-Ери в 1994 г.), но и самой спецификой форм и содержания идентичностей болгар и гагаузов. Так, основной посыл «Истории славяноболгарской» направлен на возрождение национально-культурной и национально-церковной идентичности болгарского народа. Начало становления болгарской буржуазной нации обусловливало именно такую стратегическую цель, достигаемую в борьбе против греческого ига в болгарских землях. П. Хилендарский не ставит напрямую вопрос о политическом освобождении Болгарии от османского ига, но он подразумевается в его воспевании и идеализации Первого и Второго средневековых болгарских государств. Политическое направление болгарского Возрождения стало следствием национально-культурной и национально-церковной борьбы болгарского народа. На достижение идеологической задачи, поставленной Паисием Хилендарским, понадобилось более 110 лет.

Главный посыл в работах Михаила Чакира 1930-х гг. – это отставание той простой истины, что в Буджаке сформировалась гагаузская этническая общность. В ее основе приверженность гагаузов православию, ставшему их религией еще на Балканах, и тюркскому языку, который и обусловил их движение по пути самоидентификации в Южной Бессарабии. Это произошло тогда, когда состоялись их отпочкование от славяно болгар и отказ от общего с ними самоназвания (повторим, этноним *болгары* имел для тюркоязычного православного населения на Балканах значение политонима, см.: Грек 2011: 125–127). Однако этот процесс среди бессарабских гагаузов протекал в XIX в. стихийно, и чтобы ускорить его и привести к завершению, требовалось этническое просвещение гагаузов. Что и осуществлял Михаил Чакир, в том числе и «Историей гагаузов Бессарабии». В ней его позиция по отношению к «чужим» болгарам не содержала негативных элементов, как это было у П. Хилендарского по отношению к грекам. Присутствие в его работе некоторых отрицательных этнопсихологических характеристик болгар, которые внешне выглядят как антиболгарские, на самом деле таковыми не являются, поскольку никакого этнического давления со стороны бессарабских болгар и засилья болгарских священников в гагаузских приходах не было. Их следует воспринимать и оценивать лишь в контексте выстраивания М. Чакиром доказательств отличия «своих» бессарабских гагаузов в этногенезе, истории, традициях, психологии от «чужих» для них этнических бессарабских болгар. Следует подчеркнуть: этнопсихологический путь М. Чакира от осознания себя на основе политонима *болгары* к осознанию себя на основе этнонима *гагауз* был не простым. На этот путь не встал его двоюродный дядя, известный в Бессарабии священник протоиерей Д.Г. Чакир, который относил себя и своих предков к «болгарской нации» (Чакир 2005а: 25). Его книга была издана в 1899 г., в тот период, когда процесс этнического размежевания гагаузов от болгар приобретал характер необратимости, а М. Чакир становился его выразителем и идеологом. Здесь подчеркнем: 1918 год затормозил этот процесс настолько, что даже тогда, когда М. Чакир писал свою «Историю гагаузов Бессарабии», он вынужден был отметить: «До сих пор гагаузы значатся болгарами, считаются отуреченными болгарами» (Чакир 2005б: 82).

К особенностям проявления деятельности П. Хилендарского и М. Чакира следует отнести и то, что труд первого «История славяно-болгарская» распространялся среди болгар в рукописном виде посредством снятия с нее копий. Сам Паисий в «Предисловии» к книге призывал: «Преписвайте тая историйца и платете, нека ви я препишат, които умеят да пишат, и пазете я да не изчезне!» («Переписывайте эту

историю и заплатите, чтобы вам ее переписали те, кто умеет писать, и сохраняйте ее, чтобы не исчезла»). Рукописное распространение его книги имело непосредственное отношение к скорости и массовости ее влияния на болгар. Интересно отметить, что переписчики, ощущая на себе громадное воздействие «Истории» Паисия, превращались в ее распространителей, пропагандистов ее содержания среди болгарского населения. Они становились этническими мобилизаторами болгар на первом после Паисия этапе болгарского Возрождения. Так, Софроний Врачанский был первым переписчиком «Истории славяноболгарской», а впоследствии включился в болгарское национально-освободительное движение и стал его лидером в начале XIX в. Рукописное распространение Паисиева труда продолжалось вплоть до середины того столетия. Это подчеркивает значимость по-двига П. Хилендарского для болгарского этноса, нуждавшегося в его патриотическом слове. Вместе с тем рукописное слово медленнее, чем печатное, способно было проникнуть в болгарскую среду, что обусловливало и не быстрыйхват болгар процессом Возрождения.

Михаил Чакир жил уже в эпоху печатного слова, оно было ему доступно. Издание его работ типографским способом, будь то переводы церковных книг или публикация собственных сочинений на гагаузском и румынском языках, как и постоянное его присутствие на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей», «Viata Basarabiei», «Luminatorul», сделали его публичным церковным деятелем-просветителем бессарабских гагаузов. С его непосредственной деятельностью связано довольно быстрое проникновение и закрепление в бессарабской гагаузской общности второго этнического символа, глottонима *гагаузский язык*, вместо названия *турецкий язык*. Что касается употребляемого им названия языка *тюкрче*, то он применял его в значении *турецкого языка*, к которому он приравнивал *гагаузский язык*: «Говорят гагаузы на чисто тюркском языке, на котором в старые времена говорили народы тюркского племени» (Чакир 2005b: 80). Нет вины бессарабского гагаузского просветителя в том, что процесс признания и применения на практике гагаузами Буджака глottонима *гагаузский язык* после 1918 г. был заморожен политикой Румынии и Турции, что, кстати, отразилось в целом и на завершении самого процесса их идентичности. Тем не менее благодаря печатному слову Михаил Чакир стал известным всем гагаузам Бессарабии еще при жизни, получив всенародное признание как их «ay boba». Паисий Хилендарский получил такую славу уже в освобожденной Болгарии, спустя более 115 лет после смерти.

Говоря об особенностях патриотического вклада П. Хилендарского в историю болгарского Возрождения, отметим, что по отношению

к нему некорректно использовать слово «деятельность» в расширенном его толковании. Его деятельность заключалась лишь в написании «Истории славяноболгарской». Историческое время, в котором он жил, его возраст и состояние здоровья ограничили его возможность влиять на болгар непосредственно. Этую роль он исполнил опосредованно, своей книгой.

Что же касается М. Чакира, то его деятельность включала написание и издание книг и статей, их распространение, ведение непосредственной просветительской работы среди гагаузов, формирование в их среде этнического слоя просвещенных из числа священников, учителей, грамотных соплеменников. Время, в котором жил гагаузский просветитель, его личные возможности и этнические процессы в гагаузской общности Бессарабии обусловили всю его многогранную патриотическую деятельность.

Отметим еще одну важную специфическую особенность этнического патриотизма Паисия Хилендарского и Михаила Чакира.

Когда Паисий писал свою историю, болгарский народ переживал серьезный этнический кризис. Он столетиями подвергался денационализации со стороны как осман, так и греков. К середине XIX в. грекоманство среди болгар, особенно в зажиточной прослойке, стало серьезным тормозом в болгарском Возрождении. Василий Априлов приложил немало усилий, чтобы разоблачить это явление, показать его вредность для болгарского народа.

Паисий Хилендарский за столетие до Василия Априлова увидел это негативное явление в болгарском обществе, сумел правильно оценить его вред и сделал борьбу против грекоманства главным лейтмотивом в «Истории славяноболгарской». В «Предисловии (Обращении. – И.Г.) к тем, кто желает прочесть и услышать написанное в этой истории» он пишет: «Но некоторые [болгары] не хотят знать о своем болгарском роде, а обращаются к чужой культуре и чужому языку и не беспокоятся за свой болгарский язык, а учатся читать и говорить по-гречески и стыдятся называть себя болгарами. О неразумный и ирод! Почему стыдишься называться болгарином и не читаешь и не говоришь на своем языке? <...> Во имя чего ты, глупый человек, стыдишься своего рода и подвизаешься к чужому языку? Ты, болгарин, не обманывай себя, знай свой род и язык и учись на своем языке». Болгарское национально-культурное движение выросло под воздействием этого пламенного призыва П. Хилендарского к болгарам. Они добились замены обучения в их школах с греческого языка на болгарский и восстановили в правах родной язык – важнейший символ болгарской идентичности.

Перед М. Чакиром не стояла задача остановить процесс денационализации «болгар, говорящих на турецком языке», и он не мог упрекать соплеменников в том, что они отказываются или отказались от своего рода и языка. Он решал более сложную задачу, а именно соединить бессарабскую православную тюркоязычную общность с ее символами, которыми стали этноним *гагауз* и глottоним *гагаузский язык*. Ему прежде всего необходимо было объяснить своим соплеменникам, кто они такие. В «Истории гагаузов Бессарабии» он пишет: «Гагаузы не греки-урумы, не болгары и не румыны, не русские, не турки-сельджуки, не куманы, но тюркского рода, происходят от древних тюрок-узов, тюрок-огузов, как утверждают профессор Иречек, Мошков, академик Радлов и профессор Манов» (Чакир 2005b: 94).

Если М. Чакиру было достаточно сказать, что гагаузы не русские, не греки, не румыны, не турки-сельджуки, то его утверждение, что они не болгары, им обосновывается. Гагаузы, утверждает он, отличаются от болгар этнопсихологией, отношением к женщине, одеждой, обычаями, нравами, самосознанием, наконец, языком. «Гагаузы имеют большее почтение к своим женам, чем болгары». Они «отличаются от болгар также одеждой, они одеваются иначе, носят иные вещи, чем болгары», что «тоже является свидетельством того, что гагаузы не являются болгарами». «Характер гагаузов, обычай, нравы и сознание говорят, что гагаузы тюркского происхождения, что их язык – чисто тюркский язык» (Чакир 2005b: 93, 95; Никогло 2008: 91–93). М. Чакир никогда не говорит, что болгары Бессарабии – плохие, что они виноваты в том, что гагаузы называют себя болгарами, что они ассимилировали гагаузов. И подтверждает это тем, что по отношению к бессарабским болгарам «гагаузы совершенно не принимают слова «болгарин», так как они называют их «тукан»» (Чакир 2005b: 91; об этом же еще в начале XX в. писал и Г. Занетов, уроженец Конгаза: «Теперь в Южной Бессарабии христианское население, которое говорит на турецком, заявляет, что оно – болгарское – «биз ис булгар... гагаузы в Бессарабии утверждают, что именно они болгары, а не те болгары, которые говорят на болгарском языке и которых они... называют «туканами»» (см.: Занетов 1902: 73–74). Ему все это нужно, чтобы подчеркнуть, что гагаузы «отличаются от болгар», что они «не являются болгарами». И этим он доказывает этническую идентичность гагаузов, они для М. Чакира – «свои», а болгары – «другие», «чужие».

Еще одна особенность в деятельности П. Хилендарского и М. Чакира связана с их участием в становлении болгарского и гагаузского литературных языков.

Высказываясь об особенностях языка гагаузов в сравнении с турецким, М. Чакир отмечает: «Гагаузское наречие более правильное,

чем турецкое, более чистое, чем язык турок-осман, потому что османы много слов и выражений взяли от персов и арабов» (Чакир 2005b: 80). Подчеркивая особенность этногенеза гагаузов и их языка, М. Чакир вместе с тем признает, что у них «нет ни литературы, ни письменности, ни написанных книг. До сих пор гагаузы не написали гагаузскую историю» (Чакир 2005b: 80).

П. Хилендарский не имел перед собой историю болгар, написанную болгарином, в этом его положение и положение М. Чакира были схожими. Но отличает их то, что Паисий опирался на славянскую кириллическую письменность, в то время как М. Чакир был вынужден использовать чужие азбуки и графики, создавая гагаузскую письменность.

Конечно, понятие «литературный язык» применительно к алфавиту, грамматике, стилю написания «Истории» болгарским возрожденцем и гагаузским просветителем имеет относительный характер. Если подойти к проблеме с позиции ученого-лингвиста, то ни один из них не соответствует строгим требованиям лингвистической науки и не может быть внесен в число тех, кто разрабатывал литературную форму болгарского и гагаузского языков. Однако я как историк беру во внимание такие факторы, как конкретно-исторические обстоятельства, в которых находились болгарская и гагаузская общности тогда, когда жили и творили болгарский монах и гагаузский священник.

Паисий Хилендарский написал «Историю» славянской письменностью на староболгарском языке XVIII столетия в условиях засилья в болгарском обществе греческого языка и грекоманства. Его знаменитый вопрос к болгарам «почему стыдитесь своего рода и языка?» и пламенный призыв к ним «знать свой род и язык» – это то, откуда берут начало духовные истоки становления болгарского литературного языка. Кроме того, как известно, когда творил П. Хилендарский, болгарским литературным языком считался церковнославянский. Напомню, что именно этот язык и В. Априлов считал болгарским, а ведь его возрожденческая деятельность имела место спустя почти 80 лет после написания «Истории славяноболгарской». Современный болгарский литературный язык начинается с Любена Каравелова и Христо Ботева, а его грамматика стала разрабатываться уже после освобождения Болгарии в 1878 г. Тем не менее ученые-лингвисты выявляют в языке «Истории» П. Хилендарского элементы болгарского народного языка, т. е. его труд написан не на чисто церковнославянском языке. Известный болгарский языковед Л. Андрейчин отмечал, что при написании «Истории славяноболгарской» Паисий не ставит границу между болгарским и церковнославянским языками, он не видел в них «два отдельных языка». Его болгарский язык образует

некое «единство с церковнославянским», хотя сам признает, что «не учил грамматику», конечно церковнославянскую, поскольку «болгарская грамматика была немыслима тогда». И вывод ученого: «Анализ письменного языка Паисия показывает, что в своей основе этот язык есть новоболгарский народный язык, а не церковнославянский... Паисий с полным основанием может считаться родоначальником (именно родоначальником, а не создателем) нашего современного книжного (литературного) языка» (Андрейчин 1986: 182). Таким образом, в написании своей «Истории» П. Хилендарский опирается на церковнославянский и народный болгарский языки и на письменность великих предшественников своих св. Кирилла и Мефодия. Он призывает болгар не отказываться от своего происхождения и восстановить в своих правах родной язык, без которого они утрачивают этническую идентичность. Его можно отнести к предтечам создателей болгарского литературного языка. Именно в этом состоят его роль и значение в связи с языковыми процессами в болгарском обществе в середине XVIII в.

Михаил Чакир находился в более сложном положении, чем Паисий Хилендарский. В контексте наступления в конце XIX в. завершающей стадии формирования бессарабской гагаузской общности он по-своему призывал гагаузов «знать свой род и язык»: она только начала осознавать себя *гагаузской*, а к называнию своего языка *гагаузским* еще не подошла. Гагаузы были к тому же бесписьменными. Необходимо учитывать также, что в условиях России того времени, когда решался вопрос об интеграции нерусских народов и народностей в русское культурное и языковое пространство, создание грамматики гагаузского языка для бессарабской гагаузской общности было невозможным. Хотя научное сообщество России занялось гагаузским языком и его словарем и в 1904 г. опубликовало «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Х. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб., 1904: Б. и. Х, XXXII, 346 с., 22 с., 114», «Словарь языка бессарабских гагаузов» дан здесь во втором прибавлении (114 с.) и включает 2 906 слов. У нас нет сведений о том, был ли знаком М. Чакир с этой публикацией, но если предположить, что знал о ней, то, как прагматик, понимал необходимость решать проблему просвещения гагаузов тем языковым инструментом, который имелся в его распоряжении – русским алфавитом и гагаузским народным языком, каковым и являлся говор гагаузов Чадыр-Лунги. Он решает две первоочередные задачи: во-первых, донести до сознания соплеменников их этническое самоназвание *гагаузы* и, во-вторых, убедить их, что название их языка (глottонима) должно обуславливаться их са-

моизванием, т. е. этнонимом. Гагауз М. Чакир не выстраивает научные доказательства своей позиции, а просто вводит в оборот глottоним *гагаузский язык*, или *гагаузча*. До него (В. Мошков, В. Радлов) использовали синтагму *наречие* в отношении языка бессарабских гагаузов, причисляя его к образцам народной литературы тюрksких племен, а не к турецкому языку, как было принято считать раньше официально, в том числе и самими бессарабскими гагаузами. Интересно отметить, что и сам М. Чакир использует синтагму «гагаузское наречие».

На наш взгляд, у М. Чакира не было возможности и необходимых знаний, чтобы разработать алфавит, графику, грамматику и синтаксис гагаузского языка, и у него не было таких гагаузских предшественников, какие были у Паисия Хилендарского. Поэтому его работы написаны на основе диалекта гагаузов Чадыр-Лунги, откуда был родом. Как известно, впоследствии гагаузский литературный язык создавался на базе комратско-чадыр-лунгского диалекта народного языка. Именно «в деле гагаузской лексикографии первенство принадлежало также незабвенному отцу просветителю Михаилу Чакиру» (Мошин, Копущу 2013: 61).

Таким образом, его можно причислить к предтечам создателей литературной формы гагаузского языка. Кроме того, он решил самую главную языковую проблему гагаузов – назвал глottоним. Что касается алфавита, то в тех условиях, в которых он жил и трудился, единственно правильным решением было воспользоваться русским алфавитом до 1917 г. и румынским с 1918 г., что он и сделал. Вопросы алфавита, грамматики и письменности гагаузского языка решались во второй половине XX в. Роль М. Чакира состояла в том, что он подготовил бессарабских гагаузов к этому важному этапу в их этнической и этнокультурной истории. Он доносил до них родное слово посредством церковной книги или изданий, освещавших их происхождение, историю и культуру тем алфавитом и той графикой, которые были у него под рукой.

Приведенный анализ и размышления об общем и особенном в патриотическом подвиге Паисия Хилендарского и Михаила Чакира дают основания для следующего вывода. Этногенетические и этнокультурные процессы в болгарском этносе и в бессарабской гагаузской общности и конкретно-исторические условия середины XVIII в. в болгарских землях и на рубеже XIX–XX вв. в Бужаке дали нам именно этих выдающихся исторических личностей. Они оказали мощное этномобилизующее воздействие на своих соплеменников, приведшее к возрождению болгарской государственности и к завершению становления бессарабской гагаузской этнической, этнокультурной и политической идентичности в автономном ее статусе

в рамках молдавской государственности. Паисий Хилендарский по праву причислен к лицу святых Болгарской Патриархии. Михаил Чакир заслуживает такого же признания со стороны Русской православной церкви. Гагаузы Молдавии и Украины в долгу перед ним.

С 1991 г. началось соединение гагаузской идентичности, гагаузской духовности М. Чакира с гагаузским народом. На первый взгляд, такое утверждение может быть воспринято в Гагауз-Ери как некий национально-культурный и политический вызов гагаузскому этносу. Трудно представить, чтобы кто-либо в Гагаузии теперь не знал, кто он и какова его роль в истории и культуре гагаузов. Между тем в советский период их истории первая публикация о М. Чакире появилась в 1977 г. Ее сделал на молдавском языке А.Т. Борщ в «Енциклопедия Советикэ Молдовеняскэ». Вол. 7 (Кишинэу, 1977. С. 293). Его же небольшая статья, из каковых состоят энциклопедические издания, была опубликована в русском варианте в 1982 г. в книге «Советская Молдавия. Краткая энциклопедия» (Кишинев, 1982. С. 673). До 1991 г. вышли в свет еще две статьи. Одна без автора, на молдавском языке и тоже в энциклопедическом издании (Литература ши арта Молдовей: Енциклопедие ын волуме 2. Вол. 2. Кишинэу, 1986. С. 418). Другая, «Чакир как просветитель», автор - известный гагаузский писатель П.А. Чеботарь, вышла также в молдавском издании, в журнале «Лимба ши литература молдовеняскэ» (1988. № 2. С. 64–67). Нет необходимости доказывать, что эти четыре специфические публикации энциклопедического и профессионального характера, две из которых изданы на молдавском языке, не дошли до широкого круга гагаузского читателя. Для двух советских поколений гагаузов личность М. Чакира оставалась неизвестной, в отличие от ситуации дореволюционных и довоенных лет. Означает ли это, что о нем забыли, что им никто не интересовался? Использовались ли другие формы контактов с гагаузским народом, чтобы донести до него роль и значение М. Чакира в становлении гагаузской идентичности? Были ли, например, статьи о нем в местной печати в местах компактного проживания гагаузов, проводились ли лекции, доклады, другие мероприятия просветительского характера среди гагаузского населения, посвященные жизни и деятельности М. Чакира? Эти вопросы не стали еще предметом научного исследования.

Между тем можно утверждать, что советская научная и культурная по самосознанию гагаузская интеллигенция не забыла его, интересовалась им, ощущала на себе влияние его этнопросветительского творчества. И, тем не менее, на рост этнического и национально-культурного самосознания гагаузов в послевоенный период их истории (1944–1990 гг.) влияние имели факторы, обусловленные советской

действительностью, как реальной политикой советской власти, так и ее во многом декларативной идеологией по национальному вопросу. Я имею в виду большой круг проблем национально-культурного характера гагаузов, которые ставились перед советскими органами власти и решались ею с 1946 г.

Перечислю некоторые из них: создание грамматики гагаузского языка, не подготовленный профессионально и потому неудавшийся переход на родной язык обучения в школах с гагаузским контингентом учащихся, подготовка в вузах и техникумах республики и страны прослойки национальной по самосознанию интеллигенции, издание художественной литературы гагаузской тематики и периодических изданий на гагаузском языке, организация научных исследований в АН МССР по истории, языку и культуре гагаузов, открытие краеведческих музеев в гагаузских селах, создание коллективов художественной самодеятельности, формирование профессиональных театральных коллективов с национальным гагаузским репертуаром, появление произведений гагаузских музыкантов, художников, скульпторов, прославляющих гагаузскую самобытность. Особо следует отметить этнонациональное воспитательное значение встреч гагаузских писателей и поэтов со своими читателями в гагаузских селах, научные и научно-популярные публикации по истории и культуре гагаузского народа, в том числе в районных газетах.

Но вся эта многогранная национально-культурная работа не была осенена именем гагаузского просветителя. На мой взгляд, по причине того, что М. Чакир был противником октябрьских событий 1917 г. в России и большевистской атеистической Советской власти. Не лишним будет подчеркнуть, что протоиерей-просветитель стал известен дореволюционной бессарабской гагаузской общности посредством церкви в гагаузских селах, священников-гагаузов в них и проведения ими богослужения для прихожан на родном языке, ставшего возможным благодаря изданию Чакиром религиозных книг на гагаузском языке в начале ХХ в.

С 1944 по 1990 г. эта этнопросветительская и духовно-религиозная взаимосвязь М. Чакира с соплеменниками была разрушена советской властью. Но как бы это ни звучало парадоксально, именно эта власть при всех ее издержках репрессивного характера решала и решила большинство этнических и национально-культурных задач, стоявших перед гагаузским народом, о чем было сказано выше. *И самое главное: в советский период истории гагаузов завершился процесс формирования их этнической идентичности, начавшийся в дореволюционной России, и состоялось окончательное и бесповоротное осознание ими себя гагаузами.* Стоявший у истоков формирования гагаузской

этнической и этнокультурной идентичности гагаузский просветитель незримо присутствовал и на заключительном этапе этого процесса. *Выглядит это символично: противник советско-большевистской власти М. Чакир получил из ее рук реализованный ею смысл всей его жизни.*

Бурные политические процессы 1989–1991 гг. в СССР привели к созданию Гагаузской республики в августе 1990 г. и Республики Молдова в августе 1991 г. М. Чакир в политическое строительство гагаузов не заглядывал. Он в тех бессарабских реалиях межвоенного времени, в которых жил и творил после 1917 г., продолжал решать этнические и этнокультурные задачи, стоявшие перед гагаузским народом. Но именно события, произшедшие на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия, вернули гагаузскому народу имя родоначальника гагаузского просвещения протоиерея М. Чакира. С 1991 г. появилась масса биографических и биобиографических книг и статей о нем, а также переиздание его работ, посвященных истории и культуре бесарабских гагаузов. Проведено уже несколько научных конференций «Чакировские чтения», в том числе с участием зарубежных ученых. Он занял свое законное место идеолога гагаузской этнической, этнокультурной идентичности, без которой не было бы и гагаузской автономной политической идентичности в составе молдавского государства.

Следует сказать, что М. Чакир проявил себя и как молдавский просветитель в Бессарабии, не говоря уже о том, что он был видным религиозным деятелем Бессарабской митрополии. Но нынешняя политico-идеологическая власть Кишинева, которая уже не скрывает свою румыно-унионистскую стратегию, проводя антигосударственную политику по отношению к суверенности Республики Молдова, враждебна к идеологическим и geopolитическим воззрениям жителей Гагаузской автономии. Особенно это проявилось после референдума 2 февраля 2014 г. об отложенном статусе Гагаузии в случае утраты Республикой Молдова своей независимости. И эта враждебность кишиневской власти к Гагаузии перенесена в Кишиневе и на М. Чакира. Именно в этом контексте следует рассматривать акт вандализма на его могиле на армянском кладбище. Он спровоцирован унионистской идеологией и нескрываемой политикой нетерпимости политиков Кишинева по отношению к отстаиваемой гагаузами своей этнической, этнокультурной и автономной этнополитической идентичности и geopolитического вектора, которые не противоречат политическому суверенитету молдавского государства.

М. Чакир всю свою сознательную жизнь прожил в Кишиневе. Здесь он умер и похоронен. Но, вероятно, настало время перезахоронить его

останки на малой родине, в Чадыр-Лунге, Гагаузии, где чтут его память, преклоняются перед его родолюбием, руководствуются его заветами. Вернуть туда, где родился и где его прах не будет потревожен.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин 1986 - *Андрейчин Л.* Из историита на нашето езиково строителство. София: Народна просвета, 1986.

Булгар 2005 - *Булгар С.* Протоиерей Михаил Чакир 1861–1938 // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 57–74.

Грек 2009 - *Грек И.Ф.* Проявление идентичности в этнопсихологии болгар и гагаузов Молдовы во второй половине XVIII–XX вв. Историко-политологический дискурс // STRATUMplus. № 6. 2006–2009. Причерноморские этюды. Кишинев, 2009. С. 566–585.

Грек 2011 - *Грек И.Ф.* Село Гайдар: очерки истории и культуры // Лукоморье: археология, этнология, история северо-западного Причерноморья. Одесса, 2011. Вып. 5. С. 81–312.

Грек, Руссев 2011 - *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: STRATUMplus, 2011. 142 с.

Димитров 1988 - *Димитров Стр.* Някои проблеми на етническите и исламизационно-асимиляционните процеси в българските земи през XV–XVII в. // Проблеми на развитието на българската народност и нация. София, 1988. С. 33–56.

Занетов 1902 - *Занетов Г.* Българското население в средните векове. Рuse, 1902.

Квилинкова 2012 - *Квилинкова Е.Н.* Формирование самосознания гагаузов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Комрат-Кишинев, 2012. Т. 1. С. 337–351.

Костенко 2005 - *Костенко Н.* Апостол протоиерей Михаил Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XI – нач. XX вв. Кишинев, 2005. С. 75–79.

Милиш 1993 - *Милиш Н.* Още един поглед върху родословието на рода на Михаил Чакир // Болградската гимназия. София, 1993. С. 219–227.

Мошин, Копущу 2013 - *Мошин О., Копущу В.* Протоиерей Михаил Чакир: служение Богу и ближним. Кишинев, 2013.

Мошков 1901 - *Мошков В.А.* Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // Этнографическое обозрение. 1901. № 4.

Никогло - *Никогло Д. Е.* Очерки протоиерея Михаила Чакира в контексте современных исследований по гагаузоведению // Журнал этнологии и культурологии. Кишинев, 2008. Т. IV. С. 88–95.

Няголов 2010 - *Няголов Бл.* От единения к разграничению: болгары и гагаузы в Румынской Бессарабии (1918 – 1940 гг.) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 10. М., 2010. С. 156–190.

Паисий Хилендарский 1962 - Паисий Хилендарский и неговата епоха. София, 1962.

Образцы 1904 - Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. X. Наречия бессарабских гагаузов // Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб, Б. и., 1904. X, XXXII, 346 с., 22 с., 114 с.

Чакир 2005a - Чакир Д. Биографический очерк рода и фамилии Чакир // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в. Кишинев, 2005. С. 25–55.

Чакир 2005b - Чакир М. История гагаузов Бессарабии // Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в. Кишинев, 2005. С. 80–108.

REFERENCES

Andreychin, L. (1986) *Iz istoriyata na nasheto ezikovo stroitelstvo* [From the history of our language development]. Sofiya: Narodna prosveta.

Bulgar, S. (2005) Protoierey Mikhail Chakir 1861–1938 [Archpriest Mikhail Chakir 1861–1938]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 57-74.

Grek, I.F. (2006–2009) Features of Identity in Ethnic Psychology of Bulgarians and Gagauzes of Moldova in 1750-1900s. (Historical and Politological Discourse). *STRATUMplus*. 6. pp. 566-585. (In Russian).

Grek, I.F. (2011) *Selo Gaydar: ocherki istorii i kul'tury* [The village Gaidar: Essays on History and Culture]. Lukomor'e: arkheologiya, etnologiya, istoriya severo-zapadnogo Prichernomor'ya. 5. pp. 81–312.

Grek, I.F. & Rousseau, N.D. (2011) 1812 – poverotnyy god v istorii Budzhaka i “zadunayskikh pereselentsev” [1812 – a turning year in the history of Budjaka and “Transdanubian immigrants”]. *STRATUMplus*.

Dimitrov, Str. (1988) Nyakoi problemi na etnicheskite i islyamizatsionno-asimiliatsionnite protsesi v b"lgarskite zemi prez XV–XVII v. In: Yankov, G., Dimitrov, S. & Zagorov, O. *Problemi na razvitieto na b"lgarskata narodnost i natsiya* [Problems of development of Bulgarian nationality and nation]. Sofiya" Academy of Sciences. pp. 33-56.

Zanetov, G. (1902) *B"lgarskoto naselenie v srednite vekove* [Bulgarian population in the Middle Ages]. Sofia: Ruse.

Kvilinkova, E.N. (2012) Formirovanie samosoznaniya gagauzov [Formation of self-consciousness in the world]. In: Guboglo, M.N. *Gagauby v mire i mir gagauzov* [Gagauz in the world and the world of Gagauz]. Vol. 1. Komrat-Kishinev: Tipografia Centrală. pp. 337-351.

Kostenko, N. (2005) Apostol protoierey Mikhail Chakir [Apostle Archpriest

Mikhail Chakir]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 75–79.

Milish, N. (1993) Oshche edin pogled v”rkhu rodoslovieto na roda na Mikhail Chakir [Another look at the genealogy of the family of Mikhail Chakir]. In: *Bolgradskata gimnaziya* [Bolgrad Gymnasium]. Sofia: [s.n.]. pp. 219–227.

Moshin, O. & Kopushchu, V. (2013) *Protoierey Mikhail Chakir: sluzhenie Bogu i blizhnim* [Archpriest Mikhail Chakir: Service to God and people]. Chisinau: Cuvîntul-ABC.

Moshkov, V.A. (1901) Gagauzy Benderskogo uezda (Etnograficheskie ocherki i materialy) [Gagauz of Bendery County (ethnographic essays and materials)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4.

Nikoglo, D.E. (2008) Ocherki protoiereya Mikhaila Chakira v kontekste sovremennykh is-sledovaniy po gagauzovedeniyu [Essays of Archpriest Mikhail Chakir in the context of current Gagauz Studies]. *Zhurnal etnologii i kul’turologii*. IV. pp. 88–95.

Nyagulov, Bl. (1918–1940) *Ot edineniya k razgranicheniyu: bolgary i gagauzy v Rumynskoy Bessarabii* [From unity to differentiation: Bulgarians and Gagauz in Romanian Bessarabia], The course develops Moldova. Vol. 10. Moscow, 2010. pp. 156–190.

Kosev, D., Burmov, A.K. & Khristov, K. (1962) *Paisiy Khilendarskiy i negovata epokha* [Paisij Hilendarskiy and his era]. Sofia: Academy of Sciences.

Moshkov, V. (ed.) (1904) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym. Ch. X. Narechiya bessarabskikh gagauzov* [Samples of folk literature of Turkic tribes issued W. Radloff. Part 10. Dialects of Bessarabian Gagauz]. Translated by V. Moshkov. St. Petersburg.

Chakir, D. (2005a) Biograficheskiy ocherk roda i familii Chakir [A biographical essay about the family of Chakir]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chisinau: Pontos. pp. 25–55.

Chakir, M. (2005b) *Istoriya gagauzov Bessarabii* [The history of Bessarabian Gagauz]. In: Bulgar, S. (ed.) *Stranitsy istorii i literatury gagauzov XIX – nach. XX vv.* [The Gagauz history and literature in the 19th – early 20th centuries]. Chișinău: Pontos. pp. 80–108.

Грек Иван Федорович – кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Grek Ivan – Association of Historians and Political Scientists «Pro-Moldova» (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mail.ru

УДК 94(477.87)(=411.16)"1947/1981"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/43/19

ПРОБЛЕМИ ЛЕГАЛЬНОГО ІСНУВАННЯ ІУДЕЙСЬКОЇ ГРОМАДИ В УМОВАХ РАДЯНСЬКОЇ ВЛАДИ НА ЗАКАРПАТТІ (ПРИКЛАД БЕРЕГІВСЬКОЇ СИНАГОГИ)

B.B. Кічера

Ужгородський національний університет
Україна, Закарпатська обл., м. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторське резюме

На Закарпатті іудеї становили приблизно 10 відсотків населення майже в кожному населеному пункті. Однак, незважаючи на Голокост під час Другої світової війни, з приходом радянської влади існування юдейської громади істотно не покращився. Прикладом може слугувати релігійна громада міста Берегово, яка, незважаючи на адміністративні обмеження, існувала протягом довгого періоду радянської влади. Тому в документальному дослідженні автор намагається вивчити відносини між юдейською релігійною громадою міста Берегове і радянською владою. Автор приходить до висновку про високу вірогідність документів, створених за часів радянської влади на Закарпатті і збережених до наших днів. Більш того, в документах чітко простежується адміністративне втручання радянського керівництва в життя юдейських релігійних громад Закарпаття, що розкрито на прикладі Берегівської синагоги.

Ключові слова: адміністративні обмеження, Берегівська синагога, іудеї, юдейська громада, радянська влада, Голокост.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКАРПАТЬЕ (ПРИМЕР БЕРЕГОВСКОЙ СИНАГОГИ)

Виктор Кичера

Ужгородский национальный университет
88000, Украина, Закарпатская обл., г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторское резюме

В Закарпатье иудеи составляли примерно 10 % населения почти в каждом населенном пункте. Они пережили Холокост во время Второй мировой войны, но с приходом советских властей существование иудейской общины существенно не улучшилось. Примером может служить религиозная община города Берегово, которая, невзирая на административные ограничения, существовала в течение долгого периода советской власти. Поэтому в документальном исследовании автор пытается изучить отношения между иудейской религиозной общиной города Берегово и советской властью. Автор приходит к выводу о высокой достоверности документов, созданных во времена советской власти в Закарпатье и сохранившихся до наших дней. Более того, в документах четко прослеживается административное вмешательство советского руководства в жизнь иудейских религиозных общин Закарпатья, что раскрыто на примере Береговской синагоги.

Ключевые слова: административные ограничения, Береговская синагога, иудеи, иудейская община, советская власть, Холокост.

PROBLEMS OF THE LEGAL EXISTENCE OF THE JEWISH COMMUNITY IN THE CONDITIONS OF SOVIET POWER IN TRANSCARPATHIA (EXAMPLE BY BEREGOVO SYNAGOGUE)

V.V. Kichera

Uzhgorod National University
3 Narodna Sq., Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: vkichera@ukr.net

Abstract

In Transcarpathia the Jews constituted about 10 % of the population in almost every village. However, despite the Holocaust during the Second World War with the advent of the Soviet liberators of the existence of the Jewish community has not improved. An example is the religious community of the city of Beregovo, which, despite the administrative constraints exist for a long period of Soviet power. Therefore, in the documentary research, the author tries to explore the relationship between the Jewish religious community of the city of Beregovo ashore and the Soviet authorities. The author concludes that the high reliability of the documents produced and surviving in Soviet times in the Carpathian region. Furthermore, the document clearly traced administrative intervention of the Soviet leadership in the life of the Jewish religious community in Transcarpathia, as disclosed by the example Beregovo synagogue.

Keywords: administrative restrictions, Beregovo synagogue, Jews, Jewish community, Soviet regime, Holocaust.

Жидівське питання мало вивчено на теренах історичного Закарпаття, не кажучи вже про юдаїзм. Необхідно розділяти поняття «іудей» та «жид», так як перший термін стосується конфесійного сповідування юдаїзму, а поняття «жид» вказує на походження, що не завжди могло співпадати з конфесійною принадлежністю до юдаїзму¹. Слід також використовувати поняття «жиди», а не «євреї», так як в історично найбільш поширеним на теренах Західної України був перший термін (Книш 1984: 4). Латинська традиція вживання терміну «жид» залишалася пошиrenoю і в досліджуваний період на Закарпатті. Але в запропонованому дослідженні акцент робитиметься на конфесійній складовій. У міжвоєнний період існує небагато інформації про іudeїв на Підкарпатській Русі, зокрема один із нарисів міститься

у «Календарі Благовісника» за 1938 р. У вищезгаданій публікації йде про священі книги іудеїв – Талмуд. Зокрема, про священі книги написано наступне: «Тора – вода, Талмуд – вино, Гемара – вино ароматизоване». У цьому ж часописі присутнє й подальше роз'яснення ролі богослужебних іудейських книг. Наприклад, вказувалося: «Коли Бог не може вирішити питання на небесах, він радиться на землі з равинами, а також вночі вивчає талмуд» (Жиды и их Талмуд 1938: 83–85). Саме такі уявлення про іудейські священні книги викладені у часописі греко-католицької конфесії тих часів. Про жидів Закарпаття загалом існує дослідження Алли Рейдер, де описано мемуари про переслідування окремих осіб у різні періоди. Таким спогадом, переважно про табірні часи, є спогад Юлія Ріхтера (Рейдер 2004: 91–95). Невеличка брошурка про жидівську спільноту в краї також належить Павлу-Роберту Магочію (Магочій 2005: 3–13). Дослідження спогадів жидів, котрим вдалося вийти в період після світових воєн з території сучасного Закарпаття, належать Ілані Розен (Rosen 2009: 2–10). Тут мова йде переважно про жидів – вихідців з Мукачева.

Справа про Берегівську синагогу в радянські часи охоплює період 1947–1981 рр. Справа нараховує 130 аркушів. Вона міститься у додатковому четвертому фонді уповноваженого в справі релігій при Раді Міністрів УРСР. До четвертого опису увійшли документи, які не були належно впорядковані в попередні періоди, проте містять відносно достовірну документальну інформацію. Ця мініколекція дозволяє на матеріалах радянських документів встановити історію співіснування держави та іудейських громад, зокрема на прикладі Берегівської синагоги.

На кожного члена керівного складу іудейської общини складено інформацію з наступними рубриками – прізвище, рік народження, місце проживання, праця, національність, громадянство і судимість. За цими ж параметрами подано дані про ревізійну комісію іудейської общини міста Берегово (ДАЗО 1947–1981с: 6).

Радянською державою видані офіційні довідки від 20 липня 1947 р.: про реєстрацію релігійної общини (ДАЗО 1947–1981с: 8); керівний склад і ревізійну комісію, з переліком відповідних осіб (ДАЗО 1947–1981с: 10) та власне посвідка безпосередньо равину Адлеру Хескелу (ДАЗО 1947–1981с: 12). Тобто влада повністю контролювала релігійну спільноту з часу реєстрації, надаючи дозвіл на заснування. Підтвердженням тому є анкета, яка власноруч заповнялася равином (ДАЗО 1947–1981с: 13). На аркушах 15–16 подано інвентарний опис синагоги. Цікаво, що в синагозі містилися 12 богослужбових книг – Талмуд, Мишнаеш, Химиш Торас Мозе, Ихуша, переважно кінця XIX – початку XX ст.: львівських, варшавських, мукачівських видань (ДАЗО

1947–1981с: 15). Таким чином, синагога містила всі необхідні книги для здійснення релігійних відправ.

З облікової картки на релігійну громаду зрозуміло, що Берегівська синагога зареєстрована уповноваженим 20 липня 1947 р. у м. Берегово по вул. Сталіна, 7. За іншими даними, синагога збудована з цегли у 1883 р. квадратура приміщення становила 300 м. кв. Юридичний статус синагоги визначався як націоналізована, з договором оренди громадою від міськвиконкому. Окремим пунктом вказано, що споруда не належить до пам'яток архітектури, а найближча зареєстрована синагога знаходиться в Ужгороді, за 65 км. Вказано також, що кантора на постійній основі не існує, як і рабина, котрий здійснює обряд обрізання^{2,3}. Рабина наймає релігійна община. Цікаво, що в графі служителя культу стоїть Адлер Хескель Каганович, 1911 р. народження, в той же час зверху дописано Маркович Зігмунд Мартонович, 1909 р. народження. Під графою дописано, що закінчив 6 класів народної школи і школу талмудистів (ДАЗО 1947–1981с: 1–2). Однак, не зрозуміло, котрої особи стосується остання інформація – Адлер Хескель Каганович чи Зігмунд Маркович Мартонович. Можна припустити, інформація про навчання стосується Адлер Хескель Каганович, бо прізвище Зігмунд Маркович Мартонович дописано пізніше. Насправді дані про освіту в обліковій картці, судячи з автобіографії Зігмуンда Марковича, біжжі саме останньому – він згадує про 4-річне навчання в народній школі та пізніше навчання в рabinській школі в Хусті (ДАЗО 1947–1981с: 22). Тобто інформація про релігійну спільноту не завжди відповідала дійсності, принаймні в документах є серйозні суперечності. Інтригу вносиТЬ і той факт, що у графі про чисельність вірників в несвяткові дні вказано 40–50 осіб, а на свята – 200–300 (ДАЗО 1947–1981с: 1–2).

Варто наголосити, що дозвіл на створення громади 20 липня 1947 р. був наданий на прохання общини. Під заявою про реєстрацію підписалися 21 особа (серед них: Мошкович, Кербер, Яковович, Іцкович, Фукс, Штайнер, Фрілман, Маркович, Тодрис і ін.) (ДАЗО 1947–1981с: 4). Загалом радянська влада мала досить детальну інформацію про членів юдейської релігійної громади в Берегові. У справі міститься детальна статистична характеристика 21 члена релігійної громади юдеїв м. Берегово. У гендерному співвідношенні це були виключно чоловіки. За класичним розумінням це сприймалося як церковна двадцятка – керівний орган громади (ДАЗО 1947–1981с: 5). З наведених даних можна довідатися не лише прізвища, місце проживання та рік народження, але й громадянство, зайнятість і навіть інформацію про судимість. За цими даними не важко встановити, що станом на 1947 р. середній вік громади становив 35–37 років.

Найстаршим членом громади був Абрагам Штейнберг, 1899 р. народження, а наймолодшим – Адалб Гелбман, що народився у 1925 р. Таким чином, станом на 1947 р., найстаршому представнику громади було 48 років, а наймолодшому – 22. Тобто за віковими даними найбільш активні члени іудейської громади Берегова були відносно молодими (ДАЗО 1947–1981с: 5).

Станом на 1947 р. більшість членів іудейської громади в Берегові були зайняті в сфері обслуговування (табл. 1). Серед виробничих професій згадуються лише три – сапожник (Ігнат Мошкович), столяр (Філеп Юнгер) і робочий (Людвик Тодри). Поряд з цим, невиробнича зайнятість у випадку досліджуваної громади, не завжди була престижною. Серед невиробничих професій були й звичайні – візник (Александр Якобович), «газетяр» (Давид Кербер), офіціант (Нандор Вайс), продавці води (Бурех Адлер, Абрагам Штейнберг) тощо; в той же час, члени громади займали й престижні посади – завідувачі магазинів (Людвік Голлендер, Мартон Лебович, Якоб Маркович), заготівельники (Адальберт Голлендер, Дезидер Фукс), інспектор (Людвік Сабов). Для прикладу, професія заготівельника в СРСР була чи не найважливішою у Міністерстві сільського господарства УРСР, адже окрім часових термінів, коли необхідно купляти від населення переважно сільськогосподарську продукцію, потрібно розбиратись в якості товарів та вміти збувати вторинну сировину в пункти прийому тощо.

Т а б л и ц я 1

**Трудова зайнятість активної частини представників іудейської громади
м. Берегова станом на 1947 р. (ДАЗО 1947–1981с: 5).**

Зайнятість №	Загальна кількість	Виробнича сфера	Невиробнича сфера	В т. ч. торгівля
1	21	3	18	17
2	100%	14,3	85,7	81

Після кількох місяців реєстрації релігійної спільноти, виникли проблеми для громади – міська влада повідомленням від 11 жовтня 1947 р. вимагала здійснити ремонт культової споруди протягом року під загрозою заборони проводити відправи релігійних обрядів, хоча вказувалася адреса синагоги як пл. Героїв, але судячи з інших документів мова йшла про ту саму синагогу збудовану 1883 р. Оскільки синагога продовжувала діяти, то навряд чи можна звинувачувати радянську владу в адміністративному тиску на громаду в цей час. Швидше за все, ремонт і справді був нагальним та був проведений в зазначеній термін. Проте це можна розцінювати, до певної міри, і як

тиск, позаяк у тексті присутнє попередження про відповідні терміни, протягом яких необхідно провести ремонт.

Цікавим, майже детективним епізодом, був лист-відповідь равина Хаскела Адлера від 18 травня 1950 р., на запит від 15 травня 1950 р., до уповноваженого в справах культів по Закарпатській області М. Распут'ко, де подано загальні відомості про синагогу, вказано між тим, що він не є равином вказаної Берегівської синагоги, а лише культовий різник курей у громаді, при цьому згадує, що не закінчував рабинської школи (ДАЗО 1947–1981с: 19). Знаково, що в анкеті Хаскела Адлера під час реєстрації громади, жодним чином не згадано його навчання у школі талмудистів (ДАЗО 1947–1981с: 13).

Причиною того, що в облікову картку було дописано прізвище Зігмунда Мартоновича Марковича як рабина, може слугувати заява Хескел Адлера Кагановича на ім'я уповноваженого в справі релігій при РМ УРСР по Закарпатській області С. Ляміну-Агафонову від 30 травня 1951 р. Тут він пише про те, що фактично не виконував функцію рабина протягом усього часу функціонування громади (тобто протягом 1947–1951 рр.), а займав цю посаду лише формально, насправді основним місцем роботи було «Главутильські» Мукачівської міжокружної контори. При цьому до заяви додано довідку Уповноваженого, котра підтверджує його статус равина станом на 1947 р. (ДАЗО 1947–1981с: 20).

13 липня 1951 р. серед вхідної документації уповноваженого в справах релігій при РМ УРСР по Закарпатській області, був надісланий лист Александра Шварца, голови цдейської громади в м. Берегові. В листі, зокрема, йшлося про те, що Хескель Адлер займав посаду равина до 1 липня 1951 р., після чого равином було обрано Зігмунда Мартоновича Марковича. Подані також його паспортні дані та адреса. Процедурно він проходив стандартну процедуру реєстрації – подавав автобіографію (ДАЗО 1947–1981с: 22) і отримував офіційну довідку служителя культу від держави (ДАЗО 1947–1981с: 23). Тут же Александром Шварцом вказано, що Хескель Адлер, протягом часу, займаної ним посади, отримував платню, хоч останній в заяві вказує, що не виконував посадові обов'язки (ДАЗО 1947–1981с: 21). Саме тому, пізніше, до облікової картки було дописано дані Зігмунда Мартоновича Марковича, якого обрали равином лише у 1951 р. Документи непрямо вказують на те, що громада, можливо, існувала формально, регулярно не здійснюючи культових обрядів. Це цілком вірогідно, зважаючи на значне зменшення (подекуди вдвічі) чисельності цдеїв в краї після Голокосту.

Досить неочікуваним був проект рішення за 1951 р. з ініціативи виконкому обласної Ради, за яким синагогу мали передати під об-

ласний архів. Схоже заключення про відчуження будинку синагоги в м. Берегово по вул. Сталіна, 7, на користь обласного архіву, подає і уповноважений в справах релігійних культів по Закарпатській області (ДАЗО 1947–1981с: 25), проте на обидвох документах відсутні підписи І. Туряниці та М. Распут'ка відповідно. Можливо ця ідея так і залишилася ще одним незавершеним «проектом» радянської влади проти духовності. Судячи з подальших подій це було саме так.

Цікаво, що 25 лютого 1953 р. подана скарга голови релігійної громади Александра Шварца про неприйнятність нового приміщення синагоги (ДАЗО 1947–1981с: 27). Але уже 26 лютого 1953 р. громада відмовилася від будинку синагоги по вул. Леніна, 1 через неможливість здійснити там ремонтні роботи, натомість прохаючи надати комунальний будинок по вул. Октябрської Революції, 11, за підписом того ж голови громади Александра Шварца (ДАЗО 1947–1981с: 26). І справді, берегівський виконком, рішенням від 20 квітня 1953 р. передав громаді приміщення по вул. Октябрської Революції, 11 (ДАЗО 1947–1981с: 30). Однак, уже рішенням від 12 травня 1953 р. виконком вирішує передати не будову по вул. Октябрської Революції, 11, а приміщення під № 6 по тій же вулиці (ДАЗО 1947–1981с: 32). Тобто влада чинила адміністративні перешкоди для юдейської громади, надаючи максимально незручні побутові умови для здійснення релігійних обрядів.

Згідно витягу з протоколу Ради в справах релігійних культів від 18 серпня 1958 р., велику синагогу по вул. І. Франка (вміщувала до 1 000 осіб) намагалися закрити і використовувати під культурні цілі, в той же час надати громаді молитовну синагогу по вул. Стahanова, 2 (ДАЗО 1947–1981с: 33, 36). Цікаво, що в заключенні уповноваженого однією з причин передачі великої синагоги у центрі міста, вказувалася необхідність спорудження пам'ятника В. Леніну. Таким чином, замість синагоги і відправи релігійних обрядів мав з'явитись пам'ятник радянському вождю В. Леніну, котрий повинен був стати, очевидно, предметом поклоніння не лише для юдеїв Берегова, але і для представників інших конфесій.

За перепискою між юдейською общину і апаратом уповноваженого можна встановити, що лідером общини був Гелбман Мойзес Давидович (ДАЗО 1947–1981с: 47). Справка про офіційну державну реєстрацію синагоги по вул. Стahanова, 6 датується лише 15 листопада 1965 р. (ДАЗО 1947–1981с: 68). У цьому ж році Гелбман Мойзес Давидович інформував уповноваженого про присутність на святі Пасха 450 віруючих, при цьому синагога вміщувала 350 осіб (ДАЗО 1947–1981с: 72). Тобто, насправді влада не враховувала святкові дні,

алише повсякденні богослужіння, обмежуючи простір для здійснення релігійних відправ (табл. 2).

Надалі голову громади обирали досить часто, про що свідчать протоколи зборів громади: 1965 р. головою громади обрано Адлер Бурех Самулович (ДАЗО 1947–1981с: 73), 1969 р. – Браун Ернест Самулович (ДАЗО 1947–1981с: 78), 1971 р. – Юнгер Федор Германович (ДАЗО 1947–1981с: 82), 1972 р. – Іцкович Людвиг Ігнатович (ДАЗО 1947–1981с: 85), 1974 р., 1976 р. – Клейн Ігнат Германовича (ДАЗО 1947–1981с: 90, 95), 1978 р. – Вайс Золтан Гершкович (ДАЗО 1947–1981с: 102).

Таблиця 2

Чисельний склад та фінансовий стан іудейської громади в м. Берегово за 1947–1988 рр. (ДАЗО 1947–1981с: 19, 72, 121–122; ДАЗО 1961а: 1; ДАЗО 1980в: 1, 3).

Рік Показник	1947	1961	1965	1977	1980	1988
Чисельність громади, осіб	200–300	350	450	–	35	–
Фінансові надходження, руб.	–	7 140	1 040	593	300	110

У 1960 р. Берегівська синагога не була найприбутковішою, отримавши 7 140 руб. прибутку, порівняно, наприклад, з Хустською – 8 895 та Ужгородською – 560 відповідно. У 1961 р. Берегівська синагога уже стала найприбутковішою, отримавши 1 041 руб. прибутку, порівняно з Хустською – 738 руб. та Ужгородською – 545 руб. (ДАЗО 1961а: 1).

Таким чином, у фондах Державного архіву Закарпатської області міститься окрема справа з історії іудеїв міста Берегово, де документально висвітлено основні етапи існування громади у радянський період. Навіть за складних умов існування культів в умовах УРСР іудейська громада продовжувала функціонувати, розвиватися, незважаючи на адміністративні втручання і контроль з боку радянської влади.

Загалом документи цікаві тим, що свідчать про тотальний адміністративний контроль радянської влади за іудейською громадою та періодичне втручання в її життєдіяльність. Незважаючи на те, що документи створені і збережені радянською владою, вони розкривають адміністративне втручання і контроль влади за іудейською спільнотою на Закарпатті, що можемо спостерігати на прикладі громади Берегівської синагоги.

ПРИМЕЧАНИЯ

Слово «жиди» пішло з латинського «*judaeus*», що в свою чергу походило від гебрейського відповідника «юда», що мало загальне значення «славетний» чи «хвалений». Староєврейською «*Yehudi*» (звідси – Юдея) в грецькій вимові звучало «*Judaios*» (жид), звідси походить латинська версія лат. *Judeus*. Термін жид поширений у Східній Галичині значною мірою через літературні норми польської мови – пол. Żyd, (нім. Jude) (Жид).

Кантор – людина, що веде богослужіння у синагозі, головний співак при такому богослужінні (Кантор).

Равин (від арам. *רָבִּי* рабін, грец. *ραββίνος*; івр. *רָבִּי* рав; ідиш. *רבּ*, – перед власним іменем *הַרָּבִּי*) – в іудаїзмі учене звання, котре означає кваліфікацію в тлумаченні Торы и Талмуда. Присвоюється після отримання іудейської релігійної освіти; дає право очолювати общину, навчати в ієшиві і бути членом релігійного суду (бейт дін). Уникаючи загальних уялень, равин не є священнослужителем.

ЛІТЕРАТУРА

ДАЗО 1961а - Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. Р-1490. уповноважений Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР по Закарпатській області. Оп. 4д. Спр. 49. Відомості про діяльність іудейських об'єднань за 1961 р А. 4.

ДАЗО 1980в - Державний архів Закарпатської області. Ф. Р-1490. уповноважений Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР по Закарпатській області. Оп. 4д. Д. 66. Статистичні звіти міськвиконкомів про діяльність релігійних громад іудейської церкви за 1980. А. 3.

ДАЗО 1947–1981с - Державний архів Закарпатської області. Ф. Р-1490. уповноважений Ради у справах релігій при Раді Міністрів УРСР по Закарпатській області. Оп. 4 д. Спр. 100. Документи про реєстрацію іудейської релігійної громади в м Берегово (довідки списки, протоколи) за 1947–1981 рр. Л. 130.

Жид - Жид. URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B8%D0%B4> (останній перегляд: 12 жовтня 2015 р.).

Жиди і їх Талмуд 1938 - Жиди і їх Талмуд або чому не люблять жидів? // Календар Благовісника на рік 1938 / Відп. ред. о. С. С. ЧСВВ. Рік 12. С. 83–85.

Кантор - Кантор. URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80> (останній перегляд: 12 жовтня 2015 р.).

Книш З. 1984 - Книш З. «Євреї» чи «жиди». Торонто: Срібна Сурма, 1984. 59 с.

Магочай 2005 - Магочай П.-Р. Євреї на Закарпатті. Короткий історичний нарис. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2005. С. 3–13.

Рабин - Рабин. URL: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%80%D0%B1%D0%8B%D0%BD> (останній перегляд: 12 жовтня 2015 р.).

Рейдер 2004 - Рейдер А. Єврейська громада Закарпаття ХХ століття: події, долі, документи / Відп. ред. Анна Рейдер. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2004. 190 с.

Rosen 2009 - Rosen I. Exile and Homeland, and Milieu in the Oral Lore of Carpatho-Russian Jews // Comparative Literature and Culture. March 2009. Vol. 11, iss. 1. Article 9. P. 2–10.

REFERENCES

State Archives of Transcarpathian region (DAZO). (1961) *Upovnovazheniy Radi u spravakh religiy pri Radi Ministriv URSR po Zakarpats'kiy oblasti. Vidomosti pro diyal'nist'iudeys'kikh ob'ednan'za 1961 r* A. 4. [The Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Transcarpathian region. Information on the activities of the Jewish organizations for 1961 A. 4] Fund R-1490. List 4d. File 49.

State Archives of Transcarpathian region (DAZO). (1980) *Upovnovazheniy Radi u spravakh religiy pri Radi Ministriv URSR po Zakarpats'kiy oblasti. Statistichni zviti mis'kvikonkomiv pro diyal'nist'religiynikh gromad iudeys'koi tserkvi za 1980.* A. 3. [The Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Transcarpathian region. Statistical reports on the activities of executive committees of the Jewish religious community church for 1980. P. 3]. Fund R-1490. List 4d. File 66.

State Archives of Transcarpathian region (DAZO). (1981) *Upovnovazheniy Radi u spravakh religiy pri Radi Ministriv URSR po Zakarpats'kiy oblasti. Dokumenti pro reestratsiyu iudeys'koi religiynoi gromadi v m Beregovo (dovidki spiski, protokoli) za 1947–1981 rr.* [The Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Transcarpathian region. Documents of the registration of Jewish religious communities in Beregovoy in 1947–1981 (reference lists, protocols)]. Fund R-1490. List 4 d. File 100.

Uk.wikipedia.org. (n.d.) *Zhid* [Yid]. [Online] Available from: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%8B%D0%80> (Accessed: 12th October 2015).

Anon. (1938) *Zhidi i ikh Talmud abo chomu ne lyublyat'zhidiv?* [Jews and the Talmud or why they do not like Jews?]. In: S.S. OSBM (ed.) *Kalendar Blagovisnika na rik 1938* [Evangelist Calendar for 1938]. pp. 83-85.

Uk.wikipedia.org. (n.d.) *Kantor*. [Online] Available from: <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%80%D0%BD%D1%82%D0%BE%D1%80> (Accessed: 12th October 2015).

Knish, Z. (1984) “*Evrei*” chi “*zhidi*” [“Jews” or “Yids”]. Toronto: Sribna Surma.

Magochiy, P.-R. (2005) *Evreii na Zakarpatti. Korotkiy istorichniy naris* [Jews in Transcarpathia. A brief historical sketch]. Uzhgorod: Vidavnitstvo V. Padyaka. pp. 3-13.

Uk.wikipedia.org. (n.d.) *Rabyn*. [Online] Available from: <https://uk.wikipedia.org/>

org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0% B1%D0%B8%D0%BD (Accessed: 12th October 2015).

Reyder, A. (ed.) (2004) *Evreys'ka gromada Zakarpattyia XX stolittya: podii, doli, dokumenti* [The Jewish community of Transcarpathia in the twentieth century: Events, fate, documents]. Uzhgorod: Vidavnitstvo V. Padyaka.

Rosen, I. (2009) Exile and Homeland, and Milieu in the Oral Lore of Carpatho-Russian Jews. *Comparative Literature and Culture*. 11(1). pp. 2-10.

Кичера Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Ужгород, Украина).

Кічера Віктор Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Ужгород, Україна).

Kichera Victor – Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine).

E-mail: vkichera@ukr.net

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2016, № 1 (43)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 320 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 30.03.2016. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 41.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2016 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

РУСЬ

Исидор Пасечинский

Ой, не раз нам говорили
Наши вороженьки,
Що они нам опекуны
Щиры, солоденьки.

А мы знаем их опеку
Уже не от ныне,
Они беды наварили
Всей нашей родине.

Огородись, Русь святая,
Твердою скалою,
Бо тебе чуже поводье
Забере з собою.

Свои рады б заменити
Русь на Украину,
Хотели бы нас убрати
В ляцку кринилину.

Но если Русь Русью звется
Тысячу лет з ряду,
То та назва для нас в славу,
А не на заваду.

Исидор Романович Пасечинский (1853-1903) родился в семье униатского священника, настоятеля прихода в Красном Турчанского уезда в бойковских Карпатах. Поэт-лирик, песни которого отличаются искренностью. Духом патриотизма проникнута поэма «Бесталанный» (Коломыя, 1872) и глубокой грустью - «Думка на похоронах сестрицы» (1871). И.Р.Пасечинский писал рассказы, собирал материалы по народной словесности среди бойков между Ломницей и Сяном в Турчанском, Старосамборском и Стрыйском уездах: «Приповедки, небылицы, банялюки для забавы и науки». Составил «Словарец бойковско-русских слов». Некоторые его стихи и статьи появлялись под псевдонимом Сидор Бойко. Печатались они в «Слове», «Временнике», «Проломе», «Русской Раде», «Галичанине» и в других галицких изданиях.

Источник: Ваврик В.Р. Крестьяне - поэты. Лувен, 1973. С. 17-18, 22.

РУСЬ